

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

АКАДЕМИК
Б.Я.ВЛАДИМИРЦОВ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ МОНГОЛОВ

МОНГОЛЬСКИЙ
КОЧЕВОЙ
ФЕОДАЛИЗМ

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИК
Б. Я. ВЛАДИМИРЦОВ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ МОНГОЛОВ

МОНГОЛЬСКИЙ КОЧЕВОЙ ФЕОДАЛИЗМ

Июнь 1934 г.

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Непременный секретарь академик *В. Волин*

Редактор издания *Л. Н. Владимирцова*

Технический редактор *А. Д. Покровский*. — Ученый корректор *С. М. Шнейдер*

Сдано в набор 20 ноября 1933 г. — Подписано к печати 27 июня 1934 г.

Формат бум. 72×110 см. — 14³/₄ печ. л. — 50 956 печ. зн. — Тираж 3175
Ленгорлит № 3959 — АНИ № 336. — Заказ № 2152

Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия, 12

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	V
Список научных трудов академика Б. Я. Владимирцова	IX
Введение. Обзор источников и пособий	1
I. Общие замечания	—
II. О транскрипции монгольских и других восточных слов и условных обозначениях	4
III. Источники и пособия	5
1. Древний период (XI—XIII вв.). — Начало феодализма	—
2. Средний период (XIV—XVII вв.). — Расцвет феодализма	13
3. Новый период (XVIII—XIX вв., начало XX в.). — Разложение феодализма	26
Глава первая. Общественный строй монголов в древности (XI—XIII вв.). — Начало феодализма	33
I. Хозяйство древних монголов. — Лес и степь	—
II. Родовой строй древнего монгольского общества	46
1. Род	—
2. Сочетания родов и дифференциация родового общества	59
III. Феодальные отношения	87
1. Дружинники	—
2. Вассалитет	96
3. Основы феодализма	110
Глава вторая. Общественный строй монголов в средний период (XIV—XVII вв.). Расцвет феодализма	123
I. Монголы в средний период, их хозяйство	—
II. Отоки и туманы	130
III. Феодалы	138
IV. Феодальные войны	147
V. Хаган и тайджи	153
VI. Феодальный режим	158
1. Низшие классы	—
2. Класс феодалов	173
Глава третья. Общественный строй монголов в новый период (с конца XVII, начала XVIII вв.)	189
Приложения:	
Библиография	
1. Перечень источников на монгольском языке	197
2. Список источников и пособий на иностранных языках	—
3. Список источников и пособий на русском языке	200
Указатели	
1. Указатель географических названий	208
2. Указатель названий монгольских племен, ветвей, родов, поколений, кланов, отоков	209
3. Указатель имен собственных	210
4. Указатель монгольских терминов, данных в транскрипции	215
5. Предметный указатель	219

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АН — Академия Наук СССР.
ВОРАО — Восточное отделение Русского археологического общества.
ДАН-В — Доклады Академии Наук СССР, серия В.
ЗКВ — Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии Наук СССР.
ИАН — Известия Академии Наук СССР.
ИРАН — Известия Российской Академии Наук.
ЛВИ — Ленинградский Восточный институт им. Енукидзе.
МАЭ — Музей антропологии и этнографии Академии Наук СССР.
МОНК — Комиссия по изучению Монгольской и Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР.
РАО — Русское археологическое общество.
РГО — Русское географическое общество.
JA — Journal Asiatique.
-

ПРЕДИСЛОВИЕ

Немногие понимают, какого труда и какого напряжения стоит написать такую книгу...

Слова автора

17 августа 1931 г. скоропостижно скончался Борис Яковлевич Владимирцов. 19-го, у гроба в Академии Наук, академик Н. Я. Марр в своей горячей речи ставит вопрос — своевременна ли эта смерть? Ни слова не скажу здесь, как близкий человек; буду говорить только, как ближайший свидетель трудов Бориса Яковлевича.

Не было еще ни сил, ни возможностей заняться его дневниками и записями, но из беглого просмотра видно, что Борис Яковлевич принадлежал к счастливым натурам: он рано нашел себя, он рано узнал свое место в жизни, свое дело, свое назначение. Уже на школьной скамье он хочет быть ученым, гимназистом он занимается естественными науками, с микроскопом он серьезно работает по ботанике и зоологии.

Никогда не был Борис Яковлевич глух к жизни. Вспыхнула война с Японией, всеобщее внимание обращено на Восток, и Борис Яковлевич решает заняться Японией; он поступает на восточный факультет Петербургского университета, но отсутствие специального японского отделения, с одной стороны, и наличие на монгольском таких руководителей, как проф. В. А. Котвич и А. Д. Руднев, с другой — делают Бориса Яковлевича монголистом. С этого момента нет уже ни колебаний, ни сомнений: путь ясен. Дневники пестрят одним и тем же — взять на учет свое время, следить за собой, успеть больше сделать.

Борис Яковлевич — монголист, лингвист, филолог и историк. Сергей Федорович Ольденбург в своем некрологе (Известия Академии Наук СССР, Отделение общественных наук, 1932, № 8, стр. 668) пишет: „Если спросить, чем был более всего Борис Яковлевич, как специалист-монголовед, то правильное всего было бы, вероятно, ответить, что он прежде всего был историком“. Трудно ответить, чем он больше был. В 1929 г. Борис Яковлевич выпускает „Сравнительную грамматику монгольского письменного языка и халхаского наречия“. Ч. 1. Введение. Фонетика. На очереди ч. 2 — Морфология и ч. 3 — Синтаксис.

Давно еще, в 1910 г., в дневнике есть запись о том, что необходимо дать историю монголов, обрисовать их общественный строй. В связи

с широким интересом к социологии и в виду актуальности вопроса Борис Яковлевич изменяет план своих работ. Вместо морфологии и синтаксиса он с января 1930 г. занимается общественным строем монголов. Занятия эти, чтение памятников письменности, дают богатый материал для будущих частей грамматики; многое неясное делается понятным.

Самая книга — „Общественный строй монголов“ — совсем готова, все продумано, все построено. Готовы все три части, вопрос только в двух неделях для написания 3-й части. Обладая необыкновенной памятью, Борис Яковлевич делал только небольшие заметки — никаких черновиков. Упорно и много работая, собирая материал, продумывая долго, он писал быстро. Часть 3-я к 1 сентября должна быть окончена; чувствуя усталость после полуторагодового усиленного труда, Борис Яковлевич надеется с 1 по 15 сентября отдохнуть с тем, чтобы снова работать над грамматикой, а впереди еще и еще работы. Борис Яковлевич думает о монгольском словаре, но словаре не только практическом, а большом, достойном заменить классические, но устаревшие словари Ковалевского и Голстунского.

Занятия по своим дневникам для 3-й части „Общественного строя монголов“ наталкивают Бориса Яковлевича на мысль — дать дневники в виде мемуаров, литературно обработать их для более широких кругов читателей. План уже готов, а знавшим Бориса Яковлевича известно, что у него было не только большое знание литературы европейской, русской дореволюционной и послереволюционной, но и большой литературный вкус. Разнообразие интересов Бориса Яковлевича совсем не было разбрасыванием или поверхностным переходом от одной темы к другой. Хотел Борис Яковлевич написать еще монографию о монголисте Ковалевском. И все эти планы — не только планы: материал уже накоплен, все это — дело 3-х, 4-х ближайших лет, если бы хватило сил.

Много работы в монголоведении, так мало еще сделано, особенно в области изучения памятников письменности, предстоит исследование и издание текстов. Готовы *Halxa jirum* и *Subhāshitaratnanidhi*, уже переписаны, а остальные в связи с работой над „Общественным строем монголов“ продуманы, проработаны: ведь одного Санан-Сецена пришлось читать семь раз. Только бы время, силы для науки есть; 16 августа, смертельно больной, он находит силы и пишет часть 3-ю „Общественного строя монголов“. Борис Яковлевич имел привычку утром кратко в 2—3 строках записывать о том, что было накануне: это все то же — „следить за собой“. 17 августа запись: „болела голова, писал“; это последнее, что написал Борис Яковлевич.

В конце июля или начале августа Борис Яковлевич передал права на издание книги Ленинградскому Восточному институту имени Енукидзе, 2 части были сданы. В связи со сменой ректоров, рукопись год лежала без движения; осенью 1932 г. возобновились переговоры о пересмотре контракта. Одновременно Сергей Федорович Ольденбург, по поручению

от Академии Наук, предложил печатать в изданиях Академии. После переговоров с новым ректором Ленинградского Восточного института М. Н. Амагаевым, который высказал мнение, что печатать надо там, где скорее сделают это, я передала рукопись в Издательство Академии Наук. Весь труд по изданию рукописи я взяла на себя так, как это было бы и при Борисе Яковлевиче. Сергей Федорович Ольденбург обещал помогать советами. За 10 дней до смерти, 16 февраля, сохраняя интерес и к жизни, и к науке, он убеждал меня оставить ему корректуру. Корректуру я не оставила, но заручилась его согласием дать в этой книге список трудов Бориса Яковлевича, составленный Сергеем Федоровичем для упомянутого некролога.

Кроме покойного Сергея Федоровича, за интерес и внимание к рукописи я благодарна профессору Пеллио и друзьям Бориса Яковлевича, академикам И. Ю. Крачковскому и В. М. Алексееву.

За просмотр последней корректуры благодарю профессоров — монголиста Н. Н. Поппе и турколога Н. К. Дмитриева.

Оговоркой о том, что вышеназванные лица по условиям печатания могли просмотреть последнюю корректуру в короткий срок, я хочу избавить их от упрека в возможных упущениях.

Глубокую благодарность приношу Ц. Ж. Жамцарано за занятия в 1933 г. со мной монгольским языком.

Сожалею, что те же условия печатания не позволили мне показать корректуру другу Бориса Яковлевича, Федору Александровичу Розенбергу и некоторым ученикам Бориса Яковлевича, интересы которых примыкают к затронутым в книге темам.

Больше всего Борис Яковлевич любил науку, ценил больше всего творчество. Окончу словами своими, — мыслями, возможно, самого Бориса Яковлевича: пусть эта книга послужит материалом не только для критики, но и для творческой научной работы в области истории монголов.

Ленинград
17 мая 1934 г.

Лидия Владимировна

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ АКАДЕМИКА Б. Я. ВЛАДИМИРЦОВА

Принятые в списке сокращения: 1) ВЗ — Восточные записки; 2) ДАН-В — Доклады Академии Наук СССР; 3) ЖС — Живая старина; 4) ЗВОИРАО — Записки Восточного отделения имп. Русского археологического общества; 5) ЗКВ — Записки Коллегии востоковедов; 6) ИАН — Известия Академии Наук СССР; 7) ИРГО — Известия Русского географического общества; 8) ИРКИСВА — Известия Русского комитета для исследования Средней и Восточной Азии; 9) ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft; 10) ЯС — Яфетический сборник. — Сокращенное слово *Рец.*, напечатанное курсивом, обозначает, что за ним следуют названия рецензий, данных на соответственный труд акад. Владимирцова.

1909. Легенда о происхождении дэрбятских князей. ЖС, XVIII, вып. II—III, стр. 35—37.
Новый труд по монгольской народной литературе Ц. Ж. Жамцарано и А. Д. Руднева: „Образцы монгольской народной литературы“, вып. I (1908), ЖС, XVIII, вып. IV, 89—94.
Отчет о командировке к дэрбатам Кобдинского округа летом 1908 г. ИРКИСВА, № 9, 47—60 [Использован у А. Д. Руднева, Материалы по говорам В. Монголии, стр. XIV—XV.]
Этнографические мелочи из жизни кобдоских дэрбатов. ЖС, XVIII, вып. IV, 97—98.
1910. Этнографические мелочи из жизни монголов. I. Водка. II. Табак. ЖС, XIX, вып. I—II, 172—175.
1911. Поездка к Кобдоским дэрбатам летом 1908 г. ИРГО, XLVI (1911: за 1910), 323—355.
[Использовано Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. I; см. Указатель.]
Турецкие элементы в монгольском языке, СПб., 1911. I. ЗВОРАО, XX, 153—184.
[Обзор в статье G. Németh „Die türkisch-mongolische Hypothese“, ZDMG, 1912, LXVI, 558—559.]
Объяснения к карте С.-З. Монголии, составленной монголами. ИРГО, XLVII, 491—494 (и карта).
1912. Отчет о командировке к баитам Кобдоского округа. СПб., 1912, ИРКИСВА, № 11, сер. II, 1912, 100—104.
Библиография монгольской сказки. СПб., 1912, ЖС, XXI, 521—528.
1916. О частицах отрицания при повелительном наклонении в монгольском языке, ИАН, 1916, 349—358. [Разобрано в статье G. J. Ramstedt „Die Verneinung in den altaischen Sprachen“, Mém. Soc. Finno-Oug., LII, 198—199.]
[и Самойлович, А. Н.] Турецкий народец Хотоны. ЗВОИРАО, XXIII, 265—290.
1917. Анонимный грузинский историк XIV в. о монгольском языке. ИАН, 1487—1501.
1918. Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Азиатский музей РАН от проф. А. Д. Руднева. Пгр., ИАН, 1549—1568.
1919. Буддизм в Тибете и Монголии. Лекция, читанная на первой буддийской выставке, СПб., 52 стр.
1920. [Краткое описание тибетских и монгольских собраний Азиатского музея Академии Наук.] Тибетский фонд. Монгольский фонд. Mongolica Polyglotta. „Азиатский

- музей Российской Академии Наук, 1818—1918. Краткая памятка". Пгр., 1920, стр. 74—86.
- Монгольская литература. Литература Востока. Вып. 2-й, изд. „Всемирная литература". СПб., 90—115.
1921. Монгольский сборник рассказов из *Paicatantra*. Пгр., отд. оттиск из сборника Музея антропологии и этнографии, т. V, 401—552. [Рец.: С. Ф. Ольденбург. Восток, I, 113—114; N. Porpe. *As. Maj.*, II, 179—182; P. Pelliot. *T'oung Pao*, 1923, 393—394.]
1922. Из лирики Миларайбы. Восток, I, 45—47.
- Чингис-хан. Берлин — Петербург — Москва, 1922. [Рец.: В. В. Бартольд, Восток, V, 251—256; N. Porpe. *As. Maj.*, 1924, 767—772; Н. Н. Козьмин, Жизнь Бурятии, № 9—12, 151—152. Имеются: французский перевод: *Les grandes figures de l'Orient*, Paris, 1926; английский перевод: *The Life of Chingis Khan* by Professor Wladimirtzov. Translated from the Russian by Prince D. S. Mirsky. London, 1930.]
1923. „Классики Востока". Восток, II, 137—141. [Рец. на пять томов серии: *Les classiques de l'Orient*. Collection publiée sous le patronage de l'Association des Amis de l'Orient et la direction de Victor Goloubew. Edition Bossard, Paris.]
- Индийские сказки. Восток, II, 156—158. [Рецензия на шесть сборников индийских сказок.]
- Рецензия на *Persian Tales written down for the first time in the original Kermāni and bakhtiāri and translated by S. O. Lorimer with illustrations by Hilda Roberts*. London, 1919; Восток, II, 158—159.
- Рецензия на: L. Finot. *Recherches sur la littérature Laotienne*. Bulletin de l'Ecole Française de l'Extrême Orient, XVII, № 3, 1917; Восток, II, 159.
- Рецензия на: *Sino-Iranica. Chinese contributions to the History of Civilization in Ancient Iran, with special reference to the history of cultivated plants and products* by Berthold Laufer. Field Museum of Natural History. Publication 201. Anthropolog. Series, XV, № 3. The Blackstone Expedition. Chicago, 1919; Восток, II, 159.
- Волшебный Мертвец. Перевод, вступительная статья и примечания. СПб.—М., MCMXXIII. [Рец.: N. Porpe, *As. Maj.*, I, 678.]
- Рецензия на: *Romances of Old Japan, rendered into English from Japanese Sources* by Madame Yukio Ozaki, London; Восток, II, 160.
- Тибетские театральные представления. Восток, III, 97—107. [Рец.: P. Pelliot. *T'oung Pao*, 1923, 392.]
- Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. Экспедиция Русского географического общества в Нагорной Азии П. К. Козлова 1907—1909. Госизд., М.—П., 1923; Восток III, 171—175.
- Монголо-ойратский героический эпос. Введение, перевод. П.—М., 1923. [Рец.: N. Porpe, *As. Maj.*, I, 679.]
- О двух смешанных языках Западной Монголии. ЯС, II, 32—52.
- Рассказ о волшебстве (перевод с монгольского). Восток, II, 55—57.
- Рецензия на: Этнографический бюллетень изд. Вост.-Сиб. отд. Русск. географ. общ. и газ. „Красный бурят-монгол", №№ 1 и 2, февр.; Восток, III, 182.
- Рецензия на *The Folk-literature of Bengal*, by Rai Saheb Dineshchandra Sen. B. A., with a foreward by W. R. Gourlay, published by the University of Calcutta, 1920; Восток, III, 187—188.
1924. [с Н. Н. Поппе]. Из области вокализма монголо-турецкого праязыка. ДАН-В, 33—35.
- О прозвище „*Dayan*"-*qa'ap* (Даян-хан). ДАН-В, 119—121.
- Остатки причастия настоящего времени в монгольском языке. ДАН-В, 55—56.
- Упоминание имени Теб-тенгри в монгольской письменности. ДАН-В, 116—117.
- „*Beuamini*" Марко Поло. ДАН-В, 118.

1925. И. Н. Березин — монголист. ЗКВ, I, 192—194.

Следы грамматического рода в монгольском языке. ДАН-В, 31—34.

Mongolica I. Об отношении монгольского языка к индо-европейским языкам Средней Азии. ЗКВ, I, 305—341. [Рец.: A. Unkrig. Anthropos, 1926; готовился немецкий перевод (1927).]

В Монголию. Вечерняя красная газета, 4 XII, № 293.

1926. О тибетско-монгольском словаре Li-çihi gur-khan. ДАН-В, 27—30.

Образцы монгольской народной словесности (Сев.-Зап. Монголия). Агр., изд. Ленинградского института живых восточных языков, № 11. (Предисловие и текст в транскрипции, XI + 202.)

Монгольский Данджур. ДАН-В, 31—34.

Об одном окончании множественного числа в монгольском языке. ДАН-В, 61—62.

Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи. ИАН, 1253—1280.

1927. То же [продолж.]. ИАН, 215—240.

Кастрен — монголист. Сборник памяти М. А. Кастрена. К 75-летию дня смерти. Изд. Академии Наук. Очерки по истории знаний, II. Агр., 87—92.

Б. Лауфер. Очерк монгольской литературы. Перевод В. А. Казакевича под редакцией и с предисловием Б. Я. Владимирцова. (АВИ, 20.) Агр. [Предисловие Б. Я. Владимирцова, стр., I—XXI.]

Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах Северная Монголия, II, 1—42. Агр.

Монгольские сказания об Амурсане. ВЗ, I, 271—282.

1929. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и калхаского наречия.

Введение и фонетика. (АВИ, 33) Агр., 1929.

A comparative grammar of the literary mongolian and of the Khalkha dialect. Introduction and Phonetics. (Publications of the Leningrad Oriental Institute, 33.) Leningrad (P. Gin 8^c) [Краткое изложение книги.]

По поводу древне-тюркского Ötüken yış. ДАН-В, 133—136.

Об одном слове, встречающемся в грамоте Иль-хана Arγun'a. ДАН-В, 152—153.

Географические имена орхонских надписей, сохранившиеся в монгольском. ДАН-В, 169—174.

Монгольское pökür. ДАН-В, 287—288.

Заметки к древнетюркским и старомонгольским текстам. ДАН-В, 289—296.

Bodhicaryāvatāra Śāntideva. Монгольский перевод Chos-kyi ḥod-zer'a. I. Bibl. Buddh. XXVIII.

1930. Монгольские титулы beki и begi. ДАН-В, 163—167.

Поправка к чтению монгольской надписи из Ердени-дзу. ДАН-В, 186—188.

Где пять халхаских поколений — Tabun otoγ Xaḥa. ДАН-В, 201—205.

Монгольское ongnīγud — феодальный термин и племенное название. ДАН-В, 218—223.

А. Я. Штернберг как лингвист. Очерки по истории знаний, VII. Памяти А. Я. Штернберга. Агр., 37—49.

Арабские слова в монгольском. ЗКВ, V, 73—82.

1931. Монгольские литературные языки (к латинизации монгольской и калмыцкой письменности), Зап. Инст. востоковедения Академии Наук, I, 1—17.

Монгольский международный алфавит XIII века. Культура и письменность Востока, М., X, 32—42.

Введение

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ПОСОБИЙ

I. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Как известно, монгольские племена в настоящее время живут на больших пространствах Азии и отчасти Европы, входя в состав разных политических объединений. Различны экономические, социальные и бытовые условия, в которых находятся современные монголы; наблюдаются отличия и в антропологическом отношении. И говорят они на многих наречиях и диалектах, в той или другой мере отличающихся друг от друга. Тем не менее, язык приходится считать наиболее показательным этнографическим признаком: монголами признаются те, для кого монгольский язык, вернее сказать, один из монгольских говоров, является родным.

Общественный строй монголов привлекал к себе некоторое внимание путешественников, этнографов, историков, исследователей обычного права, экономистов и политических деятелей. Тем не менее, необходимо отметить, что общественный строй даже главных племен исследован недостаточно и многое из сообщаемого подлежит проверке и пересмотру. Еще хуже дело обстоит в отношении прошлого.

Наблюдавшие общественную жизнь современных монголов отметили большое разнообразие в социальной структуре монгольских племен. Так, напр., указывалось, что халхасы, одно из больших монгольских племен, составляющее главную массу населения Монгольской Народной Республики, и монголы, обитающие в Южной Монголии, позабыли родовой строй и только частично сохранили память о некоторых родовых именах и родовых отношениях. Но вместе с тем было отмечено, что они имеют аристократию, связанную агнатным родовым принципом и придерживающуюся экзогамии. Вместе с тем можно наблюдать, как эта родовая аристократия быстро сошла со сцены в Монгольской республике в процессе событий, развернувшихся за последние годы в Северной Монголии, в процессе развития монгольской революции.

Относительно же ойратов, — западной ветви монгольского племени, — живущих на низовьях Волги, главным образом, в Калмыцкой Автономной Области, в Восточном Туркестане и в Западной Монголии, указывалось,

что у них родовой строй еще не изжит. Встречались ойратские племена, у которых родовая патриархальная агнатная община с экзогамией и культом, доступным только для родовичей, являлась основным социальным элементом.

С другой стороны, у некоторых ойратов наблюдается перенесение родовых имен на административные единицы и связанное с этим перенесение некоторых функций родового строя. Были отмечены также особенности родовых объединений у бурято-монголов.

Подобные сведения разбросаны по работам разных писателей, так или иначе сталкивавшихся с монголами. Необходимо отметить, что многое, сообщаемое в этом роде, не отличалось точностью и вводило порой в заблуждение не-ориенталистов, обращавшихся к исследованию той или другой стороны монгольской жизни.¹

Правда, в отношении некоторых монгольских племен, главным образом бурят, имеются исследования, но исследования эти касаются только отдельных вопросов общественного строя. Зато о монголах, обитающих на некоторых перифериях, нет никаких более или менее определенных сведений.

В настоящее время в текущей литературе можно часто встретить упоминания о монгольских феодалах; глухо говорится о феодализме вообще. Но встречаются и противоположные утверждения, а исследования в области истории монголов о нем молчат.

Синтеза общественного строя монголов нет. И как характеризовать этот строй, строй племен, огромное большинство которых являются номадами? К какой общественной формации отнести его?

Попытка разрешения этих вопросов, попытка исследования общественного строя монголов, рассматриваемого при этом в его эволюции, могла бы иметь не только специальный монголоведческий, но и обще-социологический интерес, в особенности в настоящее время, когда старая жизнь быстро уходит в прошлое, оставляя все-таки разные наследия новой.

Монголы — народ, давно уже появившийся на широкой исторической арене, проживший длинной, бурной исторической жизнью. Мировая империя монголов, возникшая в XIII в. при Чингис-хане, оказала влияние на жизнь почти всех стран Азии и отчасти Европы. Монгольские завоевания создали новые государственные объединения, в которых монгольский элемент оказывался некоторое время в главенствующем положении. Если в большинстве новых государств, возникших в процессе разложения монгольской империи, сами монголы исчезли, как этнографическая величина,

¹ Высказывалось, напр., суждение о том, что „владельческую“ аристократию у волжских ойратов-калмыков создало русское правительство (Костенков, Дуброва). Утверждали также, что, напр., у халхасов „земля является общественной собственностью, которой фактически распоряжаются хошуны“ (Майский, Калинин).

то они вошли в состав вновь сложившихся тюркских народностей, напр., казаков и узбеков.¹

А далее на восток, в горах и степях Монголии и Джунгарии, монголы сохранились² и продолжали свою „*histoire passionnante*“.

И с давних пор — в этом нет ничего удивительного — монголами заинтересовались, заинтересовались представители самых различных культурных народов Азии и Европы. Их писатели, историки и путешественники сообщили нам о прошлом монголов, сохранили их сказания и предания. Но кроме того, монголы говорят и сами, потому что их литературные произведения непрерывной цепью тянутся, начиная с XIII в. и до наших дней.

Принимая во внимание теперешнее состояние монгольского мира и данные о его прошлом, можно сделать попытку обрисовать эволюцию общественного строя монголов, тщательно обосновывая каждый шаг надлежащими текстами. В результате подобной попытки складывается убеждение, что феодализм оказывается самым основным явлением их общественной жизни. История монгольского кочевого феодализма и есть история общественного строя монголов. Ввиду наличия источников можно проследить его начало, его зарождение, развитие и расцвет, можно наблюдать затем его разложение и видеть в настоящее время, как он быстро сходит со сцены.

Настоящая работа и разделяется на три отдела. В первом отделе делается попытка обрисовать монгольское общество до образования империи Чингиса и в эпоху империи. Это XI, XII, XIII века, время зарождения кочевого феодализма. Второй отдел захватывает период от XIV до XVIII в., когда большинство монгольских племен попадает под сюзеренитет маньчжурских императоров: время расцвета феодализма. Наконец, третий отдел имеет дело с монгольским обществом двух последних столетий, — времени разложения и окончательного упадка кочевого феодализма.

Ввиду важности вопроса об источниках для подобного опыта исследования монгольского общественного строя — монгольского феодализма, работа начинается с обзора источников как монгольских, так и других,

¹ См. Aboul-Ghāzi, „Histoire des Mogols et des Tatares“ ... traduite ... par le Baron Desmaisons, St. Pétersbourg, 1874, p. 196; Абуль-Гази-Бохадур-хан, „Родословная туркмен“, перевод А. Туманского, Асхабад, 1897, стр. 69; Н. Ханьков, „Описание Бухарского ханства“, СПб., 1843, стр. 58 и след.; см. также Н. А. Аристов, „Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей“, „Живая Старина“, 1896, вып. III и IV, стр. 78—81, 84—90, 147. Наличие монгольского элемента подтверждается еще и лингвистическими данными. Многие монгольские племена, известные в эпоху Чингис-хана, до последнего времени упорно считаются тюркскими вслед за Н. Howorth'ом, несмотря на противоположные указания наших лучших источников, ср. В. В. Бартольд, „Туркестан в эпоху монгольского нашествия“, II, стр. 61.

² Как известно, монголы сохранились в Афганистане: афганские моголы (Аймак или Хазара), см. G. J. Ramstedt, „Mogholica. Beiträge zur Kenntniss der moghol-Sprache in Afghanistan“, Journal de la Soc. Finno-Ougr., XXIII, 4, p. I—III.

доступных автору, а также и пособий, т. е. различных сочинений, главным образом европейских, хотя бы в самой малой мере касавшихся жизни монгольского общества; компилятивные работы, за редким исключением, оставались в стороне. Источники и пособия распределены на те же группы, на какие разделяется дальнейшее изложение. Можно заметить при этом, что главное внимание обращено было на источники, потому что пособия, за очень редким исключением, представляют чрезвычайно мало материала для какого-либо построения в намеченной области.¹

II. О ТРАНСКРИПЦИИ МОНГОЛЬСКИХ И ДРУГИХ ВОСТОЧНЫХ СЛОВ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЯХ

В настоящей работе для транскрипции монгольских и других восточных слов употребляется несколько более упрощенная и облегченная транскрипция на основе латинского алфавита, чем та, которой пользуются в последнее время русские ориенталисты. Транскрипция эта, впрочем, вполне представляет монгольские письменные формы и формы живых наречий. При этом надо иметь в виду следующее:

g употребляется для обозначения монгольской буквы *ḡ*eth, служащей показателем звонкого взрывного велярного в начале слов и проточного велярного в других положениях (приблизительно соответствует русскому *г* в словах *год* и *благо*);²

x обозначает велярный глухой проточный (немного отличный только от русского *х*).³

j служит для обозначения аффриката *дж*; нужно отметить, что в ряде живых современных наречий, напр., в халхаском и ойратских говорах *j* произносится, как аффрикат *дз*; но перед *и* (*i*) всегда, как *дж*.⁴

c обозначает аффрикат *ч*; в некоторых современных наречиях, напр., в халхаском и ойратских говорах произносится как *ц*, но перед *и* (*i*) всегда, как *ч*.⁵

y служит для обозначения *yod*; это среднеязычный звонкий вроде русского звука, напр., в словах *яма*, *южный*.⁶

sh обозначает один звук *ш* и служит для транскрипции одной же монгольской буквы *ш*.⁷

z обозначает звук *з*.

¹ Ниже рассматриваются только те источники и пособия, которые содержат, хотя бы в малом размере, материал, непосредственно относящийся к намеченной теме. Поэтому многие сочинения, даже исторические, не упоминаются вовсе. Приходится также отметить, что о некоторых монгольских племенах нет почти никаких сведений, касающихся их социального строя, напр., о даурах в Манджурии, об афганских моголах, о монголах, живущих в Тибете, а также о некоторых других более мелких группах.

² См. Б. Владимирцов, „Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия“, изд. АВИ им. А. С. Енукидзе, № 33, 1929, стр. 60—61, 391—392.

³ Там же, стр. 60, 403—405.

⁴ Там же, стр. 62, 397—400.

⁵ Там же, стр. 62,

405—407.

⁶ Там же, стр. 59, 367—372.

⁷ Там же, стр. 59, 373—377.

Знак ' служит для обозначения hiatus между двумя гласными; следующий за ' гласный — долгий.¹

ng служит для передачи ng монгольского алфавита и обозначает велярный носовой смычный вроде немецкого, напр., в слове *lang*.²

Знаки h и ' служат для обозначения придыхания.³

Значок — обозначает долготу гласного, которая не ставится в случае, если долгому гласному предшествует '.

Остальные буквы и добавочные знаки достаточно ясны сами по себе. В живых монгольских наречиях, надо отметить, все недолгие гласные не первых слогов являются краткими, а в ойратских говорах сверхкраткими. Ударение падает на первый слог слова.

В отличие от слов восточных немногие латинские, французские и другие слова набраны курсивом.

= — параллельно, соответствует; ~ — или; < — образовался из.

III. ИСТОЧНИКИ И ПОСОБИЯ

1. ДРЕВНИЙ ПЕРИОД (XI—XIII вв.). — НАЧАЛО ФЕОДАЛИЗМА

А. Источники

Источников, из которых можно извлечь данные по общественному строю монголов древнего периода, т. е. XI—XII и XIII вв., когда монгольские племена появляются на исторической арене и когда возникает мировая империя монголов, довольно много; во всяком случае, их гораздо больше, и качественно они гораздо выше источников, относящихся к последующим эпохам.

Среди источников этих одно из первых мест занимает „Сборник летописей“ персидского писателя Рашид-ад-Дина, — труд законченный в начале XIV в. Это замечательное произведение „представляло собою огромную историческую энциклопедию, какой в средние века не было ни у одного народа ни в Азии, ни в Европе“;⁴ оно настолько известно и оценено, что теперь не требуется уже отмечать его значение.⁵ Можно огра-

¹ Там же, стр. 214. ² Там же, стр. 59, 346—358.

³ Там же, стр. 68, 404—405; P. Pelliot, „Les mots à h initiale aujourd'hui muets dans le mongol des XIIIe et XIVe siècles“, JA, Avril — Juin 1925, p. 193—263.

⁴ В. В. Бартольд, „Туркестан“, etc., II, стр. 47.

⁵ О жизни и труде Рашид-ад-Дина см.: E. Quatremère, „Histoire des mongols de la Perse“, t. I, Paris, 1836; В. В. Бартольд, „Туркестан“, etc., II, стр. 45—49; E. Blochet, „Introduction à l'histoire des Mongols“, Leyden—London, 1910; рецензия В. В. Бартольда на то, что упомянутую книгу Blochet, „Мир Ислама“, т. I, стр. 56—107; E. G. Browne, „A Literary History of Persia“, III, „Persian Literature under Tartar Dominion“, p. 68—87.

Часть „Сборника летописей“ Рашид-ад-Дина, а именно „Введение: о Турецких и Монгольских племенах“ и „История Чингиз-хана“ изданы в тексте (с некоторыми купюрами) и в русском переводе с введением и примечаниями проф. И. Н. Березинным, см. „Сборник летописей. История Монголов, сочинение Рашид-Эддина“, Труды ВОРАО, ч. V, 1858

ничиться только указанием на то, что Рашид-ад-Дину удалось дать замечательную по своим подробностям картину кочевого быта монгольских племен, основываясь на многочисленных показаниях монгольских предводителей, главным образом на рассказах Bolad-cingsang'a,¹ представителя монгольского великого хана при дворе монгольских государей Персии, и на сообщениях самого Газан-хана,² владыки Персии. Но, кроме того, Рашид-ад-Дин пользовался, хотя, быть может, и не непосредственно, монгольским историческим сочинением Altan debter³ (Золотая, т. е. царственная книга), которая „постоянно хранилась в ханской сокровищнице в руках старших эмиров“⁴ и не дошла до нас.

Другим важнейшим источником является „Юань-чао-би-ши“ — Mong-gol-un ni'uca tobciyan („Сокровенное сказанье о поколении Монгол“). Сочинение это, написанное в 1240 г. в Монголии, дошло до нас в монгольском тексте, транскрибированном китайскими иероглифами, а также в двух китайских переводах: подстрочном, дающем китайское значение каждого монгольского слова, и в связном, но зато несколько сокращенном. С последнего и был сделан замечательный перевод на русский язык Паладием Кафаровым.⁵ В. В. Бартольд первый определил это сочинение, как

(перевод), 1861 (персидский текст), „Введение: о Турецких и Монгольских племенах“; ч. XIII, 1868, „История Чингиз-Хана до восшествия его на престол“; ч. XV, 1888, „История Чингиз-Хана от восшествия его на престол до кончины“. О работе Березина см. В. В. Бартольд, „И. Н. Березин, как историк“, ЗКВ, II, стр. 64—67; см. также ЗКВ, I, стр. 192—194. Русская версия труда Рашид-ад-Дина была переведена на китайский язык Хун-Цзяюнем, который кроме того информирует о работе И. Н. Березина в одном своем сочинении; но перевод китайский считается утраченным, см. указания P. Pelliot в T'oung Pao, 1928—29, p. 171. Впрочем, насколько мне известно, переводом этим воспользовался автор „Новой истории Юаньской династии — Синь-Юань-ши“, вышедшей в свет в 1920 г. Часть труда Рашид-ад-Дина, посвященная наследникам Чингиса, от Огэдея до Хубилая, была издана E. Blochet, „Gibb Memorial Series“, vol. XVIII, 2, 1911, с примечаниями, а история Хулагу-хана (Hülegü) E. Quatremère'ом, с французским переводом и обширными примечаниями, в которых были использованы многие „мусульманские“ источники: „Histoire des Mongols de la Perse par Rachid-Eddin, Collection orientale“, t. I, Paris, 1836.

Отрывки из „Сборника летописей“, касающиеся монголов, представлены в следующих переводах: J. Klaproth, „Description de la Chine sous le règne de la dynastie Mongole traduite du persan de Rachid-Eddin et accompagnée de notes“, JA, t. XI, 1833, p. 335—358, 447—470 (separatim: Paris, 1833); D'Ohsson, „Histoire des Mongols“, II, p. 613—641; И. Н. Березин, „Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева“, Труды ВОРАО, ч. VIII, стр. 487—494.

¹ Имя это чаще представляют в персидской форме „Пулад“: монг. bolad (> bolod) < перс. pūlād „сталь, булат“.

² По-монг. Ġazan ~ Xasan (транскрипция „мусульм.“ письмен. Ġazān), см. JA, Mai — Juin 1896, p. 529.

³ Ср. Бартольд, „Туркестан“, etc., стр. 45. См. также противоположное мнение П. М. Мелиоранского: „Араб-филолог о турецком языке“, СПб., 1900, стр. XVII; см. D'Ohsson, „Histoire des Mong.“, I, XXXV—XXXVI.

⁴ В. В. Бартольд, „Туркестан“, etc., стр. 45.

⁵ См. „Труды членов Российской Духовной Миссии в Пекине“, т. IV, СПб., 1866. О „Юань-чао-би-ши“ см. еще: В. В. Бартольд, „Туркестан“, etc., стр. 43—44; А. М. Позд-

„произведение богатырского эпоса“.¹ Действительно, „Юань-чао-ми(би)-ши“ составляет особый источник сведений о Чингис-хане, основанный на ближайших к его времени устных преданиях² и переполненный эпическими мотивами. Тем не менее, сочинение это невозможно считать настоящей эпопеей и относиться к нему, как к произведению исключительно эпическому. „Юань-чао-би-ши“ — „Сокровенное сказанье“ представляет собой цепь эпических сказаний, переработанных с заданием — целью сделаться заветным преданием дома Чингис-хана, его „историей“.³ „Сокровенное сказанье“ повествует нам о роде, из которого вышел Чингис-хан и рисует широко и вольно картины степной жизни, доставляя обильнейший материал

неев, „О древнем китайско-монгольском памятнике Юань-чао-ми-ши“, СПб., 1882, то же в Известиях РАО, т. X, вып. 3—4, стр. 245—259; P. Pelliot, „A propos des Comans“ JA, Avril — Juin 1920, pp. 125—185; В. Л. Котвич, „К изданию Юань-чао-би-ши“, ЗКВ, I стр. 233—240. Как известно, проф. А. М. Позднеев приступил к изданию „Транскрипции палеографического текста Юань-чао-ми(би)ши“, которое ему закончить не удалось; выпущено было только 112 стр. литографическим способом, где было дано: 1) переложение русским алфавитом китайской фонетической транскрипции монгольского текста; 2) подстрочный русский перевод подстрочного же китайского перевода; 3) „восстановленный“ монгольский текст монгольскими буквами; 4) примечания (см. Котвич, *op. cit.*, стр. 236). В настоящее время можно установить на основании материалов Азиатского музея Академии Наук СССР, что А. М. Позднеев в части самой важной, т. е. в транскрипции монгольского текста и в подстрочном переводе, начал издавать работу Палладия Кафарова, который перетранскрибировал русскими буквами весь „монгольский“ текст „Юань-чао-би-ши“ и перевел на русский язык подстрочный же китайский перевод, лишь снабдив своими примечаниями. Проф. P. Pelliot в настоящее время заканчивает большую работу, которая будет заключать „монгольский“ текст Юань-чао-би-ши, представленный в самой точной научной транскрипции, которая даст действительно „восстановленный“ текст замечательного памятника, с переводом, и, очевидно, с обширными комментариями, см. JA, Avril — Juin 1920, XV, p. 132; Котвич, *op. cit.*, стр. 233; см. также P. Pelliot, „Notes sur le „Turkestan“ de M. W. Barthold“, T'oung Pao, 1930, p. 20—55; „Un passage altéré dans le texte mongol ancien de l'Histoire Secrète des Mongols“, *ibid.*, p. 199—202; A. Mostaert, „A propos de quelques portraits d'empereurs mongols“, Asia Major, vol. IV, 1927, p. 147—156; E. Haenisch, „Untersuchungen über das Jüan-ch'ao pi-shi die geheime Geschichte der Mongolen“, Abhandlungen der philolog.-histor. Klasse der Sächsischen Akademie der Wissenschaften, № IV, 1931.

¹ В. В. Бартольд, „Туркестан“, стр. 43.

² Слова Палладия, *op. cit.*, стр. 14.

³ Ср. Б. Владимирцов, „Монгольская литература“, Литература Востока, изд. „Всемирная литература“. Пгр., 1920, стр. 94—95; Б. Владимирцов, „Монголо-ойратский героический эпос“, Пгр., 1923, стр. 9. В. В. Бартольд, оценивший значение для истории „монгольских народных преданий“ (см. „Туркестан“, стр. 409), в другом месте (рецензия в журнале „Восток“, кн. 5, Л., 1925, стр. 252) пишет по поводу „Сокровенного сказанья“: „Само собою разумеется, что мотивы эпической поэзии связаны с богатырским идеалом, идеал — с фактами жизни; но судить по эпическим рассказам о действительной жизни монгольской аристократии было бы столь же ошибочно, как судить о жизни европейского рыцарства по рыцарским романам“. Я позволил бы себе возразить: на основании эпического „Сокровенного сказанья“ можно судить о жизни монгольской аристократии так же, как по Илиаде и Одиссее о жизни дрезне-эллинических „базилевсов“. А „Сокровенное сказанье“ гораздо более прозаично, чем поэмы Гомера, и больше приближается к типу „эпической хроники“, хотя бы уже потому, что вопреки утверждению В. В. Бартольда (см. „Туркестан“, стр. 43) в „Юань-чао-би-ши“ повествование ведется по годам, начиная с 1201, что и было отмечено Палла-дием Кафаровым (*op. cit.*, стр. 195).

для суждения о разных сторонах монгольской жизни XII—XIII вв. Если показания „Юань-чао-би-ши“ в отношении некоторых исторических фактов не совпадают с данными Рашид-ад-Дина и других памятников, то картина, общая картина кочевой жизни, рисуется одинаково как произведением степного творчества, так и сочинением, вышедшим из-под калама ученого врача-министра в далекой Персии. Если можно говорить о том, что ни один народ в средние века не удостоился такого внимания со стороны историков, как монголы, то следует отметить, что ни один кочевой народ не оставил памятника, подобного „Сокровенному сказанию“, так образно и детально рисующего подлинную жизнь.

Нельзя забывать о том, что „Сокровенное сказание“ явилось созданием класса монгольской степной аристократии,¹ пропитанного „эпическими“ настроениями, владевшего эпическим стилем и постоянно к нему прибегавшего.² Если бы какой-нибудь представитель этой среды в XIII в. и взялся бы писать „настоящую“ историю, то он, конечно, оказался бы во власти этого эпического стиля. А „Юань-чао-би-ши“ ведь была именно написана в 1240 г. „Сокровенное сказание“ поэтому можно охарактеризовать не как „произведение богатырского эпоса“, а как историю-хронику, переданную эпическим стилем, пропитанную „ароматом степи“.³

Другие источники как мусульманские, так и китайские, дают гораздо меньше для суждения об общественном строе древних монголов. Впрочем, надо сейчас же оговориться: речь идет только о тех китайских источниках, которые были переведены на европейские языки. Поскольку можно судить по библиографическим отзывам и другим указаниям синологов, китайская литература обладает огромнейшим материалом, показания которого могут дать многое для выяснения и социального строя монголов XI—XIII вв.⁴

Другие главные источники по истории монголов эпохи Чингис-хана, „мусульманские“, китайские, армянские, были критически рассмотрены В. В. Бартольдом,⁵ путь к ним расчищен.

¹ Положение это было прекрасно обосновано В. В. Бартольдом, см. „Туркестан“, etc., 43—44. Ср. Б. Владимирцов, „Монголо-ойратский героический эпос“, стр. 9.

² У Р.-ад-Д. можно найти много примеров, подтверждающих сказанное, см., напр. II, 46. Ср. следующее любопытное сообщение Р.-ад-Д.: „Монгольский обычай в древние времена был таков, что по большей части известия передавались словами искусственно рифмованными и трудно понятными“ (II, 119) — конечно, ввиду отсутствия письменности для того, чтобы гонец мог лучше запомнить и в то же время не вполне понять, и не быть в состоянии что-либо внести от себя. ³ Выражение А. Н. Веселовского.

⁴ См. P. Pelliot, „A propos des Comans“, JA, Avril—Juin, 1920, p. 130—133; его же „L'édition collective des oeuvres de Wang Kouo-wei“, T'oung Pao, 1928/29, p. 113—182. Dr. F. E. A. Krause, „Cingis Han“, Heidelberg, 1922, p. 1—7, 42. См. также предисловие Палладия Кафарова к его переводу „Юань-чао-би-ши“ и „Примечания“.

⁵ См. „Туркестан в эпоху монгольского нашествия“, стр. 38—60. См. также H. Maspero, „Chine et Asie Centrale“, в сб. „Histoire et historiens depuis cinquante ans“, II, Paris, 1928, p. 545—549 (не полно).

Следует отметить только, что для нашей цели наибольшее значение имеют следующие сочинения:

- 1) „Си-ю-цзи“ — „Описание путешествия даоса Чан-Чуня на Запад“;¹
- 2) „Мэн-да-бэй-лу“ — „Полное описание Монголо-Татар“;² 3) Шэн-ву цинь-чжэн-лу — „Описание личных походов священно-воинственного (Чингис-хана)“;³ 4) „Путевые записки Чжан-Дэ-хуй“.⁴

Памятник „Цинь-чжэн-лу“ имеет особое значение потому, что является в некоторых отношениях версией монгольских преданий, более близкой „Сборнику летописей“ Рашид-ад-Дина, чем та, которая представлена „Юань-ши“, т. е. официальной „Историей Юаньской (монгольской) династии“, вышедшей в 1369 г.⁵ Монгольские предания о веке Чингис-хана, таким образом, являются в трех версиях: 1) версия „Юань-чао-би-ши“ — „Сокровенного сказанья“, 2) версия Рашид-ад-Дина и „Цинь-чжэн-лу“, 3) версия „Юань-ши“. При этом можно отметить, что 2-я и 3-я версии ближе друг к другу, чем к версии „Сокровенного сказанья“.

¹ Перевод с предисловием и примечаниями Палладия Кафарова в IV т. „Трудов членов Российской Духовной Миссии в Пекине“, СПб., 1866, стр. 259—436. Dr. E. Bretschneider дает английский перевод с купюрами в т. I своей работы „Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources“, London, 1888, p. 35—109. См. важные замечания проф. P. Pelliot об этом памятнике в T'oung Pao, 1928/29, p. 172—175.

² Переведено В. П. Васильевым в Трудах ВОРАО, ч. IV, СПб., 1857, стр. 216—235. Совсем недавно китайский ученый Ван-Го-вэй установил, что автором рассматриваемого сочинения был не сунский посланник Мэн-Хун, а другое лицо, по всей вероятности, Чжао-Хун, ездивший с миссией в Пекин в 1221 г. (см. указания проф. P. Pelliot в T'oung Pao, 1928/1929, p. 163—165). Но еще большее значение имеет разъяснение проф. P. Pelliot о том, что автор рассматриваемого сочинения никогда не видел Чингис-хана; то, что относилось некоторыми авторами (мною в том числе) к Чингису, благодаря ошибочному переводу В. П. Васильева, должно быть отнесено к его полководцу Muxali, см. T'oung Pao, 1930, p. 13—14.

³ Перевод с предисловием и примечаниями Палладия Кафарова в „Восточном Сборнике“, I, СПб., 1877 (изд. Мин. ин. дел), стр. 149—295 (часть „Восточного Сборника“ с работой Палладия появилась еще в 1872 г.). См. замечания проф. P. Pelliot в T'oung Pao, 1928/29, p. 169—172.

⁴ Перевод и примечания Палладия Кафарова: „Путевые записки китайца Чжа-дэ-хой во время путешествия его в Монголию в первой половине XIII столетия“, Записки Сиб. орд. РГО, кн. IX—X, 1867, стр. 582—591. Работа эта была переведена E. Schueler'ом на английский язык, см. Geographical Magazine, 1875, p. 7—11. Рассказы этого путешественника до сих пор использовали в недостаточной мере, не упоминает о нем и В. В. Бартольд в своем „Туркестане“. А между тем Чжан-Дэ-хуй сообщает очень много интересного и не даром на него обратил внимание такой тонкий и умелый знаток источников по истории монголов, каким был Палладий Кафаров.

⁵ Ср. замечания проф. P. Pelliot в T'oung Pao, 1928—29, p. 171; 1930, p. 14. Кроме старых переводов и извлечений из „Юань-ши“, отмеченных В. В. Бартольдом, следует указать новый: Dr. F. E. A. Krause, „Cingis-Han. Die Geschichte seines Lebens nach den chinesischen Reichsannalen“, Heidelberg, 1922. Это перевод части „основных анналов“ (бэнь-цзы) из „Юань-ши“. Полностью „основные анналы“ „Юань-ши“ были переведены на монгольский язык, повидимому, несколько раз. Две редакции монгольского перевода имеются в Азиатском музее Академии Наук СССР, в рукописном виде. Монгольские переводы следуют при передаче собственных имен так же, как и Иакинф Бичурин, орфографии, устано-

Как известно, в век Чингис-хана у монголов появились „Постановления Чингис-хана“ — „Jasağ“, представлявшие собой, повидимому, кодификацию монгольского обычного права и монгольских народных обычаев.¹ „Jasağ“ Чингис-хана мог бы быть одним из главных источников наших сведений о социальной структуре монголов XIII в., но, к сожалению, „Постановления“ эти до нас не дошли, а то, что известно о „Великой Ясе“ по сообщениям „мусульманских“ писателей, главным образом, египетского автора Макризи, настолько отрывочно, неполно и сомнительно, что представляет слишком мало данных для каких-либо выводов относительно общественного строя монголов.²

В век Чингис-хана записаны были также его изречения „Bilig“ „Премудрости“, которые дошли до нас в отрывках у разных писателей, в разных сочинениях, в том числе и в монгольских.³ „Bilig“ Чингис-хана представляют некоторый материал для нашей темы и потому должны быть упомянуты среди источников наших сведений об общественном строе древних монголов.

Разные сведения, иногда очень важные для нашей задачи, имеются у знаменитых европейских путешественников: Плано Карпини, Рубрука и Марко Поло, сочинения которых слишком хорошо известны, чтобы надо было говорить о них подробно, а также у армянских писателей XIII—XIV вв.⁴

вленной комиссией при императоре Цянь-Луне для нового издания „Юань-ши“, очень их искажившей, см. Bretschneider „Mediaeval Researches“, I, p. 181—183; P. Pelliot, „Notes sur le «Turkestan»“, T'oung Pao, 1930, p. 14; J. Klaproth в JA, t. VI, 1830, p. 1—41.

¹ См. В. В. Бартольд. „Туркестан“, etc., стр. 42; см. также Б. Владимирцов, „Чингис-хан“, Петербург-Москва-Берлин, 1922, стр. 81—82; Quatremère, CLX—CLXIX.

² Проф. В. А. Рязановский, основываясь на работах своих предшественников, делает попытку юридического анализа „Ясы“, см. его „Обычное право монгольских племен“, I, стр. 18—21; 43—45, Харбин, 1924; его „Монгольское право“, Харбин, 1931, стр. 9—23.

³ См. В. В. Бартольд, *op. cit.*, стр. 42—43; Б. Владимирцов, *ibid.*, стр. 81—84; В. А. Котвич, „Из поучений Чингис-хана“, перевод с монгольского, „Восток“, кн. 3, 1923, стр. 94—96; Б. Владимирцов, „Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах“, „Северная Монголия“, II, изд. Академии Наук СССР, 1927, стр. 15—19; П. М. Мелиоранский, „О Кудатку Билике Чингиз-хана“, Записки ВОРАО, т. XIII, стр. 015—023; В. В. Бартольд, „К вопросу об уйгурской литературе и ее влиянии на монголов“, „Живая Старина“, кн. 70—71, год XVIII, 1909, вып. II—III, стр. 42—46; ср. „Mitteilungen des Seminars für orient. Sprachen“, B. IV, 1 Abt., Berlin, 1901, pp. 254—255; D'Ohsson, I, 1852, pp. 386—419.

⁴ См. К. П. Патканов, „История монголов по армянским источникам“, вып. I, „...извлечения из трудов Вардана, Стефана Орбелиани и конетабля Сембата“ (СПб., 1873); вып. II „...извлечения из истории Киракоса“ (СПб., 1874); — его же: „История монголов инок Магакки“, XIII в., СПб., 1871; M. Brosset, „Deux historiens arméniens Kirakos...; Oukhutanès...“, St.-P., 1870; E. Dulaurier „Les Mongols d'après les historiens arméniens“, JA, 5e sér., t. XI, 1858, p. 192—255, 426—473, 481—508; Плано Карпини, „История Монгалов“; Рубрук, „Путешествие в восточные страны“, перевод А. И. Малеина, СПб., 1911; И. П. Минаев, „Путешествие Марко Поло“, пер. старо-французского текста, изд. РГО под ред. В. В. Бартольда, СПб., 1902, Записки РГО по отд. этногр., т. XXVI. Конечно, были приняты во внимание

Известный материал представляют также „ханские ярлыки“ Золотой Орды и монгольские официальные документы, в небольшом числе сохранившиеся от эпохи XIII—XIV вв.¹

Наконец, некоторым источником для рассматриваемого вопроса является монгольский язык. Приходится отметить только, что в этом направлении исследование сделало лишь первые робкие шаги.²

О монгольском эпосе и вообще о монгольской народной словесности будет упомянуто ниже; монгольский эпос может предоставить некоторый материал; но, конечно, с материалом этим необходимо обращаться с очень большой осторожностью, главным образом потому, что большинство монгольских героических эпосов дошло до нас путем устной передачи и в нашем распоряжении нет сколько-нибудь древних записей, которые бы запечатлевали какую-либо эпопею полностью. Тем не менее, монгольский героический эпос представляет отличный материал для критики „эпических“ напластований, какие встречаются в древне-монгольских исторических сказаниях, напр., в „Юань-чао-би-ши“.³

Б. Пособия

О веке Чингис-хана и о монголах XII—XIII вв. имеется обширная литература на европейских языках, но из всех этих сочинений, являющихся нашими пособиями, особое значение имеют работы В. В. Бартольда,⁴

известные переводы знаменитых путешественников и книги о них, напр., Н. Yule, „The Book of Ser Marco Polo“, third ed., revised by H. Cordier, London, 1903 (есть и более новое изд.); W. W. Rockhill, „The Journey of William of Rubruck“, London, 1900; M. G. Pauthier, „Le livre de Marco Polo“, Paris, 1865 и др. См. также Палладий Кафаров „Комментарий на путешествие Марко Поло по северному Китаю“, СПб., 1902, Известия РГО, XXXVIII, вып. 1.

¹ О литературе по монгольским официальным документам см. в книжке Dr. Б. Лауфера, „Очерк монгольской литературы“, изд. АВИ, № 20, 1927, стр. XI—XII, 27—37. О „ханских ярлыках“ см. А. Н. Самойлович, „Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга“, ИРАН, 1918, стр. 1109—1122.

² См. Б. Владимирцов, „Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия“, изд. АВИ, № 33, 1929, стр. 239—242.

³ См. Б. Владимирцов, „Монголо-ойратский героический эпос“, Прг., 1923, стр. 10.

К. Ф. Голстунский в своих „Монголо-ойратских законах“ (СПб., 1880) ссылается (стр. 11, 103) на монгольское сочинение „Cindamani-yia erike“—„Драгоценные четки“, как на источник эпохи Юаней, и на основании его делает некоторые замечания об организации монгольской империи. Это, конечно, недоразумение. С. е.—сочинение позднего времени (XVIII в.) и к числу источников, относящихся к эпохе XIII—XIV вв., разумеется, причислено быть не может. Об этом сочинении см. А. М. Позднеев, „Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ»“, СПб., 1883, стр. XXXV—XXXVII.

⁴ См. „Образование империи Чингиз-хана“, Записки ВОРАО, т. X, стр. 105—119; „Туркестан“, etc. (особенно стр. 409—423 и 496—500); „Очерк истории Семиречья“, Памятная книжка Семиреч. обл. статист. ком., II, стр. 39—68; „Улугбек и его время“, Записки Росс. Академии Наук, ист.-фил. отд., т. XIII, № 5, 1918; „История культурной жизни Туркестана“, изд. Академии Наук СССР, 1927, стр. 85—90; „Связь общественного быта с хозяйственным укладом у турок и монголов“, Известия Общ. археол., ист. и этногр. при Казанск. унив., т. XXXIV, вып. 3—4, 1929, стр. 1—4; статьи „Чингиз-хан“ в Энци. словаре

Р. Pelliot¹ и старый труд D'Ohsson'a,² посвященный истории монголов, остающийся до сих пор непревзойденным.

В. В. Бартольд в работах своих первый обратил особое внимание на общественный строй монголов древнего периода и выяснил значение родового принципа в организации мировой империи монголов. В статьях Р. Pelliot мы находим очень много новых данных, остававшихся до последнего времени неизвестными, причем данные эти являются проверенными поистине изумительно широко и глубоко. Труд же D'Ohsson'a, как это прекрасно выяснил В. В. Бартольд, до сих пор не теряет своего значения потому, что он основывается на отличном знании „мусульманских“ источников истории монголов.

Необходимо также упомянуть работу И. Н. Березина „Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева“,³ к которой приходится относиться с осторожностью,⁴ и труды Dr. E. Bretschneider'a (особенно его известную книгу „Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources“),⁵ а также цитированный выше труд E. Quatremère'a;⁶ см. также вышеупомянутые работы К. П. Патканова.

О других пособиях можно не говорить; более новые работы по истории монголов не дают ничего для рассматриваемого вопроса;⁷ новыми же работами на японском и китайском языках я воспользоваться не мог (см., напр., указания Р. Pelliot в JA, Avril-Juin 1920, p. 131 и в T'oung

Брокгауза и Ефрона и „Cingiz-Khan“ в Enzyklopaed. des Islām, I, p. 892—898. Как известно, книга В. В. Бартольда „Туркестан“ вышла в свет вторым изданием на английском языке: „Turkestan etc.“ Second Edition translated from the original Russian and revised by the author with the assistance of H. A. R. Gibb“, 1928, „Gibb Memorial Series.“ В издании этом на полях везде указаны соответствующие страницы русского издания, так что можно ссылаться только на одно издание; в настоящей работе ссылки делаются на русский текст.

¹ Особое значение для рассматриваемого вопроса имеют следующие работы: Р. Pelliot, „Les Mongols et la Papauté“, Revue de l'Orient chrétien, 3 s., t. III, № 1—2; t. IV, № 3—4 „A propos des Comans“, JA, 1920, p. 125—185; „L'Edition collective des oeuvres de Wang Kouo wei, T'oung Pao, 1928—1929, p. 113—182; „Notes sur le „Turkestan“ de M. W. Barthold“, T'oung Pao, 1930, vol. XXVII, p. 12—57.

² „Histoire des Mongols depuis Tchinguiz-Khan jusqu'à Timour Beg ou Tamerlan“, La Haye et Amsterdam, 1834—35 (второе значительно дополненное издание в 4 томах; первое издание появилось в 1824 г., третье же издание 1852 г. является перепечаткой второго). Оценка труда D'Ohsson'a дана В. В. Бартольдом в „Туркестане“, etc., стр. 60—61. В одной рецензии, помещенной в журнале „Восток“ (кн. 5, стр. 251—252) В. В. Бартольд говорит: „среди трудов синологов по истории монголов нет ни одного, который мог бы выдержать хотя бы отдаленное сравнение с трудом д'Оссона“.

³ Труды ВОРАО, ч. VIII, 1864; отдельный оттиск этой работы вышел в 1863 г.

⁴ См. Бартольд, „Березин, как историк“, ЗКВ, II, стр. 67—69.

⁵ London, 1888; второе издание: London 1910.

⁶ См. выше, стр. 5.

⁷ Напр., работы Dr. F. E. A. Krause, „Die Epoche der Mongolen“, Mitteilung des Seminars für Orient. Spr., 1924, XXVI—XXVII, I, Ostasiat. Stud. и „Cingis-Han. Die Geschichte seines Lebens nach den chinesischen Reichsannalen“, Heidelberg, 1922, а также и других авторов. Если некоторые сочинения приходится оставлять в стороне потому, что они не

Pao, 1928—29, pp. 125—131, 160—161, 165—175; см. также „Review of K'o Shao-wên's „New History of Yuan Dynasty““ prepared by the Faculty of the Imperial University of Tokyo (translated and annotated by N. Th. Kolessoff); Dr. F. E. A. Krause, „Cingis Han“, p. 5—6).

2. СРЕДНИЙ ПЕРИОД (XIV—XVII вв.). — РАСЦВЕТ ФЕОДАЛИЗМА

А. Источники

Источников, относящихся к периоду расцвета монгольского феодализма, т. е. эпохи Юань и Мин (XIV—XVII вв.), из которых можно было бы почерпнуть точные сведения о социальном строе монголов, очень мало, если говорить о китайских. Впрочем, правильнее будет высказаться так: китайские источники далеко не все стали доступными. Действительно, в нашем распоряжении нет даже переводов официальных китайских династийных историй „Юань-ши“ и „Мин-ши“. В тех же китайских источниках, которые имеются в переводах на европейские языки и на монгольский, данных по общественному строю монголов чрезвычайно мало.¹

Необходимо отметить также, что, начиная с половины XIV в. и по конец XVII в., Монголия и монголы не видели путешественников, подобных Рубруку, Марко Поло и Чан-Чуню.

Из китайских сочинений более поздней эпохи, но использовавших ранние источники, нужно отметить „Мэн-гу-ю-му-цзи“ — „Записки о монгольских кочевьях“; сочинение это² имеется в русском переводе П. С. Попова, переводе посредственном.³ Затем для эпохи XVI—XVII вв. большое значение имеет сочинение, представлявшее собою „сборники биографий послужных списков“ вассальных монгольских князей, издававшееся

имеют прямого отношения к рассматриваемым вопросам, то о других не приходится говорить ничего, так как они оказываются совершенно ненаучными, напр., недавно вышедшая книга Н. Lamb'a, „Genghis-Khan, The Emperor of All Men“, London, 1928; эта безнадежно слабая книжка выдержала, тем не менее, несколько изданий и была переведена на французский и немецкий языки.

¹ О „Юань-ши“ см. выше, стр. 9. См. E. Chavannes, „Inscriptions et pièces de chancellerie chinoise de l'époque mongole“, T'oung Pao, 1904, p. 357—447; 1905, p. 1—42; 1908, p. 297—428; M. de Mailla, „Histoire Générale de la Chine ou Annales de cet empire, trad. du Tong-Kien-Kang-Mou“, Paris 1779, vol. IX, X, XI; Delamarre, „Histoire de la dynastie des Ming, composée par l'empereur Khian-Loung, traduite du chinois“, Paris, 1865; „Huang-Ts'ing K'ai-Kuo Fang-Lüeh. Die Gründung des Mandshurischen Kaiserreiches, übersetzt und erklärt von E. Hauer“, Berlin und Leipzig 1926.

О других китайских источниках см. Д. М. Позднеев, „К вопросу о пособиях при изучении истории монгол в период Минской династии“, Записки ВОРАО, IX, стр. 93, след.; M. Courant, „L'Asie Centrale aux XVII et XVIII siècles“, p. 143—144; Котвич, „Архивные документы“, стр. 801—813; P. Pelliot, „Les mots a h initiale... dans le mongol des XIII et XIV siècles, JA, Avril — Juin 1925, p. 198—199.

² Об этом сочинении см. В. А. Котвич, „Архивные документы“, стр. 812—813.

³ Ср. В. А. Котвич, *ibid.*; P. Pelliot в JA, Avril — Juin 1920, p. 131.

параллельными сериями на китайском, манджурском и монгольском языках; монгольская версия носит название *lledkel shastir*.¹

Небольшое количество сведений, относящихся к нашей теме, имеется у путешественников, большинство из которых находилось в таком положении, что не было в состоянии дать серьезные научные описания. Лишь в конце XVII в. появляются ученые иезуиты и среди них Gerbillon.²

Приходится обращаться к более поздним монгольским источникам: к монгольским хроникам и „Уложениям“ XVII в., которые и оказываются самыми главными нашими пособиями за рассматриваемый период, особенно за XV, XVI и XVII вв.

Монгольские исторические сочинения — монгольские хроники, возникшие в XVII в. и к ним примыкающие, относящиеся к XVIII и даже XIX вв., разделяются на две группы. К одной принадлежат хроники, вышедшие из среды монгольской степной аристократии, написанные на основании преданий, эпических сказаний и записей, сохранившихся в семьях феодалов. Вполне естественно, что хроники эти главное внимание и посвящают истории владетельных домов Монголии, о них можно повторить с полным правом то, что было сказано об „Анналах“ Тацита: „Son livre est plutôt l'histoire des familles que celle de la société“.³

Хроники же другого рода отличаются клерикальным характером. Их прежде всего интересуют судьбы буддийской церкви, они пользуются, главным образом, тибетскими сочинениями в качестве своих источников и образцов, и проводят „ультрамонтанские“ взгляды. Необходимо сделать одну оговорку: и авторы, принадлежавшие к первой группе, иногда пользовались тибетскими источниками, вообще находились под влиянием тибетской литературы. Именно, благодаря тому, что тибетские исторические сочинения были использованы ими в качестве источников по истории Чингис-хана и его эпохи, которые они предпочли своим родовым преданиям и старинным „сказаниям“, произошло то, что сведения об этом времени отличаются путанностью.

¹ Об этом сочинении см. В. А. Котвич, *op. cit.* стр. 803. В настоящей работе использована монгольская версия.

² См. Du Halde, „Description géographique, historique, etc. de l'Empire Chinois et de la Tartarie chinoise“, La Haye, 1736, vol. IV.

О поездках казаков и других поздних путешественников см. J. F. Baddeley „Russia, Mongolia, China, Being some Record of the Relations between them from the beginning of the XVIIth Century to the Death of Tsar Alexei Mikhailovich A. D. 1602—1676. Rendered mainly in the form of Narratives dictated or written by the Envoys sent by the Russian Tsars, or their Voevodas in Siberia to the Kalmuk and Mongol Khans and Princes; and to the Emperors of China with introductions Historical and Geographical, also a series of Maps showing the progress of Geographical Knowledge in regard to Northern Asia during the XVI th, XVII th and early XVIII th Centuries. The Texts taken more especially from Manuscripts in the Moscow Foreign Office Archives“, 1919, 2 vol., London. См. рецензию В. А. Котвича, ЗКВ, I, стр. 542—551.

³ Fustel de Coulanges, „Histoire des institutions politiques de l'ancienne France“ 2, I, p. 267.

Среди монгольских исторических сочинений первое место принадлежит труду ордосского князя Sanang Secen'a и анонимной хронике Altan tobci („Золотое сказанье“). Эти исторические сочинения вызывали к себе различное отношение европейских исследователей, но большинство, можно отметить, не признавало за ними большого значения и смотрело на них пренебрежительно.¹ В отношении того, что эти монгольские истории сообщают о веке Чингис-хана, в особенности о хронологии событий, взгляд этот, быть может, имеет основание. Но зато совсем по другому можно смотреть на Sanang Secen'a и Altan tobci, когда они передают нам древние, эпическим стилем составленные предания или повествуют о монголах, „вернувшихся“ в свои степи, после падения Юаньской династии.

О несправедливости пренебрежительного отношения к рассматриваемым монгольским историческим сочинениям писалось уже раньше.² А в настоящее время мы находимся на еще лучшей позиции для того, чтобы защитить Sanang Secen'a, не прибегая при этом к излишнему прославлению, как делают Шотт и Лауфер, главные его апологеты. То же самое относится и к Altan tobci. В настоящее время выяснилось, что монголы за „темный“ период их истории, т. е. за время, протекшее от падения Юаньской династии до эпохи „Возрождения“ во второй половине XVI в., сумели сохранить многое из своего культурного достояния; выяснилось, что литература и письменность у монголов не прерывалась, как не прерывалась и литературная традиция эпохи Юаньской династии.³ В последнее время у монголов были обнаружены памятники, о существовании которых раньше ученые школы Позднеева⁴ не могли и подозревать, напр., „Юань-чао-би-ши“ — „Сокровенное сказанье“, считавшееся давно

¹ См., напр., Bretschneider, „Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources“, I, p. 194; Д. Покотилов, „История восточных монголов в период династии Мин“, стр. I—II; Abel-Rémusat в JA, t. VIII, 1831, p. 517—518; t. IX, 1832, p. 164—166; И. Н. Березин, „Сборник летописей ...Рашид-Эддина“, I, Введение, стр. VIII; В. Успенский, „Страна Кука-нор или Цин-хай“, СПб., 1880, стр. 76, 80.

² См. Б. Лауфер, „Очерк монгольской литературы“, 1927, стр. 41—45; Б. Владимирцов, „Монгольская литература“, Литература Востока, Пгр., 1920, II, стр. 97; P. Pelliot, „L'édition collective des oeuvres de Wang-Kouo-wei“, T'oung Pao, 1928/29, p. 171.

³ См. Б. Владимирцов, „Сравнительная грамматика монг. письм. языка и халх. наречия“, стр. 23; Bodhicaryāvatāra, монгольский перевод, I, текст, издал Б. Владимирцов, Bibliotheca Buddhica, XXVIII, стр. III—V; Б. Владимирцов, „Монгольский Данджур“, ДАН-В, 1926, стр. 31—34; „Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи“, II, ИАН, 1927, стр. 235. Китайские источники сохранили указания на то, что монголы в XV и XVI вв. присылали грамоты Минскому двору, написанные на монгольском языке, по монгольски писали послания и минцзы, обращаясь к монгольским предводителям, см. Д. Покотилов, „История восточных монголов“, стр. 117, 139, 168; Mailla, „Histoire de la Chine“, X, p. 218; см. также S. s., p. 200; „История Радлова“, p. 100—101.

⁴ Как известно, А. М. Позднеев считал, что монголы за „темный“ период почти совершенно потеряли свою письменность, сохранив лишь знание букв, см. его — „Новооткрытый памятник монгольской письменности времен династии Мин“, Восточные Заметки, 1895, стр. 371—374, 386; „История монгольской литературы“ (литограф. издание лекций, читанных в 1897/98 г.), III, стр. 78—84.

утерянным для монгольской письменности, а также и другие исторические сочинения, напр., так наз. „История Радлова“.¹

Sanang Secen и авторы Altan tobci и „Истории Радлова“ несомненно пользовались не одними только устными сказаниями эпического характера, в их распоряжении находились и письменные памятники, в большинстве случаев до нас не дошедшие. Sanang Secen, как известно, даже перечисляет свои источники, отождествить которые нам, в большинстве случаев, не удастся с полной наглядностью.² Конечно, приходится признать, что как Sanang Secen, так и неизвестные авторы Altan tobci и „Истории Радлова“, плохо разбирались в своих источниках по истории Чингис-хана, отдавая предпочтение не лучшим, а худшим тибетским (под влиянием буддийских воззрений), но более согласным с живой эпической традицией, путались в хронологии, но зато они сумели живо нарисовать картину монгольской жизни за „темный“ период их истории. Именно, XV и XVI вв. посвящены лучшие страницы Sanang Secen'a, который, как принадлежавший к фамилии Чингисидов, сам владетельный князь, мог слышать о многом от старших родовичей — хранителей старинных преданий „Золотого рода“. Впрочем, ко всем фактическим данным Sanang Secen'a и других авторов следует относиться с большой осторожностью, потому что все эти авторы, Sanang Secen во всяком случае, писали свои сочинения в пору, когда монголы уже попали под эгиду манджур и покровительствуемой последними „желтой церкви“.³ Но часто „фактиче-

¹ Недавно стараниями Ученого комитета Монгольской Республики была найдена рукопись, содержащая историческое сочинение, куда вошло около половины оригинального монгольского текста „Сокровенного сказания“, см. P. Pelliot, „Notes sur le «Turkestan», T'oung Pao, XXVII, 1930, p. 23—24; *ibid.*, 208, 335. Отрывки из „Сокровенного сказания“ встречаются также в MS Азиатского музея, содержащего „Историю Радлова“, см. Б. Владимирцов, „Надписи на скалах хадхаского Цокту-тайджи“, ИАН, 1926, стр. 1270, 1272. Любопытно также отметить, что Dr. L. Ligeti в том же номере T'oung Pao, где напечатана вышеупомянутая статья проф. P. Pelliot, говорит, что ему пришлось видеть в Пекине манджурский перевод „Истории“ Sanang Secen'a (p. 58); о китайских переводах было известно хорошо раньше; см. Б. Владимирцов, „Монгольский сборник рассказов из Райсатантра“, Прг., 1921, стр. 46. Dr. L. Ligeti в статье своей упоминает еще одно историческое монгольское сочинение. Но это китайский роман, адаптированный монголами (Yuwan ulus-un... Köke sudur), известный в нескольких рецензиях. Известно еще одно монгольское историческое сочинение, тоже носящее название Altan tobci, отрывок из которого помещен в „Монгольской хрестоматии“ Позднеева; сочинение это скомпилировано, а частично и переведено, — по китайским источникам, см. Лауфер, „Очерк монгольской литературы“, стр. 48. Можно отметить, что и Ц. Ж. Жамцарано был введен в заблуждение „Синей книгой“ (Köke debter или sudur), он тоже принял ее за историческое сочинение, см. его отчет „Поездка в Южную Монголию в 1909—1910 гг.“, Известия Русск. ком. для изуч. Средн. и Вост. Азии, сер. II, № 2, СПб., 1913, стр. 49, 52.

² См. I. J. Schmidt, „Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses verfasst von Sanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus“, St. Petersburg, 1829, p. 298—299, 423; „Алтан-тобчи, Монгольская летопись, пер. ламы Галсан Гомбоева“, Труды ВОРАО, ч. VI, СПб., 1858, Предисловие (П. Савельева), стр. V—VI.

³ Это становится особенно очевидным, если вспомнить с какой осторожностью Sanang Secen говорит о Legdan-хане чахарском (см. Schmidt, *op. cit.*, p. 202—203, 286—387).

ские данные" играют меньшую роль для рассматриваемой темы, для нее более важными оказываются отдельные штрихи и упоминания, касающиеся экономического состояния и общественного строя, которых разбросано у авторов-степняков довольно много;¹ только сведения эти часто приходится вскрывать путем анализа терминов.

Некоторый материал для рассматриваемого вопроса представляют монгольские сочинения, открытые Ц. Ж. Жамцарано в Ордосе, связанные с культом Чингис-хана.² Впрочем материалами этими приходится

тогда, как о деятельности чахарского хана, последнего хаган'а из рода Чингиса, рассказывают нам другие источники, определенно выставляя его противником манджур, см. Б. Владимирцов, "Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи", статья вторая, ИАН, 1927, стр. 215—240.

¹ В Азиатском музее Академии Наук и в Ученом комитете Монгольской Республики имеется несколько рукописей, содержащих "Историю" *Sanang Secen*'а, причем один MS оказывается очень старым; все это позволяет критически отнестись к изданию Schmidt'a. В Азиатском музее имеется также в настоящее время MS, содержащий "Altan tobci", оставшийся неизвестным Г. Гомбоеву. О новом издании "Altan tobci" в Пекине см. Б. Владимирцов, "Этнолого-лингвистические исследования", etc., стр. 14. Dr. L. Ligeti в статье своей в *T'oung Pao* (vol. XXVII, 1930, № 1) говорит об этом издании, но, не имея под руками "Altan tobci" Г. Гомбоева, не может решить вопроса (р. 58) об отношении двух изданий. Dr. L. Ligeti отмечает также, что перечисление минских императоров в "Altan tobci" заканчивается на Тянь-Ци, который царствовал от 1621 по 1627 г. Dr. Ligeti указывает на стр. 30 пекинского издания "Altan tobci", это опечатка: перечисление находится на стр. 54, стр. 62 текста и стр. 156 перевода изд. Г. Гомбоева; возможно, Dr. Ligeti пользовался новым переизданием, оставшимся для меня неизвестным. Замечание Dr. Ligeti очень интересно, потому что определяет *terminus post quem* "Altan tobci". До сих пор, вслед за П. Савельевым, полагали, что "Altan tobci" в той редакции, в которой она до нас дошла, составлена около 1604 г.; см. издание Гомбоева, стр. VI; Лауфер, op. cit., стр. 47. Вот образчик того, как до сих пор плохо изучены и обследованы памятники монгольской исторической литературы и как легко повторяются без проверки старые неправильные утверждения. Необходимо отметить, что перевод "старого Исаака Якоба" теперь безнадежно устарел, перевод же Галсана Гомбоева никогда не был точным. Монгольский текст "Altan tobci", несмотря на большие старания ученого ламы, тоже не может считаться изданным хорошо. Пекинское же издание совершенно не критическое. Можно высказаться совершенно определенно: переводом I. J. Schmidt'a "Истории" *Sanang Secen*'а и переводом Г. Гомбоева "Altan tobci" не ориенталист, т. е. не владеющий вполне монгольским языком и не имеющий к тому же доступа к соответствующим рукописям, пользоваться не может, в особенности это относится к работе Г. Гомбоева, в издании которого текст "Altan tobci" оказывается совершенно искаженным. См. ДАН-В, 1930, стр. 203. Еще пример: на стр. 81 изд. Гомбоева встречается фраза: *Moolan хаган-у cerig-ün kümün Oyirad Muulixai-du kele kürgebe*, которая и переводится Гомбоевым (стр. 174) таким образом: "Один воин хана известил об этом Мулихай-Унга (sic!) ойратского". Это дает повод Г. Е. Грумм-Гржимайло рассуждать о том, был ли, действительно, Мулихай ойратским князем, см. "Западная Монголия и Урянхайский край", II, стр. 588. А между тем, рассматриваемая фраза является на основании нескольких MS "Altan tobci" в следующем виде: *Moolan хаган-у cerig-ün kümün-i üjged, Muulixai-ong-dur kele kürgebe*, т. е. "увидев воинов Молон-хана, известил Мулихай-вана" (ср. пекинское издание, стр. 91).

² См. Отчет Ц. Ж. Жамцарано, "Поездка в Южную Монголию в 1909—1910 гг." Известия Русск. ком. для изуч. Средн. и Вост. Азии, сер. II, № 2, СПб., 1913, стр. 48, 52. Упомянутые в "Отчете" MS хранятся в Азиатском музее Академии Наук СССР.

пользоваться с большой осторожностью в виду того, что происхождение их несколько сомнительно: „в 70-х годах драгоценности Эдженхоро“, — говорит сам Ц. Ж. Жамцарано,¹ — „привлекли повстанцев (дунган), все золото и серебро было ими увезено, а остальное предано огню“. Некоторые рукописи будто бы уцелели случайно.

Имеются у монголов и другие исторические сочинения, составленные в XVII и XVIII вв., представляющие известный материал по истории общественного строя. При этом можно отметить, что одни авторы вышли из феодальной и чиновничьей среды, а другие из среды клерикальной, из мира буддийских монахов желтой церкви, ориентировавшихся на манджурский императорский двор и Далай-ламу.

Среди других исторических сочинений монголов, составленных в XVII в., наибольшее значение имеют для нашей цели биографии Neyiji-toyin'a и Zaya-paṇḍita. Биографии эти, хотя и заключают в себе много трафаретного, тем не менее сообщают довольно много интересных бытовых подробностей о Южной Монголии, о Халхе и об ойратских кочевьях. Авторы этих сочинений по большей части точно указывают свои источники и при сообщениях о разных необычных событиях делают оговорки, ссылаясь на „слухи“. Авторы обоих рассматриваемых биографий — представители клерикального мира.²

Биография Neyiji-toyin'a издана в Пекине ксилографическим способом; биография же Zaya-paṇḍita известна по рукописям, среди которых лучшей является та, которая была найдена А. В. Бурдуковым в С.-З. Монголии.³

Обзор монгольских исторических сочинений, возникших в XVIII и XIX вв., использовавших более ранние источники, имеется в работах А. М. Позднеева, А. Д. Руднева и пишущего эти строки.⁴ О характере же монгольских (а также китайских и манджурских) источников по истории западных монголов-ойратов в XVII и XVIII вв. можно судить по прекрасному обзору, которое дает В. Л. Котвич.⁵

¹ Ibid., стр. 48. Эджен-хоро в Ордосе, место, где хранятся реликвии Чингис-хана, см. также: Г. Н. Потанин, „Поминки по Чингис-хане“, Известия РГО, XXI, стр. 303—315; О. Ковалевский, „Монгольская хрестоматия“, I, Казань, 1836, стр. 501—502.

² См. К. Ф. Голстунский, „Монголо-ойратские законы“, СПб., 1880, стр. 73—78, 121—130; В. Л. Котвич, „Архивные документы“, стр. 793.

³ См. Котвич, op. cit., стр. 793.

⁴ См. А. М. Позднеев, „Монгольская летопись „Эрденийн эрихэ““, подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г., СПб., 1883, предисловие, стр. VII—XXXVIII; А. Д. Руднев, „Заметки по монгольской литературе, II, Историческая летопись Бóлор-тол", Записки ВОРАО, XV, стр. 032—033; Б. Владимирцов, „Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи“, ИАН, 1926, стр. 1270—1280; 1927, стр. 215—240; Б. Владимирцов, „Где пять халхаских поколений“, ДАН-В, 1930, стр. 203.

⁵ См. В. Л. Котвич, „Русские архивные документы по сношению с ойратами в XVII и XVIII вв.“, ИРАН, 1919, стр. 793—797, 801—814.

Можно еще указать на некоторые монгольские сочинения XVIII и XIX вв., или использовавшие более ранние источники, в том числе тибетские¹ и китайские, напр. разные исторические сочинения, возникшие в Южной Монголии, или же передающие народные предания и семейные воспоминания.

К последнему роду принадлежат бурятские хроники, дающие 1) некоторый материал для характеристики общественного строя северных монголов конца XVII и начала XVIII вв. и 2) сообщающие различные данные о собственно бурято-монголах.²

Нужно упомянуть также и о монгольских надписях, хотя их очень немного и не все они изучены.³

Но гораздо большее значение для исследования общественного строя монголов имеют в качестве источников сборники монгольских законов, монгольские „Уложения“. Исторические сочинения монголов упоминают о нескольких кодексах, но до нас из них дошли только три:

1) „Монголо-ойратские законы“ 1640 г. (*Döcin dörbön хоуори́йин са́йи бичи́г ~ са́йи́йн бичи́г*) и два дополнения, сделанные Галдан-хун-тайджи (*dGā-ldan xung-taijiyin zakā zarliq*). До нас дошел только ойратский текст, сохранившийся у волжских калмыков.⁴

¹ Тибетские источники могли бы представить некоторый материал для нашей цели, но, к сожалению, обследованы они очень слабо, см., напр., Charles Bell, „Tibet Past and Present“, Oxford, 1924, p. 34—35; H. Yule, „Marco Polo“, I, p. 250—251; H. Huth, „Geschichte des Buddhismus in der Mongolei“, Strassburg, 1896, II, p. 219—220; Sanang Secen, p. 234. О тибетских источниках, кроме указанной работы Huth'a, см. Б. Владимирцов, „Надписи... Цокту-тайджи“, I, стр. 1272—1280.

² См. „Musei Asiatici Petropolitani notitiae, curante C. Salemann“, VII, p. 058—059; Б. Владимирцов, „Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах“, „Северная Монголия“, II, изд. Акад. Наук, Л., 1927, стр. 35; А. М. Позднеев, „Монгольская хрестоматия“, СПб., 1900, стр. VIII—IX, 47—56; А. М. Позднеев, „Монгольская летопись „Эрдэнийн эрхэ“, стр. 99, 101, 102, 267; А. Позднеев, „Образцы народной литературы монгольских племен“, СПб., 1880, стр. 187—195, 210—214, 242, 259—266. А. М. Позднеев пользовался бурятскими летописями небрежно; так, напр., на странице 267 своего сочинения „Эрдэнийн эрхэ“ он путает „монгольские“ роды с бурятскими, искажая текст бурятской летописи; летописный рассказ о шаманах он принимает за образцы шаманской литературы, см. Б. Владимирцов, *ibid.* В Азиатском музее Академии Наук СССР хранится несколько бурятских летописей; все, упоминаемые в вышеприведенных сочинениях, и еще некоторые другие, такого же характера.

³ См. Б. Лауфер, „Очерк монгольской литературы“, стр. XII, 37—40; Б. Владимирцов, „Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи“, ИАН, 1926, стр. 1253—1280; 1927, стр. 215—240; А. М. Позднеев, „Монголия и Монголы“, I, СПб., 1896 г.; II, СПб., 1898 г., *passim*; В. А. Котвич, „Архивные документы“, 804.

⁴ Ойратский текст с русским переводом и примечаниями издан проф. К. Ф. Голстунским: „Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан-хун-тайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-да-ши“, СПб., 1880.

Прекрасный обзор списков монголо-ойратских законов, старых переводов и разных изданий дает В. А. Котвич в своей статье „Русские архивные документы“, стр. 795—797.

2) „Законы трех халхаских хошунов“ (Jamun-u Halxa jirum-un dūrim — gurban xosigun-u yeke сагаја) 1709 г., с последующими дополнениями; сохранились в шабинском ведомстве (подданных Ургинского хутухты).¹

3) „Монгольское Уложение“ Палаты внешних сношений Манджурской империи (jarlig-iyar togtagagsan gadaḡadu mongḡol-un törü-yi jasaxu yabudal-un yamun-u xauli jüil-ün bicig)-Ли-Фань-юань-цзэ. „Уложение“ это представляет собой большой свод постановлений и законов, относящихся ко всем монгольским племенам, вошедшим в состав Манджурской империи. „Уложение“ в первый раз было издано в 1789 г. на трех языках, манджурском, монгольском и китайском.² Впоследствии оно было значительно пополнено и издано на трех языках в 1817 г.³ Хотя „Уложение“ Ли-Фань-юань и появилось в конце XVIII в. и начале XIX в., тем не менее оно включает очень много материала, иллюстрирующего общественную жизнь монголов более раннего времени. Вообще анализ всех трех упомянутых кодексов показывает, что они часто отражают эпоху, предшествовавшую их опубликованию.

¹ Об этом кодексе см. Ц. Жамцарано и А. Турунов „Халха Джиром“ (описание памятника). Сборник трудов... Гос. Иркутск. унив., вып. 6, Иркутск, 1923 (также и отдельный оттиск); Ц. Жамцарано и А. Турунов, „Обзрение памятников писаного права монгольских племен“, *ibid.*, 1920, стр. 2—3; В. А. Рязановский, „Монгольское право“, Харбин, 1931, стр. 70—81. Список этого кодекса хранится в Азиатском музее Акад. Наук. Пишущий эти строки подготовил издание монгольского текста кодекса с русским переводом и комментариями, причем имел возможность пользоваться и еще одним MS, представляющим часть текста рассматриваемого кодекса, оказавшимся в одном сборнике выписок из различных законов и установлений под заглавием: Mongḡol сагајан-и neyite-yin tobci debter (MS Азиатского музея Акад. Наук под шифром F. 196): Halxa jirum вошел в состав нового кодекса, возникшего в Халхе, по всей вероятности, около половины XVIII в.

² Монгольское Уложение дополнит. бэнь-цзы, f. 1. Проф. О. Ковалевский говорит (см. „Монгольская хрестоматия“, I, стр. 491), что А. В. Игумнову удалось в 1791 г. получить „копию... Монгольского Уложения“. Куда делась эта рукопись, неизвестно. В Азиатском музее имеется MS, содержащий довольно значительные выписки из монгольской редакции этого Уложения (sub F. 196). Китайская же версия была переведена Иакинфом Бичуриным, см. его „Записки о Монголии“ II, стр. 203—339, СПб., 1828. О частичных переводах см. Б. Лауфер, „Очерк монгольской литературы“, стр. 84; см. также T'oung Pao, 1930, p. 178.

³ Манджурская версия переведена на русский язык С. Липовцовым: „Уложение Китайской Палаты внешних сношений“, 2 т., СПб., 1828. О. Ковалевский (см. *op. cit.*, стр. 492) указывает, что „Уложение“ появилось в 1815 г.; дата эта повторяется Лауфером (*op. cit.*, 84). А Иакинф Бичурин говорит, что второе издание было выпущено в 1820 г. (см. Иакинф Бичурин, „Записки о Монголии“, I, стр. VIII). В действительности же второе издание вышло в 1817 г. — 22-й год правления Жэнь-Цзун (см. „Монг. Ул.“ дополнит. бэнь-цзы, f. 33). В 1826 г. появилось третье издание, немного исправленное; так же, как и второе, оно заключается в 63 debter или бэнь-цзы + 1 дополнит. + 4 с оглавлениями (по монгольской версии). О дальнейших изданиях ничего неизвестно: проф. Ковалевский говорит („Монг. хрестом.“, I, стр. 492), что в 1832 г. подготавливалось четвертое. Зато известны в рукописях позднейшие дополнения к „Уложению“, встречавшиеся по хошунным управлениям (Sine togtaḡan jarlaju ireḡsen xandasu — „списки [статей законов] недавно утвержденных и опубликованных“); подобные xandasu являлись основными „судебниками“ в дореволюционной Монголии.

Приходится отметить, что русский перевод „Монголо-ойратских законов“, сделанный К. Ф. Голстунским, не может считаться вполне удовлетворительным.¹ Что касается перевода „Уложения Палаты внешних сношений“ С. В. Липовцова, то он требует к себе очень осторожного отношения. Дело в том, что С. В. Липовцов, — как известно, дал перевод манджурской версии „Уложения“, вышедшего одновременно на трех языках: монгольском, китайском и манджурском,² перевода в общем вполне хорошо, совершенно неверно передает многие и многие термины. Так, напр., фразу, которую следовало бы перевести „Какие бы то ни было монгольские князья и тайджи при взимании ежегодных (податей) со своих подданных“³..., С. В. Липовцов передает так:⁴ „Все разностепенные Монгольские князья и тайцзи, у коих существуют свои наследственные поместья, должны ежегодно брать подати“... Вследствии этого затемняется совершенно определенный термин *albatu* „подданный, *vassalus*, *feodatus*“. Точно также термин *хамжилга* (= манджурск. *qamciġan*), обозначающий особое сословие подданных, приписанных к какой-либо семье феодалов для отправления натуральных повинностей,⁵ С. В. Липовцов переводит словом „деньщик“,⁶ а иногда просто „люди, ... принадлежащие“ (кому-либо)⁷ Приходится признать поэтому, что пользоваться переводом „Монгольского Уложения“ С. В. Липовцова невозможно без тщательной проверки по подлиннику манджурскому, монгольскому, или китайскому.

„Монголо-ойратские законы“ и „Халха Джирум“ неоднократно признавались за памятники обычного права.⁸ С этим положением согла-

Образцы таких MS имеются в Азиатском музее. Кроме того, в нашем распоряжении имеются списки сборника законоположений по делам Монголии, опубликованных манджурскими императорами годов правления Цянь-Лун (1736—1795), Цзя-Цин (1796—1821). Проф. В. А. Рязановский упоминает еще об одном „Уложении“ по делам Монголии: это сборник законоположений, опубликованных манджурскими императорами с 1629 г. по 1695; рукопись с этим сборником недавно была найдена в Монголии; см. Рязановский, „Монгольское право“, Харбин, 1931, стр. 84; воспользоваться этим сборником автору настоящей работы не пришлось.

¹ Dr. В. Laufer восторженно отзываясь о труде проф. Голстунского: „Работа Pallas'a давно уже отошла в тень, благодаря великолепному критическому изданию и переводу калмыцких законов Голстунского“ (Б. Лауфер, „Очерк монгольской литературы“, стр. 87). В. Л. Котвич уже отметил важные недостатки Голстунского („Архивные документы“, стр. 796): безоговорочное изменение орфографии подлинника и недостаточное использование имевшихся материалов.

² Липовцов, *op. cit.*, I, стр. XV—XVI.

³ „Монгольское Уложение“, XII, f. 23: *aliba mongġol vang güng taiiji-nar jil büri tegün-ü albatu-ċee abcaġaxui-dur...*

⁴ Липовцов, *op. cit.*, I, стр. 132. ⁵ См., напр., „Монг. Ул.“, XL, f. 3. ⁶ Липовцов, *op. cit.*, II, стр. 111, § 77. ⁷ *Ibid*, I, стр. 36, § 58 — „Монг. Ул.“, III, f. 17.

⁸ См. Журн. Мин. Вн. дел, 1833, VIII, № 5, стр. 101 (статья Иакинфа Бичурина); Ф. И. Леонтович, „Монголо-калмыцкий... устав взысканий“, стр. 17—18; В. А. Рязановский, „Обычное право монгольских племен“, Харбин, 1924, стр. 29, 30; В. А. Рязановский, „Монгольское право (преимущественно обычное)“, Харбин, 1931, стр. 41—80; Ц. Жамцарано и А. Турунов, „Обозрение памятников писаного права монгольских племен“, стр. 1—3; Халха

ситься невозможно. Оба эти кодекса являются настоящими сводами законов, выработавшимися в процессе долгой эволюции. Так же, как и „Монгольское Уложение“, они представляют степное феодальное право, получившее санкцию закона.¹ Такое определение, конечно, не исключает возможности признания известного влияния обычного права на рассматриваемые своды законов.

Наконец, некоторым источником сведений о социальном строе монголов за рассматриваемое время являются эпические произведения, произведения народной словесности вообще, особенно монгольский героический эпос. В большинстве случаев, как это было показано выше, героические эпопеи монголов живут лишь в устной передаче. Все-таки можно отметить несколько эпических сказаний, сделавшихся достоянием монгольской письменности. Среди подобных сочинений наибольшее значение имеет „Сказание об Убаши-хун-тайджи“ (Ubashi xung-taijiyin tūji), дошедшее до нас в ойратской версии, повествующее о событиях, имевших место в конце XVI в., когда, по всей вероятности, оно и возникло.²

Что касается монгольского героического эпоса, живущего в устной передаче, то о нем можно повторить сказанное выше. Следует отметить только, что у монголов известны попытки перенесения своих эпопей в книгу: в нашем распоряжении имеется несколько образцов записей произведений героического эпоса, сделанных самими монголами в различных местах монгольского мира³ (хранятся в Азиатском музее).

Кроме героических эпопей, для нашей цели наибольшее значение из произведений народной словесности имеют пословицы и поговорки (см. книгу В. А. Котвича, „Калмыцкие загадки и пословицы“, СПб., 1905).

Джиром, стр. 3; К. Ф. Голстунский, „Монголо-ойратские законы“, стр. 6; Я. И. Гурлянд, „Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие“, Известия Общ. археол., ист. и этногр. при Казанск. унив., т. XX, 1904, стр. 101.

¹ Замечательно, что еще в 1837 г. один русский чиновник охарактеризовал „Монголо-ойратские законы“ так: „законоположение это было составлено во времена независимости Калмыков и жизни воинственной, носит на себе отпечаток кочевого феодализма“, см. „Отечественные Записки“, 1846, т. XLIX, стр. 10 (статья Бюлера).

² Издание и перевод Галсана Гомбоева, Труды ВОРАО, ч. VI, стр. 198—224, СПб., 1858. Перевод Г. Гомбоева неточен и вообще неудовлетворителен, так же, как и издание текста. О других изданиях и переводах см. В. А. Котвич, „Архивные документы“, стр. 795.

³ О монгольской народной словесности см. Б. Лауфер, „Очерк монгольской литературы“, стр. XVII—XX, 71—83. В Азиатском музее хранится очень большое количество записей произведений народной словесности монгольских племен и особенно героических эпопей. Списки, до сих пор опубликованные, дают представление только о небольшой их части, см. *Musei Asiatici Petropolitani notitiae, curante C. Salemann, VII, p. 050—52, 059—068*; Известия Русск. ком. для изуч. Средн. и Вост. Азии, № 6, стр. 36—37; № 9, стр. 60; № 10, стр. 75—76; сер. II, № 1, стр. 103; № 2, стр. 90—91. В дополнение сведений, имеющих в книжке Б. Лауфера следует указать: „Образцы народной словесности монг. племени, т. II, эпические произведения эхрит-булгатов, Гэсэр-Богдо, эпопея“, Л., 1930, изд. Акад. Наук; N. Poppe, „Zum khalkhamongolischen Heldenepos“, *Asia Major, vol. V, 1928, p. 183—213*; Б. Б. Бамбаев, „Отчет о командировке в Монголию летом 1926 г.“, „Отчет лингвистической экспедиции в Сев. Монголию“, Материалы МОНК, вып. 4, Л., 1929, стр. 38—70.

Б. Пособия

Пособий, относящихся к рассматриваемому периоду, немного. Впрочем некоторые сочинения, упомянутые в предыдущем разделе, относятся и к настоящему. В общеизвестных сочинениях, касающихся истории монголов времен династии Юань и Мин, в книгах D'Ohsson'a,¹ в анонимной истории Мин;² также как и в работах, обращавшихся к монголам еще более специально, напр., в сочинениях Д. Д. Покотилова,³ М. Courant,⁴ В. М. Успенского,⁵ Е. Н. Parker'a⁶ имеется мало данных, которыми можно было бы воспользоваться для нашей цели. Сочинения Д. Д. Покотилова и В. М. Успенского являются лишь первыми шагами на пути, очень длинном, исследования китайских источников, и приходится пользоваться ими так же, как и довольно путанной статьей Е. Н. Parker'a, за неимением других. Работа Д. Д. Покотилова испорчена наивным толкованием и предвзятыми взглядами.

О больших трудах Н. Howorth'a⁷ и Г. Е. Грумм-Гржимайло⁸ придется отметить, что пользоваться ими необходимо с большой осторожностью в виду того, что эти авторы, не владея восточными языками, часто не были в состоянии критически отнестись к своим источникам и находились в полной зависимости от переводчиков.

Более интересными для нашей цели являются работы Иакинфа Бичурина,⁹ А. М. Позднеева¹⁰ и Е. Bretschneider'a¹¹, в особенности одно исследование А. М. Позднеева „Эрдэнийн Эрхэ“ — „Материалы для

¹ „Histoire des Mongols“, t. II.

² „Китайская история поколения Дай-Минских императоров“ (повидимому, составлена Липовцовым, см. JA, t. II, 1823, p. 251).

³ Д. Покотилон, „История восточных монголов в период династии Мин 1368—1634 гг.“ (по китайским источникам), СПб., 1893.

⁴ „L'Asie Centrale aux XVIIe et XVIIIe siècles, Empire Kalmouk ou empire Mantchou?“, Lyon — Paris, 1912.

⁵ „Страна Куз-нор или Цин-хай, с прибавлением краткой истории ойратов и монголов“, Записки РГО по отд. этногр., VI, 1880 (путанное и очень устарелое).

⁶ „Mongolia after the Tughizides and before the Manchus“, J. of the N. China Branch of the R. Asiat. Soc., vol. XLIV, 1913 (большая путаница в объяснении монгольских терминов).

⁷ „History of the Mongols“, Part I, London 1876 (в 1927 г. появилось дополнение: Part IV, Suppl. a. Indices).

⁸ „Западная Монголия и Урянхайский край, т. II. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии“, Л., 1926.

⁹ „Историческое обозрение Ойратов или Калмыков с XV столетия до настоящего времени“, СПб., 1834; „Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии“, пер. с китайск., ч. 2, СПб., 1829.

¹⁰ „Монгольская летопись „Эрдэнийн Эрхэ““. Подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г.“, СПб., 1883; „Новооткрытый памятник монгольской письменности времен династии Мин“, Восточные Заметки, СПб., 1895, стр. 367—387.

¹¹ См. „Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources“, vol. II, p. 139—173.

истории Халхи с 1636 по 1736 г.“, несколько раз упоминаемое выше. Но и к работам А. М. Позднеева приходится подходить с большой осторожностью и проверять на каждом шагу его положения ввиду явной его небрежности в обращении с источниками. Необходимо все-таки отметить, что А. М. Позднеев делал попытку разобраться в данных о строе халхаского общества XVI—XVII вв., хотя и высказывал иногда курьезные вещи.¹

Принимаются также во внимание работы, посвященные начальной истории манджур.² Известнейшие труды И. Е. Фишера³, Г. Ф. Миллера⁴ и П. С. Палласа⁵ представляют материал, главным образом, касающийся ойратов (калмыков) и бурят.

М. Н. Богданов в ряде статей пытается обрисовать черты бурятской общественной жизни XVI—XVIII вв.⁶ Источниками на монгольском языке М. Н. Богданов не пользовался и к работам его приходится относиться так же, как и к исследованию Леонтовича, о котором будет сказано немного ниже. Известная книга Pallas'a „Sammlungen historischer Nachrichten“, несмотря на то, что содержит очень много интересного материала, требует постоянно проверки и самого осторожного отношения: Паллас был всецело в руках переводчиков и почти не имел возможности их контролировать; кроме того, нельзя забывать, что сочинение это было написано 150 лет тому назад.

¹ См., напр., „Эрдэнийн Эрихэ“, стр. 101: „Впрочем это признание младшими главенства старших основывалось, кажется, гораздо более на прирождаемых родовыми обычаями убеждениях и, так сказать, на укоренившейся у халхасов нравственной потребности в повиновении и уважении к старшим, чем на каких-либо внешних причинах, каковы — гражданский строй целой страны“...

² См. В. Горский, „Начало и первые дела Маньчжурского дома“; „О происхождении ныне царствующей в Китае Династии Цин и имени народа Маньчжу“, Труды членов Русской Духовной Миссии в Пекине, т. I, СПб., 1852, стр. 1—247.

³ „Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, сочиненная на немецком языке“, СПб., 1774 (немецкое издание 1768 г. J. E. Fischer, „Sibirische Geschichte“, etc; французск. перевод с русск. издания: „Recherches historiques sur les principales nations établies en Sibirie“ etc., trad. du russe par M. Stollenwerck, Paris).

⁴ „Сибирская История“. Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие, изд. Акад. Наук, т. XVIII—XIX, 1755—1764 (по-немецки: „Sammlung Russischer Geschichte“, III); „Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особенно от покорения его Российской державой по сии времена“, СПб., 1750.

⁵ P. S. Pallas, „Sammlungen historischer Nachrichten über die mongol. Völkerschaften“, vol. 2, St.-Petersb., 1776—1801 (частично по-русски, „Собрание историч. известий о монг. народах“, СПбургск. Вестн., ч. I, № 1, стр. 65—74; № 2, стр. 148—157; № 3, стр. 217—229; № 4, стр. 298—307; № 5, стр. 387—392; „О разделении народов мунгальского поколения“, Месячник истории и географии на 1797 г., стр. 51—83.

⁶ См. М. Н. Богданов, „Очерк истории Бурят-Монгольского народа“ (под редакцией проф. Н. Н. Козьмина), Верхнеудинск, 1926. Наибольшее значение имеют статьи: „Расселение и общественный строй бурят“ (стр. 39—43); „Черты общественного развития бурятского народа“ (стр. 92—103).

Работы М. Н. Хангалова¹ и Д. А. Клеменца и М. Н. Хангалова² являются исключительными в литературе по монголоведению, представляя попытку социологического анализа древне-бурятского общества. Впрочем, работы эти уводят читателя в туманную даль прошлого и развешивают перед ним реконструированную картину былых общественных отношений на основании преданий, легенд, вообще на основании данных „живой старины“, без всякого определения эпохи, и можно только догадываться, что общественный строй, рисуемый названными авторами, относится ко времени XIV-XVII вв. В виду этого к выводам авторов тоже приходится относиться с осторожностью.³

Монгольское право обратило на себя внимание и вызвало несколько работ, среди которых главными являются труды проф. Ф. И. Леонтовича и проф. В. А. Рязановского.⁴ Недостатком работ этих ученых является то, что они не знали монгольского языка и не были ориенталистами, в виду чего они оказались в полной зависимости от переводчиков, которые, как это было показано выше, далеко не всегда удовлетворительно справлялись со своей задачей, и от разных пособий, к которым они тоже не могли подойти с надлежащей критикой. Но главное это то, что у них не было в распоряжении настоящих текстов. Тем не менее приходится признать, что работы эти имеют значение, как дающие материал по юридической систематике старых монгольских текстов. Проф. Леонтович, кроме того, делает редкую попытку представить характеристику общественного строя ойратов XVI и XVII вв., с которой необходимо считаться

¹ См. М. Н. Хангалов, „Зэгэц-аба. Облава на зверей у древних бурят“. Изв. Вост. Сиб. РГО, 1888, т. XIX, № 3, стр. 1—27; „Юридические обычаи у бурят“, Этнографич. обзор, 1894, № 2, стр. 100—142.

² Д. Клеменц и М. Хангалов, „Общественные охоты у северных бурят“. Мат. по этнографии России, 1910, т. I, стр. 117—157; см. также В. Михайлов, „Заметка по поводу выражения „Зэгэц-аба““, „Живая Старина“, 1913, т. XXII, вып. 2, стр. 181—182; А. Турунов, „Прошлое Бурят Монгольской народности“, Иркутск, 1922, стр. 13—17; М. Н. Богданов, „Эпоха Зэгэц-аба, Очерки истории Бурят-Монгольского народа“, Верхнеудинск, 1926, стр. 10—17.

³ Ср. рецензию В. А. Котвича на вышеупомянутую книжку А. Турунова в журн. „Восток“, кн. 3, Л., 1923, стр. 175—176.

⁴ См. Ф. И. Леонтович, „К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий“, Одесса, 1879 г.; „Калмыцкое право, ч. I, Уложение 1822 г. (текст). Примечания: Состав, источники и общий характер уложения. Общественный быт по калмыцким уставам“, Одесса, 1880; В. А. Рязановский, „Обычное право монгольских племен (монголов, бурят, калмыков)“, ч. I—III (отдельный оттиск из №№ 51, 52 „Вестника Азии“), Харбин, 1924; V. A. Riasanovsky, „Customary law of the Mongol tribes (Mongols, Buriats, Kalmucks)“, part I—III, Harbin, 1929 (перевод предыдущей работы с некоторыми дополнениями); „Монгольское право и сравнительное правоведение“, Изв. Юрич. факультета в Харбине, т. VII, стр. 287—303, Харбин, 1929; „Монгольское право (преимущественно обычное)“. Историч. очерк, Харбин, 1931; „К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и право“, Изв. Юрич. факультета в Харбине, т. IX, Харбин, 1931. О других работах в области монгольского (ойратского) права, относящихся к рассматриваемому периоду см. В. А. Котвич, „Архивные документы“, 797.

несмотря на то, что многие положения ее устарели. О том, что старые монгольские кодексы невозможно признавать только материалом по обычному праву, было сказано выше.¹

Трудов в области монгольской народной словесности, могущих оказать помощь для разработки нашей темы, совсем немного; можно указать на некоторые страницы книги А. М. Позднеева,² на статьи Г. И. Рамштедта³ и пишущего эти строки.⁴

3. НОВЫЙ ПЕРИОД (XVIII—XIX вв. НАЧАЛО XX в.) РАЗЛОЖЕНИЕ ФЕОДАЛИЗМА

А. Источники

Некоторые исторические сочинения, возникшие у монголов в XVIII и XIX вв., о которых говорилось выше, оказываются источниками наших сведений о социальном строе монголов и нового периода;⁵ также надо упомянуть *Iledkel shastir* и „Мэн-гу-ю-му-цзи“.⁶

Особенно важными источниками являются своды законов и сборники по обычному праву калмыков⁷ и бурят,⁸ а также „Новое монгольское Уложение“ автономной Монголии 1914 г. (*jarlig-iyar toḡtagagsan Mongḡol ulus-un xauli jüil-ün bicig*).⁹ Большинство этих источников на русский язык не переведено.

¹ См. выше, стр. 21.

² См. „Образцы народной литературы монгольских племен. Вып. I. Народные песни монголов“. СПб., 1880 (сильно устарело).

³ Г. И. Рамштедт, „О былинах монгольских“, Труды Троицкосав.-Кяхт. отд. Приамур. отд. РГО, т. III, вып. 2—3, 1902, стр. 44—53.

⁴ Б. Владимирцов, „Монголо-ойратский героический эпос“, Пгр., 1923, Введение.

⁵ См. выше, стр. 19.

⁶ См. выше, стр. 13.

⁷ Законы, составленные при калмыцком хане Дондук-Даши, изданы в ойратском тексте вместе с русским переводом К. Ф. Голстунским, см. его „Монголо-ойратские законы“, стр. 23—33 (текст); стр. 60—72 (перевод); о так называемых „Зензелинских постановлениях“ см. Ф. И. Леонтович, „Калмыцкое право, ч. I, Уложение 1822 г.“ (русский перевод); Голстунский, *op. cit.*, стр. 14—16; А. М. Позднеев, „Калмыцкая хрестоматия“ (три издания: СПб., 1892, 1907, 1915), стр. 89—93 (небольшой отрывок ойратского текста); см. также проф. Н. Н. Пальмов, „Этюды по истории приволжских калмыков“, ч. II, Астрахань, 1927, стр. 91—147.

⁸ См. Ц. Жамцарано и А. Турунов, „Обозрение памятников писаного права монгольских племен“, Сборник трудов... Гос. Иркут. ун-в., Иркутск, 1920, стр. 1—13; В. А. Рязановский, „Монгольское право (преимущественно обычное)“, Харбин, 1931, стр. 1—38, приложение (памятника обычного права [бурят]), — русский перевод некоторых сборников; Д. Я. Самоквасов, „Сборник обычного права сибирских инородцев“, Варшава, 1876; „Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири“, СПб., 1841; „Пояснительные примечания к своду степных законов“, СПб., 1841 (как известно, „Свод“ этот законодательного утверждения не получил). В Азиатском музее и в библиотеке Ленинградского университета хранятся несколько списков различных сборников бурятских „законов“ и „постановлений“ на монгольском языке.

⁹ Экземпляр этого редкого издания, выполненного подвижным шрифтом, имеется в Азиатском музее Академии Наук — 34 *deber*.

Далее идут различные официальные бумаги и документы, хошунные постановления (*dürim*), записки и протоколы,¹ а также соответствующие места „Полного Свода Законов“² и другие официальные акты.³

Затем в качестве источника сведений об общественном строе монгольских племен нового периода надо признать свидетельские показания очевидцев, путешественников и других исследователей, входивших в непосредственные сношения с монголами. Среди этой очень большой и разноценной литературы особое значение для наших целей имеют следующие сочинения.

1) Путешествия к восточным монголам

Е. Тимковский, „Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах“, СПб., 1824;⁴ А. Палладий (Кафаров), „Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг.“, Записки РГО по общ. географ., т. XXII, № 1, СПб., 1892;⁵ Г. Н. Потанин, „Очерки Северо-Западной Монголии“, СПб., 1881—83; „Тангутско-Тибетская окраина Китая“, СПб., 1893; А. М. Позднеев, „Монголия и Монголы“, СПб., 1896—1898; П. К. Козлов, „Монголия и Кам“, СПб., 1905—1907; Е. Нус, „Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet pendant les années 1844, 1845 et 1846“; C. G. E. Mannerheim, „A visit to the Sarö and Shera Yögurs“, Journal de la Soc. Finno—Ougr., XXVII, 1911. Н. G. C. Perry-Ayscough and E. R. B. Otter-Barry, „With the Russians in Mongolia“, London, 1914; Г. Д. Санжеев, „Дархаты, этногр. отчет о поездке... в 1927“.⁷

Во всех этих сочинениях наблюдается одна общая черта: авторы всех перечисленных книг, за исключением Палладия Кафарова, А. М. Позднеева, Г. Д. Санжеева и отчасти Е. Нус'а, не были ориенталистами, не владели в полной мере монгольским языком и были чужды монгольской филологии вообще, благодаря чему они нередко проходили мимо очень

¹ Среди этих документов особое внимание обращает на себя *dürim* одного Ордосского хошуна: Terigün jasağ xosiğun-u beiise jinong-un xosiğun-u *dürim* (список его хранится в Азиатском музее Академии Наук). См. также „Сборник материалов по истории Бурятии XVIII и первой половины XIX века“, вып. 1, под редакцией и с примечаниями В. И. Гирченко, Верхнеудинск, 1926.

² В рукописи оставлено место для ссылок (прим. ред.).

³ См., напр., „Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицкосавского пограничного правления Сычевским в 1846 г. Сообщает В. Н. Баснин“, Чтения в Общ. ист. и древн. рос. при Московск. унив., 1875, кн. 2, М., 1875.

⁴ Известны переводы этого сочинения на западно-европейские языки, напр., на французский с замечаниями J. Klaproth'a (Paris, 1827) и на английский с поправками того же ориенталиста (London, 1827).

⁵ Имеется французский перевод: L'Archimandrite Palladius, „Deux traversées de la Mongolie, 1847—1859. Notes de voyage traduites du russe par les élèves du cours de russe de l'Ecole des langues orientales vivantes“, Préface de M. P. Boyer, Bull. de géographie historique et descriptive, 1884.

⁶ Об этом сочинении и его изданиях см. P. Pelliot, „Le voyage de M. M. Gabet et Huc à Lhasa“, T'oung Pao, 1925, p. 133—178.

⁷ Материалы МОНК, № 10, Л., 1930.

важных явлений, не умели объяснить многого и задерживались над описанием того, что могло бы быть известно по подлинным документам.} Как известно, А. М. Позднеев собирался в т. III работы своей „Монголия и Монголы“ представить „черски административного устройства Монголии и порядков управления в этой стране, с выяснением военного и политико-экономического состояния монголов в настоящее время“, ¹ но осуществить это ему не удалось. Сведения же, имеющие отношение к нашей цели, разбросаны по многим страницам „Монголии и Монголов“, совершенно не представляя чего-либо целого. ²

2) Путешествия к ойратам

И. Лепехин, „Дневные записки путешествия... по разным провинциям Российского государства 1768—1769 г.“, ч. I, СПб., 1771; ³ П. С. Паллас, „Путешествие по разным провинциям Российской империи“, СПб., 1773—1788 гг.; ⁴ „Посольство к зюнгарскому Хун-тайчи Цеван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1822—1824 годы. Документы, изданные с предисловием и примеч. Н. И. Веселовского“, Записки РГО по отд. этногр., т. X, вып. 2, СПб., 1887; Н. Нефедьев, „Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте“, СПб., 1834; Bergmann, „Nomadische Streifereien unter den Kalmuken“, Bd. I—IV, Riga, 1804—1805; ⁵ статьи Н. О. Очирова и Б. Владимирцова о волжских калмыках и ойратах С-З Монголии; ⁶ П. К. Козлов, „Монголия и Кам“.

¹ „Монголия и Монголы“, I, стр. XXV. В. А. Рязановский приводит цитату из этого т. III по рукописи, предоставленной ему проф. Г. В. Подставным, см. В. А. Рязановский, „Обычное право монгольских племен“, стр. 15—16. А. М. Позднеев описывает „первоначальный вид монгольской родовой общины“, причем можно видеть, что он построение свое производит путем логического вывода из данных по общественному строю современных калмыков, калмыков XIX в. только.

² Вообще, можно отметить, что ученые монголисты, лингвисты и филологи, путешествовавшие по Монголии, не оставили описаний своих путешествий — свидетельских показаний о стране и людях, ее населяющих, за исключением кратких статей. С другой стороны, путешественники — авторы о Монголии и монголах, почти все без исключения не знали монгольского языка. В особом положении А. М. Позднеев и Палладий Кафаров; впрочем, последний, — великий ориенталист, — повидимому, монгольского языка не знал.

³ Второе изд., СПб., 1795. Затем „Записки“ Лепехина изданы Академией Наук в „Полном собрании ученых путешествий по России“, СПб., 1818—1825. Немецкий перевод „Записок“ Лепехина (J. Lepechin's Tagebuch...) появился в 1774—77 г.; французский перевод в извлечениях в книге Frey de Landres, „Histoire des découvertes faites par divers savans voyageurs dans plusieurs contrées de la Russie...“, Berne et la Haye, 1779—1787.

⁴ Второе изд.: СПб., 1809. Немецкий подлинник (Reise durch verschiedene Provinzen des Russ'schen Reichs) появился в 1771—1776 гг., второе изд. 1801 г. Французский перевод 1793 г. (Paris). Старые „знаменитые“ путешественники представлены в анонимной книге „Voyages chez les peuples Kalmouks et les Tartars“ (Berne, 1792). Довольно полный обзор путешествий к волжским калмыкам и работ, касающихся ойратов, находится в книге Ф. И. Леонтовича, „Древний мон.-калм. устав взысканий“, стр. 38—50.

⁵ Имеется французский перевод (неполный) М. Moris'a (Chatillon-sur-Seine, 1825).

⁶ Известия Русск. ком. для изуч. Средн. и Вост. Азии, № 9 (1909), „Отчет Б. Владимирцова о командировке к дэрбэтам Коздоского округа“ (стр. 47—60); № 10 (1910);

3) Путешествия к бурятам¹

J. G. Gmelin, *Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743*“, Göttingen, 1751—1752;² J. G. Georgi, „*Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich im Jahre 1772*“, St. Petersburg, 1775;³ Паллас, *op. cit.*

Б. Пособия

Что касается пособий за рассматриваемый период, то можно отметить, что они часто бывают неотделимы от источников: одни и те же лица наблюдали и собирали сведения и в то же время использовали этот материал для исследовательской работы. Как указывалось выше, в литературе нет обозрения общественного строя монголов, а имеются лишь отдельные описания некоторых его сторон, разбросанные по разным сочинениям, касающимся тех или других монгольских племен.

Буряты привлекли внимание социологов более других монгольских племен и мы имеем ряд работ по отдельным вопросам, имеющим отношение к нашей цели. Такими работами являются сочинения А. П. Шапова,⁴ М. Н. Хангалова,⁵ Б. Э. Петри,⁶ М. Кроля,⁷ М. Н. Богданова.⁸ Затем надо упомянуть „Материалы по исследованию землевладения и землеполь-

Н. Очиров, „Поездка к Астраханским калмыкам“ (стр. 61—76); Сер. II, № 1, „Отчет Б. Владимирова о командировке к байтам“ (стр. 100—104); № 2, Н. Очиров, „Поездка в Александровский и Багацохуровский улусы“ (стр. 78—91); Б. Владимирцов, „Поездка к кобдо-ским дэрбатам“, Известия РГО, XLVI, вып. VIII—X, 1910, стр. 323—355.

¹ См. М. Н. Богданов, „Бурятский народ в изображении путешественников XVIII в.“, Очерки истории Бур.-Монг. народа, стр. 77—86; *Sacmeisters Russische Bibliothek*, t. I—III.

² Имеется неполный французский перевод de Keralio (Paris, 1760).

³ Имеется русский перевод, появившийся в том же году.

⁴ А. Шапов, „Бурятская улусная родовая община“, Известия Сиб. отд. РГО, 1874, т. V, вып. 3—4, стр. 128—146; „Сельская оседло-инородческая и русско-крестьянская община в Кудинско-Ленском крае“, *id.*, 1875, т. VI, № 3, стр. 97—131; „Эгоистические инстинкты в Ленской народной бурятской общине“, Сб. ист. сведений о Сибири, т. II, стр. 1—47, Спб., 1877.

⁵ М. Н. Хангалов, „Свадебные обряды и обычаи у бурят Угинского ведомства“, Этногр. Обзор., 1898, № 1, стр. 38—75.

⁶ Б. Э. Петри, „Элементы родовой связи у северных бурят“, „Сиб. Живая Старина“, Иркутск, 1924, вып. II, стр. 98—126; „Территориальное родство у северных бурят“, Известия Биол.-геогр. н.-и. инст. при Гос. Иркут. унив., 1924, т. I, вып. II, стр. 1—21; „Брачные нормы у северных бурят“, Сб. трудов Гос. Иркут. унив., 1924, вып. VIII, стр. 3—32; „Внутри-родовые отношения у северных бурят“, Известия Биол.-геогр. н.-и. инст. при Гос. Иркут. унив., 1925, т. II, вып. 3, стр. 1—72.

⁷ М. Кроль, „Черты родового быта“, Известия Иркутского общ. изуч. Сибири, 1917, т. I, стр. 32—47; „Брачное право у бурят Селенгинского окр.“, Протоколы Троицко-сав.-Кяхт. отд. РГО, 1895, № 1; „Брачное право монголо-бурят“, Журн. Мин. юст., 1900, кн. 1, стр. 140—187; „Брачный обряд и обычай Забайкальских бурят“, Известия Вост.-Сиб. отд. РГО, 1894, т. XXV, № 1, стр. 54—87; „Охотничье право и звериный промысел у бурят“, Известия Вост.-Сиб. отд. РГО, т. XXV, стр. 52—82, 1895.

⁸ „Очерки истории Бурят-Монгольского народа“ (под редакцией проф. Н. Н. Козьмина), Верхнеудинск, 1926.

зования в Забайкальской области“,¹ а также более мелкие, разбросанные по журналам, преимущественно сибирским.² Некоторые данные имеются также в известной книге С. К. Патканова о племенном составе населения Сибири.³ См. также книжку А. Турунова, уже упомянутую выше.⁴ Приходится также иметь в виду старый труд Георги, который уделяет внимание и ойратам.⁵

Об ойратах имеется обширная литература, но почти вся относящаяся лишь к волжским калмыкам. Кроме того, сведений и исследований о социальном строе в литературе этой немного, и все они подлежат тщательной проверке; рассуждения же авторов в области истории часто не выдерживают самой снисходительной критики. Некоторые данные, относящиеся к нашей теме, находятся в следующих работах:⁶ П. И. Рычков, „Топография Оренбургская, т. е. обстоятельное описание Оренбург. губ.“, СПб., 1762, а также в „Сочинениях и переводах к пользе и увеселению служащих“, 1762, стр. 256—260; Pallas, „Sammlungen historischer Nachrichten“; Н. И. Страхов, „Нынешнее состояние калмыцкого народа с присовокуплением калмыцких законов“, СПб., 1810; И. Небольсин, „Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса“, СПб., 1852; Полковник Костенков, „Статистическо-хозяйственное описание Калмыцкой степи“, Калм. степь, Астраханск. губ. по исследов. Кумо-Маныч. экспед., III, СПб., 1868; К. Костенков, „Исторические и статистические сведения о Калмыках“, СПб., 1870; Барон ф. Бюлер, „Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы“, Отеч. зап., СПб., 1846, т. XLVII, стр. 1—28, 59—125; т. XLVIII, стр. 57—94; т. XLIX, стр. 1—44 (одна из лучших работ о поволжских ойратах); И. А. Житецкий, „Очерки быта Астраханских калмыков“, М., 1893 (Известия Общ. любит. естествозн., антропол. и этногр., Труды этногр. отд., т. XIII, вып. 1). Это было одно из самых подробных описаний быта калмыков, но с точки зрения социологической книга эта более, чем недостаточна; в особенности плохо обследован родовой строй. Я. П. Дуб-

¹ Так называемые „Материалы Куломзинской комиссии“, СПб., 1898 (см. статьи, напр., Разумова и Сосновского, „Значение рода у инородцев Забайкальской области“, вып. 6).

² См., напр., Д. А. Клеменц, „О свадебных обрядах у Забайкальских бурят“, Известия Вост.-Сиб. отд. РГО, 1891, т. XXII, № 1; И. Вамбоцыренов, „Аба-хайдак, облава у хоринских бурят“, id., 1890, т. XXI, № 2, стр. 29—35.

³ „Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.)“, т. III, СПб., 1912, Записки РГО по отд. статистики, т. XI, вып. 3.

⁴ А. Турунов, „Прошлое Бурят-Монгольской народности“, Иркутск, 1922.

⁵ J. G. Georgi, „Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs“, etc. St. Petersburg, 1776—78; второе изд.: St. Petersburg, 1782; третье изд.: Leipzig, 1783; французский перевод 1776 г. Русский перевод издавался дважды; второе издание: „Описание всех обитающих в Российском государстве народов“, etc., СПб., 1799 (первое изд. 1776—1778 гг.).

⁶ Интересные штрихи общественного строя ойратских племен встречаются иногда в беллетристической и полубеллетристической литературе, также в литературе мемуарной, см., напр., А. М. Амур-Санан, „Мудрешкин сын“, Л., 1925 (есть и другие издания).

рова, „Быт калмыков Ставропольской губ. до издания закона 15 марта 1892 г.“, Известия Общ. археол., ист. и этногр. при Казанск. унив., т. XV, 1899, стр. 1—239; „Материалы стат.-экономического и естественно-исторического обследования калмыцкой степи Астраханск. губ.“, ч. I—II, Астрахань, 1910; Н. Очиров, „Астраханские калмыки и их современное экономическое состояние, описание калмыцкой степи“, Пгр., 1915 (второе изд.: Астрахань, 1925); И. В. Бентковский, „Жилища и пища калмыков Большедербетского улуса“, Сб. статистич. свед. о Ставроп. губ. 1868, вып. 1; А. А. Ивановский, „Антропологический очерк торгоутов Тарбагатайской области, Китайской империи, монголы-торгоуты“, Известия Общ. любит. естествозн., антропол. и этногр., т. LXXI, Труды Антропол. отд., т. XIII, М., 1893; Г. Е. Грумм-Гржимайло, „Западная Монголия и Урянхайский край“, т. III, вып. 1, Л., 1926; вып. 2, Л., 1930; проф. Н. Н. Пальмов, „Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России“, Астрахань, 1922; проф. Н. Н. Пальмов, „Этюды по истории приволжских калмыков“, ч. I, XVII и XVIII вв., Астрахань, 1926; ч. II, XVIII в., Астрахань, 1927; ч. III и IV, Астрахань, 1929.

О „восточных монголах“ сведений, имеющих отношение к нашей теме, еще меньше в европейской литературе, и они еще более разбросаны и отрывочны. Можно указать известные работы Иакинфа Бичурина,¹ Грумм-Гржимайло,² Позднеева.³ Далее отметим книги проф. М. И. Боголепова,⁴ Ю. Д. Талько-Гринцевича,⁵ J. van Oost'a,⁶ И. Майского,⁷ А. П. Беннигсена,⁸ Ю. Кушелева,⁹ А. П. Болобана,¹⁰ Ордосца.¹¹ В сочинениях этих находим данные по монгольскому хозяйству и „общие“ характеристики положения дел в разных местностях. Можно назвать еще

¹ „Записки о Монголии“, т. I—II, СПб., 1828 (немецкий перевод С. F. von d. Borg'a Berlin, 1832).

² Op. cit., см., кроме того, т. II той же работы.

³ „Письмо проф. А. М. Позднеева к барону Ф. Р. Остен-Сакену с замечаниями на „Дневник о. Палладия по Монголии, веденный в 1847 г.“, Записки РГО по общ. геогр., т. XXII, № 1, СПб., 1892, стр. 114—228; „Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу“, Записки РГО по Отд. этногр., т. XVI, СПб., 1887; „Народные песни монгол“, Образцы народн. лит. монг. племен, СПб., 1880.

⁴ Боголепов и Соболев, проф. Томск. унив. „Очерки русско-монгольской торговли, экспедиция в Монголию 1910 г.“, Труды Томск. общ. изуч. Сибири, т. I, Томск, 1911. Это самое солидное сочинение в области экономики Монголии.

⁵ „Материалы к антропологии и этнографии Центральной Азии“, вып. I, Записки Академии Наук СССР по Отд. физ.-мат. наук, т. XXXVII, № 2, Л., 1926.

⁶ „Notes sur le Toomet“, Variétés sinologiques, № 53, Chang-hai, 1922.

⁷ „Современная Монголия“, Иркутск, 1921.

⁸ „Несколько данных о современной Монголии“, СПб., 1912.

⁹ „Монголия и монгольские вопросы“, СПб., 1912.

¹⁰ „Монголия в ее современном торгово-экономическом отношении“, Отчет агента Мин. торг. и пром. за 1912—1913 гг., Пгр., 1914.

¹¹ „Национально-освободительное движение во внутренней Монголии“, журн. „Революционный Восток“, № 2, 1927, стр. 48—64.

книгу московской торговой экспедиции,¹ а также „справочные“ издания М. Баторского,² А. Баранова,³ Ф. Буссе.⁴

Большинство сочинений, перечисленных выше, как пособия,⁵ имеют одну общую черту, о которой уже было упомянуто выше в связи с описанием путешествий-источников: почти все, писавшие о Монголии и монголах, не знали монгольского языка, не были ориенталистами и оставались чуждыми монгольской филологии вообще.⁶ Автору настоящей работы приходилось наблюдать общественный строй монголов в С.-З. Монголии, в Кобдоском округе и в Западной Халхе. Автору приходилось также бывать в калмыцких степях, в центральной и восточной Халхе и немного познакомиться с южными монголами в Пекине. Результаты этих наблюдений до сих пор почти не были опубликованы и теперь используются в предлагаемой работе.

¹ „Московская торговая экспедиция в Монголию“, М., 1912.

² „Опыт военно-статистического очерка Монголии“, СПб., 1884, Сб. геогр., топогр. и статист. мат. по Азии, изд. Воен.-учен. ком. Главн. Штаба, вып. 37.

³ „Словарь монгольских терминов“ (А-Н)“, Материалы по Маньчжурии и Монголии, вып. XI, Харбин, 1907; (О-Ф), id., вып. XXXVI, Харбин, 1911.

⁴ „Список слов бытового значения некоторых кочевых народов восточной Сибири“.

⁵ Очень многие работы не приняты во внимание потому, что они повторяют сказанное прежними исследователями, или потому, что материал, представляемый ими, не вполне надежен. Конечно, не упоминаются работы, будь то описания путешествий или общие обозрения, которые дают слишком мало для намеченной цели.

⁶ Ясно выделяются работы по бурятам М. Н. Хангалова, М. Н. Богданова, Б. Э. Петри, хотя названные авторы не были монголоведами; зато М. Н. Богданов, и особенно М. Н. Хангалов, хорошо знали родное им бурятское наречие. Проф. Н. Н. Пальмов в своих „Этюдах“ ставит себе определенные пределы и основывается, главным образом, на архивных документах. Ордосец, по всей видимости, монгольским языком владеет вполне. Обращает на себя также внимание то, что большинство русских синологов занимались Монголией и монголами в той или другой мере: А. Л. Леонтьев, Иакинф Бичурин, С. В. Липовцов, В. П. Васильев, Палладий Кафаров, П. С. Попов, В. М. Успенский, Э. В. Бретшнейдер, Д. Д. Покотилов, А. О. Ивановский — почти все синологи XVIII и XIX вв. В XX в. это положение резко изменяется, внимание русских китаистов направляется почти исключительно на Китай.

Глава первая

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ МОНГОЛОВ В ДРЕВНОСТИ (XI—XIII вв.). — НАЧАЛО ФЕОДАЛИЗМА

In omni Gallia eorum hominum qui
aliquo sunt numero atque honore, genera
sunt duo; nam plebs poene servorum
habetur loco... Nulli adhibetur consilio.

Caesar, *De bello gallico*, VI, 13

Xaracu irgen ejen-ügei yakin yabumui
Sanang Secen

I. ХОЗЯЙСТВО ДРЕВНИХ МОНГОЛОВ. — ЛЕС И СТЕПЬ

... они переходят с одного места на
другое; сегодня идут, завтра стоят,
останавливаясь там, где есть трава и
вода.

Чжандэхуй

Главные наши источники как Рашид-ад-Дин, так и „Сокровенное сказанье“, разделяют монгольские племена XII в. на две группы, сообразно их образу жизни и ведению хозяйства: на группу племен лесных или звероловных (hoyin irgen)¹ и на группу степных или скотоводческих (ke'er-ün irgen).² Повидимому, то же самое наблюдалось и в XI в.

Монгольские „лесные“ племена жили в ту пору у оз. Байкала, на верховьях Енисея и по Иртышу; степные же скотоводы кочевали на больших пространствах по степям и горным пастбищам, начиная от местности, лежащей у оз. Кулун-Буир вплоть до западных отрогов Алтайских

¹ См. Р.-ад-Д., I, 20, 52, 89—92; С. ск. 131—133, 117, ср. А. М. Позднеев, „О древнем кит.-монг. памятнике «Юань-чао-ми-ши»“, стр. 19; P. Pelliot, „Les mots à h initiale aujourd'hui amuie dans le mongol des XIIIe et XIVe siècles“, JA, Avril—Juin 1925, p. 218 (31°). См. также Дорджи Банзаров, „Об Ойратах и Уйгурах“, „Черная вера...“ и другие статьи, стр. 82—87, СПб., 1891; Палладий Кафаров, „Комментарий... на Марко Поло“, СПб., 1902, стр. 19.

² Название восстанавливается по аналогии с предыдущими и на основании одного выражения, встречающегося у Р.-ад-Д., I, 175; см. также замечания Березина, Р.-ад-Д., II, 268. См. Р.-ад-Д., I, 1—3, passim; С. ск., passim.

гор. Часть монголов-скотоводов обитала и еще южнее, расположившись по ту сторону Гоби, близ китайской великой стены. Среди монгольских племен встречались и такие, которые принадлежали и к степным, и к лесным одновременно.¹ В некоторых случаях к „лесным“ относили племена по старой памяти, потому что их предки были звероловами, потому что они жили в лесистых местах или по соседству с лесами.²

„Лесные“ народы занимались, главным образом, охотой, но не гнушались и рыболовства.³ Никогда не покидая своих лесов, они жили в легких шалашах, устраиваемых из коры березы и других деревьев; степняки же кочевники назывались иногда „поколениями, живущими в войлочных кибитках“.⁴ „Лесные“ приручали диких животных,⁵ особенно марала-изюбря⁶ и козулю,⁷ мясом и молоком которой они питались. Хотя они при блужданиях своих по лесам выучили свой скерб на изюбрей-маралов, тем не менее они знали и лошадь;⁸ конь, повидимому, служил „лесным“ на охоте, по всей вероятности, главарям-начальникам и более состоятельным, знати. Любопытно отметить, что Д. А. Клеменц и М. Н. Хангалов пришли к убеждению, что древние буряты-звероловы, занимавшиеся облавными охотами, тоже знали коня.⁹

„Лесные“ монгольские племена шили одежды из кожи животных и пользовались лыжами, пили древесный сок. Жизнь кочевника-скотовода казалась им невыносимой так же, как и горожанина.¹⁰

Интересные сведения о хозяйственных отношениях у „лесных“ народов сообщает „Сокровенное сказанье“:¹¹ „Xorilartai-mergen, когда в стране его Xori-Tumad был сообщен наложен запрет на места, где водились соболя и белки, и пошли взаимные неприязненные отношения, образовал род (oboḡ ~ obox) Xorilar... и начал кочевать... к владельцам (горы) Burxan-Xaldun“. Наш источник, описывая эту перекочевку рода, ответвившегося от „лесного“ племени Xori-Tumad,¹² отмечает, что у Xorilartai-mergen'a была, между прочим, xara'utai tergen, т. е. „закры-

¹ Р.-ад-Д., I, 89. ² Ibid. (о племени „Тайджикот“); II, 48, 96—97. ³ С. ск., 55.

⁴ См. Позднеев, *op. cit.*, стр. 18. ⁵ Р.-ад-Д., I, 90.

⁶ Р.-ад-Д. говорит переводом Березина (I, 90) о „горных быках“, имеются все основания полагать, что речь идет о маралах-изюбрях (*Cervus maral*, *Ogilby*), монг. *buḡu*.

⁷ Р.-ад-Д., I, 90. Березин переводит словом „сайга“, приводя и монгольский термин Р.-ад-Д.: *jür*. Монг. *jür* — „козуля, *Capreolus pygorgus*, Pall.“, см. Г. Е. Грумм-Гржимайло, „Западная Монголия и Урянхайский край“, I, СПб., 1914, стр. 516—517.

⁸ С. ск., 132. Известно участие „лесных“ в дальних походах совместно с кочевниками; см. Позднеев, *op. cit.*, стр. 17, где упоминаются „ойраты“, — один из „лесных“ народов, — в числе многих родов и племен, собравшихся под предводительством Джамуги против Чингис-хана.

⁹ См. Клеменц и Хангалов, „Общественные охоты у северных бурят“, стр. 17.

¹⁰ Р.-ад-Д., I, 90—91.

¹¹ С. ск., 24. Китайский перевод данного места не точен. Перевожу с „монгольского“ текста.

¹² Племена Xori-Tumad принадлежали к „лесным“, см. Р.-ад-Д., I, 85—88; С. ск., 132—133. Ср. Р. Pelliot в JA, Avril — Juin 1920, p. 175.

тая повозка“¹, какие были известны в ту пору у монголов-кочевников, о которых речь будет ниже.

Из этого сообщения можно сделать вывод, что лесные народы, частично конечно, начали подвергаться влиянию своих кочевых соседей и хозяйственный уклад их стал меняться: замечается эволюция в сторону кочевого быта, постепенный к нему переход.² С другой стороны, как это будет видно из нижеследующего, монгольские кочевники-скотоводы сохраняли многое от охотничьего быта. В некоторых случаях довольно трудно провести грань между „лесными“ охотниками и „степными“ скотоводами: были племена, стоявшие на переходной стадии, были племена или ветви племен, ответвившиеся роды и семьи, которые то вели скотоводческое хозяйство, то занимались охотой и рыбной ловлей.³ Били, конечно, всякую дичь,⁴ но главными объектами охоты были соболь и белка; известны целые племена, которые назывались *Bulağacın*, т. е. „соболевщики“, „охотники на соболей“, и *Keremücin*, т. е. „белковщики“, „охотники на белок“.⁵ Джочи, сын Чингис-хана, получает при покорении „лесных народов“ черных соболей.⁶ „Сокровенное сказанье“ сообщает,⁷ как Хасан (*Asan*), мусульманский купец из Средней Азии, гнал по р. *Ergüne*⁸ 1000 кладеных баранов и одного белого верблюда „для вымена соболей и белок“.

Насколько „лесные“ народы были вовлечены в орбиту торговли, которая в XII—XIII вв. находилась в руках уйгурских и „мусульманских“ купцов, сказать что-либо определенное трудно. Во всяком случае через земли „лесных“ народов проходил торговый путь, по которому возили муку „из-за северных гор“ „вьюками на верблюдах“.⁹ Меркиты — одно из племен монгольских, которое обитало на р. Селенге, на грани „лесных“ народов и которое частично само к ним относилось, — пользовались мукой,¹⁰ вероятно, мукой, привозимой издалека.

О хозяйстве степных монгольских кочевников источники наши предоставляют гораздо больше сведений: кочевые племена были многочисленнее, и неизмеримо большую роль им пришлось сыграть в истории; Чингис-хан является главою „поколений, живущих в войлочных кибитках“. Рашид-ад-Дин, передавая нам со слов монголов о „лесных“ народах,

¹ Палладий Кафаров переводит „черная кибитка“ (см. С. ск., 24) или „черная телега“ (см. Чан-Чунь, 286). Так как монгольское выражение *хага'ути* трудно понимать, как значущее „обладающий черным“ (монг. *хага'уп* или *хага'ун* = тюрк. *qarağ* „черный, темный“), то можно объяснить, как производное от слова *хага'у* или *хага'у* „защита, охрана“; о телегах см. ниже, стр. 41.

² Ср. В. В. Бартольд, „Связь общественного быта с хозяйственным укладом у турок и монголов“, *Известия Общ. археол., ист. и этногр. при Казанск. ун-в.*, т. XXXIV, вып. 3—4, стр. 1—4. ³ Р.-ад-Д., I, 89; С. ск., 38, 45. ⁴ С. ск., 25. ⁵ Р.-ад-Д., I, 88; ср. Н. Н. Козьмин, „Хозяйство и народность (производственный фактор в этнических процессах)“, стр. 2.

⁶ С. ск., 131 — 132. ⁷ С. ск., 95, о мусульманине Хасане говорят и другие источники, см. Бартольд „Туркестан“, стр. 446. ⁸ Река Аргунь, С. ск., 196. ⁹ Чан-Чунь, 291 — 292, 339; ср. Бартольд, „Туркестан“, 424. ¹⁰ С. ск., 76.

говорит,¹ что „у них было такое мнение, что лучше этой жизни не может быть, и что нет человека блаженнее их“. А Чан-Чунь, тонко образованный китаец, так описал в стихах Гоби и кочевых монголов:² „... на земле не растет дерева, а только дикая трава; небо произвело здесь только холмы, а не высокие горы; хлеба здесь не растут; питаются же молоком; одеваются в меховое платье, живут в войлочных юртах и тоже веселы“. В другом месте он говорит:³ „... и они целые века живут беспечно, довольствуясь самими собой“, и спрашивает:⁴ „для чего творец (судьба-провидение),⁵ образуя вселенную, в этих странах повелел людям пасти коней и коров?“

Главным занятием монголов-кочевников XI—XIII в. было скотоводство и охота; это были номады-пастухи и охотники одновременно, но все-таки основой их экономической жизни было скотоводство.

Монголы-кочевники имели рогатый скот, овец, коз и коней; верблюдов было мало, во всяком случае у тех, кто жил по рекам Толе, Керулену, Онону. Верблюды в большем количестве появились после походов Чингис-хана на Тангут.⁶ Так же, как номадам всех времен и народов, монголам-кочевникам приходилось несколько раз в году переходить с одного места на другое в поисках пастбищ для своего скота.⁷ Дальность перекочевков зависела от условий местности, а также от величины стад. Сена на зиму не запасали, но регулировали свои перекочевки так, чтобы зимой стоять в местах удобных, где скот мог бы легко добывать себе корм — сухую на корню траву. Перекочевка и стойбища вариировались также сообразно составу стад: что было удобно для овец, не годилось для табунов коней: — „Ныне если мы остановимся у горы, — говорит Джамуга Чингис-хану во время одной летней перекочевки,⁸ — то пасущие коней достанут юрты; если подле потока, то пасущие овец и ягнят достанут пищу для горла“. Чем больше было стадо, тем больше оно вызывало перекочевков-переходов.

Наши источники позволяют различать два вида кочевья у монголов XI—XII в. С одной стороны, жили и кочевали более или менее большими группами;⁹ с другой, наблюдается явление противоположное: отдельные семьи кочуют в одиночку, изолированно или небольшими объединениями,¹⁰ что наблюдается у современных монголов Халхи и Кобдоского округа, напр., где редко можно видеть скопление в одном месте более 2—3 юрт-аилов.

Кочевавшие обществами, обычно, передвигались одним табором и останавливались одним становищем.¹¹ Стойбища такие иногда насчитывали

¹ I, 90. ² Чан-Чунь, 285; ср. Чжан-Дэ-хуй, 582. ³ Чан-Чунь, 289. ⁴ Ibid.

⁵ См. толкование Палладия Кафарова, стр. 401 (213^c). ⁶ См. С. ск., 140—141; Р.-ад.-Д., III, 7. ⁷ Р.-ад.-Д., I, 2—3; passim; Рубрук, 69—71; Марко Поло, 87—88; Чан-Чунь, 286; Чжан-Дэ-хуй, 486. ⁸ С. ск., 59. ⁹ С. ск., 24, 37, 43, 46, 50, 57—60, 120; Р.-ад.-Д., II, 91, 94—95; I, 59. ¹⁰ С. ск., 44—45, 64; Р.-ад.-Д., II, 92; Рубрук, 70—71, 82.

¹¹ С. ск., 57, 58—60, 37, 120; Р.-ад.-Д., II, 94—95.

несколько сотен юрт.¹ Стойбище, *küriyen* ~ *güriyen* по монгольски, образовывались из скопления аилов, по монгольски *ayıl*, т. е. кочевых стоянок или кочевых дворов, состоявших из отдельных юрт и телег-кибиток. „Значение куреня, — говорит Рашид-ад-Дин,² — есть таково: когда в поле кибитки во множестве ставят кругом в виде кольца, то называют это «курень». В другом месте тот же автор поясняет следующим образом:³ „Значение куреня есть кольцо. В старинные времена, когда какое-нибудь племя останавливалось на каком-нибудь месте на подобие кольца, а старший из них был подобен точке в середине круга, это называли курень. В нынешнее время, когда приблизится неприятельское войско, располагаются по той фигуре, дабы не вошел в середину чужой и неприятель“.⁴ Чан-Чунь тоже видел скопление в несколько тысяч юрт⁵ и телег — становища одного князя и ханских жен.

Итак монголы XI—XII в. кочевали или аилами (*ayıl*),⁶ или куренями (*küriyen*).⁷ Если, с одной стороны, некоторым было удобнее кочевать изолировано, аилом, то, с другой стороны, при других обстоятельствах было страшно и опасно быть исключенным из стойбища, куреня.⁸

В данном случае обнаруживается одно из важных противоречий кочевой жизни вообще. Богатому скотом кочевнику и особенно коневоду неудобно кочевать в большом обществе, заботы о своих стадах и табунах заставляют его искать более привольного существования отдельным аилом. Подобное явление наблюдается и в настоящее время у волжских ойратов калмыков). В то время, как средние по своему состоянию и бедняки кочуют обществами (хотонами), богачи стремятся и вынуждены кочевать отдельно, аилом. Но кочевание аилом, т. е. небольшой изолированной группой с большим количеством скота, возможно только при условии общей безопасности. Подобное положение делается невыносимым при наездах, грабежах, войнах.⁹ Приходилось поэтому искать выхода: разбивали большие курени на малые, сами владельцы жили и кочевали куренями, а стада свои, главным образом табуны, держали аилами. Соеди-

¹ Р.-ад-Д., II, 15. ² Ibid; *küriyen* ~ *güriyen* < старин. *kürigen*. От монг. *küriyen* происходит русск. *курень*. ³ Р.-ад-Д., II, 94.

⁴ В дни „первой“ монгольской революции 1911—1912 г. монгольское ополчение, обычно, становилось лагерем совершенно таким же образом.

⁵ „Черные телеги и войлочные юрты стояли рядами, в числе нескольких тысяч“, Чан-Чунь, 287, 291; ср. описание Рубрука, 69—71, 82.

⁶ Для настоящего термина пояснением может служить следующий текст из С. ск.: Темүжин-и абеи одси, ulus irgen-dür-iyen jasağlaju ayıl-tur nigen хонор'улун забрав Темучина (Таргутай Кирилтук) наказал своему народу, бывшему у него во владении, приказав оставлять его ночевать по разу в аилах — кочевых «дворах»; ср. перевод Палладия, С. ск., 41.

⁷ Ср. выражение С. ск.: *niken güriyen irgen* „одно стойбище народа“, ср. С. ск., 46 и 181 (119°); Р.-ад-Д., I, 110. ⁸ С. ск., 37—38.

⁹ См. „Сказание о Чингисхане“, 153; Р.-ад-Д., II, 16; Иакинф, 4—5; С. ск., 40, 41, 45, 49—52.

нение куренного хозяйства с аильным представлялось, повидимому, монголу XI—XII в. самым идеальным.¹ С образованием державы Чингиса куренный способ, повидимому, исчезает, как это можно заключить из вышеприведенных слов Рашид-ад-Дина и путешественников XIII в.

Больше всего ценилась лошадь; табуны коней были главным богатством древнего монгола: без коня невозможно было вести степного хозяйства.² Конь монголу служил средством передвижения, служил на войне и облавной охоте, доставляя молоко; монголы питались его мясом, использовали его шкуру и волос — все, конечно, как и современные кочевники. „Когда монгол разлучится с лошастью, что он может сделать?“ — говорили враги, загнав „монгольского“ Хутула-каана в болото.³ „Тот, кто упадет с лошади, — сказал раз Чингис-хан,⁴ — каким образом будет иметь возможность встать и сражаться? А если и встанет, то пеший каким образом пойдет под конного и выйдет победителем?“

На коней обращено особое внимание, по ним судят о состоянии того или другого ополчения, того или другого поколения.⁵ Монгольские принцы, не желавшие ехать на сейм или по вызову императора, всегда ссылались на то, что их лошади худы, и они не имеют возможности поэтому совершить путешествие.⁶

Чингис-хан в начале неприязненных отношений с известным Ван-ханом кереитским, пробуя вступить с ним в переговоры, „отправил... двух человек... передать, — по словам „Сокровенного сказанья“,⁷ ему следующую речь: „Мы остановились на восточном берегу Тунгэли, трава здесь тучная и кони в теле“. Рассказами о конях и конских табунах переполнено „Сокровенное сказанье“.⁸ Но количество лошадей, которыми располагали монголы, во всяком случае те ближайшие племена, среди которых родился Темучин-Чингис-хан, было вначале, повидимому, не велико; оно возросло, конечно, с ростом его державы. Так, напр., отец Чингиса, Йесугей-багатур, едет сватать своего старшего сына и берет

¹ См. С. ск., 45—47, 64; „Сказание о Чингисхане“, 153. Ср. Р.-ад-Д., II, 92—95. Ср. В. В. Радлов, „К вопросу об уйгурах“, СПб., 1893, стр. 68—69.

² Ср., напр., Р.-ад-Д., II, 103, 44—45; С. ск., 45—47.

³ См. Р.-ад-Д., II, 43. Ездили верхом монголы почти исключительно на меринах, что наблюдается и теперь. Мерин по монгольски ахта ~ агта, производным от последнего слова ахтаси ~ агтаси назывались „конюшие“ и „шталмейстеры“, „заведующие выправкой коней“, см. С. ск., 62, 103, ср. Бартольд „Туркестан“, 411; Pelliot в JA, Avril—Juin 1920, p. 179—180; Pelliot в Toung Pao, 1930, vol. XXVII, p. 27.

⁴ Р.-ад-Д., I, 171. О конях Чингис-хан говорит в своих „Изречениях“, см. Р.-ад-Д., III, 122—123.

⁵ С. ск., 103—104; ср. показания Чжао-Хуна, см. Васильев, „История и древности восточной части Средней Азии“, стр. 225—226. Здесь можно вспомнить его mot: „Некоторые Татары весьма бедны, грубы и ни к чему неспособны, только и умеют ездить на лошади в свите других“ (ibid., стр. 217). См. Марко Поло, 90—91.

⁶ См., напр., D'Ohsson, II, 361.

⁷ Стр. 91; ср. „Сказание о Чингисхане“, стр. 170; Р.-ад-Д., II, 135.

⁸ Стр. 23, 27, 44, 45—47, 49, 50, 64, 101, 103, 104 etc., ср. Р.-ад-Д., II, 44—45 etc.

с собой последнего. При заключении сговора он передает отцу будущей жены своего сына „одну заводную лошадь.“¹ В молодости у Темучина и его братьев, когда уже они несколько оправились от разных злоключений, было всего восемь мерин, да одна лошадь, на которой ездили на охоту за сурками.² Когда, впоследствии, меркиты напали на стойбище Чингиса-Темучина, то оказалось, что он „имел наготове только одну заводную лошадь, и для супруги, Борте, не осталось коня“.³

Рогатый скот тоже употребляли, как средство передвижения: запрягали в повозки-кибитки быков и коров.⁴ Баранов держали, как и везде, ради мяса, шкур и шерсти.⁵ Мясо, как и в настоящее время, заготавливали поздней осенью или в начале зимы, когда бараны были в теле, т. е. кололи баранов и замораживали туши.⁶ Точных данных о количестве скота, которым располагали монголы в ту эпоху, и в частности о количестве овец не имеется. Единственная цифра, приводимая нашими источниками и упомянутая выше,⁷ имеет несколько особое значение. Речь идет о купце-иностранце, который гнал „кладеных“ баранов; число их, — можно отметить, — было невелико: 1000 голов. Был у него еще один белый верблюд.⁸

Верблюдами, конечно, не могли пользоваться жившие в верховьях Онона, Керулена и Толы — основных мест кочевок Чингис-хана в юности: это лесистая горная местность, изобилующая к тому же горными мочагами.⁹ И, действительно, „Сокровенное сказанье“ упоминает о верблюдах только тогда, когда говорит о племенах, кочевавших на степных пространствах.¹⁰ На верблюдов монголы не только выючили тяжести, но и запрягали их в повозки.

Мясо домашних животных, всякое, шло в пищу,¹¹ причем его не только варили, но и жарили.¹² Молочные продукты, как и у всех кочевников, являлись одним из главных элементов питания, и наши источники неоднократно о них упоминают,¹³ а Рубрук описывает подробно.¹⁴ Можно отметить при этом, что животных доили как женщины, так и мужчины.¹⁵

Но одним кочевым скотоводческим хозяйством монголы XI—XIII в. прожить не могли: пищи не доставало. Недостаток этот пополнялся

¹ С. ск., 36. ² С. ск., 45. ³ С. ск., 50. ⁴ Ibid.; Рубрук, 69. ⁵ См. С. ск., 50.

⁶ См. С. ск., 26. По-монгольски *julma хонин*. ⁷ См. выше, стр. 35. ⁸ С. ск., 95.

⁹ См. Записки Сиб. отд. РГО, VIII, стр. 148; Северная Монголия, II, Л., 1927, изд. Акад. Наук СССР, стр. 37—38; М. А. Усов, „Орография и геология Кентейского хребта в Монголии“, Изв. Геол. ком., 1915, т. 34, № 8; И. А. Молчанов, „Материалы к вопросу о древнем оледенении С.-В. Монголии“, Известия РГО, т. LIV, вып. 1, 1919, стр. 66—100.

¹⁰ Стр. 92, 140—141. В монгольском тексте С. ск. о верблюдах говорится при упоминании племени Онгирад (Конгирад), жившем в степной местности по р. Керулену (см. С. ск., 47—48, ср. D'Ohsson, I, 9); *hasax tergen-tür uno'ulju, xara bu'ura kölgeju* „...посадив на повозку и запрягши черного верблюда-жеребца...“ ¹¹ Рубрук, 73.

¹² С. ск., 25. Как известно, в настоящее время монголы мясо употребляют в пищу почти исключительно в вареном виде. ¹³ См., напр., С. ск., 43, 65, 71; Чан-Чунь, 288—291.

¹⁴ Стр. 72—75.

¹⁵ Рубрук, 78; С. ск., 45.

охотой на всякого рода дичь и отчасти рыбной ловлей;¹ в затруднительных случаях питались и кореньями. Все это лишний раз подтверждает то, что до образования империи Чингис-хана скота у монголов, живших по Онону, Керулену и Толе, было немного.

„Итак, — говорит Рубрук,² — охотой они добывают себе значительную часть своего пропитания“. Охотились на крупную дичь и на грызунов, причем охоты были двух родов: индивидуальные и общественные — облавные. Очень любили также соколиную охоту. Вообще на охоту смотрели, как на одно из высших удовольствий, облавные же охоты почти всегда были спутниками всякого похода, войны, набега: благодаря этому, войско получало пищу и производило как бы подготовительные маневры. Наши источники часто упоминают об облавных охотах и дают довольно подробное их описание, но все-таки в настоящее время нельзя представить себе во всех деталях, как они были организованы.³ „Ван-хань..., занимаясь облавой, возвратился в Черный Лес реки Туула“;⁴ — „Во время облавы, Чингис удерживал Хуилдара, ...но тот не послушался. Когда он на коне гнался за зверьми, рана его снова открылась...“⁵ — подобные фразы часто встречаются в наших источниках. Но изредка встречаются и другие, несколько рисующие нам особое значение облавы в монгольской общественной жизни XII в. Так богатыри, выбирая Темучина своим предводителем, клянутся ему: „В облавах на зверей мы будем выступать прежде других и пойманных (нами) зверей будем отдавать тебе“.⁶ И сам Чингис, по словам другого источника,⁷ перефразирует те же слова: „Когда бы мне приказали, за главами ехать на охоту, то я стал бы останавливать зверей и пригонять к скале, чтобы вам удобнее было стрелять их“.

Устраивались иногда большие облавы,⁸ в которых принимали участие разные племена и поколения: „На войне со врагами, — говорили между собой Чингис-хан и Ван-хан керейтский, — будем ратовать вместе; в облавах на зверей будем вместе охотиться“.⁹

Позднее облавные охоты получают правильную организацию в очень большом масштабе.¹⁰

Постоянно также наши источники повествуют нам о том, как то или другое лицо отправляется на охоту, охоту в одиночку.¹¹ Охоту воспевают,

¹ Р.-ад-Д., I, 162; Чан-Чунь, 287; С. ск., 38, 55. ² Стр. 76. ³ См., впрочем, D'Ohsson, I, p. 404—406; Quatremère, p. 165; Марко Поло, 135. ⁴ С. ск., 57.

⁵ С. ск., 90. Рассказывается еще, между прочим, как Чингис с войском шел по реке Халха после столкновения с Ван-ханом керейтским и говорится: „по пути занимались облавой и тем добывали себе пропитание“, С. ск., 90; ср. С. ск. 111; Р.-ад-Д., III, 123; Бартольд „Туркестан“, 415.

⁶ С. ск., 62. ⁷ „Сказание о Чингисхане“, 173; ср. Р.-ад-Д., II, 139. ⁸ Р.-ад-Д., II, 96—97; „Сказание о Чингисхане“, 154—155. ⁹ С. ск., 83. ¹⁰ Марко Поло, 136—141; С. ск. 129—130; Бартольд, „Туркестан“, 415. ¹¹ См., напр., Р.-ад-Д., I, 110—111; С. ск., 33.

в ней видели пафос жизни.¹ Высоко ценятся ловчие соколы.² И в то же время нам рассказывают и о жалкой охоте на грызунов, которую приходилось заниматься, чтобы не умереть с голоду: „(Темучин) питался, убивая сурков (тарбаганов) и полевых мышей“.³

Все вышесказанное позволяет видеть в монголе древней эпохи не просто номада, а кочевника-охотника. От „лесных“ звероловов кочевники-охотники отличались главным образом тем, что держали стада баранов, уход за которыми казался таким невыносимым для настоящего зверолова.⁴ Затем большое отличие было в отношении жилищ. Кочевники-охотники жили в „войлочных кибитках“, т. е. юртах, покрытых войлочными кошмами, которые сравнительно легко разбирались; подобных жилищ, конечно, нельзя было встретить у монголов лесных, не имевших баранов. Интересно отметить, что монгольские эпосы, напр., героический эпос ойратов С.-З. Монголии, описывая иногда юрту героя, говорят, что остов ее был сделан не из дерева, а из костей диких животных и покрыта она была не войлочными кошмами, а звериными шкурами.⁵

Монгольская юрта XIII в. хорошо описана Рубруком,⁶ очевидно, такую же она была и в два предыдущие века. Вместе с тем приходится отметить, что юрты современных монголов несколько отличаются от описанных европейским путешественником: они не имеют характерной „шейки, на подобие печной трубы“.⁷ Перед нами, значит, эволюция даже такого простейшего жилища, как юрта кочевника: 1) шалаш лесного зверолова; 2) юрта, покрытая шкурами; 3) юрта войлочная с шейкой; 4) современная юрта.

Затем монголы-кочевники древней эпохи пользовались колесными телегами, о которых современные монголы забыли совершенно. Рубрук опять дает довольно подробное описание этих монгольских телег,⁸ о них упоминают часто и наши главные источники.⁹

Согласно показанию „Сокровенного сказанья“, у монголов были повозки двух родов,¹⁰ о двух типах телег говорят и Плано Кар-

¹ См. В. А. Котвич, „Из поучений Чингис-хана“, журн. „Восток“, 1923, кн. 3, стр. 94—97; D'Ohsson, I, p. 404—406. ² См., напр., С. ск., 131—132.

³ С. ск., 45; перевожу с „монгольского“ текста. Полная противоположность грандиозным охотам, которые мог устраивать сын Чингиса, император Өгедей, описанным Рашид-ад-Дином и Джувейни, см. D'Ohsson, II, 85. ⁴ Р.-ад-Д., I, 90.

⁵ См. Б. Владимирцов, „Монголо-ойратский героический эпос“.

⁶ Стр. 69; Плано Карпини, 6—7.

⁷ Интересно отметить, что юрты образующие *ejin hogi*, т. е. ставку с реликвиями Чингис-хана в Ордосе, сильно отличаются от обычных юрт современных монголов. Они имеют наверху „шейки“, несколько напоминающие описанные Рубруком. См. рисунок, приложенный к статье Г. Н. Потанина, „Поминки по Чингис-хане“, Известия РГО, XXI, стр. 303—316. ⁸ Стр. 69—71; Плано Карпини, 7.

⁹ С. ск., 24, 33, 43, 50, 91; Чан-Чунь, 286—287, 288, 291; „Сказание о Чингисхане“, 156, 172; Иакинф, 4; Киракос, 73, 88; Чжан-Дэ-хуй, 582.

¹⁰ Одни повозки назывались *xara'utai* (или *xara'utu*) *tergen*, другие *xasaḡ* (*xasax*) *tergen*. Последнее название сохранилось в монгольском языке до сего дня; в настоящее время под

пини¹ и Рубрук;² распределения эти, впрочем, не соответствуют друг другу.³ Телеги у монголов служили не только для перевозки всякой клади, но и для перевозки юрт, которые уже не разбирались. Телеги были обычным явлением тогдашней монгольской жизни, ими пользовались даже в таких трудных и малодоступных районах, как верховья Онона и Керулена; огромными повозками, с поставленными на них большими юртами⁴ можно было пользоваться только в степях, в очень ровной местности. „Мы с тобой, — приказал Чингис-хан передать Ван-хану,⁵ — что две оглобли у кибитки, когда поломится одна, быку не свезти кибитки; мы с тобой, что два колеса у кибитки; сломайся одно, ей не двинуться“.

Необходимость телег, телег-кибиток у монголов XI—XII вв. вызывалась потребностью в быстром перемещении с места на место. При постоянных набегах, нападениях и войнах всякого рода телега-кибитка была полезнее вьючного животного, когда надо было как можно скорее уходить от врага: запрячь быка в повозку-кибитку и положить на нее скарб можно было сделать несравненно скорее, чем завьючить верблюдов или других животных; это требовало и меньшей затраты сил и меньшего количества рук. Стан из кибиток с поставленными на них юртами мог быть очень подвижен. Впоследствии, в XIII в. существование кибиток поддерживалось дальними походами и большими перекочевками, вызываемыми обилием стад, вообще расцветом кочевой жизни в дни мировой империи монголов. Как было отмечено выше, телеги-кибитки начали проникать и к „лесным“ народам.⁶

В европейской литературе часто встречаются утверждения о том, что кочевник свободно блуждает по своим вольным степям, направляясь туда, куда хочет, и останавливаясь там, где явилось желание. В действительности этого никогда не бывает, и Рубрук совершенно правильно заметил,⁷ что у монголов „всякий начальник (*capitaneus*), знает, смотря по тому, имеет ли он под своею властью большее или меньшее количе-

этим словом понимается повозка типа арбы. Телеги *xara'utai tergen* назывались также *öljigetei tergen*, т. е. „телеги с передками для сиденья“ (С. ск., „монгольский“ текст).

¹ Стр. 7. ² Стр. 69—71.

³ Описание Рубрука, хотя и довольно подробно, но оставляет несколько неясностей, ср. статью Pelliot в *T'oung Pao*, 1925/26, vol. XXIV, p. 263—264.

⁴ О которых говорит Рубрук. ⁵ С. ск., 91; ср. С. ск., 112.

⁶ Все монголы забыли свои старинные повозки-кибитки. Повозки последнего времени, встречающиеся у некоторых монгольских племен, позаимствованы от оседлых соседей: китайцев, русских, тюрков Восточного Туркестана. Тем не менее, память о телегах у монголов сохранилась. Все знают *xasaġ tergen*; существуют пословицы вроде следующей: *terger tula kücüji bolduġa* (см. В. А. Котвич, „Калмыцкие загадки и пословицы“, стр. 98) „на телеге нельзя догнать зайца“; ср. дагурскую пословицу: „Если поступать по правде, то будешь на бычачьей телеге зайца догонять“; (см. Н. Н. Поппе, „Дагурское наречие“, Материалы МОНК, вып. 6, 1930, стр. 17). Слово *tergen* „телега, повозка“ этимологически связано с тюркскими словами *tez* — „убегать“, *tez* „скорый, поспешный“, ср. Б. Владимиров, „Сравнительная грамматика монг. письм. языка и халх. наречия“, стр. 361. См. Р.-ад-Д., II, 131.

⁷ Стр. 69.

ство людей, границы своих пастбищ, а также, где он должен пасти свои стада зимою, летом, весною и осенью". Очевидно и в XI—XII вв. монголы кочевали таким же образом по определенным путям, по определенным районам.¹ Но, кроме того, им приходилось позаботиться еще и о местах для охоты, особенно для охоты облавной.

Производили монголы чрезвычайно мало: только то, что было нужно для несложного кочевого хозяйства.² Катали войлоки, делали ремни и веревки, деревянные остовы юрт, повозки, домашнюю посуду, люльки, разные мелочи. Затем изготавливали седла, сбруи, луки и стрелы, копья, панцыри-хуяки, сабли и другие части тогдашнего вооружения. Приходится отметить, что оружия, кроме луков и стрел, у них всегда было мало; даже в эпоху мировой империи хорошее вооружение ценилось очень высоко.³

Хозяйство древних монголов, следовательно, можно охарактеризовать, как натуральное. Денег они, повидимому, не знали, и торговля происходила в формах обмена. Как ни малы были потребности тогдашнего охотника-кочевника, ведущего натуральное хозяйство, все-таки он оказывался вовлеченным в орбиту международной торговли, хотя бы и в очень малом размере. Из насущных предметов монголам той эпохи недоставало муки и оружия,⁴ а затем всяких „предметов роскоши“, прежде всего тканей:⁵ обычно одевались в меха и шкуры.⁶

Наши источники чрезвычайно скупы на сообщения о торговле, о всякого рода меновых сделках, которые велись у монголов до образования империи Чингис-хана. Но все-таки есть несколько намеков и одно-два прямых указания на то, что в Монголию уже в ту пору приезжали купцы из далекого Туркестана, об одном из которых упоминались выше.⁷ Затем по сообщению „Сокровенного сказанья“, мы знаем, что у монголов XII в. наблюдалась уже известная дифференциация в производстве. „Сказанье“ говорит нам о

¹ Р.-ад-Д., III, 121; Чжан-Дэ-хуй, 586. В наших источниках не мало прямых указаний это положение определенно вытекает из всего того, что известно о кочевниках. Можно сослаться на следующие места С. ск.: один из сподвижников Чингис-хана Сорхан-шира и его сын обратились к Чингису с такой просьбой: — „Нам хотелось бы по воле ставить становища в Меркитской стране“... Чингис сказал: — „Будь по вашему; ставьте по воле становища в той стране“ (стр. 123). Великий хан Огедей совещается с братом своим Ча'адаем (Чагатаем) относительно того, чтобы „для отведения народу участков земель на кочевья, пусть командируют людей, выбранных из каждой тысячи“ (С. ск., 158). Ср. также Р.-ад-Д., II, 96: „жилища их были близки к юрту Чингиз-хана“. Подобных упоминаний много у Р.-ад-Д. „Участок земель на кочевья“, т. е. то пространство, по которому могла кочевать какая-либо хозяйственно-социальная единица, называлось по-монгольски *nuntux* ~ *putuŋ*, а по-тюркски *yurt*; Р.-ад-Д., а за ним и Березин в своем переводе, обычно, пользуется тюркским термином.

² Ср. Рубрук, 78—79.

³ См. Рубрук, 169.

⁴ См. выше, стр. 35; Чан-Чунь,

291—292; Рубрук, 146, 169.

⁵ Р.-ад-Д., III, 125; Рубрук, 76.

⁶ Рубрук, 76; Чан-

Чунь, 285, 288.

⁷ См. выше, стр. 35; С. ск., 25; Бартольд, „Туркестан“, 424—429.

„кузнецах“¹ и „плотниках“² так же, как о „пастухах овечьих стад“; следовательно, были своего рода специалисты, изошрившиеся в кузнечном деле, и на работе плотника, в производстве, чрезвычайно важном для кочевого хозяйства монгола.

После образования огромной империи Чингис-хана и больших его походов экономика Монголии и монголов изменилась; в Монголию со всех сторон потекли разные ценности,³ появляются деньги,⁴ развивают свою деятельность „мусульманские“ купцы,⁵ появляются поселения ремесленников разного рода, выведенных из далеких культурных стран.⁶ В Монголии появляются здания и города⁷ и сами монголы частично начинают проживать в городах культурных народов.⁸ Монголия оказывается на перекрестке больших торговых путей: столица Каракорум на р. Орхоне.

Но такое положение длится недолго. С перенесением столицы империи из монгольского Каракорума в Пекин и с возникновением междоусобных войн торговые пути, соединявшие Дальний Восток с Передней и Средней Азией, переносятся на юг, а затем прекращаются вовсе. Для Монголии и монголов начинается новый период, хотя внешне попрежнему правит монгольская Юаньская династия чингисханидов.

В источниках и пособиях наших имеется несколько намеков на то, что в некоторых местах древние монголы жили оседло и занимались

¹ С. ск., 49; ср. Р.-ад-Д., I, 137—138.

² С. ск., 62, 124; Чан-Чунь, 288.

³ Плано Карпини, 7, 26, 35—36, 52—57; Рубрук, 138—141, 161—162; Марко Поло, 99—101, 107, 135, 141—153; Чан-Чунь, 292; D'Ohsson, II, 65.

⁴ Плано Карпини, 35; Рубрук, 135, 111, 122; Марко Поло, 144—146.

⁵ Чан-Чунь, 292; Плано Карпини, 62 (говорит о купцах-европейцах); Марко Поло, 128 (прим. 1).

⁶ Чан-Чунь, 293; Рубрук, 104—105; Бартольд, „Очерк истории Семиречья“, 44—45; Чжан-Да-хуй, стр. 584.

⁷ Каракорум (Xara xorum) на Орхоне, построенный в 1235 г. при императоре Ögedee, в котором, как известно, провёл некоторое время Рубрук. Возможно, Каракорум возник раньше указанной даты, см. Pelliot в T'oung Pao, 1925—1926, vol. XXIV, p. 79; JA, Avril-Juin 1920, p. 157; ср. Палладий Кафаров, „Комментарий... на... Марко Поло, стр. 38; Bretschneider, Med. Research., II, p. 162; Патканов, II, 114; Dai-du или Qan-bal'iq („Царьград“), — оба названия не монгольские, — построен Хубилай-ханом в 1264—1267 гг., немного к северу от старинного города Чжун-ду; Qan-bal'iq это современный Пекин ~ Бэй-пин. См. Марко Поло, 118—144; Yule, M. P., I, 362—379, 412—415; D'Ohsson, II, 633—636 (перевод отрывка из „Сборника летописей“ Р.-ад-Д.); Klaproth, „Description de la Chine sous le règne de la dynastie mongole traduite du persan de Rachid-eddin“, JA, 1833, t. XI, p. 335—358, 447—470; младший брат Чингиса „чрезвычайно любил здания, и в каждом месте, куда приходил, он устраивал дворец, павильон и сад“, см. Р.-ад-Д., II, 60; Чжан-Да-хуй, 583; Shang-du или Kaiibung, по-китайски Кай-пин-фу, построен Хубилаем в 1256 г., см. Марко Поло, 90—111; Палладий, op. cit., стр. 29—30; Yule, I, p. 298—327. О времени построения города Bars-xoto на р. Керулене точных сведений не имеется; см. S. s., p. 138—139; A. t., стр. 48, 152.

⁸ Напр., в Хара-хото, см. статью В. Л. Котвач в книге П. К. Козлова, „Монголия и Амдо“, стр. 561—565.

земледелием и рыболовством.¹ В виду того, что вопрос этот недостаточно освещен, а также потому, что подобные поселения не играли сколько-либо видной роли в жизни монголов XII—XIII вв.,² рассмотрение оседлого хозяйства может быть оставлено в стороне. В „Путевых записках“ Чжан-Дэ-хуя имеется, напр., следующее указание:³ „Жители (в районе Каракорума) много занимаются земледелием и орошают поля водопроводами (арыками); попадают и огороды“. К сожалению, автор не указывает, кто собственно занимался земледелием, китайцы или монголы. Не совсем ясна и другая его фраза, когда он рассказывает о районе р. Керулена:⁴ „При реке живут вместе монголы и китайцы; есть несколько лачужек с земляными кровлями; много возделывают землю, но сеют только коноплю и пшеницу“.

Вместе с тем можно констатировать, что в XIII в., в эпоху образования монгольской державы, лесные народы уступают место „степным“. Район „леса“ отодвигается, в некоторых областях „лесных“ водворяются кочевники, часть лесных звероловов переходит на скотоводческое кочевое хозяйство.⁵

Но и у „степных“ кочевников можно наблюдать определившуюся в XIII в. перемену. Выше уже было упомянуто, что куренный способ кочевания был побежден аильным. Действительно Рашид-ад-Дин, рассказывая о том, что такое „курень“, отмечает, что „курнем“ кочевали „в старинные времена“, а в его пору становились кольцом лишь перед лицом неприятеля.⁶ Путешественники XIII в. не упоминают о „куренях“, как и вообще о значительном скоплении юрт и телег в одном месте. Чан-Чунь, правда, говорит о двух становищах, которые насчитывали тысячи юрт и кибиток, но это были *ordu*, т. е., становища царевича-князя и ханских жен.⁷ Затем, все помнят, конечно, известный рассказ Рубрука о том, как на встречу ему двигался „большой город“ повозок, нагруженных „домами“.⁸ Но из дальнейшего изложения самого Рубрука явствует, что количество кочевавших семей было не так уж велико и, кроме того, дело было на Волге, вдали от Монголии.

¹ См. Чан-Чунь, 285; Bretschneider, I, 48—49; ср. Бартольд, „Связь общественного быта с хозяйственным укладом у турок и монголов“, стр. 2.

² Это является почти несомненным, иначе незачем было бы возить муку издалека, как это делалось, и на что имеются определенные указания; см. выше, стр. 35.

³ Чжан-Дэ-хуй, 584. „Мэн-гу-ю-му-цзи“ приводит настоящую цитату, см. перевод П. С. Попова, стр. 383 (об этом сочинении и переводе см. выше, стр. 13).

⁴ Чжан-Дэ-хуй, 583.

⁵ См. С. ск., 117, 123, 132—133; Р.-ад-Д., I, 92 („...в благополучный век Чингиз-хана и великого рода его, те пределы стали юртами других племен монгольских, и они смешались с другими Монголами. Ныне в окружности этих лесов находится юрт племени „Сульдэс“), 144. ⁶ Р.-ад-Д., II, 94.

⁷ Чан-Чунь, 287, 291—292 („Орда, по нашему сказать, походный дворец“); об *ordu* см. Quatremère, 21; см. замечания P. Pelliot в T'oung Pao, 1930, p. 208—210.

⁸ Рубрук, 82.

Можно думать поэтому, что в XIII в., когда возникла монгольская империя, „аильный способ“ ведения кочевого хозяйства получил преобладание у монголов.

II. РОДОВОЙ СТРОЙ ДРЕВНЕГО МОНГОЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА

1. РОД

Основным элементом древнего монгольского общества (XI—XIII вв.) был род (*obog* ~ *obox*),¹ т. е. „своеобразный союз кровных родственников“. Древний монгольский род был экзогамный, почему члены одного и того же рода не могли вступать в брак с девушками того же рода, а должны были жениться обязательно на женщинах из других не-родственных родов.²

Рашид-ад-Дин и „Сокровенное сказанье“ внимательно обозревают ряд монгольских родов и в особенности род, к которому принадлежал Чингис-хан, подробно рисуя картину родовых отношений. Монгольский род был агнатным, т. е. члены каждого рода вели свое происхождение от одного общего предка (*ebüge*).³ Но так как роды росли и разветвлялись, то оказывалось, что ряд родов (*obox*) вел свое происхождение от одного и того же *ebüge* — предка... Брак между членами таких родов не допускался тоже, так как все они считались кровными, агнатными, — сказали бы мы, — родственниками, принадлежащими к одной кости (*yasun*). Рашид-ад-Дин совершенно определенно объясняет нам:⁴ „У всех их выведенная и ясная родословная, поелику обычай Монголов таков, что они сохраняют происхождение предков и дедов своих; каждому новорожденному дитяти объясняют и растолковывают происхождение его, подобно тому, как другие говорят: «из той де нации»“. По этой причине нет никого из них, который бы не знал своего племени и происхождения. Кроме Монголов у других племен нет такого обычая, за исключением Арабов, которые хранят свое происхождение, на подобие жемчужин...“. В другом месте знаменитый историк повторяет опять:⁵ „... у Монголов издревле существует обычай, что они хранят корень и род свой.⁶ Каждому новорожденному дитяти, так как у них нет религии и веры, в которой они наставляли бы детей, подобно другим, отец и мать объясняют колено и растолковывают род. Такое правило всегда они хранили и ныне то правило также в уважении у них...“

Сопоставляя показания Рашид-ад-Дина и предания „Сокровенного сказанья“, можно привести пример того, как древние монголы „растол-

¹ Происходит от стар. формы *obaġ*; слово это этимологически родственно тюркским словам: *опаг*, *опақ*, *обақ*, *оба*, обозначающим то же самое, см. Р.-ад-Д., I, 136; С. ск., „монгольский“ текст. ² Ср. Ф. Энгельс, „Происхождение семьи, частной собственности и государства“, 1894, стр. 72. ³ С. ск., 29; Р.-ад-Д., I, 148. ⁴ II, 8. ⁵ II, 28.

⁶ До сих пор у большинства монгольских племен термины *obog* и *yasun* известны и употребляются в том же значении.

ковывали“ кровные отношения родов. Так, напр., у праматери (emegen) многих монгольских родов, Alan-*goa*, было пять человек детей, из коих двое старших родилось при жизни ее мужа Dobun-mergen'a, а трое остальных, после его смерти, когда Alan-*goa* была вдовой;¹ считалось, что дети эти родились чудесным образом от небожителя или Неба.² И вот роды, к одному из которых принадлежал Чингис-хан, восходившие к младшему сыну Alan-*goa*, Bodoncar'y,³ не считались состоящими в кровном родстве с родами, которые произошли не только от двух старших детей Alan-*goa*, но и от двух других ее сыновей, рожденных ею после смерти мужа. Поэтому члены рода Чингис-хана могли жениться на девушках из рода Salji'ud,⁴ который возводил свое происхождение к Buxatu-Salji, четвертому сыну Alan-*goa*.⁵

Точно так же члены рода, к которому принадлежал Чингис-хан, не считались состоявшими в кровном родстве с членами рода Dörben,⁶ происходившего от Duwa-soxor'a, старшего брата Dobun-mergen'a, мужа Alan-*goa*.⁷

Но все роды-обох, которые считали своим предком Bodoncar'a, признавались кровными родственниками, принадлежащими к одной кости-уасун, и должны были брать в жены девушек из родов другой кости.

То, что у древних монголов существовал левират, хорошо известно. Когда у Alan-*goa*, после смерти ее мужа, стали рождаться дети, двое старших сыновей, по сообщению „Сокровенного сказання“, толковали между собой:⁸ — „в то время, как у этой матери нашей нет мужа, ни братьев мужа, ни двоюродных и троюродных братьев его, она родила этих трех сыновей“.

За женами монголам XI—XIII вв. приходилось ездить иногда очень далеко, в дальних родах стараться завязать брачный сговор. Действительно, как это будет видно ниже, роды у древних монголов обычно жили, пользуясь общей пастбищной территорией так, что часто по близости не было совершенно представителей иного рода. Йесугей-багатур, отец Чингиса, желая женить своего старшего сына, едет к племени Олхунут,⁹ жившему довольно далеко от его собственных кочевий, в Гоби, за р. Керулен.¹⁰ В виду этого, а также по воспоминаниям старины, женщин

¹ С. ск., 25.

² С. ск., 26.

³ С. ск., 29—30.

⁴ См. Р.-ад-Д., I, 182.

⁵ С. ск., 30; Р.-ад-Д., I, 180.

⁶ См. Р.-ад-Д., I, 195: говорится, что Хубилай-хан, внук Чингис-хана, имел из этого рода одну из своих жен.

⁷ С. ск., 25. Из рассказов Рашид-ад-Дина видно, что он не вполне отдавал себе отчет в принципе экзогамности. Так, напр., он отмечает, что род Dörben близок к роду Ba'arin (I, 194). А между тем род Ba'arin являлся старшей линией, идущей от Bodoncar'a, ср. С. ск., 122 и 29; см. также „Генеалогическую таблицу“, приложенную к концу С. ск. (стр. 258). Следовательно, род этот кровно был близок не роду Dörben, а роду, к которому принадлежал Чингис-хан, роду Borjigin. См., впрочем, Р.-ад-Д., II, 10—11.

⁸ Перевод с монгольского; перевод китайской версии см. С. ск., 25; ср. Р.-ад-Д., II, 21.

⁹ С. ск., 35.

¹⁰ Олхунуты принадлежали к Онгирад, см. выше, стр. 39; см. Р.-ад-Д., I, 146, 153, 149.

часто умыкали или отбивали силой при всяком удобном случае.¹ Так же часто наблюдалось обыкновение брать невест в какой-либо род из одного и того же рода.² Члены таких родов величали друг друга (мужчины) „сватами“ *xuda*.³ Иногда между родами заключались правильные договоры об обмене девушками-невестами.⁴ Так, Dai-secen, рода Onggirad, называет Ёсугей-багатура „сватом“,⁵ а мы знаем, что между Ольхонутами, входившими в состав Onggirad, и Borjigin'ами установилась связь раньше, еще прежде того, как Ёсугей взял в жены Нё'елүн.⁶ Многоженство было обычным явлением,⁷ но первая жена всегда считалась старшей.⁸ Молодая при первом представлении свекрови совершала определенные обряды и подносила ей подарки (*shidkül*), как идущие от ее матери.⁹ Родственники невесты, обычно, провожали ее по пути к стойбищу будущего мужа.¹⁰

Все эти вышеописанные черты обрисовывают древний монгольский род, как агнатный, патриархальный. Но можно отметить некоторые явления, оказывающиеся пережитком когнатных, матриархальных отношений. Наши источники позволяют нам определить особое положение дяди по матери по отношению к своему племяннику. Ёсугей-багатур, напр., отправившись сватать сына, на вопрос, куда он едет, отвечает так:¹¹ — „Еду к дядьмам по матери этого сына, к роду Олхуна (Олхунут), просить девицы“.

Нельзя не видеть также пережитков когнатных отношений в обычае отдавать „в зятья“ молодого человека, в семью его будущей жены. Вот пример, опять из жизни Чингиса: когда Ёсугей-багатур сговорился с Dai-secen'ом, последний сказал ему:¹² — „Дочь свою отдам; а ты отправляйся, оставив своего сына «зятем»“ (*gürgeṇ ~ kürgeṇ*).¹³ Ёсугей-багатур согласился и оставил своего сына, Чингиса-Темучина, которому было тогда только 9 лет „зятем“ в доме Dai-secen'a. Родственники по матери или родственники жены, — это, ведь было одно и то же, обозначались особым термином *törgüd*, множ. число от *törgün*.¹⁴ Рашид-ад-Дин, говоря о предках Чингис-хана, замечает: „предок всех Алун-гоа“ (II, 69).¹⁵

¹ С. ск., 33, 49—51 и 55—56.

² Р.-ад-Д., I, 150, 153, 157.

³ С. ск., 35.

⁴ Р.-ад-Д., I, 87, 157, 175; С. ск., 35.

⁵ С. ск., 35.

⁶ Р.-ад-Д., I, 153; II, 39.

Березин соответствующую персидскую фразу Р.-ад-Д. переводил: „путь невестничества и зятства“, см., напр., I, 157; ср. II, 16.

⁷ С. ск., 30, 50; Рубрук, 78—79; Р.-ад-Д., II, 54, 75—81.

⁸ Р.-ад-Д., II, 75; Марко Поло, 80; по-монгольски *aburūn eme*.

⁹ С. ск., 48. Монгольский текст в данном месте расходится с китайским переводом. Слово *shidkül* неизвестно монгольскому письменному языку и не встречается в современных живых монгольских говорах.

¹⁰ С. ск., 32, 48.

¹¹ С. ск., 35; ср. Р.-ад-Д., I, 153; II, 54.

¹² С. ск., 35—36.

¹³ Перевод с монгольского текста, который несколько расходится с китагским переводом, С. ск. 36. В монгольском тексте употреблено выражение *güregeḍ-te* „в зятья“.

¹⁴ С. ск., ср. Р.-ад-Д., II, 12, 16.

¹⁵ Отражением когнатных отношений являются сказания о прапаматери *Alan-ḡoa*, от которой в конце концов, ведут свое происхождение монгольские роды, среди одного из

Единство агнатного рода древних монголов выражалось не только в том, что каждый род вел свое происхождение от одного предка (ebüge), но и в том, что старший в роде пользовался особыми правами и был по особому связан с родовым культом. Это обстоятельство особенно интересно отметить, потому что по древне-монгольским обычаям, как это будет видно ниже, основное наследие отца доставалось всегда младшему сыну, который являлся хранителем домашнего очага и потому величался *odcigin ~ odjigin* „князь огня“¹ или *ejen* „владыка, хозяин“.² Особое положение старшего в роде выясняется на основании следующих данных.

По сообщению „Сокровенного сказання“, Чингис-хан, сделавшись главой большой кочевой державы, распределял награды между своими сподвижниками и назначал их на разные должности. Между прочим Чингис сказал старику Усуню³... „Ныне... Беки есть чин важный; Усунь! ты старший потомок Баалиня (Ba'arin): тебе следует быть Беки; будучи Беки, ездь на белой лошади, одевайся в белое платье и в обществе садись на высшее место“. Кто такие были „Беки“ (beki)? Название это часто встречается в наших источниках в связи с именами разных лиц, принадлежавших к различным монгольским родам и поколениям. При чем можно заметить, что титул этот носили по преимуществу старшие сыновья. Так, нам известны: Saca (или Sece)-beki,⁴ старший сын Хутухту-жүркі, рода Жүркі; затем Тохто'а-beki,⁵ из поколения Merkid, и его старший сын Төгүс-beki;⁶ Хучар-beki,⁷ старший сын Некүн тайши,⁸ рода Боржигин. Известны также: Худуга-beki,⁹ глава племени Оирад, Хажі'ун-beki¹⁰ рода Дөрбен, Билге-beki из племени керейтов¹¹ и т. д.

Вместе с тем нельзя забывать того, что род Ba'arin являлся старшей ветвью среди родов, произошедших от легендарного предка Bodoncar'a, старший сын которого был Ba'aridai,¹² давший начало роду Ba'arin. Поэтому среди всех сородичей Чингис-хана, в век его, среди всех Боржигин'ов, потомков Bodoncar'a, старейшим являлся именно старик Усунь (Usun).

которых появился Чингис-хан. Bodoncar, их ebüge, согласно этим преданиям родился ведь, когда у Alan-ğoa, его матери, не было мужа. Впрочем, положение это можно выставлять, как очень предположительное. Отмечу еще одно место в С. ск., намекающее на счет родства по материнской линии: „Хорчи, пришедши, говорил (Темучжину): «Наш мудрый и могущественный предок Бадуньчар, от взятой им супруги, имел двух единоутробных сыновей; то были предки Чжамухи и наш»“ (С. ск., 60). А нужно напомнить, что предок Чжамухи не был сыном Bodoncar'a, тот взял себе в жены одну пленницу, которая была беременна от другого лица; рожденный ею сын и сделался предком рода, к которому принадлежал Чжамуха; см. С. ск., 29; см. ниже, стр. 52.

¹ Р.-ад.-Д., II, 60. См. Б. Владимирцов, „Сравнительная грамматика монг. письм. языка и хах. наречия“, стр. 320, 420. См. ниже, стр. 54. ² Р.-ад.-Д., I, 207; II, 30; ср. Quatremère, 89; Рубрук, 79. ³ С. ск., 122—123. ⁴ С. ск., 32, 61; Р.-ад.-Д., I, 177; II, 183.

⁵ Р.-ад.-Д., I, 56, 72—75, 201—202. ⁶ С. ск., 80; ср. Р.-ад.-Д., I, 73; II, 111. ⁷ С. ск., 61; Р.-ад.-Д., II, 48, 142. ⁸ Один из старших братьев Йесугей-Багатура. ⁹ С. ск., 132; Р.-ад.-Д., I, 79.

¹⁰ С. ск., см. А. М. Позднеев, „О древнем кит. монг. памятнике «Юань-чао-ми-ши»“, стр. 17; ср. Р.-ад.-Д., I, 186; II, 24. ¹¹ Р.-ад.-Д.; I, 107; С. ск., 95.

¹² С. ск., 29.

Интересно отметить, что у монгольского историка XVII в., Sanang Secen'a к имени Ba'aridai прилагается атрибут: хан ijagurtu,¹ т. е. „обладающий царственным происхождением“. Про него говорили так: Usun ebügen „старец Усун“,² но ebügen значит еще и „родоначальник“.

Сопоставляя эти имена, сопровождаемые титулом beki, с показаниями „Сокровенного сказанья“, можно прийти к заключению, что слово beki обозначало „первосвященника“,³ конечно, в шаманском значении этого выражения (chief priest),⁴ волхва-предводителя. Следует обратить внимание на то, что этот титул beki носили главари „лесных“ народов, меркитов и ойратов, среди которых шаманство было особенно сильно развито.⁵

Проф. Р. Pelliot в замечаниях своих на английское издание „Туркестана“ В. В. Бартольда пишет:⁶ „Владимирцов („Чингис-хан“, 14 и 80)... считает, что этот последний титул (beki) носили первоначально предводители, которые были в то же время волхвами; это возможно, но вывод в данном случае основывается только на том самом месте „Секретной истории“,⁷ на которое ссылался В. В. Бартольд. Мне кажется, можно найти подтверждение высказываемому мною положению и в другом источнике, а именно у Рашид-ад-Дина. Рашид-ад-Дин несомненно говорит нам о том же старике Усуне из рода Ba'arin, когда рассказывает следующее:⁸ — „Говорят, что Чингис-хан некоего из племени Баринь (т. е. Ba'arin) освободил онгоном, подобно тому, как делают онгоном лошадь и других животных, т. е. никто не имеет права на зависимость его, и он есть свободен и тархан. Имя того человека было Бики.⁹ В орде он сидел выше всех, подобно царевичам находился на правой руке; лошадь его стояла с лошадью Чингиз-хана. Он стал чрезвычайно стар.“¹⁰

Показание Рашид-ад-Дина, следовательно, совершенно совпадает с сообщением „Сокровенного сказанья“; единственная ошибка, которую допускает персидский историк заключается в том, что слово-титул beki он принимает за собственное имя. Все-таки, в виду этой неточности такого знатока, каким был Рашид-ад-Дин, а также в виду того, что в самом „Сокровенном сказаньи“ о beki говорится мало, можно прийти к выводу, что институт этот начал у монголов в XIII в. уже забываться и старшинство

¹ S. s., 60—61. ² С. ск., 119. ³ Бартольд, „Туркестан“, стр. 421. ⁴ Barthold, „Turkestan“, p. 391. ⁵ Ср. Бартольд, *ibid.*; Владимирцов, „Чингис-хан“, стр. 14, 84; Р.-ад-Д., I, 142; Марко Поло, 92—93. ⁶ T'oung Pao, 1930, vol. XXVII, №1, p. 50.

⁷ Т. е. С. ск. — „Юан-чао би-ши“. ⁸ Р.-ад-Д., I, 198.

⁹ Или beki. Слово это, повидимому, не имеет ничего общего с титулом begi, который носили монгольские принцессы. См. Бартольд, „Туркестан“, 421; Б. Владимирцов, „Сравнительная грамматика монг. письм. языка и халх. наречия“, стр. 276. Вопрос этот в настоящее время можно считать настолько выясненным, что следует считать предположительные объяснения проф. Р. Pelliot (*ibid.*) отпавшими; нельзя, впрочем, не обратить внимания на его указание (*id.*, p. 51) на титул *bigi, встречающийся в „Юань-ши“ в значении „министр“, ср. замечания Палладия, С. ск., стр. 228.

¹⁰ Ср. попытку Березина, совершенно неудачную, объяснить, кто был Усун, Р.-ад-Д., II, 253. См. ДАН-В, 1930, стр. 163—167.

в роде начало терять свое значение, что вполне соответствовало тогдашнему положению вещей в монгольском обществе, на что и будет обращено внимание ниже. Тем не менее можно указать в наших источниках несколько мест, в которых отмечается некоторое значение старшего сына в семье.

Так Чингис-хан, выговаривая Чагатаю, своему второму сыну, который оскорбил Джочи, старшего сына, сказал, по словам „Сокровенного сказанья“:¹ „—Как можно говорить о Чжочи такие речи? Из моих детей он самый старший; впредь не говорить этого“. Начиная с сыновьями беседу о престолонаследии, Чингис-хан, по словам того же источника, обратился к Джочи:² „—Ты старший из моих сыновей, что скажешь“? Еще более определенное место встречается в том же „Сокровенном сказаньи“:³ „...у царя Хабула было семь сыновей; старший назывался Олбархах (Окинбархах); Хабул во внимание к его старшинству, выбрав из народа смелых, сильных, твердых и искусных в стрельании из лука людей, дал их ему в свиту“.⁴

Далее, наши источники говорят очень определенно о родовом культе древних монголов, одним из очень важных проявлений родового строя. „Сокровенное сказанье“, напр., передает такой эпизод:⁵ „—Бодуаньчар взял себе еще другую жену и прижил с нею сына, по имени Баринь-шиирату-хабичи. За матерью этого хабичи последовала одна женщина, которая сделалась побочною женою Бодуаньчара и родила сына по имени Чжаоуредая. При жизни своей, Бодуаньчар сделал его законным сыном и позволил ему участвовать в жертвоприношениях.⁶ Когда же Бодуаньчар помер, то Баринь-шиирату-хабичи не стал обращаться с Чжаоуредаям по братски... Поэтому во время жертвоприношения⁶ он изгнал Чжаоуредая, который, впоследствии, составил род Чжаоуреит“.⁷ Чжаоуредая подозревали, что он рожден от постороннего, человека другого рода.

¹ Стр. 144, ср. С. ск., 133. ² Стр. 143.

³ Стр. 68. Яса (Джасак) Чингис-хана тоже представляет преимущество (имущественное) старшему сыну, см. Рязановский, „Обычное право монгольских племен“, I, стр. 46, 54. Рашид-ад-Дин, рассказывая о племени Найман, говорит, что „родовой престол имел Таян-хан, который был старше“ (Р.-ад-Д., I, 113) своего родного брата, Буюрук-хана; ср. С. ск., 91—92: „В прежнее время, — говорит Чингис Ван-хану, — у отца твоего Хурчахусы-буируха было сорок сыновей; из них ты был самым старшим, поэтому и поставили тебя царем“. Чингис-хан первому выделяет удел своему старшему сыну, Джочи. См. С. ск., 132.

⁴ Как будет видно из дальнейшего изложения, у некоторых современных монгольских племен, напр., у племени Баит, одного из ойратских поколений, проживающего в Кобдоском округе С.-З. Монголии, сохранился обычай почитания старшего в роде, которого они величают *būral āwa* „седой отец“.

Нельзя только забывать особой роли, какую играл Батый, старший сын Джочи, в монгольской империи, где императорами были Огедей и потом Гуюк, его младшие родственники; ср. R. Grousset, „Histoire de l'Extrême Orient“, II, 441. ⁵ С. ск., 30.

⁶ В монгольском тексте *jūgeri*, слово, этимологически близкое древне-тюркскому *yūkiŋ* „кланяться, стоять с почтением, почитать“.

⁷ В основном монгольском тексте нет упоминания о том, что „Бодуаньчар сделал его законным сыном“; следовательно, отпадает и пояснение к этому месту, даваемое Палладием, стр. 168 (40°).

Из этого абзаца следует, что участие в жертвоприношении могли иметь только члены данного рода; недопущение же к участию в жертвоприношении было равносильно изгнанию из рода, родового общества.¹ „Сокровенное сказанье“ упоминает еще об одном жертвоприношении, недопущение к которому указывает на разрыв с данным родовым обществом.²

Вообще в монгольских преданиях встречается ряд рассказов, которые свидетельствуют о стремлении родового общества следить за чистотой кровных уз, связывающих данный родовой союз кровных родственников. По этим преданиям лица, происхождение которых подвергалось сомнению, выделялись из данного рода и принуждены были образовывать особое родовое общество; то же самое случалось с лицами, относительно отцовства которых было известно более или менее определенно, но матери которых, будучи беременными, выходили замуж в другой род.

Так известно, — по словам „Сокровенного сказанья“,³ что Bodoncar захватил одну беременную женщину рода Jarc'ud, и женился на ней. „Придя к Bodoncar'у, она родила сына; его наименовали Jadaradaï в виду того, что он был сыном от чужого (jad) племени; он и стал предком (рода) Jadaran“.⁴ Потомки же Bodoncar'a образовали род Borjigin.

Еще один пример. Как известно, жена Чингис-хана была захвачена в плен меркитами, которые „отдали ее в жены силачу Чилгэр“.⁵ Бөрте, жена Чингиса, будто бы была беременной, когда ее брали в плен.⁶ Впоследствии, когда ее освободили из плена, она родила сына, которому дали имя Joci, и который был признан старшим сыном Чингис-хана. Тем не менее о его происхождении шли кое-какие толки. Когда Чингис-хан завел разговор со своими сыновьями о престолонаследии, Чагатай, второй его сын заявил:⁷ „— Отец! Ты спрашиваешь Чжочи, не ему ли ты хочешь передать наследство? Но он принесен от рода Меркит; неужели мы позволим ему управлять нами?“

Вместе с тем приходится отметить, что подобные повествования о происхождении того или другого рода, того или другого лица, были противоречивыми. Так мы знаем, по словам того же „Сокровенного сказанья“, что Джамуга-сечен, потомок вышеупомянутого Jadaradaï'я признавался потомками Bodoncar'a из рода Ba'arin,⁸ а также самим Чингисом,

¹ Ср. замечания Палладия: С. ск., стр. 168, 177—178.

² Стр. 37, монгольский текст в этом месте отличается от китайского перевода, но суть та же. ³ Стр. 29.

⁴ Перевод с монгольского: Bodoncar-tur irejü kö'ü törebei; jad irgen-ü kö'ün böle'e ke'en Jadaradaï nereidba; Jadaran-u ebüge tere boluba. Китайский перевод отличается немного (С. ск., 29). Jadaran значит „чужой человек“, Jadarad — форма множественного числа. Здесь не место разбирать противоречивые показания источников о родах Jadarad, Jajirad, „Juryat“, ср. замечания Березина, Р.-ад.-Д. II, 159—160; см. еще Pelliot в JA, Avril—Juin 1920, p. 146. ⁵ С. ск., 55; Р.-ад.-Д., II, 76.

⁶ Р.-ад.-Д., ibid. Рассказ персидского писателя об этом эпизоде несколько отличается от повествования С. ск. ⁷ С. ск., 143 (в тексте Мерки). ⁸ С. ск., 60; см. выше, стр. 49.

рода Borjigin: Темучин приказал однажды, в трудную минуту жизни, передать Джамуге следующие слова:¹ „—Мы с тобой одного рода-племени“. Рашид-ад-Дин сообщает, — а он, ведь, писал на основании монгольских преданий, — совсем другое о происхождении Джамуги.²

Дети же, рожденные не от главной жены, считались в древнем монгольском обществе законными и признавались братьями и сестрами детей, рожденных от старшей жены.³

Относительно тотемизма и табу у древних монголов почти ничего неизвестно. Правда, „Сокровенное сказанье“ говорит,⁴ что начало рода (huja'ur), к которому принадлежал Чингис-хан, положили böрте сина „пегий волк“, да го'ai maral „прекрасная маралуха“. Но этого сообщения слишком недостаточно для того, чтобы можно было говорить о древне-монгольских тотемах.

О табу упоминает Рашид-ад-Дин; напр. он рассказывает, что четвертого сына Чингис-хана именовали Тули;⁵ „тули на монгольском языке значит зеркало.“⁶ Когда он скончался, зеркало стало именем запретным до сего времени.⁷ У нас нет достаточных оснований для того, чтобы судить о древности таких запретов, и о том, не был ли заимствован подобный институт в эпоху монгольской империи от культурных народов, напр., от китайцев.

Как и у других народов, мы встречаемся с институтом родовой мести у древних монголов, причем институт этот находился уже в стадии изживания. Тем не менее, можно наблюдать у монголов рассматриваемой эпохи, как долг мести переходит от одного поколения к другому и направляется против лиц, не имеющих непосредственного отношения к явлению, за которое решено было мстить, но являющихся лишь их родственниками или потомками. Напр., Anbağai из рода Borjigin был схвачен татарами; он завещает своим родичам мстить за себя;⁸ те бьются с татарами 13 раз, но все-таки не могут удовлетворить свою месть (ös).⁹ Затем татары отравили Йесугей-Багатура,¹⁰ который несколько раз ходил на них и взял в плен порядочно их людей.¹¹ Впоследствии, когда Чингису удалось разбить татар, он вспомнил о родовой мести:¹² „Овладев четырьмя родами

¹ С. ск., 52—53. ² Р.-ад-Д., I, 200—201.

³ С. ск., 29—30, 38, Р.-ад-Д., II, 62, passim. Так и в Ясе, см. Рязановский, „Обычное право монгольских племен“, стр. 46, 48. ⁴ Стр. 23.

⁵ Р.-ад-Д., II, 77. По-монгольски имя этого царевича звучало Tului, возможно, что в некоторых наречиях имя это произносилось почти как Tuli. Ср. Р.-ад-Д., I, 47, 120. Ср. Бартольд, „К вопросу о погребальных обрядах турк. и монголов“, стр. 63—64.

⁶ По монгольски „зеркало“ — toli.

⁷ Очевидно, имеет место народная этимология, сблизившая имя Tului и слово toli, не имеющие в действительности этимологически между собой никакой связи.

⁸ С. ск., 32—33; Р.-ад-Д., I, 53. ⁹ С. ск., 34. ¹⁰ С. ск., 36—37. ¹¹ С. ск., 34; Р.-ад-Д., II, 63—64, 86—87.

¹² С. ск., 78; Р.-ад-Д., I, 56. О мести Чингис-хан говорит в своих „Изречениях“: — „Я есмь ищущий за кровь их возмездия и мщения“, Р.-ад-Д., III, 127.

Татар, — рассказывает „Сокровенное сказанье“, — Чингис тайно совещался со своими родичами и говорил: „Татары заслужили нашу месть, убив нашего отца; теперь предстоит удобный случай умертвить всех их людей мужского пола, кто ростом будет не ниже колесной чеки; остальных разделим и сделаем рабами“.

Рашид-ад-Дин, рассказывая об отношениях между „монгольскими“ племенами и татарскими, говорит:¹ „Между ними была старая кровь и вражда“.

Можно привести в качестве примера родовой мести такой случай: Тайчар, младший брат Джамуги, захватил табун коней у Джочи-дармала, сподвижника Чингис-хана. Джочи-дармала ночью настиг угнанный табун, убил Тайчара и отогнал коней назад. Тогда Джамуга, „желая отомстить за убийство своего брата Тайчара, во главе своего и других, 13 родов... намеревался сразиться с Чингисом“.² Подобными рассказами полны страницы „Сокровенного сказанья“ и „Собрания летописей“ Рашид-ад-Дина.²

Что касается имущественных отношений, то можно отметить, что в монгольском древнем родовом обществе преобладал тип индивидуальный. Каждая семья, каждый *ayul* обладал своим индивидуальным имуществом. Достояние отца или матери делилось сыновьями, причем младшему предоставлялись особые права. В „Сокровенном сказаньи“ имеется, напр., следующее показание:³ „После смерти своей матери, Alan-ğoa, братья впятером разделили свой скот: Belgüntei, Bügüntei, Buğu-xatagi, Buxatusalji вчетвером забрали все, а Bodoncar'a признавая глупым и бестолковым, и не считая родственником, не дали ему доли“. Младшему сыну доставалось основное имущество отца: он получал в наследство юрту отца и его жен, если их было несколько, с их стойбищами, кочевыми аилами; младших сыновей поэтому и величали *ejen*, т. е. „хозяин, владыка“.⁴ А так как они являлись хранителями домашнего очага, то их называли еще *odcigin* или *odjigin*, т. е. „князь огня“.⁵ Рашид-ад-Дин говорит об этом институте совершенно определенно:⁶ „Монгольский обычай есть таков, что меньшого сына называют Эджен; по той причине, что он находится в доме, имущество, хозяйство и домоводство ему назначаются“; значение Эджена

¹ Р.-ад-Д., I, 52.

² С. ск., 64; ср. Р.-ад-Д., II, 92; „Сказание о Чингисхане“, 153; Иакинф, 9 (сильно спутанная версия). (С. ск., 39, 53, 57, 66, 143; Р.-ад-Д., I, 52—54, 56, 97, 116; II, 43, 120).

³ Монгольский текст: *eke-yü'en Alan-ğoa-i ügei boluxsan-u xoina axanar de'üner tabu'ula adu'usun ide'e-ben xubiyaldurun: Belgüntei. Bügüntei, Buğu-xatagi, Buxatu-salji dörbe'üle abulcaba; Bodoncar mungxah buda'u biyu ke'en uruğ-a ülü to'an xubi ese ögba*. Китайская версия несколько отлична, см. С. ск., 27.

⁴ Р.-ад-Д., II, 30, 60. Об обычае этом упоминается и в Ясе Чингис-хана, см. Рязановский, „Обычное право монгольских племен“, стр. 46, 54. Яса говорит также: „Раздел имущества основывается на таком положении, что старший получает больше младших... Старшинство детей рассматривается соответственно степени их матери...“, *ibid*.

⁵ Р.-ад-Д., II, 60; см. выше, стр. 49.

⁶ Р.-ад-Д., I, 207.

есть младший сын, который остается в доме и юрте, т. е. господин „огня и юрта“.¹

Можно думать, хотя прямых указаний в наших источниках нет, что неженатые сыновья, жили обычно вместе с родителями в одном *ayil'e*, и получали при женитьбе свой индивидуальный *ayil*, кроме младшего сына (*ejen, odcigin*), который оставался и после своей женитьбы в *ayil'e* отца или вместе с матерью, в случае смерти своего родителя. Так мы видим, что молодой *Bo'ogsi*, будущий сподвижник Чингис-хана, живет вместе со своим отцом, будучи уже взрослым.² Взрослые дети *Sorgon-shira*, *Cila'un* и *Cinbai*, тоже будущие сподвижники монгольского хана, проживают в одном *ayil'e* со своим отцом.³ С другой стороны, Чингис-хан, выделяя уделы, объединяет удел своей матери вместе с уделом своего младшего брата, *odcigin'a*.⁴ Такое объяснение вытекает из вышеприведенных слов Рашид-ад-Дина и из других источников.

Вдовы, оставшиеся после смерти мужа с малолетними детьми, управляли единовластно имуществом семьи до тех пор, пока их сыновья не подрастут и женятся: следовательно, они вполне становились на место своих мужей и пользовались их правами. В таком положении была древняя *Alan-goa*,⁵ Монулун⁶ и мать Чингис-хана.⁷ В эпоху монгольской империи вдовы получали уделы и управляли войском, которое затем переходило к их сыновьям;⁸ известно также, что вдовы монгольских императоров и правителей улусов, по смерти последних, бывали регентшами империи и правительницами уделов.

Имущественное положение вдов в древнем монгольском обществе выясняется еще на основании положения женщин вообще. По условиям кочевого быта женщина у древних монголов, как это всегда наблюдается у кочевников, не могла быть взаперти, изолированной. Можно повторить слова Марко Поло: „Жены, скажу вам, и продают, и покупают все, что мужу нужно и по домашнему хозяйству исполняют“.⁹ „Домашнее хозяйство“ всецело лежало на женщинах, причем именно они производили те немногие предметы, которые были необходимы для несложной жизниномада. „Обязанность женщин состоит в том, чтобы править повозками, ставить на них жилища и снимать их, доить коров, делать масло и грут,¹⁰ готовить шкуры и сшивать их, а сшивают их ниткой из жил... Они шьют также сандалии, башмаки и другое платье... Они делают также войлок и покрывают дома“,—повествует Рубрук.¹¹ Имея значительное положение в хозяйстве, древне-монгольские женщины играли известную роль и в общественной жизни. Жены сопровождали вождей в походах;¹²

¹ Р.-ад-Д., II, 30; ср. Рубрук, 79; Quatremère, 89. ² С. ск., 47—48. ³ С. ск., 43; ср. С. ск., 125. ⁴ С. ск., 133; Р.-ад-Д., III, 143; но см. III, 147—148. ⁵ С. ск., 25—27; Р.-ад-Д., II, 7—11. ⁶ Р.-ад-Д., II, 14—16; Иакинф, 4—5. ⁷ С. ск., 37—45. ⁸ С. ск., 98, 132, 133; Р.-ад-Д., I, 61, 80; III, 149; Иакинф, 260. ⁹ Марко Поло, 87. ¹⁰ Т. е. „сырчик“, от монг. *xurud* ~ *gurud*. ¹¹ Рубрук, 78. ¹² С. ск., 146, 149; Марко Поло, 110; D'Ohsson, II, 334.

императоры и принцы часто советовались с именитыми хатун (ханша, принцесса);¹ в Ясе Чингис-хана указывается,² „чтобы женщины, сопутствующие войскам, исполняли труды и обязанности мужчин в то время, как последние отлучались на битву“. Имущественное и хозяйственное положение женщин, в частности вдов, подтверждается на основании всего того, что нам известно о монгольских племенах, сохранивших лучше других древние обычаи, напр., о баитах Кобдоского округа etc.

Всякое имущество: скот, юрты, повозки, орудия несложного производства, находилось в индивидуальном владении членов рода.³ Были значит, бедные и богатые, и об этом имеются прямые показания источников: Добун-мерген, один из дальних предков Чингиса, встретил раз бедного человека (*yadanggu gü'ün*), который вел за собой сына.⁴ На вопрос Добун-мергена, кто он таков, человек тот ответил так:⁵ „—Я из рода *Ma'arix-baya'ud*; я обеднел. Дай мне мяса той дичины, а я отдам тебе этого вот своего сына“. Во'огси, будучи еще молодым человеком, говорит Чингису-Темучину, с которым тогда только что познакомился:⁶ „Приобретенного отцом моим мне достаточно вполне“, и отказывается от коней, которых предложил ему Чингис в благодарность за оказанную услугу. Старуха, служившая в доме Чингиса, при наезде меркитов, желая скрыть спрятанную ею Бөрте, заявляет:⁷ „—Я из дома Темучиния; ездила по богатым домам стричь овец“.

Имеются указания на то, что молодая жена приносила с собой в дом мужа приданое, которое было, очевидно, различно, по достатку рода и дома, к которому она принадлежала.⁸ Кроме того она должна была делать подарок своей свекрови от имени своей матери (*shidkül*), о котором упоминалось выше.⁹ Вместе с молодой приходили и люди, отданные в приданое-*inje*; об этом будет сказано в следующем отделе.¹⁰ Имеются также сведения о том, что древние монголы платили за невест калым,¹¹ а при брачных договорах подносили подарки отцу невесты в знак (*belge*) их заключения.¹²

Древне-монгольский род знал общность пастбищных территорий, конечно в тех случаях, когда род кочевал, имея возможность кочевать

¹ С. ск., 59; D'Ohsson, II, 247, 355 etc. ² Рязановский, „Обычное право монгольских племен“, I, 44. ³ Ср. С. ск., 44, 45, 47, 48, 49. ⁴ С. ск., 25. ⁵ С. ск., 25; переводится с „монгольского“ текста, который несколько отличается от китайской версии.

⁶ С. ск., 47; переводится с „монгольского“. Отца его звали *Naхu-baya* „богач *Наху*“; ср. С. ск., 116.

⁷ С. ск., 50. Чингис-хан в своих „Изречениях“ тоже упоминает о богатых, а, следовательно, и о бедных, в монгольском обществе до образования его державы: „люди богатые видели добро, но не делали могущественными правительствующих лиц и не давали укрепиться“, Р.-ад-Д., III, 120.

⁸ С. ск., 30, 118—119; Р.-ад-Д., II, 80. Марко Поло это отрицает, см. Yule,³ I, 253 (перевод Минаева в данном месте не вполне ясен, стр. 88). ⁹ См. выше, стр. 48.

¹⁰ См. ниже, стр. 68.

¹¹ Плано Карпини, 5; Рубрук, 78; Марко Поло, 88.

¹² С. ск., 36; см. выше, стр. 39.

совместно на одной территории,¹ когда все сородичи сожительствовали вместе или одним куренем, или аилами, стоявшими невдалеке один от другого. Положение это вытекает из разных, хотя и не прямых, указаний наших источников.

Известно, напр., что знаменитая гора Бурхан-Халдун с давнего времени находилась во владении рода Урянхат.² Эти Урянхат, не „лесные“, были владельцами (eјed)³ названной местности и, повидимому, сохранились в этом положении со времен легендарной Alan-ġoa до эпохи Чингис-хана. Не случайно, конечно, один представитель рода Урянхат является к семье Чингис-хана „от горы Бурхан-Халдун“.⁴ То, что гора эта находилась во владении одного определенного рода, не помешало обедневшей семье тогда еще совсем юного Чингис-хана поселиться около нее, занявшись охотой на мелких зверей.⁵ Согласно показаниям наших источников, известно также, что территория, на которой обычно кочевала какая-либо социальная единица, называлась *puntux* или *putuġ* по-монгольски и *yurt* по-тюркски;⁶ слова эти обозначали также „становище, местожительство“.⁷ И вот Чингис говорит своему родичу Алтану:⁸ „становище и жилище предков и дедов я не оставляю стертым, не утрачу и не испорчу пути и устава их“. На общность пастбищных территорий указывает то, что древние монголы кочевали большими стойбищами; причем часто случалось, что несколько родов, по причинам, которые будут изложены в следующем отделе, кочевали вместе. Чингис говорит одному своему сородичу:⁹ „—В прежнее время, ты, вместе с тремя домами Тохураут, пятью домами Тархут и с двумя родами: Чаншикит и Баяут, составил со мной одно становище. Во мраке и тумане ты не заблуждался; в беспорядках и разбросе ты со мной не разлучался; холод и сырость ты терпел вместе со мной“.¹⁰ При подобных условиях скотоводческое хозяйство можно было вести только при условии общего пользования пастбищами.

Рашид-ад-Дин неоднократно точно указывает *yurt* какого-либо племени или рода и при этом не упоминает о том, что на данной территории кочевал кто-либо из чужеродных.

Так, говоря о татарах, он отмечает:¹¹ „Все это племя составляло семьдесят тысяч кибиток. Места, жилища и юрты их были определены в отдельности по племенам и по ветвям, близко к пределам страны Китайской. Юрт, наиболее им присвоенный, есть место, называемое Боир-нор“. А рассказывая о племенах собственно монгольских, персидский историк

¹ О том, что сородичи не всегда имели возможность кочевать вместе, будет сказано в следующем отделе, см. ниже, стр. 63. ² С. ск., 24.

³ В русском переводе китайской версии С. ск. стоит „к владельцу горы“ (стр. 24), тогда как в „монгольском“ тексте eјed, т. е. множественное число от eјep „хозяин, владелец, владеец“. ⁴ С. ск., 49, 120. ⁵ С. ск., 44—45, 51. ⁶ См. выше, стр. 43.

⁷ С. ск., „монгольский“ текст. ⁸ Р.-ад-Д., II, 139. ⁹ С. ск., 120 (транскрипция собственных имен изменена). ¹⁰ См. описание 13 куреней Чингиса, Р.-ад-Д., II, 93—95; ср. С. ск., 64.

¹¹ Р.-ад-Д., I, 49; см. также I, 79, 87, 93, 94, 108, 135, 175; II, 14—15.

говорит:¹ „У этого племени юрт и места соединялись вместе, и было определено, откуда и докуда был юрт каждого“.

При постоянных войнах и набегах всякого рода, которые наблюдались в XII в. у монголов, при частых связанных с этим перекочевках и переселениях, важное значение для родового общества имела именно общность владения пастбищными территориями, а не обладание тем или другим местом для кочеванья, которое легко могло быть сменено. Но все-таки совершенно определенно было понятие *nutuḡ* (*yurt*), как о районе-территории, принадлежавшей одному роду.

Можно отметить также, что права собственности на скот отмечались особыми знаками-таврами (*tamaḡa*), которые, повидимому, были едиными для всех членов данного рода; наши источники, впрочем, очень глухо говорят об этом.²

Можно еще отметить, что в древне-монгольском обществе, — это хорошо известно и у других народов, переживающих эпоху родового строя, — по особому относились к послам, *elci* ~ *ilci*, как представителям рода и племени,³ почему особа посла считалась „священной“. Иногда слово *elci* употреблялось в качестве атрибута при собственных именах, напр., *Хасiḡun-elci*; так назывался брат Чингис-хана, который был моложе его.⁴

Из всего вышесказанного о древнем монгольском роде следует, что монгольский род-*оох* являлся довольно типичным союзом кровных родственников, основанным на агнатном принципе и экзогамии, союзом патриархальным, с некоторыми только чертами переживания былых когнатных отношений, с индивидуальным ведением хозяйства, но с общностью пастбищных территорий, с предоставлением некоторых особых прав младшему сыну при соблюдении известных прав в отношении к старшему, союзом, связанным институтом мести и особым культом.

Во всех этих чертах нет ничего особенного и оригинального, что бы выделяло древних монголов из ряда других народов, живущих или живших родовым строем. Как известно, В. В. Бартольд считает, что обычай оставлять младшего сына при отце и передавать ему основное имущество, является у кочевников пережитком охотничьего состояния.⁵ В отношении древних монголов положение это находит себе подтверждение в том, что монголы той эпохи, даже кочевые, были тесно связаны с охотничьим бытом, были кочевниками-охотниками,⁶ а некоторая часть их продолжала

¹ Р.-ад-Д., I, 135.

² Р.-ад-Д., I, 76; С. ск., 44—45, 57—61, *passim*. Ср. В. В. Радлов, „К вопросу об Уйгурах“, СПб., 1893, стр. 68; Марко Поло, 91.

³ С. ск., 66,

145; Р.-ад-Д., II, 33, 102, 119; III, 42.

⁴ Ср. Р.-ад-Д., I, 169.

⁵ См. его „Связь общественного быта с хозяйственным укладом у турок и монголов“. Известия Общ. археол., ист. и этногр. при Каз. ун-в., т. XXXIV, вып. 3—4, 1929, стр. 3.

⁶ Ср. монгольский охотничий обычай, описанный Р.-ад-Д. (III, 93): „Обычай монголов таков, что в первый раз, как мальчики примут участие на охоте, большому пальцу их делают помазание, т. е. мажут мясом и жиром“; ср. Чжан-Дэ-хуй, 585.

оставаться настоящими „лесными“ звероловами; были к тому же и такие поколения, которые стояли как бы на грани „леса“ и „степи“. Повидимому, и институт *beki* сохранился у кочевых монголов от бывшего охотничьего периода.¹

2. СОЧЕТАНИЯ РОДОВ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РОДОВОГО ОБЩЕСТВА

А. Крепостные-вассалы, рабы-прислужники

При рассмотрении отношений, которые возникали между родами (оох) у древних монголов в XI—XII вв., а также при ближайшем анализе родового монгольского общества открываются некоторые черты, более оригинальные и имевшие большее значение. Конечно, и в данном случае не встречается совершенно неповторимого, того, что никогда бы не происходило в другое время и у другого народа. Тем не менее, можно отметить большой интерес не только монголоведческий, но и обще-социологический, вызываемый изучением родовых отношений древнего монгольского общества, из недр которого выросла, не надо забывать, мировая империя монголов.

В главных наших источниках, в „Сокровенном сказании“ и в „Сборнике летописей“ Рашид-ад-Дина, имеется много указаний на то, что у древних монголов роды (оох) находились постоянно в движении и представляли собою величины очень непостоянные, благодаря непрерывным образованиям различных родовых объединений. Действительно, в XII в., а, вероятно, то же самое наблюдалось и раньше, монгольские роды живут отдельно, обособленно только в очень редких случаях; обычно же они образуют различные группы, которые монголы называли *irgen* и которые можно передать словами „племя“ и „подплемя“, и *ulus*, переводимое, как „государство, удел“. Затем наблюдается постоянное отделение от родов, отдельных ветвей и образование, таким образом, новых родовых обществ. Следовательно, имеются налицо, как-будто, прямо противоположные стремления.

Для каждого члена древнего монгольского рода сородич был *uigh* и *uigh* „потомок, отпрыск данного рода“, следовательно, „родственник, родной, сородич“;² между тем, как всякое чужеродное лицо было *jad* „чужой, иностранец“;³ все, значит, делилось на *uigh*'ов и *jad*'ов. Но среди *jad*'ов был род или роды и целые поколения, где жили *törgüd*, „родственники по жене“; членов таких родов можно было рассматривать

¹ Шаманство, как известно, сохранялось лучше у „лесных“ народов, см. Р.-ад-Д., I, 142; ср. В. В. Бартольд, „Связь общественного быта с хозяйственным укладом у турок и монголов“, стр. 2.

² Ср. Quatremère, 7—8.

³ См. выше, стр. 52, выдержки из „монгольского“ текста С. ск. Оба слова общие с тюркскими наречиями.

уже не как настоящих *jad'ov*, их величали *xuda*¹ „сват“. К сородичам, конечно, относились не так, как к чужеродным, *jad*, и от них требовалось особое отношение. Защита, покровительство, помощь своим сородичам были основными обязанностями рода, родовичей. Не нужно забывать при этом, что *ugux*'ами считались не только члены данного рода, но и всех родов, кровно связанных между собою происхождением от одного общего предка (*ebüge*), родов одной кости (*yasun*). Чингис, напр., узнав о проступках родственного рода *Jürki*, говорит:² — „За что мы терпим подобные поступки от Чжурки? Прежде, во время пира на берегу реки Онань, в лесу, их люди прибили кравчего и порубили плечо Белгутаю; теперь, когда я хотел отомстить за предков, вместе с ними, они не пришли; напротив, предавшись нашим врагам, сделались врагами“. А вот характерный рассказ Рашид-ад-Дина:³ „Еще были два мальчика, оба родные братья: имя одного Хулу, а другого Хара-Менггэту-Уха. Оба были Татары Тутукул'юты. Две супруги Чингис-хана, которых он понял у племени Татар, Бисулун и Бисукэт, так как они были той же кости, оказали тем двум мальчикам заступничество“. Татарский богатырь Камус, попав в плен к Сары-хану кереитскому, заявил тому, когда Сары-хан посмотрел на него искоса:⁴ — „Ты не можешь смотреть на мое лицо искоса, поелику и род твой не мог так смотреть на меня“. В „Изречениях“ Чингис-хана находятся такие слова:⁵ „— Если из нашего рода кто-нибудь поступит вопреки утвержденному ясаку (*jasag*) один раз, пусть его усовещивают словом; если сделает вопреки два раза, пусть действуют на него красноречием; в третий же раз пусть пошлют его в отдаленное место Балджият-Хулджур. Когда он сходит туда и возвратится — он будет внимателен. Если же он не образумится, пусть посадят его в оковы, в тюрьму. Если выйдет оттуда добронравным и образумившимся — очень хорошо; в противном же случае пусть соберутся все родственники, составят общее совещание и положат, что с ним делать“. Сподвижники Чингис-хана говорят ему, когда он хотел убить дядю своего, присоединившегося к врагам:⁶ „— Губить своих родных то же, что гасить свой огонь“.

Еще одно интересное место из „Сборника летописей“:⁷ „Хоро-Хад-жар-бахадур и Сартак-бахадур... были братья в век Чингис-хана. Во время деления они вступили в тысячу Джеди-нойона и в родство-свойство с племенем Манкут, ... ввели племя Баргут... В то время они поклялись, вступили и обязались договором: *„мы будем подобно братьям и роду один с другим...“*⁸

К области междуродовых отношений принадлежит институт побратимства, наблюдаемый у древних монголов. Два лица, обычно принадлежащие к разным родам, хотя бы и близким, заключают между собой

¹ См. выше, стр. 48. ² С. ск., 67; ср. Р.-ад-Д., II, 104. ³ I, 61. ⁴ Р.-ад-Д., I, 67. ⁵ Р.-ад-Д., III, 128; ср. D'Obsson, II, 247. ⁶ С. ск., 134. ⁷ Р.-ад-Д., I, 157.

⁸ Курсив мой.

союз дружбы и непременно обмениваются подарками, после этого они становятся anda „названными братьями“ — таков древний монгольский обычай.¹ „Сокровенное сказанье“ представляет такое свидетельство:² „Темучжинь и Чжамуха толковали промеж себя: «старые люди говорили, что когда делаются анда, то оба друга имеют как бы одну жизнь; один другого не покидает, и бывают они охраной жизни друг друга»“. В действительной жизни от двух anda не требовалось обязательно жить вместе, anda должны были только поддерживать друг друга и помогать друг другу, точно члены одного и того же обох'а-рода. Исторический пример двух anda — Ван-хан кереитский и Чингис-хан. Как известно, их отношения вылились даже в особую форму: Ван-хан как бы усыновил Чингиса, стал считаться его названным отцом. Ван-хан „сошелся с Чингисом у Черного-Леса Туулы и усыновил его себе. Прежде Чингис называл Ван-хана отцом, ради дружбы его с Есугаем; в этот раз они сами заключили союз отца с сыном“.³ Чингис называл Ван-хана есиге „отец“, а Ван-хан-Чингиса kö'ün „сын“.⁴

Монгольские предания вообще часто рассказывают о приемных детях, которые становились приемными братьями членов различных родов. Обычно приемными детьми делали малюток, подобранных в неприятельских становищах, во время войн и набегов.⁵ Но так же, как названный сын не входил в род своего названного отца, так же и приемные дети не всегда входили в род своих приемных родителей и приемных братьев, а продолжали считаться принадлежащими к тому роду, из становища которого они были взяты. Тем не менее они пользовались имущественными правами наравне с приемными братьями своими, природными детьми своих родителей; хотя, быть может, получали меньшую долю.⁶ Главное, они получали убежище и защиту дома, а следовательно, и рода, их принявшего.

Вместе с тем наши источники сообщают нам постоянно, что не только разные далекие друг другу роды, те, которые были jad, часто находились во враждебных отношениях, но и близкие роды, те, которые были игух, тоже воевали друг с другом и производили друг на друга на-

¹ Ср. С. ск., 48—49; китайский перевод отступает от монгольского подлинника: Yesügiei gan есиге-лү'е Kerei irgen-ü Ong-gan anda ke'eldüksен ажу'у. есиге-лү'е мину anda ke'eldüksен есиге метү бие „Ван-хан племени кереитов, вместе с ханом-отцом, Йесугеем, называли друг друга названными братьями (анда). Тот, кто отцу моему названный брат, тот тоже, что отец мне“. Ср. Р.-ад.-Д., I, 101; II, 105, 106, 108—109.

² С. ск., 58.

³ С. ск., 82—83; ср. Р.-ад.-Д., II, 106; I, 103.

⁴ С. ск., 91, 93; Р.-ад.-Д., II, 135—140. Титул своего рода есиге „отец“ давался иногда и в других случаях. Напр., Мулика величали есиге потому, что он женился на вдове Йесугей-багатура, матери Чингис-хана, см. Р.-ад.-Д., I, 158.

⁵ С. ск., 59, 67, 68, 121; Р.-ад.-Д., I, 58—59, 123, 167.

⁶ С. ск., 115. Приемных родителей они называли есиге „отец“ и еке „мать“, см. Р.-ад.-Д., I, 58—59. О Шиги-хутуку говорится, напр., в таких определенных выражениях: „Шики-Хутуку из племени Татар — Чингис-хан называл его пятым сыном“, Р.-ад.-Д., III, 149.

беги. Более того, мы узнаем, что враждовали и оказывались в разных враждебных лагерях члены одного и того же рода-оbox. Угух'и обращались в jad'ов и с ними поступали, как с jad'ами; не помогала и дружба, бывшие anda стремились иногда уничтожить друг друга, как злейшие враги. Вообще напрасно искать в монгольском обществе XI—XII вв. „гармонию индивидуальной свободы и самой тесной солидарности“,¹ которую некоторые этнографы склонны видеть у так называемых первобытных племен. Сам Чингис-хан так характеризует состояние монгольского древнего общества:² „Дети их не слушали нравоучительных мыслей отцов; младшие братья не обращали внимания на слова старших; муж не имел доверия к жене, а жена не следовала повелению мужа... По той причине (были) оппозиционеры, воры, лжецы, возмутители и разбойники. Таким людям в собственном их жилище не являлось солнце, т. е. они грабили, лошади и табуны их не имели покоя; лошади, на которых ездили в авангарде, не имели отдыха, пока неизбежно те лошади умирали, издыхали, сгнивали и уничтожались. Таково (было) это племя без порядка, без смысла“. Рашид-ад-Дин, пожалуй, в еще более темных красках рисует некоторые монгольские племена, напр., татар, которые по его словам „непрерывно... занимались убийством, грабежом и хищением друг друга“.³ Наконец, „Сокровенное сказанье“ — действительно „сокровенный“ источник рассказов о мрачных событиях, произошедших внутри одного рода, одной семьи, одной кости.⁴ Выше приходилось уже упоминать о том, что в древнем монгольском обществе были бедные и богатые, знаем мы также, что были господа и слуги, знаем, что были „рабы“.

Как объяснить все это? Что говорят наши источники? Что представляло собою „родовое“ монгольское общество в XI—XII вв.? Кто это были те, которым казалось неудобным кочевать вместе с остальными своими родичами? Кто занимал лучшие места во время облавных охот? А кто, наоборот, подгонял дичь и кочевал людными курениями? Откуда ханы и „рабы“? Кто эти „сподвижники“ Чингиса?

Древний монгольский род, родовое монгольское общество XI—XII вв. были очень далеки от состояния примитивного родового быта. Наши

¹ См. статью Л. Я. Штернберга, „Теория родового быта“ в Энцикл. слов. Брокгауза и Ефрона, XXXIIA, стр. 906 (курсив Л. Я. Штернберга).

² См. „Изречения“ Чингис-хана, Р.-ад-Д., III, 120. Ср. слова одного сподвижника Чингиса о былых временах, приводимые С. ск., обращенные к ханским сыновьям: — „Когда вы еще не родились, вселенная наполнена была смутами; люди бились и грабили друг друга и никому нельзя было жить спокойно“ (144). Если бы у нас не было других сведений, подобные свидетельства лиц, прямо заинтересованных, могли бы казаться пристрастными.

³ Р.-ад-Д., I, 52.

⁴ И рассказы эти в большинстве случаев подтверждаются другими источниками, напр., Р.-ад-Д. В среде монгольской аристократии память о них сохранилась надолго, свидетелем чего являются повествования Sanang-Secen'a и Altan tobci; см., напр., S. s., 64—65; A. t., 83; см. также ДАН-В, 1930, стр. 219.

источники совсем по другому рисуют древний монгольский род и „родовое“ общество. Можно сказать, что в ту пору род у монгольских племен находился уже в стадии разложения, пройдя, очевидно, длинный путь эволюции, о котором точных сведений у нас не имеется. Но зато в нашем распоряжении достаточно сведений, — можно повторить, — о монгольской общественной жизни в XII—XIII вв.

Прежде всего наше внимание останавливает одно явление тогдашней родовой жизни монголов. В то время, как многие и многие монгольские роды живут на одной территории, т. е. каждый такой род кочует на одной общей территории, оказывались также роды, которые жили рассеянно, кочуя уже совместно с другими чужими родами. Так известно, что люди рода *Baya'ud* жили рассеянно, часть их кочевала с Чингис-ханом, а часть с племенем Тайчиут;¹ то же самое известно о поколении Джалаир, разные роды, входившие в состав которого, проживали разбросанно среди чужих (*jad*) родов и поколений.² Наконец, хорошо известно, что представители рода *Borjigin* той ветви притом, к которой принадлежал Чингис-хан, тоже не жили вместе, хотя, быть может, и не присоединялись к чужим родам.³ Анализ источников показывает, что в данном случае одно и то же явление происходило под влиянием совершенно различных факторов, было результатом разных причин. В одном случае роды разветвлялись добровольно, части родов отделялись, так сказать, по собственному желанию; в другом случае роды рассеивались и расходились, подчиняясь насилию, недобровольно.

Остановимся в начале на втором случае. Как и следовало ожидать, рассеивание родов происходило в результате поражения на войне. Враги-победители разъединяли роды, сородичи оказывались рассеянно живущими среди членов чужих родов, вместе с *jad*-чужеродцами. Источники показывают также, что иногда целые роды оказывались в зависимости от другого какого-либо рода, родственного — *игух* или чужого — *jad*, безразлично, или даже от ветви какого-нибудь рода. Но нам известно большее: оказывается, целый ряд монгольских родов или ветвей родов попадал в вассальные отношения к другим родам или их ответвлениям, в результате неудачных войн, главным образом, но и под влиянием других обстоятельств. „Когда Чингиз-хан, — пишет Рашид-ад-Дин,⁴ — покорил совсем племя Тайджиут, и племя Урут и Манкгут, по понесенному вреду и ослаблению, покорились, он повелел большую часть их избить, а остальных сполна отдать Джиданойону в рабство. . . Хотя они были родственники его, однако стали рабами его по приказу указа и донныне войско урутское и манкгутское состоит рабами рода Джиданойона“. Подобных

¹ С. ск., 60, 120; Р.-ад-Д., I, 175; II, 13, 95. ² Р.-ад-Д., 33—34, 42; С. ск., 59, 60, 64, 68. ³ С. ск., 44—46, 48, 61; Р.-ад-Д., II, 50.

⁴ I, 190—191. Вместе с тем известно, что часть родов Уруут и Манкгут, упоминаемых Р.-ад-Д., присоединилась к Чингису раньше описываемого погрома, см. С. ск., 87—91; Р.-ад-Д., I, 189—190.

рассказов очень много как в „Сокровенном сказании“, так и в „Сборнике летописей“ персидского историка; имеются намеки и в других источниках. Но лучше всего вассальные отношения описаны у Рашид-ад-Дина.

Рашид-ад-Дин дает следующее описание, переводимое Березиным, как обычно, языком неуклюжим, но не лишенным известной лапидарности:¹ „В это время называют Онгу-Бугул племя из Монголов, но в век Чингиз-хана это имя служило общим названием их. Онгу-Бугул означает, что они суть рабы и дети рабов предков и дедов Чингиз-хана: некоторых из них, которые во время Чингиз-хана оказали похвальные услуги и приобрели твердые права, по этой причине называют Онгу-Бугул. Те, которые хранят твердо путь онгу-бугульства, упоминание каждого из них придет в своем месте: теперь же в этом месте изложение в нужном количестве было, дабы стало известно, что такое значит это имя“.

„... Так как Чингиз-хан, — продолжает персидский историк,² — был ханом, господином соединения планет, самодержцем земли и времени, все племена и роды монгольские из родных и чужих стали его рабами и слугами: в особенности люди из родичей, дядей и двоюродных братьев, которые во время действия и в период войн были за одно с его врагами и против него сражались, суть меньше степенью других, и много есть, которые стали рабами рабов“.

Термин „Онгу-Бугул“ Рашид-ад-Дина есть монгольское *upaḡan boḡol* (старинное *boḡal*). Так назывались исконные вассалы какого-либо рода или дома, потомственно ему служащие. Рассказывая о погроме племени Джалаир, Рашид-ад-Дин замечает:³ „Жены и дети их все стали рабами сына Мунулуны, Хайду; несколько мальчиков из них сберегли пленниками и они стали рабами их рода. С той поры донине племя Джалаир состоит крепостными рабами; по наследству они перешли Чингиз-хану и роду его и из них явились старшие беки“.

Выражение *upaḡan boḡol* неудобно переводить словами „раб“, „крепостной раб“. Действительно, с точки зрения Рашид-ад-Дина, свыкшегося с неограниченной и капризной властью восточных монархов, „рабами“ были все их подданные; в понимание этого слова вкладывался совсем иной смысл, чем это делается нами. Древне-монгольские *upaḡan boḡol* не были рабами в полном значении этого слова: они сохраняли свое имущество, пользовались известной личной свободой, не все результаты их труда шли их господам. *Upaḡan boḡol* прежде всего оказывались в подчиненном положении не одного лица, а целого рода или его ветви, что, в конце концов, одно и то же. Затем *upaḡan boḡol* часто не теряли родовой связи между собой: они жили такою же родовой жизнью, родовым бытом, как и их владельцы. Главною их обязанностью по отношению владельческого рода была служба. Они должны были помогать своим

¹ Р.-ад.-Д., II, 11.² Р.-ад.-Д., II, 12.³ Р.-ад.-Д., II, 16.

владельцам, служить им в мирное и военное время, вообще относиться к ним, как к *игх'ам*, безразлично, действительно ли они были *игх'и* или *jad'ы*. Служба владельческому роду состояла в том, главным образом, что *upaġan boġol'ы* должны были кочевать совместно со своими владельцами или образовывать по их указаниям курени и айлы, позволяя своим господам удобно вести большое скотоводческое хозяйство.¹ Во время облавных охот они бывали загонщиками и подгоняли дичь.² Часто отношения между владельцами и *upaġan boġol* настолько сглаживались, что начинали напоминать отношения двух союзных близких родов. Владельческий род, если он был другой кости, брал у своих *upaġan boġol* девушек в жены и давал своих;³ из среды *upaġan boġol* выходили сподвижники и друзья членов владельческого рода.⁴ В виду всего этого, можно охарактеризовать отношения между родом владельческим и родом *upaġan boġol*, как отношения сюзерена, сеньера и крепостных вассалов. Древнемонгольские *upaġan boġol'ы* были крепостными вассалами, которые не могли свободно расторгать связи, скреплявшие их с владельческим родом.⁵

„Чингис, — говорит «Сокровенное сказанье»,⁶ — велел еще передать брату Тооринь (Тоорил): «Что называю тебя братом, причина тому та: в прежнее время, у Туньбиная и Чарахай-линху был раб из пленных, по имени Охда; у Охды был сын Субегай; у Субегая сын Кокочу-кирсаань; у сего сын Егай-хуантохар; сын же Егай-хуантохара — ты. Из-за чьего народа ты льстишь Ван-ханю? Управлять моим народом Алтань и Хучар никогда не позволят другим. Ты мой раб по наследству от моих предков. Вот обстоятельство, почему я назвал тебя братом»“. Из отрывка этого видно, что родословные свои вели не только „свободные“ монголы, члены определенных родов; родословная крепостного вассала оказывается тоже хорошо известной, хотя из слов Чингиса не видно, жил ли Тоорил и его предки целым родом в доме-роде будущего монгольского хана.

А вот еще одно свидетельство наших источников:⁷ „Чингис сказал кравчему Вангуру, сыну Мунгэту-кияня: «В прежнее время, ты, вместе с тремя домами Тохураут, пятью домами Тархут и с двумя родами: Чаншикит и Баяут, составил со мной одно становище... Теперь ты какой награды хочешь?»“ Вангур отвечал: „Если ты, по милости своей, мне

¹ Р.-ад.-Д., 92, 94—95. С. ск., 25, 42—44, 59—61, 64. ² С. ск., 124; Р.-ад.-Д., III, 129 (косвенные показания). ³ Р.-ад.-Д., I, 175. ⁴ Р.-ад.-Д., I, 35, 169, 175; С. ск., 94, etc.

⁵ Ср. соответствующие термины французского феодализма: *servus* [„serf“], *homo de corpore*, см. А. Luchaire, *Manuel des institutions françaises*, Paris, 1892, p. 293—294.

⁶ С. ск., 94; ср. рассказ о том же послании у Р.-ад.-Д., II, 140, и в „Сказании о Чингисхане“, стр. 173. Во всех трех версиях суть совершенно одна и та же. Любопытно отметить, что Тоорил, о котором идет речь, во время сговоров с врагами Чингиса, когда делались предложения убить его, заявил: „Нет, лучше овладеть его народом: тогда что ему останется делать?“ (С. ск., 84). Очень характерные слова в устах возмущившегося вассала.

⁷ С. ск., 120.

самому велишь выбирать, то я хотел бы собрать воедино братьев рода Баяут, рассеянных теперь по разным улусам". Относительно Тохураут, упоминаемых в настоящем отрывке, известно, что они были одной из ветвей, на которые делилось племя Джалаир,¹ а последнее племя было *unağan boğol*ами рода Чингиса; Джалаиры „стали пленниками и рабами Хайду-хана... и детей и родственников его, и переходили в наследство от предка к предку Чингиз-хана, почему те племена и были его крепостными рабами (*ungu boğol*)“, — говорит Рашид-ад-Дин.² О Тархут известно, что это было племя „лесное“;³ из племени этого происходила супруга Бартан-багатура, деда по отцу Чингис-хана; говорит об этом поколении и Рашид-ад-Дин.⁴ Возможно, несколько семей из поколения этого прибыли к роду Чингиса в качестве „приданого“ *inje* его бабки; об *inje* речь будет ниже.

Далее, о Чаншикит, названных в другом месте „Сокровенного сказанья“ родом Чаншиут, ничего неизвестно.⁵ Что касается рода Баяут, то о нем известно, что одна ветвь его с давних времен была *unağan boğol*ами рода Чингис-хана.⁶ О предке этой ветви Баяут рассказывалась следующая легенда, очень характерная.⁷ Однажды Добун-мерген, муж знаменитой *Alan-goа*, отправился на охоту и повстречал одного человека из рода Урянхат, который дал ему мяса оленя. Затем он повстречал человека из рода *Ma'arix bayu'ud*, который вел за собой сына, мальчика. Человек этот был беден и за мясо оленя отдал Добун-мергену своего сына. Добун-мерген взял того мальчика с собой и сделал его у себя в доме прислужником. „Большая часть племени Баяут, — говорит Рашид-ад-Дин,⁸ — как бы комментируя «Сокровенное сказанье», состоящие рабами рода Чингиз-Ханова, суть из рода того мальчика“.

Количество подобных примеров, подобранных из наших источников, легко может быть увеличено. Вот, напр., известный Сорган-шира, спасший однажды Чингиса, отец двух его сподвижников; он был одним из „домашних людей“ в роде Тайчиут⁹ и должен был кочевать вместе со становившем этого рода.¹⁰

„Сокровенное сказанье“ сохранило один любопытный рассказ о том, как в давние легендарные времена предприимчивые родовичи добывали себе крепостных вассалов-*unağan boğol*.¹¹ *Bodoncar*, предок рода *Borjigin*, после размолвки со своими братьями из-за дележа наследия родителей, уехал вниз по р. Онону. Встретилась ему там одна ветвь, одно поколение какого-то народа (*bölög irgen*), он заметил, что у народа этого

¹ Р.-ад-Д., I, 33, ср. II, 248; С. ск., 188.

² Р.-ад-Д., I, 33; II, 92.

³ Р.-ад-Д., I, 78: *Targūt*; ср. замечание P. Pelliot в *T'oung Pao*, vol. XXVII, 1930, № 1, p. 30; см. также С. ск., 59. Ср. примечания Березина, Р.-ад-Д., II, 192. Не совсем все-таки ясно, почему Р.-ад-Д. говорит о *Targūt* в двух местах.

⁴ Объяснение Березина не выдерживает критики, см. Р.-ад-Д., II, 245—246, 249.

⁵ Р.-ад-Д., I, 176; II, 5.

⁶ С. ск., 25; ср. Р.-ад-Д., II, 5.

⁷ Р.-ад-Д., II, 5.

⁸ С. ск., 73.

⁹ С. ск., 42—44; Р.-ад-Д., I, 169.

¹⁰ С. ск., 27—29.

„нет ни больших, ни малых, ни плохих, ни хороших, ни главы, ни ноги, а (все) равны“.¹ Когда он помирился со своими братьями, то предложил им овладеть тем народцем, с которым в виду его состояния легко было справиться. „Хорошо, когда на теле человека голова, а на платье ворот“, сказал он.² Братья согласились, произвели набег и впятером овладели тем народцем. И они „достигли того, — говорит «Сокровенное сказанье», — что стали жить с табунами-скотом и людьми-прислужниками“.³

Из всех вышеприведенных отрывков — свидетельских показаний наших источников — следует, что *унаган богол*ами становились или в силу неудачных „войн“, из-за набегов и наездов, а также в силу материальной нужды, из-за обеднения. Положение *унаган богол* в родовом монгольском обществе XII в. мало отличалось от состояния владельческих родов совсем не потому, что нравы и быт были просты и не сложны. Нет, таково было социальное и экономическое положение *унаган богол* — наследственных крепостных вассалов владельческого рода. Определение это необходимо подкрепить показаниями наших источников.

Выше, на основании Рашид-ад-Дина, было установлено, что часть племени Джалаир с давних пор являлась *унаган богол* рода *Borjigin*. И вот оказывается, что один член этого рода, Джочи Дармала, несомненный *унаган богол*, кочует отдельным стойбищем, с табунами коней, быть может, и принадлежавших Чингису, имеет своих помощников и действует самостоятельно, убивает родственника Джамуга-сечена, когда тот пытается угнать коней, и находит защиту в Чингисе, точно его сородич.⁴ Вышеупомянутый Тоорил обсуждает дела с важными родовичами из рода *Borjigin* и сыном пресловутого Ван-хана керентского, как равный, и Чингис, как это видно было из предыдущего, величает его братом.⁵ Владельческие роды, наконец, роднились со своими *унаган богол*, беря у них девушек в жены и давая им своих,⁶ чем косвенно подтверждается известное экономическое благосостояние *унаган богол*.⁷

Еще больше материала доставляет рассказ о Сорган-шира. Как известно, он был „домашним“ человеком у рода Тайчиут,⁸ сам принадлежа к роду Сульдус.⁹ В становище Тайчиутов он живет своим аилом, имеет повозку с шерстью, есть у него лично ему принадлежащий скот.¹⁰ В доме-юрте его били молоко¹¹ всю ночь до рассвета,¹² приготавливая, оче-

¹ Перевод с „монгольского“. Китайский перевод несколько отличается: С. ск., 29.

² Старинная поговорка, сохранившаяся до сих пор у многих монгольских племен; см. В. А. Котвич, „Калмыцкие загадки и пословицы“, стр. 81 (№ 101⁰).

³ Перевод с „монгольского“. Китайская версия слегка отличается: С. ск., 29.

⁴ С. ск., 64; Р.-ад-Д., II, 92; „Сказание о Чингисхане“, 153; Иакинф, 9.

⁵ См. выше, стр. 65.

⁶ Р.-ад-Д., I, 175.

⁷ Ср. сказанное выше, стр. 64; ср.

Р.-ад-Д., III, 126.

⁸ С. ск., 73, 124.

⁹ С. ск., 42; Р.-ад-Д., I, 169.

¹⁰ С. ск.,

43—44; Р.-ад-Д., I, 169—170.

¹¹ С. ск., 43.

¹² Возможно, что битье молока, т. е. приготовление кумыса, было повинностью дома Сорган-шира, как это думает Палладий Кафаров (С. ск., 180). Во всяком случае В. В. Бартольд неправ, предполагая в данном случае видеть образное выражение, описывающее

видно, кумыс. Чингис, желая наградить его впоследствии за оказанную Сорган-шира услугу, позволил ему „по воле ставить становища“¹ в стране меркитов, по р. Селенге. Рашид-ад-Дин говорит, что уурт племени или рода Сульдус (Сульдас) в век Чингис-хана находился в окружности лесов, где раньше жило племя „лесных“ урянхитов.² Очевидно Сорган-шира собрал своих родичей, чтобы с ними вместе „по воле ставить становища“ свои. В наших источниках несколько раз повторяется, как *upaḡan boḡol'am* приходилось собирать своих сородичей, восстанавливать единство рода, что лишний раз подтверждает их насильственное рассеяние. Рассеянно кочевали и Джалаиры, и Баяуты и другие.³

Надо упомянуть еще об одном институте древнего монгольского общества: об *inje*. Под этим названием понимались люди, которых выделяли владельческие роды в приданое за девушкой их рода; они уходили в род ее мужа и становились, следовательно, его подчиненными,⁴ попадая, очевидно, в положение, близкое к тому, в котором находились *upaḡan boḡol*; а кем же другим могли становиться их потомки? Известно, напр., что брат Ван-хана керейтского „отдал за свою дочь“ повара Аши-темура с 200 людьми,⁵ которыми Чингис, муж названной керейтки, распоряжается по своему усмотрению, „ всю орду, пажей, домочадцев, служителей, казну, табуны и стада все отдал хатуне, а ее отдал Кейтей-нойону“;⁶ он отдал всех людей *inje* за исключением небольшой части.⁷

В век Чингис-хана появляется, благодаря войнам и набегам, значительное количество завоеванных родов, они называются уже просто *boḡol*,⁸ но скоро или через несколько поколений они превращаются в тех же *upaḡan boḡol*, как бы повторяя историю последних.⁹ Впрочем, в данном случае замечается и большое отличие, которое подробно будет рассмотрено ниже, а именно: новые *boḡol*-ы часто становятся крепостными вассалами не рода, а определенного лица и служат ему и его дому.¹⁰

Кроме того, монгольское родовое общество XI—XIII вв. знало и рабов, рабов-служителей; если они и не были рабами, напоминающими рабов у оседлых народов, то все-таки отличались от крепостных „вассалов“. Назывались они *ötöle boḡol*¹¹ „простые рабы“ или *jala'u*¹² „молодцы“.

„безграничное гостеприимство“. Текст С. ск. совершенно определенно говорит об отличии дома Сорган-шира, почему Темучин и мог найти его юрту ночью среди других юрт стойбища Таѣчиутов: „Прислушиваясь к этому стуку от битья молока, Темучинь дошел до жилища Сорхань-шира“ (С. ск., 43; см. Бартольд, „Туркестан“, 44).

¹ С. ск., 123. ² Р.-ад-Д., I, 92.

³ С. ск., 59—60, 120, 123; Р.-ад-Д., I, 105; II, 94—95, 169, 175, etc.

⁴ С. ск., 30; в „монгольском“ тексте в соответствующем абзаце стоит: *Xabici ba'atur-un eke-yin inje iregsen* „пришедшая в качестве приданого за матерью Хабичи“.

⁵ С. ск., 118—119; Р.-ад-Д., I, 194; II, 80.

⁶ Р.-ад-Д., I, 194.

⁷ С. ск., 119;

у Р.-ад-Д. то же самое рассказывается немного по другому, но суть та же самая.

⁸ Р.-ад-Д., II, 11—12, 50 etc.; С. ск., 56, 98, 110—111.

⁹ Р.-ад-Д., I, 57—58, 61 etc.

¹⁰ Р.-ад-Д., I, 191; II, 50—51.

¹¹ Р.-ад-Д., I, 145.

¹² С. ск., 23 (соответствующее место „монгольского“ текста); слово *jalaḡu-jala'u* в значении „раб, служитель, при-

Последнее название лучше всего и объясняет их положение: это были ловкие прислужники в ставках, конюхи, etc.¹

„Сокровенное сказанье“ случайно сохранило рассказ, полный бытовых подробностей, о двух таких „прислужниках“, случайно, потому что, обычно, история не интересуется людьми такого рода:² „Санкунь... сказал... „Поедем пораньше, окружим и захватим Темуджиня“...“

Младший брат Алтаня, Екэ-чэрян, ... говорил: „сегодня сообща порешили, чтобы завтра ехать и схватить Темуджиня; если бы кто-нибудь сегодня же известил об этом Темуджиня, не знаю, как бы он наградил того“... В это время, конский пастух, Бадай, принес кобылье молоко и слышал то; воротясь, он рассказал об этом товарищу своему Кишлиху. Кишлих сказал: „Я еще пойду и послушаю“. Вошедши в жилище, он увидел сына Екэ-чэряня, Наринь-кэян, который, натачивая стрелы, говорил: „Да, кому из наших домашних, отнять язык, загородить рот“... Потом он сказал Кишлиху: „Поймай и привяжи белую, да карию лошадь; завтра рано я еду“. Кишлих, выслушав эти слова, ушел и сказал Бадаю: „Сейчас я разведаль, твои слова справедливы. Поедем уведомить о том Темуджиня“. Поймав и привязав двух лошадей, они вошли в свою юрту, убили ягненка и сварили его на огне, разведенном деревом нары; потом сели на пойманных ими коней и в ту же ночь приехали к жилищу Темуджиня, сзади“.

Древне-монгольские *boḡol*’ы, вассалы и прислужники, могли быть отпускаемы на свободу, т. е. тогда прекращалась связь между *poḡan*’ом³ и *boḡol*’ом, между господином⁴ и „рабом“. *Boḡol* в таком случае становился *darḡan*, т. е. свободным из „рабов“.⁵ „Сорхань-шира, Бадай и Кишлих!“—сказал Чингис-хан,⁶—будьте свободны. Добытую в походах добычу и пойманных в облавах зверей, берите себе одним“.

Может быть, только в очень давние времена, о которых сохранились лишь легендарные сказанья, монгольский род состоял из одних сородичей-игух, среди которых „нет ни больших, ни малых, ни плохих, ни хороших, ни главы, ни ноги, а (все) равны“. В XII—XIII вв. то, что называлось *оох-род*, представляло собою сложное целое. *Оох* состоял

служник“ употребляется в монгольских литературных произведениях XIV в., см. *Bodhicaryāvatāra*, I, текст издал Б. Я. Владимирцов, *Bibliotheca Buddhica*, XXVIII, 1929, стр. 25 (III, 18). Были и другие названия-термины.

¹ С. ск., 23, 32, 124. Ср. *vernaculi* „serfs-domestique“ феодальной Франции, см. A. Luchaire, „Manuel des institutions françaises“. Paris, 1892, p. 298—299.

² С. ск., 85—86; ср. Р.-ад-Д., II, 131; „Сказание о Чингисхане“, 168—169. Источники наши не согласны относительно того, кто был Екэ-чэрян.

³ С. ск., 32. В „монгольском“ тексте стоит: *Badai Qishilix hoḡar darḡad-un poḡan* „господин Бадай и Кишлих, (ставших) свободными из рабов“.

⁴ Термин Палладия, С. ск., 169. Любопытно отметить, что по-монгольски слово *darḡan* значит еще „кузнец“. ⁵ С. ск., 124; ср. Р.-ад-Д., II, 131.

⁶ Впоследствии слово *darḡan* получило, кроме того, несколько иное значение, о чем речь будет ниже.

прежде всего из кровных родовичей-владельцев, затем шли крепостные вассалы-*upaġan boġol*, затем „простые“ прислужники-*ötöle boġol, ĵala'u*. Род состоял, следовательно, из нескольких социальных групп. Можно говорить даже о двух классах: к высшему относились владельцы-*uġuġi* и наиболее видные и состоятельные *upaġan boġol'ы*; к низшему — младшие крепостные вассалы и прислужники, *ötöle boġol'ы* и *ĵala'u*. Одни были *poġad* „господа“, другие — *хагасу* „чернь“, *boġolcüd* „рабы“. Раньше уже приходилось отметить, что Чингис называет одного своего влиятельного *upaġan boġol'a* „братом“;¹ теперь можно остановить внимание на том, как Сорган-шира, *upaġan boġol* рода Тайчиут, называет Тайчиутов, обращаясь к ним: *Taici'ud kō'ūd* „сыновья Тайчиутские“.² *Upaġan boġol'ы* и даже „простые“ *boġol'ы* могли помнить свои кости и роды, но кочевали они становищами, носившими имя их владельческого рода,³ по указанию последнего.

Но и кровные родовичи-*uġuġi*, принадлежавшие к одному и тому же роду, тоже не были равными, были среди них бедные и богатые, влиятельные и невлиятельные. К рассмотрению этого вопроса сейчас и можно перейти в связи с разбором причин, благодаря которым монгольские роды дробились и разветвлялись, так сказать, добровольно.

Подводя итог сказанному о низшем классе монгольского общества XI—XII вв., можно отметить, что положение его было трудное. Закрепощение вассалов, прислужников и „рабов“ за отдельными родами или за отдельными домами, ветвями родов, ослабляло родовую связь, следовательно, родовую защиту отдельных личностей; *poġaġ'am*-господам было легче вести их за собою. При кочевом быте, при родовом строе с родами-сюзеренами, при постоянных наездах, грабежах и войнах, беднякам и слабым родам невозможно было держаться самостоятельно. Они были принуждены идти под защиту сильных родов и домов, т. е. становиться их крепостными вассалами, становиться их пастухами и загонщиками. Простота кочевых нравов и отсутствие специфической культуры, близость друг к другу „господ“ и „рабов“, когда, по словам армянского писателя, „одну и ту же пищу подают господам и служителям“,⁴ не меняли сути сложившихся отношений. И мы можем наблюдать, как простой народ, чернь, *хагасу*⁵ подпадает под все усиливающуюся зависимость от высшего слоя *poġad* „господ“. А положение „прислужников“, *boġol*, не меняется, число их только возрастает, благодаря большим войнам и походам Чингис-хана.

¹ См. выше, стр. 65. ² С. ск., „монгольский“ текст, соответствующий китайской версии, переданной на стр. 42 по-русски. ³ Ср. С. ск., 42; Р.-ад.-Д., I, 169; см. ниже.

⁴ См. Киракос, 45; ср. Чан-Чунь, 289.

⁵ Противопоставление *хагасу* господам-*poġaġ'am* вытекает из следующего места Р.-ад.-Д. (I, 164): „Чингиз-хан сказал относительно Бургуджи-нойона: „Степень его ниже ханов, но выше беков и *харачуев*“; „бек“ Р.-ад.-Д. — *poġaġ* по-монгольски; ср. также одно место в „Изречениях“ Чингиса, Р.-ад.-Д., III, 126; см. ниже.

Б. Степная аристократия

Источники наши единодушно говорят о том, что древние монгольские роды постоянно разделялись, разветвлялись, давали начало новым ответвившимся родам. Рашид-ад-Дин, повествуя о былых временах, отмечает: ¹ „Каждая ветвь их стала определена и известна под каким-нибудь именем и прозванием, и стала родом (умаг).² Умаг есть то, что происходит от определенной кости и колена. Те умаки вторично разветвились“. Род Borjigin, которым, естественно, внимательнее всего занимались восточные писатели, потому что к нему принадлежал Чингис-хан, является характерным в этом отношении. Достаточно бросить взгляд на „Генеалогическую таблицу“, приложенную к русскому переводу „Сокровенного сказания“, ³ чтобы убедиться, как часто род этот давал новые и новые ветви.⁴ Новые роды появлялись и в эпоху, совсем близкую ко времени Чингис-хана. Вот, напр., род Jürki. У Хабул-ха'ана был старший сын, Окин-бархак, брат, следовательно, Бартан-багатура, деда по отцу Чингис-хана. У Окин-бархака был сын, Хутухту-Джурки, имевший в свою очередь двух сыновей, они и составили род Jürki.⁵ Наконец, отец Чингис-хана, Йесугей-багатур, выделился от своих родичей, его новый род стали называть Кият-Борджигин.⁶ Подобные же разветвления родов имеют место и среди других монгольских племен, только об этом нет таких подробных данных, как о роде Чингис-хана.⁷

Впрочем ответвления родов можно называть родами только анахронистически. Вначале, при своем отделении от родичей-умих'ов, это бывали обособившиеся семьи, дома, которые скоро превращались в „большие семьи“ и, наконец, роды. Совершенно невозможно провести грань между родом-оох и его ответвлением, „большой семьей“, которая тоже называлась родом-оох. Таким образом, весь род одной кости, произошедшей от легендарного предка Bodonca'a, назывался оох,⁸ и отдельные роды, напр. Ba'arin,⁹ тоже назывались оох, так же, как и „большие семьи“, напр., Jürki.

От общего корня рода Borjigin ответвляется большая семья Тайчиут, которая вскоре сама превращается в род, дающий свои ответвления в виде отдельных „больших семей“.¹⁰

Какая же была причина этих постоянных ответвлений и образований новых родов? Как протекал этот процесс? — ответы на эти вопросы имеются в наших источниках. Возьмем, напр., известный нам уже род

¹ Р.-ад-Д., I, 136. ² Или умаг = монг. obaḡ ~ oboḡ, см. выше, стр. 46. ³ С. ск., при стр. 258. ⁴ С. ск., 29—33. Показания Р.-ад-Д. в общем совпадают с рассказами

С. ск. Все-таки Р.-ад-Д., говоря о преданиях монгольских, о детях Алан-гоа, осторожно отмечает: „В этом много запутанности“ (II, 5). ⁵ С. ск., 32, 68—69; Р.-ад-Д., II, 101.

⁶ Р.-ад-Д., I, 11, 134; II, 49. ⁷ Р.-ад-Д., I, 95—96, 139, 147, 158, 182, etc. ⁸ С. ск., 30; Р.-ад-Д., II, 10, 49. ⁹ С. ск., 29—30; Р.-ад-Д., I, 195. ¹⁰ С. ск., 31; Р.-ад-Д., I, 182—187; II, 13, 23—24.

Jürki. Мы знаем, что он образовался из „большой семьи“ Хутухту-Джурки. Следовательно, род этот в дни Чингис-хана, сына двоюродного брата основателя рода, не мог быть сколько-нибудь многочислен. Конечно, это была „большая семья“ и только, да и то не насчитывавшая значительного количества своих сочленов. А между тем, мы знаем, что „род“ Джурки приглашается на войну, сами они учиняют нападения; Чингису приходится вести против них войско.¹ Откуда это? По счастью, наши источники дают определенный ответ, так что не приходится прибегать к гипотезам и суждениям по аналогии.

„Сокровенное сказанье“ передает:² „Происхождение рода Чжурки было следующее: У царя (ха'ап'а) Хабула было семь сыновей: старший назывался Олбархах (Окин-бархах); Хабул во внимание к его старшинству, выбрав из народа смелых, сильных, твердых и искусных в стрельбании из лука людей, дал их ему в свиту. Куда бы они ни ходили, всех побеждали и никто не смел состязаться с ними; поэтому они и названы были Чжурки. Чингис покорил этот род и присоединил его народ к своему“. Отгадка найдена: „род“ Джурки не имел многих родовичей-чигух, но у него было много подчиненных вассалов, боғол'ов и пөкөр'ов,³ о которых речь будет ниже. Их было так много, что Джурки могли ходить с ними на войну, а Чингис-хан мог этот народ присоединять к своему. Перед нами, следовательно, иллюстрация того, о чем говорилось в предыдущем отделе: немногочисленный род, вернее „большая семья“ владельческих родовичей, стоящая во главе значительного числа боғол'ов, жала'у, пөкөр'ов. Джурки сами — господа, поуад, и под их именем действуют их крепостные вассалы, их боғолсүд'ы, хотя они и не связаны кровными узами со своими владельцами.⁴ Все равно, с точки зрения родового быта монголов XII в., имя Джурки покрывает все, они, именно чигух'и рода Джурки, ответственные. И опять прекрасный пример мы находим в наших источниках. Раз Чингис-хан устроил пир на берегу р. Онона, на пиру присутствовали и представители рода Джурки, настоящие родовичи-чигух'и. На пиру этом произошла ссора и даже свалка, во время которой Бури-боко, один из членов рода Borjigin, но присоединившийся к Jürki в качестве пөкөр'а, рассек плечо Бельгутаю, брату Чингис-хана.⁵ Хотя все хорошо знали, что Бури-боко не член рода Джурки, хотя он был известен, как принадлежавший к другому роду,⁶ тем не менее Чингис-хан считает, что ответственность падает на Джурки. Они — род и, следовательно, отвечают не только за всех своих родовичей, но и за своих вассалов. — „За что мы терпим подобные поступки от Джурки? — говорит Чингис. — Прежде, во время пира на берегу реки Ононь, в лесу, их люди прибили кравчего и порубили плечо Белгутаю“.⁷

¹ С. ск., 66—67; Р.-ад-Д., II, 101—105.

² С. ск., 68—69.

³ Т. е. военных

слуг, см. ниже, стр. 87.

⁴ Ср. Р.-ад-Д., II, 23—24.

⁵ С. ск., 65; Р.-ад-Д., II, 101—102.

⁶ С. ск., 32, 69; Р.-ад-Д., II, 102.

⁷ С. ск., 67; ср. Р.-ад-Д., II, 104: „Они порубили саблём плечо брата моего“. Кравчего же побили „дамы“ из „рода“ Джурки, С. ск., 65; Р.-ад-Д., 101.

Совершенно то же самое можно сказать о многих монгольских родах эпохи XI—XII в., напр., о Тайчиутах. Их называют многочисленными,¹ называют их то родом, то племенем.² Все это, конечно, происходит потому, что в действительности Тайчиуты не были ни „родом“, ни „племенем“ в собственном смысле слова. Это был тоже род или целый ряд родов, состоявших из владельцев-игух'ов Тайчиут и их подчиненных,³ *upaḡan boḡol, boḡol, pōkōr* и т. д. Подобные объединения можно, повидимому, называть „кланами“.

Разказ о роде или „большой семье“ Джурки важен еще и с другой точки зрения. Он объясняет, почему в некоторых случаях, а таких случаев, вероятно, было большинство, роды ответвлялись. В предании, ведь, довольно определенно говорится, что выделились члены одного рода с людьми „смелыми, сильными, твердыми и искусными в стрельбании из лука“, с которыми хорошо было производить набеги и наезды. К такой шайке охотно присоединялись удалыцы и из других родов. И, действительно, мы знаем кое-что о Бури-боко, который рассек плечо брату Чингиса. Бури-боко был внуком Хабул-ха'ана, значит, принадлежал к роду *Borjigin*.⁴ „Бури-боко обошел потомков Бартаня⁵ и сделался товарищем отважных потомков Барха³ (Окин-Бархак)“, — поясняет „Сокровенное сказанье“.⁶ Отделяющиеся роды стремились к более привольной жизни, к возможности с большим удобством вести кочевое хозяйство и на облавных охотах получать лучшую долю. Ответвлялись, конечно, дома, семьи наиболее богатые, которым нечего было бояться самостоятельного существования.⁷ Но обособление такой семьи или части рода бывало возможно только тогда, когда отделявшиеся имели клиентов, вассалов и прислужников в достаточном количестве. Нужны были не только ловкие табунщики и хорошие пастухи,⁸ но и смелые воины, с которыми можно было бы совершать наезды и отражать нападения.

Один и тот же процесс наблюдается в монгольском родовом обществе XI—XII вв., у всех племен и народностей, за исключением „лесных“, о которых нет точных данных. Везде и всюду выделяются дома, „большие семьи“, просто семьи, которые или ответвляются от своего рода, образуя новое родовое сообщество, во главе которого они и становятся, или же занимают главенствующее положение в старом роде.⁹ При этом, конечно, идет настоящая борьба как с претендентами на такое же положение, так и с теми, кого стремятся подчинить, поставить в положение крепостных вассалов, *boḡol*.¹⁰ Имущественное неравенство является основой наблюдае-

¹ Р.-ад-Д., I, 182—183; II, 96.² Ср. Р.-ад-Д., I, 182; С. ск., 31.³ Р.-ад-Д.,

II, 90—91, 97—98; С. ск., 38, 42—44.

⁴ С. ск., 32, 69; ср. Р.-ад-Д., II, 101.⁵ Т. е.

отца Йесугея-багатура.

⁶ С. ск., 69.⁷ Слабые экономически семьи боялись отде-⁸ Ср. Р.-ад-Д., III, 121.⁹ С. ск., 29—32, 36—38, 61—62, 68—69, 74; Р.-ад-Д., II, 11, 12, 20, 21, 27, 28, etc.; 29—30, 90—91, etc.¹⁰ С. ск., 25, 40, 56, 57, 59, 62, 63, 65, 66, 67; Р.-ад-Д., II, 15—17, 20, etc.

мого процесса. Богатые и богатеющие скотоводы пытаются укрепить и упрочить свое положение; бедняки сопротивляются; но они принуждаются идти к богатым, жить при них в качестве их пастухов и прислужников, кочуя вместе с ними;¹ идти, наконец, в нукеры.²

На этой почве развивается и еще другое явление. Могучие роды, богачи, начинают привлекать к себе силой или предоставлением различных благ членов других владетельных родов, или целые ветви, образуя уже довольно большие объединения.

Весь процесс этот можно охарактеризовать, как образование степной родовой аристократии, выросшей на почве индивидуалистического кочевого хозяйства, выросшей из борьбы с хозяйственно слабыми группами. Везде и всюду во главе аристократических домов или родов оказываются особые предводители или вожди. При этом предводители эти получают власть не как старшие в роде, не в качестве родовых кровных старейшин, а как наиболее сильные, ловкие, смысленные, богатые. Власть их можно назвать властью захватнической. Таких предводителей аристократических домов называют вообще поуап „господин“;³ но очень часто они носят характерные прозвища, как бы показывающие, кто они такие. Их часто называют: *ba'atur*⁴ „богатырь“, *secen*⁴ „мудрый“, *mergen*⁴ „меткий стрелец“, *bilge*⁵ „мудрый“, *bökö*⁶ „силач“. Также часто они носят титулы, заимствованные от других народов, напр., от китайцев:⁷ *taishi*, поуап, *sengün*; или тюркские: *tegin*, *buyurug*.⁸ Жены и дочери их величаются титулами ханш и принцесс: *xatun*, *begi*⁹ (перечисляются далеко не все титулы).

Для иллюстрации всего вышесказанного о древне-монгольской родовой аристократии возьмем следующие примеры, заимствованные из наших источников. Вот род Тайчиут. По преданиям, не совсем единогласным,¹⁰ род этот образовался от семьи Чарахай-линху,¹¹ внука легендарного Хайду. Их было много, Тайчиут; т. е. за ними шло много народу, их родственников, свойственников, *upaḡan boḡol*, *pököḡov* и т. д., так, что их называли племенем, даже союзом племен или родов. „Тайджиюты, — говорит Рашид-ад-Дин,¹² — были весьма многочисленное племя; ...у каждого племени в отдельности был бек и предводитель, и все были соединены и в союзе один с другим. Из родственников и свойственников их, которые были соединены с ними, всех называли Тайджиютами. Из племен и потомков Джаочина Ургуза,¹³ родственников и свойственников его, бывших с Тайджиютами, так как они были прежде государями того племени, всех

¹ С. ск., 25; Р.-ад-Д., I, 208; II, 99. ² О нукерах подробно будет говориться ниже, см. стр. 87. ³ Или „сеньер“, ср. P. Pelliot, „Les Mongols et la Papauté“, II, Revue de l'Orient Chrétien, 3 s., t. IV (XXIV), 1924, № 3—4, p. 306; С. ск., 30 („боярин“). ⁴ С. ск. 23, 31, etc.; Р.-ад-Д., I, 148. ⁵ С. ск., 31. ⁶ С. ск., 29, 32. ⁷ Р.-ад-Д., II, 19, 54. ⁸ Р.-ад-Д., I, 39, 109. ⁹ С. ск., 83; Р.-ад-Д., II, 78. ¹⁰ Р.-ад-Д., I, 182—184; II, 19, 23. ¹¹ Р.-ад-Д. называет его *Jaraḡa-lingum* (или *lingu*); транскрипция Березина не точна; I, 182—183. ¹² II, 19. ¹³ Р.-ад-Д., II, 23—24.

называли Тайджиютами, подобно тому, как ныне всякое племя, которое смешалось с Монголами и приняло их характер и соединилось с ними, хотя и не из числа Монголов, называют монгольским¹.

Хотя Тайчиуты „все были соединены и в союзе один с другим“,² однако разные их ветви оказывались в различных родовых объединениях,³ причем часть их попадает в подчинение Йесугей-багатуру, отцу Чингис-хана, представителю и предводителю другой, хотя и родственной ветви их рода.⁴ После смерти Йесугей-багатура Тайчиуты отделяются от его семьи.⁵ Теперь их несколько ветвей, и во главе каждой стоит какой-нибудь родович-игух Тайчиут.⁶ Когда у них начинается борьба с Чингисом, то некоторые из них, хотя и немногие, принадлежавшие к побочной, так сказать, линии следуют за будущим монгольским хаганом.⁷

Еще более характерна история рода или дома самого Чингис-хана.⁸ Отец Чингиса, Йесугей-багатур, ответвляется от других линий своего рода-племени и образует свой отдельный род. У него собирается порядочно народу. У него есть и *унаган богол*'ы, и прислужники, идут за ним и некоторые родственные роды. А потом „родственники его, т. е. дяди и двоюродные братья все повиновались и подчинялись ему“. Кем же он был? С точки зрения китайца — образованного чиновника, он был „начальником десяти человек“.⁹ Рашид-ад-Дину, придворному и министру всеильного монарха, прямого потомка Йесугея, он представляется чем-то вроде „царя“; историк с некоторой натяжкой говорит, правда, не твердо и уверенно, что Йесугея „посадили ...на царство“. А что говорят сами монголы? По версии „Сокровенного сказання“, он не „царь“ и не „десятник“; он именно „багатур“, т. е. удалец из родов степной аристократии,¹⁰ который сумел отделиться от тех, кто ему мешал, и собрать вокруг себя тех, кто ему был нужен. С ним разные родственники и свойственники, конечно, те, которые согласны признавать его своим главою и слушаться его указаний; с ним подчиненные из разных родов, близких и дальних, за ним следуют *унаган богол*'ы, у него есть „прислужники“, вокруг него собирается дружина-*пöкөд*. При удачно сложившихся обстоятельствах он может вести разные мелкие войны, производить набеги, добывать лихих коней и „прекрасных девиц“ и в широком размере вести кочевое хозяйство. Но вот масштабы его жизненных действий: завидел он в пути красивую девицу и едет с братьями отбивать ее: не придется ездить далеко за невестой. Бьется он несколько раз с татарами; но без особого результата. А когда ему удастся захватить какого-то татарского вожака, то об этом говорят. Он заключает союз побратимства с Ван-ханом керейтским и оказывает тому важные услуги, а когда едет сватать сына, берет с собой одну заводную лошадь. Любит действовать сам, один, без помощ-

¹ Р.-ад-Д., II, 24.² Р.-ад-Д., II, 19.³ Ibid.; II, 21.⁴ С. ск., 37.⁵ С. ск., 37; Р.-ад-Д., II, 90—91.⁶ Р.-ад-Д., II, 21; С. ск., 74.⁷ Р.-ад-Д., II, 95.⁸ С. ск., 34—44; Р.-ад-Д., II, 49—50, 53—54, 86—92.⁹ См. Васильев — Чжао-Хун, 217.¹⁰ Ср. Б. Владимиров, „Чингис-хан“, стр. 18—19.

ников, а если уж нужны помощники, то пусть будут из кровных родовичей.¹ Умеет привлекать к себе представителей поддавшихся родов и пöкög'ов. Хранит предания о своем роде, гордится и дорожит ими.

Но вот Йесугей-багатур умирает: возвращался один из поездки, встретились татары, у которых как раз шла пирушка. По обычаям степняков нельзя было не остановиться и не отведать их пищи и питья. А те, помяная прежние обиды, подмешали яду. И сейчас же после его смерти происходят важные события. Важны они и для нас, потому что вскрывают сущность происходившего тогда процесса в монгольском обществе тех дней. Йесугею-багатуру не удастся закрепить за своими потомками „собранный народ“. Очевидно, все держалось личностью багатура и тем, что ему содействовали его ближайшие родичи, прежде всего его родные братья. Повидимому, к моменту смерти Йесугея с ним их уже не было, они успели выделиться и начали жить самостоятельными хозяйственными общинами. Возможно, что еще при жизни Йесугея у него были некоторые недоразумения и трения с „собранным улусом“; на это есть намеки в наших источниках. Теперь же подняли голову Тайчиуты, во главе с двумя родовичами. Они отказали вдове Йесугея в праве участия в родовых жертвоприношениях, подчеркнули этим разрыв и откочевали, причем увели за собой значительную часть „людей“ семьи Йесугей-багатура. Его вдова попробовала было сопротивляться, но ничего не могла поделать. Часть народа, остановленного ею, вскоре ушла за Тайчиутами, на стороне которых явно оказалась сила. Но они, эти люди, не только ушли, но и угнали скот Йесугея, который они же пасли. В распоряжении оставшейся семьи багатура, его жен с маленькими детьми да с небольшим количеством прислужников и прислужниц, состоявших при их юртах, осталось совсем мало скота. И семья эта вскоре должна была оставить кочевое хозяйство и перейти на охоту за мелкими грызунами и рыбную ловлю. Вскоре ее покинули и последние из вассалов и союзников умершего богатыря. Вместо одной группы теперь образуется несколько, причем та, во главе которой стоят родовичи Тайчиуты, оказывается самой большой и влиятельной, но и она не представляется единой; она разветвляется, и каждая ветвь кочует своим обособленным станом и имеет своего предводителя, находясь лишь в „союзных“ отношениях с родственными тайчиутскими ветвями.

Между тем покинутая семья Йесугея-багатура после разных невзгод начинает оправляться.² Старший сын, Темучин, оказывается даровитым, сильным, выдержанным; мать воспитывает его в традициях степного аристократа и напоминает о том зле, какое нанесли им „братья Тайчиуты“. К Темучину идут молодые люди в пöкög'ы, собираются старинные вассалы его рода. Затем присоединяются к нему некоторые родовичи-игух'и Борджигины. Как бы опять восстанавливается древний род со всем своим

¹ Возможно, что в данном случае приходится иметь дело со стилем „Сокровенного сказанья“.

² С. ск., 44—74.

окружением: у Темучина *игух'и*, *унагап бог'ол'ы*, *пөкөг'ы*, союзники. Одних он подчиняет силой, других привлекает тем, что является настоящим главою аристократического рода, сумевшего восстановить свои поправленные права.

Вот типичная история одной ветви аристократического рода, одного из тех родов, которые образовывали степную аристократию древнего монгольского общества. В истории этой нет ничего нового и особенного; все это было хорошо известно и раньше и много раз повторялось, разнясь только в деталях. Ведь о древнем Хайду, одном из предков Чингиса, говорили: ¹ „у него явились без счета супруги, слуги, табуны и стада“. Темучин, будущий Чингис-хан, вовсе не является каким-то исключением. Совсем наоборот, он один из очень многих, один из тех представителей и предводителей аристократических родов и их ответвлений, какие выдвинулись тогда на лоне родового монгольского общества ² с индивидуалистическим скотоводческим хозяйством и общеродовыми пастбищными территориями. Не надо только забывать при этом, что тогдашний монгольский род — совсем не примитивный союз кровных родственников, а некая группа, подразделявшаяся в социальном отношении на определенные пласты, притом разные и по крови.

И. Н. Березин уже давно тому назад совершенно правильно заметил, что в XII в. мы встречаемся у монголов с высшим классом общества и что Рашид-ад-Дин сообщает нам „генеалогию степной аристократии, и подвиги ее при Чингис-хане и его преемниках“.³ Березин говорит о монгольской аристократии XII—XIII вв. мимоходом; В. В. Бартольд углубил и развил положение о степной аристократии и определил значение этого класса древне-монгольского общества. Г. Е. Грумм-Гржимайло делает шаг назад; он отказывается видеть степную аристократию, идущую за Чингис-ханом. „Первый друг Темучина, — пишет Г. Е. Грумм-Гржимайло,⁴ — Бөөрчу, не был аристократом, не был им и последующий его сподвижник Чжелме“. Но достаточно бросить взгляд на „Генеалогическую таблицу“, приложенную к русскому переводу „Сокровенного сказанья“, и на соответствующие страницы Рашид-ад-Дина, чтобы убедиться как раз в противном. Бөөрчу принадлежал к роду Арулат, который образовался от младшего сына Хайду,⁵ от которого вели свое происхождение такие аристократические ветви, как Тайчиуты и Борджигины; это младшая линия того же рода Борджигин. Что касается Джелме, то он принадлежал к роду Урянхат, одному из тех старинных монгольских родов, которые, по монгольским преданиям, появились до времени Alan-гоа и образовавшихся от ее детей монгольских родов.⁶ Поэтому считалось, что род Урянхат не является кровно родственным роду Борджигин.⁷ Но это совсем еще не обозначает, что этот очень древний род не мог счи-

¹ Р.-ад-Д., II, 19. ² С. ск., 37, 40—44, 71—74, 68—69.

³ И. Н. Березин, Предисловие к т. I Р.-ад-Д., стр. XI; ср. И. Н. Березин, „Улус Джучи“, 430—431.

⁴ Г. Е. Грумм-Гржимайло, „Западная Монголия и Урянхайский край“, II, стр. 408.

⁵ С. ск., 31, 60; Р.-ад-Д., I, 9, 161. ⁶ Р.-ад-Д., I, 141—144. ⁷ Р.-ад-Д., I, 134—138.

таться аристократическим, тем более, что отец Желме, Джарчиудай, был человеком богатым. Прежде всего он был кузнец,¹ затем он принадлежал к роду, члены которого издавна являлись владельцами (eje) знаменитой горы Бурхан-Халдун, на которой в изобилии водилась дичь.² Не даром Джарчиудай мог подарить новорожденному Темучину-Чингису роскошный по тем временам подарок, „пеленку, подбитую соболем“.³ У прабабки монголов-борджигинов, Alan-goа, были уже дружеские отношения с родом Урянхат,⁴ в дальнейшем сношения эти между Борджигинами и Урянхат продолжались у ряда поколений.⁵

В уста прабабки рода Борджигин предание вкладывает такие слова относительно (потомства) своих младших детей, рожденных ею после смерти ее мужа:⁶ „Эти дети, которых я принесла, суть другого рода, когда они вырастут, всем народам будут самодержцами и ханами: в то время вам и другим племенам хараджу⁷ будет явно и истинно, какое было мое состояние“. „Сокровенное сказанье“ то же самое передает лаконичнее:⁸ „когда станут владыками всех, простой народ тогда узнает“. Совершенно определенно существует понятие о „хорошем“, знатном и „плохом“, незнатном происхождении *!(huja'ur)*,⁹ а также о „повадке господской“ (*noyad-un abiri*).¹⁰ Первые страницы „Сокровенного сказанья“ все заняты генеалогией аристократических родов;¹¹ о тех, кто стал впоследствии „вассалами“—*upaḡan bogol*, не упоминается вовсе. Напрасно искать генеалогию родов Джалаир, Баяут и других. Это очень показательно.

Из одного эпизода „Сокровенного сказанья“ и сообщения Рашид-ад-Дина можно сделать вывод, что монгольская степная аристократия встретила на своем пути противников в лице шаманов, этих пережитков „лесного“ звероловного быта.¹² Нельзя не вспомнить при этом, что М. Н. Хангалов и Д. А. Клеменц в результате изучения бурятской живой старины пришли к заключению, что в древности буряты переживали период владычества шаманской олигархии.¹³ Но, если даже признавать это правильным, придется все-таки отметить, что шаманы в рассматриваемый период большой роли не играли в общественной жизни монголов,¹⁴ так же, как и представители других религий.¹⁵

¹ С. ск., 49, 120.

² С. ск., 24.

³ С. ск., 49, 120.

⁴ С. ск., 24.

⁵ См. Abel-Rémusat, „Nouveaux Mélanges asiatiques“, II, Paris, 1829, p. 89.

⁶ Р.-ад-Д., II, 10.

⁷ Монгольское *хагасу* или *хагажу* „чернь, простой народ“; см. ниже, стр. 118.

⁸ С. ск., 26. Переводится здесь с „монгольского“ текста.

⁹ С. ск., 67.

¹⁰ С. ск., 30; китайская версия отлична; перевожу с „монгольского“.

¹¹ С. ск., 23—32.

¹² С. ск., 134—138; Р.-ад-Д., I, 158—160 (рассказ о шамане *Kökösü*); ср. Владимирцов, „Чингис-хан“, стр. 87.

¹³ О работах М. Н. Хангалова и Д. А. Клеменца см. выше, стр. 25.

См. Р. Pelliot, „Notes sur le «Turkestan»“, 49—51; ДАН-В, 1930, 163—167.

¹⁴ Р.-ад-Д., I, 52—53, 142, 207—208; III, 8; С. ск., 122—123.

¹⁵ Ср. Палладий Кафаров, „Комментарий... на ... Марко Поло“, 16—19, 25—27; Р. Pelliot, „Chrétien d'Asie Centrale et d'Extrême-Orient“, T'oung Pao, 1914, 623—644.

В. Вожди-хааны

Tous les liens du sang n'ont pu le retenir!

Racine, *Phèdre*, IV, 1

Роды, понимаемые в указанном выше смысле, близкие кровно друг другу, составляли у древних монголов племя или подплемя (поколение),¹ которое называлось *irgen*. Напр., разные роды Тайчутов, взятые все вместе, образовывали племя-*irgen*, тоже самое Онгираты, в состав которых входили разные поколения, были *irgen*.² Племенем-*irgen* можно было назвать всех Кият-Борджигин, разбившихся на много ветвей, родов, „больших семей“. Конечно, в некоторых случаях, трудно провести строгое различие между родом-*оох*, который сам являлся величиной сложной, при том часто из разнокровных элементов, как это было показано выше, и племенем-*irgen*.³ Татары и Керейты тоже были *irgen*, хотя в состав их входили отдельные племена (*irgen*), в свою очередь состоявшие из нескольких родов-*оох*.⁴

Племя-*irgen* было величиной непостоянной и чрезвычайно слабо организованной и сплоченной.⁵ Известное объединение временное возникало в период войн, когда собирались нападать на кого-нибудь или отражать нападение противного племени.⁶ Единство племени выявлялось в племенном совете-*xuriltai* или *xurultai*, на котором участвовали главари родов, значительные лица и даже влиятельные вассалы, словом, представители высшего класса древне-монгольского общества.⁷ Подобные советы были известны и у отдельных родов; эти родовые или семейные советы родовичей-*игух*⁸ тоже назывались *xuriltai* ~ *xurultai* „сходка, сборище для совета“. В *xuriltai*е таком невозможно видеть какое-либо организованное учреждение. Это никак ни сейм, ни парламент; это именно семейный совет родовичей, на котором обсуждаются случайно возникшие планы, в котором принимают участие только те, кто хочет и заинтересован.⁹ В виду подобного положения часто случалось, что части одного и того же племени-*irgen* оказывались в разных даже враждебных и воюющих лагерях.¹⁰ Часто, в особенности на время войны, больших облавных охот и т. п., племенные советы выбирали вождей-предводителей, которые и в мирное время продолжали иногда оставаться вождями.¹¹ Их обыкновенно называли хаанами.¹² Но власть их была очень слабой и незначительной; все зависело от рода или группы родов, которые выдвигали того или иного хаана. Можно также наблюдать, как у одного и того же древне-монгольского племени одновременно было по

¹ Р.-ад-Д., 33, 136.² С. ск., „монгольский текст“.³ Ср. Р.-ад-Д., I, 138.⁴ Р.-ад-Д., I, 94—97, 113—114. Р.-ад-Д. „род“ и „племя“ передает арабским словом *qaum* „племя, народ“.⁵ Ср. Р.-ад-Д., I, 114; II, 21—22; С. ск., 32—34.⁶ Р.-ад-Д., II, 43; С. ск., 34.⁷ С. ск., 78—79, 85; Р.-ад-Д., II, 45—46, 118.⁸ С. ск., 78—79.⁹ С. ск., 78, 83, 101—102.¹⁰ Р.-ад-Д., II, 24.¹¹ Р.-ад-Д., II, 43; С. ск., 61—62,

69—70; Р.-ад-Д., II, 124.

¹² С. ск., *g'a'an* или *ha'an*.

два и более хаанов.¹ Титул хаана принимали порой и вожди совсем мелких объединений, состоявших из нескольких ветвей разных родов.² Все это само собой характеризует, кто такие были монгольские хааны XI—XII вв. Если нельзя никаким образом монгольское племя-*ирген* признавать государством, то тем более нельзя тогдашних монгольских хаанов считать государями, царями, ханами и т. д. Это были эфемерные вожди неопределенных групп с неопределенной, всегда оспариваемой властью. Власть древне-монгольского хаана была властью захватнической; трудно думать, чтобы племенные советы могли производить правильные выборы. Хааном „выбирали“, т. е. хааном становился тот, кто мог и умел захватить „власть“ при поддержке своих родовичей, своего и близкого рода.³ Такие хааны редко бывали в состоянии передать свою власть своим потомкам, обычно она доставалась другим — лишнее подтверждение сказанного выше.⁴

„Власть“ и „права“ древне-монгольского хаана до известной степени напоминают то, что обычно является прерогативой атамана разбойничьей шайки. Древне-монгольский хаан и ставился,⁵ главным образом, на время войны, т. е. для наездов, набегов, разбоя. В этом отношении чрезвычайно любопытен рассказ о том, как группа монгольских родов „выбирает“ своим хааном Темучина-Чингиса. Верховодят главари аристократических родов: Алтан, младший сын Хутула, который был хааном у разных родов Кият-Борджигин; Хучар, старший сын Некун-тайши, видный родович из Борджигин; Сача — старший в роде головорезов Джурки, старшей линии, идущей от Хабула, бывшего в древние времена хааном Кият-Борджигин и поднявший былую славу древнего рода. „Алтань, Хучар и Сачабеки, — повествует „Сокровенное сказанье“,⁶ — посовествовавшись целым обществом, объявили Темучиню: „Мы хотим провозгласить тебя царем (хааном). Когда ты будешь царем, то в битвах с многочисленными врагами, мы будем передовыми, и если полоним прекрасных девиц и жен, да добрых коней, то будем отдавать их тебе. В облавах на зверей мы будем выступать прежде других и пойманных (нами) зверей будем отдавать тебе. Если мы, в ратных боях, преступим твои приказы или, в спокойное время, повредим делам твоим, то ты отними у нас жен и имущество и покинь нас в безлюдных пустынях““. Из этой „присяги богатырей“, как удачно выразился В. В. Бартольд,⁷ следует, что монгольский хаан имеет права и обязанности, почти исключительно, во время войны и облавной охоты,⁸ двух важнейших предприятий, общих для пле-

¹ Р.-ад.-Д., II, 21; I, 112—113.

² С. ск., 61—62; „Сказания о Чингисхане“, 152.

³ Ср. Р.-ад.-Д., II, 45—46; С. ск., 93, 94.

⁴ Р.-ад.-Д., II, 41, 42—43; С. ск., 32, 34.,

⁵ Р.-ад.-Д., II, 43.

⁶ С. ск., 61—62.

⁷ В. В. Бартольд, „Образование империи Чингис-хана“, Записки ВОРАО, X, 1896, стр. 110.

⁸ Богатыри иногда обращаются к своим хаанам с определенными требованиями слушаться их указаний. Напр., Хорчи из аристократического рода Баарин, перейдя к Чин-

мени, для ряда родов. „Мы отправляемся на охоту и убиваем много горных оленей; мы отправляемся на войну и убиваем много врагов“, — сказал сам Чингис-хан в своих Биликах.¹ В „присяге“ говорится о приказах хаана только во время „ратных боев“, в „спокойное время“ можно только „повредить делам“ его. Чингис-хан отвечает на слова богатырей, перефразируя их „присягу“, отмечая, как он выполнял права и обязанности хаана:² — „Я брал много табунов, стад, кибиток, жен и детей народа и отдавал их вам; для вас я на степной охоте устраивал переход и облаву и гнал в вашу сторону горную дичь“.

Конечно, предводитель с такими „правами и обязанностями“ не может быть назван ни государем, ни царем и т. п. В ту пору монголы не знали еще института царской, ханской власти, она только что нарождалась. Никогда „царем“ не был и пресловутый Ван-хан керейтский. Возводя его в этот ранг и приписывая ему никогда не бывшую у него силу и мощь, мы находимся под обаянием традиционных ассоциаций, связанных с именем и титулом: Ван-хан.³ Если обратиться к анализу источников, картина получается совершенно иная, и Ван-хан перестает быть государем-правителем царства, а становится обычным для той эпохи монгольским хааном, каким был Хутул, Чингис в молодости, Джамуга и другие.⁴ Прежде всего, по единодушному свидетельству наших источников, Ван-хан не был единственным предводителем у племени Керейт.⁵ Приходилось ему искать помощи у таких маленьких вождей, какими были Йесугей-багатур и Чингис в молодости. И царство его уничтожается одним ударом: наскоком на его ставку. С Йесугеем, с Чингисом и Джамугой он, по рассказам всех источников, держится, как равный;⁶ и он, действительно, почти им равняется, быть может, немного только превосходя своих восточных соседей достатком: имущества больше, да титул от китайцев получил. Ван-хану не при-

гис-хану, говорит ему: — „Если ты сделаешься господином царства, то чем.... порадуешь меня?... Ты дай мне темника, да позволь мне выбрать в царстве тридцать прекрасных девиц в жены; кроме того что бы я ни сказал тебе, ты слушай меня“ (С. ск., 61).

¹ Т. е. приписывается Чингис-хану; см. Р.-ад-Д., III, 124; в тексте „горные быки“, см. выше, стр. 34. ² Перевод В. В. Бартольда по тексту Р.-ад-Д., см. op. cit., стр. 111 = Р.-ад-Д., II, 139. Ср. версию „Сказания о Чингисхане“, стр. 173. ³ Как нельзя говорить о „законной“ преемственности хаанов, как это делал Палладий Кафаров, см. С. ск., 190, 208.

⁴ Правда, власть свою он „наследовал от деда“, тоже хаана, Р.-ад-Д., I, 96—102. С. ск. называет Ван-хана *qan* ~ *qan*, т. е. „хан“, „царь“, как бы отличая его от обычных монгольских хаанов. „Сказание о Чингисхане“ называет его „Ван хань кэхань“, т. е. хааном. Темучин-Чингис, став государем кочевой державы, принимает в 1206 г. титул хана (*qan* или *qan*) в отличие от титула, носимого племенными вождями, хаан (*xa'an*) который имел раньше и сам Чингис (см. Позднеев, „О древнем кит.-монг. памятнике“, 18). Можно указать ряд монгольских текстов XIII в., в которых Чингис-хан называется последовательно *qan*’ом; носили этот титул и другие монгольские императоры, но вместе с тем можно отметить, что они начинают пользоваться и титулом *xa'an* ~ *xa'an* ~ *xaqan*; ср. P. Pelliot, „Les Mongols et la Papauté“, I, 18; „Notes sur le «Turkestan»“, 25; Quatremère, 10—15, note 10. Р.-ад-Д., I, 96—102; С. ск., 75, 76, 92. ⁶ С. ск., 81, 82, 87.

ходит и в голову претендовать на права сюзерена в отношении Чингис-хана, даже тогда, когда он стал названным отцом Темучина.¹ Все это объясняет непонятный раньше факт, каким образом Ван-хан мог просмотреть и допустить возвышение Чингис-хана. Сказанное о Ван-хане в еще большей степени может быть отнесено и к другому „государю“ той эпохи, Таян-хану найманскому.²

Процесс разложения древне-монгольского союза кровных родственников-рода (obox), ответвления отдельных домов, образующих вместе с подчиненными и крепостными вассалами новые кланы сюзеренов (noyad) и вассалов (bogol), основывался на стремлении упрочить индивидуалистическое кочевое хозяйство, основывался на необходимости для богатого скотовода более привольного и самостоятельного существования со своими подчиненными табунщиками и пастухами. Необходимость обезопасить свои кочевья от набегов, стремление к наживе путем наездов и необходимость организации облавных охот, в которых обязательно участие значительного числа лиц, все эти нужды степной монгольской аристократии вели к племенным объединениям с хаанами во главе. Облавные охоты при этом играли значительную роль, может-быть, даже большую, чем войны. Недаром об облаве упоминается в „присяге“ аристократических богатырей, недаром о ней говорит в своем ответе монгольский хаан. Чрезвычайно, поэтому, интересен и показателен один рассказ, сообщаемый Рашид-ад-Дином.³ Однажды Чингис предпринимал облавную охоту со своими и повстречал охотников из одного соседнего рода или племени Джурьят, которое считалось в союзе с племенем Тайчиут. Чингис на облавной охоте оказал разные услуги охотникам из племени Джурьят, которых было 400 человек. Это произвело большое впечатление, и большая часть этого племени, после некоторых колебаний, порешила уйти к Чингис-хану. Они сказали:⁴ „Тайджиютские беки нас беспокоят напрасно и тревожат. Этот царевич Темучин снимает платье, которое носил, и отдает; с лошади, на которой сидел, сходит и отдает. Он есть человек, имеющий страну, питающий войско и одержавший хорошо улус.— После размышления и совета,— добавляет персидский историк,—⁵ они пришли все на служение Чингиз-хану, добровольно приняли подданство и успокоились в тени благоденствия его“.

„Успокаиваться в тени благоденствия“ племенного хаана было важно степной аристократии, которая хотела более обеспеченного существования

¹ С. ск., 63, 82—83.

² Р.-ад-Д., I, 112—113; II, 111—112. Палладий Кафаров, хотя и говорит о законной преемственности хаанов, тем не менее он, повидимому, хорошо представлял себе, кто такие были монгольские хааны. Читаем у него такую фразу: „Чингис провозглашен был ханом собственно Монгольского рода, родовым владельцем, каким был Ван-хань у Каркотов, и другие. Впоследствии он сделается монархом степной империи“ (С. ск. 190).

³ Р.-ад-Д., II, 96—99; ср. „Сказание о Чингисхане“, стр. 154—155.

⁴ Р.-ад-Д., II, 98.

⁵ Р.-ад-Д., II, 99.

для своих куреней и аилов, для своих стад; ей нужны были места для облавных охот. Она-то поэтому и выдвигает из своей среды хаанов, и оттуда постоянная борьба племен между собою, постоянные переходы одного поколения или части племени из одного враждующего лагеря в другой, — откуда борьба хаанов. Процесс этот неизбежно должен был завершиться объединением, более или менее значительным, монгольских племен, что, как известно, и произошло.

На пути такого объединителя стояли другие племена со своей аристократией и аристократическими хаанами во главе, которые должны были стремиться к тому же. Неизбежна поэтому для такого объединителя была жестокая борьба со своими претендентами. Но среди его претендентов было столько же врагов, сколько и союзников, потому что побитые враги превращались немедленно в верных союзников: они ведь в конце концов стремились к тому же. Когда Ван-хан кереитский был разбит в бою, к Чингису привели знатного кереитского вождя. „Бывший в этой битве, и некто из Кереит, по имени Хадах Баатур, сказал Чингису: «Мне тяжело было позволить вам схватить и убить моего законного господина; поэтому я бился три дня, чтобы дать Вань-ханю время уйти дальше. Теперь, велишь мне умереть, умру; а если даруешь мне жизнь, то поусердствую тебе». — Чингис сказал: «... Будь моим товарищем». Итак Чингис не убил его, а сделав сотником, отдал вдове Хуилдара¹. Возможно, что это просто анекдот,² но анекдот характерный: действительно побежденная аристократия других племен идет к Чингису и быстро сливается с родственным классом, поддерживавшим монгольского хаана рода Борджигин.³

Как известно, В. В. Бартольд считает, что Джамуга, один из предводителей рода Джаджират (или Джадарат), был вождем монгольского демократического движения, которое оказалось в оппозиции аристократическому, возглавленному Чингис-ханом.⁴ Это чрезвычайно важный вопрос, потому что от правильного его решения зависят наши представления о монгольском обществе конца XII, начала XIII вв. Главное, было ли в ту пору демократическое движение, вылившееся в форму открытой борьбы с аристократами Чингиса? Раньше мне приходилось высказываться по этому вопросу: я вполне присоединялся к мнению В. В. Бартольда.⁵ В настоящее время я должен в значительной мере изменить свой взгляд. Анализ общественных явлений, которые можно было наблюдать у монголов в XI—XII вв., заставляет меня считать, как это было показано выше, что процесс образования степной аристократии и подчинения ей низших классов в условиях родового строя при образовании сложных родовых единиц, завершился к концу XII в.

¹ С. ск., 97—98.

² Так думает Палладий Кафаров, С. ск., 212.

³ Р.-ад-Д.,

I, 103, 108, etc. ⁴ В. В. Бартольд, „Образование империи Чингиз-хана“, стр. 111.

⁵ Б. Владимирцов, „Чингис-хан“, стр. 41—42.

В ту пору степная аристократия была могущественным и многочисленным классом; как совершенно верно заметил еще И. Н. Березин,¹ „той аристократии, которую застал в степи Чингис-хан, было бы очень достаточно для его монархии“. О каком-либо движении, имевшем явно демократический характер, наши источники прямо ничего не говорят. Если известно, что Чингиса выдвинула и поддерживала монгольская степная аристократия, то надо отметить, что часто за ним шли и оказывались его верными слугами многие из низших классов монгольского общества.²

Недаром о Чингисе говорили, как о „щедром царевице“.³ К этому вопросу придется вернуться еще ниже. Теперь же необходимо отметить только, что движения, демократического, именно движения, в ту пору не было.

Но, конечно, могли быть и были демократические тенденции. В. В. Бартольд совершенно верно определил, выведя это положение из очень скудного материала, — демократических тенденций Джамуги. Да, Джамуга мог думать и заботиться „о пасущих овец и ягнят“,⁴ чтобы они достали „пищи для горла“;⁴ он мог „любить новое и презирать старое“,⁴ но и только. Самое же главное: нельзя доказать положения В. В. Бартольда, считающего, что „простой народ, искавший не богатства и славы, а дневного пропитания, сплотился вокруг другой личности, именно, вокруг Чжамухи“. „Сокровенное сказанье“ перечисляет тех, кто пошел за Джамугой и объявил его главою. Это коалиция различных родов и поколений и отдельных главарей „со своими людьми“. Здесь встречаются и представители старинных родов Dörben, Onggirad, затем найманский Буйирух-хан, ойратский предводитель Худуга-беки, Тайджиутские главари, родственники Чингиса со своими людьми и т. д.⁵

Можно заметить, что в этой коалиции большинство принадлежало к монголам других поколений и родов, чем Кият-Борджигин, но это недостаточно для определения ее демократичности, тем более, что в нее входили Тайчиуты и разные хааны. Нет, Джамуга, хотя и имел демократические тенденции, но в жизнь их проводить не мог, за неимением подходящей среды и соответствующих условий, и ему пришлось стать одним

¹ И. Н. Березин, „Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева“, стр. 431.

² С. ск., 59—60, 86, 123—124; Р.-ад-Д., II, 99, 131. ³ Р.-ад-Д., II, 98.

⁴ С. ск., 59; В. В. Бартольд, *ibid.*; Б. Владимирцов, *ibid.*

⁵ С. ск., см. А. М. Позднеев, „Монголо-китайский памятник «Юань-чао-ми-ши»“, стр. 16—17. Очень важно, что также описывают коалицию Джамуги и другие наши источники, см. Р.-ад-Д., II, 92, 126—128; „Сказание о Чингисхане“, стр. 153. Г. Е. Грумм-Гржимайло уже обратил на это внимание, *op. cit.*, стр. 409. Рассказ С. ск. отличается от других версий, см. также Иакинф, 20—21, но характеристика коалиции остается той же. Источники определенно указывают, что вокруг Джамуги собрались разные племена и роды, а не подчиненные, не *boğol'y* Чингиса. Как раз наоборот, имеются указания на то, что *upağan boğol'y* рода Чингиса, напр., Баяуты и Джалаиры, бывшие у Джамуги, покинули его, частично, и перекочевали к Чингису, см. С. ск., 59—60.

из обычных монгольских хаанов той эпохи, эфемерным и слабым вождем разношерстного сброда родов и поколений, мятушимся из одной стороны в другую. „Сокровенное сказанье“, на основании показаний которого можно говорить о некоторых демократических тенденциях Джамуги, рисует его и с другой стороны. По словам этого источника, Джамуга, когда его схватили собственные его сторонники и выдали Чингис-хану, сказал следующее: „рабы осмелились схватить своего господина“.¹

Джамуга должен был стать врагом Чингиса не потому, что возглавлял демократическое движение, а потому что был таким же хааном-узурпатором, претендентом на то же, к чему стремился и Чингис. Нельзя не обратить внимания на то, что Чингису приходится, так или иначе, вступить во враждебные отношения со всеми племенными вождями монголов: с Ван-ханом, с вождями найманов, меркитов, с „государем“ ойратов, с Джамугой, наконец. Интересно также отметить, что ни один сколько-нибудь значительный племенной вождь, хаан, не присоединился к Чингису. А самые видные главари аристократических родов, Алтан, Хучар, из Борджигинов, и Сача-беки, из Джурки, те самые, которые выбрали Чингиса в хааны, все погибли от его руки.

Монгольской степной аристократии важен и нужен был порядок внутри ее кочевий и очень выгодны наезды и войны с внешними врагами, от которых можно было забирать добычу, причем добыча эта не гибла зря, раз имелись „ловкие табунщики“, „молодцы“ и т. д. Эта степная аристократия предпочитает поэтому мощного хаана мелким, хотя и знатным вождям, вроде Алтана и Хучара, и беспокойным удалыцам, вроде Сача-беки. В других случаях дело решается на поле битвы: Чингис-хан побеждает. Но степные аристократы уже раньше верно узнали своего настоящего вождя,² того, кто сумеет создать уеке *monggöl ulus* „великий улус монгольский“, когда можно будет сказать:³ „летние кочевки его стали местом ликования и пирования, а зимние кочевки приходились приличные и соответственные“.

В источниках наших имеются совершенно определенные указания. Так Рашид-ад-Дин рассказывает:⁴ „В то время, как Чингис-хан еще не сделался падишахом и между племенами была страсть к первенству и царствованию, этот Сурхан⁵ говорил: „люди, у которых есть страсть

¹ С. ск., 112; ср. Р.-ад-Д., I, 203.

² Ср. предсказания и характеристики, даваемые вождям представителями монгольской аристократии: С. ск., 60—61; 117; Р.-ад-Д., I, 176—177; II, 122—123. Не нужно смущаться тем, что один из „характеризовавших“ принадлежал к *upaḡan boḡol*; как я старался показать выше, высший пласт „вассалов“ относился к господствующему классу древне-монгольского общества.

³ Слова, приписываемые Чингис-хану (Р.-ад-Д., III, 121), сказанные им о самом себе.

⁴ Р.-ад-Д., I, 177. То же самое передается им в другом месте, II, 122—123. Транскрипция некоторых собственных имен исправлена согласно указаниям самого И. Н. Березина, см. Р.-ад-Д., II, 286—287.

⁵ „Из племени Баяут“ (Р.-ад-Д., II, 122); „... он (Чингиз-хан) сделал его старшим и почтенным, и он находился в числе потомственных рабов“ (I, 176—177).

к царствованию: один Аолан-Удур из племени Татар; другой Сача-беки из племени Кыют-Юркин и Джамуга-Сэчэн из племени Джаджират: эти ищут величия и имеют страсть к царствованию, однако наконец одержит верх Темучин, и царствование по единодушию племен утвердится за ним, поелику он имеет способность и заслугу для этого дела, и небесная помощь и царское величие явны и очевидны на челе его". Окончательно так и было, как он сказал. „Эти слова он говорил, по монгольскому обычаю, рифмованно и искусственно“.¹

И еще одно показание того же историка:² он рассказывает, как ряд монгольских аристократов, в том числе несколько родственников Темучина-Чингиса, которые присоединились к Ван-хану керейтскому во время его борьбы с Чингисом, „все соединились вместе и составили совещание: «учиним ночное нашествие на Ван-хана и будем сами государями: не пристанем ни к Ван-хану, ни к Чингиз-хану и не склонимся». Это известие дошло к Ван-хану: он напал на них, ограбил их...“.

Можно высказать предположение, что описанное выше образование степной аристократии, появление вождей-хаанов, которых она выдвигала и поддерживала, образование племенных объединений зиждилось на переходе от куренного способа кочеванья к аильному и связанного с этим изменением в способах организации облавных охот. Действительно, Рашид-ад-Дин, описывая монгольский курень (kürigen ~ küriyen), отмечает, что так было „в старинные времена“.³ Можно указать несколько текстов, которые дают понять, что уже во время молодости и средних лет Чингиса кочевали аилами.⁴

Процесс, наблюдавшийся в течение довольно продолжительного времени, завершился объединением монгольских родов, племен и поколений, „поколений, живущих в войлочных кибитках“ и отчасти „лесных“, и созданием кочевого государства, которое, с одной стороны, было союзником и покровителем торгового капитала культурных оседлых народов,⁵ а с другой, еще долго продолжало вести себя по отношению к этим культурным народам, как разбойничья шайка.⁶

В процессе образования монгольского государства, так же как и при создании племенных объединений, большую роль сыграла дружина пököd, из которой, как и на Западе, выросли феодальные отношения.

Образ богатыря-степного аристократа ярко запечатлелся в монгольском эпосе, местами хорошо сохранившемся до настоящего времени. Многие и многие герои богатырских эпосей, напр., Северо-западной Монголии во всем, даже в мелочах, напоминают Йесугей-багатура и молодого Темучина-Чингиса.⁷

¹ Р.-ад-Д., II, 123.

² Р.-ад-Д., II, 142—143; ср. I, 107.

³ Р.-ад-Д., II, 94.

⁴ См., напр., „Сказание о Чингисхане“, 164.

⁵ Ср. Бартольд, „Туркестан“, 424.

⁶ Ср. Бартольд, „Улугбек и его время“, стр. 33.

⁷ См. Б. Владимирцов, „Монголо-ойратский героический эпос“.

III. ФЕОДАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

1. ДРУЖИННИКИ

Дружина пирует у берега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

Источники по истории монголов довольно часто упоминают о дружинниках, т. е. о свободных лицах, служащих вождям и предводителям родов и племен, главным образом, в качестве воинов. Древне-монгольские дружинники многими чертами напоминают, с одной стороны, дружинников древне-германских вождей, а с другой — княжеских дружинников старой Руси. Подобно древне-германской дружине и старо-русской, древне-монгольские дружинники назывались *pököd* ~ *pöküd* „друзья“, от единственного числа *pökör* ~ *pökür* „друг“.¹

Таких *pököd*-нукеров мы встречаем и у древне-монгольских хаанов, и у разных багатуров и других предводителей кланов, поколений и племен, причем отличительной особенностью является то, что нукеры служат вождю другого, хотя порой и родственного рода. Напр., два лица, одно из племени Джурьят, другое из племени Урянхат „были известны нукерством и привязанностью к Джучи-Хасару“,² брату Чингис-хана. Хуйду, один из беков, т. е. ноянов Ван-хана керейтского, „с имевшеюся у него одною женою, трехлетним сыном, одним верблюдом и одним хунгуром (*xonggur*) (это буланая лошадь), откочевал и пришел на службу Чингисхану“.³ Ставший впоследствии знаменитым Джебе, из рода Бесут, был в молодости „домашним человеком“ у одного представителя рода Тайчиут.⁴ Точно так же Алак и Наяа, ставшие впоследствии сподвижниками Чингис-хана, вначале были „домашними людьми“ одного из предводителей племени рода Тайчиут, Таргутай-Кирилтуха.⁵ Оба они принадлежали к роду Ва'агін, старшей ветви рода Кият-Борджигин. Количество подобных примеров легко может быть увеличено.

Одним из отличий службы нукера было свободное принятие обязанностей по отношению своего господина. В древне-монгольском обществе *pökör* не был подданным или наемником господина-поуап'а; он свободный воин, обязавшийся служить своему вождю, который становится для него „законным“ господарем. Чингис-хан захотел взять себе в нукеры Боорчу, с которым он незадолго перед тем познакомился. Боорчу, ставший впоследствии одним из самых выдающихся сподвижников Чингис-хана, принадлежал к аристократическому роду Арулат и был сыном богатого человека. Когда за ним приехали от Чингиса с приглашением итти

¹ Об этом слове см. Б. Владимирцов, „Монгольское *pökür*“, ДАН-В, 1929, стр. 287—288. Ср. институт *comitatus* Тацита. Русск. „нукер“ восходит, конечно, к монг. *pökür* через персидско-тюркское посредство. ² Р.-ад.-Д., II, 143. ³ Р.-ад.-Д., I, 105. ⁴ С. ск., 73; Р.-ад.-Д., II, 99. ⁵ С. ск., 74; Р.-ад.-Д., I, 196; II, 100.

в „друзья“—пöкöг, он немедленно отправился к тому, не переговорив даже со своим отцом.¹

О Бури-боко,² из рода Борджигин, рассказывается, что он „обошел потомков Бартаня³ и сделался товарищем (пöкöг) отважных потомков Барха“,⁴ т. е. рода Джурки. Бури-боко во время пира на берегу Онона, устроенном Чингисом, наблюдал за порядком и за конями „со стороны Джурки“ и, когда случилась драка из-за украденного повода, рассек плечо брату Чингиса.⁵ Это не помешало Бури-боко перейти на службу Чингис-хану. После разгрома Джурки он оказывается у монгольского хана, который из мести за случай на пиру губит его.⁶

Иногда в нукеры родители отдают своих детей, как бы определяя их на эту службу еще в колыбели. „Сокровенное сказанье“ передает такой характерный случай:⁷ „По возвращении Темучиния домой, пришел к нему от горы Бурхань старик Чжарчиудай,⁸ с кузнечным мехом за плечами и ведя с собой сына, по имени Чжелме, и сказал ему: «Когда ты родился в урочище Делиунь-болдаха, я подарил тебе пеленку, подбитую соболем, и отдал тебе сына моего Чжелме; но как он был еще молод, то я взял его к себе и воспитал. Теперь отдаю его тебе; пусть он седлает тебе коня и отворяет дверь»“. Чингис-хан впоследствии вспоминает об этом и, желая наградить Джелме, говорит ему:⁹ „В это время Чжелме был еще в пеленках; с тех пор он уступил его мне в неотлучные рабы. Он вместе со мною вырос, был мне товарищем до сих пор и много оказал заслуг; это мой счастливый товарищ. Избавляю его от наказаний за девять преступлений“.

Из высшего слоя вассалов-унагап богол тоже выходили нукеры родовых и племенных вождей, что подтверждает сказанное выше об их принадлежности к господствующему классу в древне-монгольском обществе. Так рассказывается,¹⁰ что „человек из рода Чжалаир, по имени Тэргэту-Баянь,¹¹ имевший троих сыновей, велел старшему из них по имени Гууньюа, с двумя его сыновьями, Мухали¹² и Буха, представиться Чингису и отдаться ему, сказав: «Пусть они будут навсегда рабами твоими. Если они отстанут от твоих дверей, то вытяни у них из ног жилы и вырежь сердце и печень». Потом велел второму своему сыну, Чилаунь-Хайичи, с двумя его сыновьями Тунгэ и Хаши, тоже представиться, говоря: «Пусть они оберегают у тебя золотые двери. Если они отстанут, то отними у них жизнь». Наконец, третьего сына своего, Чжэбкэ, он отдал брату Чингиса,

¹ С. ск., 48; Р.-ад-Д., I, 161, 164—165.

² См. выше, стр. 73.

³ Т. е. Бартанбагатура, деда Чингис-хана.

⁴ Т. е. Окин-Бархака; С. ск., 69; ср. Р.-ад-Д., II, 102.

⁵ С. ск., 65; см. выше, стр. 72.

⁶ С. ск., 69.

⁷ С. ск., 49.

⁸ Об этом лице см. выше, стр. 78. В тексте Палладия стоит „Чжарчиутай“, но ниже, стр. 120, приводится правильная форма.

⁹ С. ск., 120.

¹⁰ С. ск. 68.

¹¹ В тексте Палладия стоит „Тэлегэту-Боянь“, исправляется на основании „монгольского текста“. С. ск. Тэргэту-Баянь значит: „богач Тэргэту“.

¹² Ставший впоследствии одним из первых сподвижников Чингиса, см. Р.-ад-Д., I, 134.

Хасару". В пояснение настоящего отрывка из „Сокровенного сказанья“ нужно отметить, что род-племя Джалаир были вассалами-*unağan bogol* рода Кият-Борджигин;¹ затем из прозвания Баянь (*Bayan*) „богатый богач“ вытекает, что отец известного Мухали был человеком состоятельным и, следовательно, принадлежал к высшему слою крепостных вассалов.²

В словах „если они отстанут от твоих дверей, то...“, „если они отстанут, то отними у них жизнь“ можно видеть своего рода „присягу“ или „клятву“, которую давали нукеры, *homagium*; такой „клятвой“ нукеры и связывали себя со своим вождем-господином.³ Но могли ли нукеры также свободно уходить от избранных ими вождей? Могли, хотя прямого ответа на этот вопрос в наших источниках нет.⁴ Во всяком случае, в действительности уходы нукеров от вождей-господ и переходы от одного к другому случались часто. Но, повидимому, на подобные поступки не надлежало смотреть, как на измену и предательство; в особенности не могли так рассуждать те, к кому приходили нукеры, покидая прежних вождей. Изменой и предательством считались действия, прямо направленные во вред предводителя. Тогда даже враги его, соперничавшие с ним вожди других кланов, могли расценивать подобные поступки, как неблагоприятные, достойные порицания и наказания. По преданиям, имеющим, быть может, характер анекдотический, но зато рисующим общее настроение умов, Чингис-хан убивает одного нукера Кёккёсү, служившего конюхом-*axtaci* у Сенгуна, сына Вана-хана керейтского, за то, что тот хотел бесчеловечно обойтись со своим господином, с которым он вместе бежал после разгрома керейтов; Кёккёсү бросает Сенгуна в пустыне и переходит к Чингису.⁵ Но Чингис-хан будто бы заявил: „такой человек, если станет теперь кому товарищем, то кто может ему верить?“⁶ С другой стороны, Чингис говорит керейтскому богатырю, о котором уже упоминалось выше:⁷ „Кто не захотел покинуть своего господина, и чтобы дать ему время убежать дальше, один сражался со мною, тот молодец. Будь моим товарищем“.⁸ Подобные рассказы, довольно часто встречающиеся в наших источниках,⁹ относятся, конечно, к разряду тех, которые возникли

¹ См. выше, стр. 84.

² Ср. выше, стр. 88.

³ Ср. слова Джебе, сказанные им Чингису: „я поусердствую тебе; глубокую воду остановлю и крепкие камни разобью в куски“, С. ск., 73—74; ср. также слова другого богатыря, С. ск., 62—63.

⁴ Можно привести, впрочем, следующий довольно знаменательный текст: Чингис сказал Наея: „Когда ты, с отцом своим, схватил Тархутай Кирилтуха, то сказал: «Как нам, презрев собственного господина, схватить его?» Вы тотчас отпустили его на волю, а сами пришли ко мне в подданство. За то я тогда сказал: «Эти люди понимают высокий долг; после я поручу им что-нибудь»“. С. ск., 124; ср. Р.-ад-Д., I, 196; II, 100. См. ниже, где приводится выдержка из Ясы Чингис-хана. ⁵ С. ск., 99—100.

⁶ *Ibid.*; см. P. Pelliot, „A propos des Comans“, JA, Avril—Juin 1920, p. 179—180. Поправку В. А. Котвича к переводу данной фразы, мне кажется, принять нельзя, см. ЗКВ, I, 1925, стр. 240. ⁷ См. выше, стр. 83. ⁸ С. ск., 98.

⁹ См., напр., С. ск., 74—75; Р.-ад-Д., III, 5.

под влиянием распространенных представлений об обязательной верности нукеров своим вождям. „Эти люди понимают высокий долг“, сказал Чингис про нукеров, которые, хотя и оставили „своего законного господина“ и перешли к другому, но не убили и не выдали врагу.¹

В чем же состояла служба древне-монгольского дружинника-пöкög'a? Один нукер Чингис-хана, Наяа, из аристократического рода Ва'arin, о котором уже упоминалось,² определил свою службу предводителю так:³ „Я искренно служу своему господину и считаю своим долгом представлять ему добытых в чужих землях прекрасных дев и добрых коней“. Древне-монгольские нукеры прежде всего являются военными слугами вождей, предводителей родов, племен; пököd — военная дружина при хаанах, багатурах и других вождях монгольской степной аристократии, при их братьях и других родственниках, сумевших завоевать известное положение.⁴

Так, Таргутай-Кирилтух, один из тайчиутских предводителей, отправившись в наезд на осиротевшую семью Йесугей-багатура, ведет за собой турга'уд'ов, т. е. охранных стражников своей ставки.⁵ „Племя Тонкгоит, — рассказывает Рашид-ад-Дин,⁶ — которое есть ветвь из племени Кераитского — они всегда были из числа слуг и воинов государя кераитского, и бек Алчи-заставщик... и дети его, были от их кости, — ...потом все пришли на служение Чингис-хану“. Будучи поставлен хааном группой аристократических главарей, Чингис немедленно организует своих нукеров-воинов: „Чингис... приказал младшему брату Бөөрчу, Огэлаю, вместе с Хачиуном, Чжэдаем и Дохолху, четверым, быть стрелками,⁷ т. е. хорси и т. д. Боорчу и Джелме, о которых по преданию Чингис-хан сказал:⁸ „Я не забыл в сердце своем, что когда у меня еще не было товарищей, вы двое, прежде других, сделались моими товарищами“, — служат своему вождю, прежде всего, в качестве воинов и участвуют в боях.⁹ Монгольский хаан так характеризует своих славных нукеров, как бы отвечая на „присягу“ Джебе, приведенную выше:¹⁰ Чингис сказал Хубилаю:¹¹ „Ты усмирял крутых и непокорных; ты, да Джелме, Чжебе и Субеэтай,¹² словно четыре свирепых пса у меня; куда бы я ни послал

¹ С. ск., 124; см. выше, стр. 89.

² См. выше, стр. 89.

³ С. ск., 109. Нельзя при этом не вспомнить „присягу“ богатырей, избравших Чингиса хааном, см. выше, стр. 80.

⁴ Р.-ад-Д., II, 132; С. ск. 68; ср. Р.-ад-Д., II, 38.

⁵ С. ск., „монгольский текст“. Об этом термине см. P. Pelliot, „Notes sur le «Turkestan» de M. W. Barthold“, T'oung Pao, vol. XXVII, 1930, p. 29—30. В переводе соответствующего места С. ск. Паладий Кафаров (С. ск., 40) пользуется словом „товарищ“.

⁶ Р.-ад-Д., II, 105; см. также I, 202.

⁷ С. ск., 62.

⁸ С. ск., 63.

⁹ С. ск., 82, 86, 89, 106, 119; Р.-ад-Д., II, 117.

¹⁰ См. выше, стр. 89.

¹¹ Хубилай из рода Барулас был в начале своей службы мечником, С. ск., 62; ср. Р.-ад-Д., I, 199.

¹² Один из самых талантливых полководцев Чингис-хана; так же, как и Джелме происходил из рода Урянхат; см. С. ск., 60; Р.-ад-Д., I, 143. Он заявил Чингису о своей службе в таких выражениях: „Я буду убирать, как старая мышь, прилетать, как галка, прикрывать, как конская попона, и защищать, как подветренный войлок“, С. ск., 62—63.

вас, вы крепкие камни разбивали в куски, скалы ниспровергали; глубокую воду останавливали; потому-то в битвах я велел вам быть впереди".¹

А „Сокровенное сказанье“ сохранило нам такое эпическое и поэтическое описание четырех главных военных слуг Чингис-хана:² „В то время Чжамуха тоже был у Найманей. Таян спросил его: «Кто эти, преследующие наших, как волки, когда они гонятся за стадом овец до самой овчарни?» Чжамуха отвечал: «Это четыре пса моего Темучжия, вскормленные человеческим мясом; он привязал их на железную цепь; у этих псов медные лбы, высеченные зубы, шилообразные языки, железные сердца. Вместо конской плетки у них кривые сабли. Они пьют росу, ездят по ветру; в боях пожирают человеческое мясо. Теперь они спущены с цепи; у них текут слюни; они радуются. Эти четыре пса: Чжэбе, Хубилай, Чжэламе и Субеэтай»“.

Нукеры, состоя в свите своего военного вождя, всегда готовы к бою, как настоящие воины, воины прежде всего; Чингис-хан в приписываемых ему „Изречениях“ рассказывает такой случай:³ „В смутах должно поступать так, как поступал Даргай Уха. Он ехал в смутную пору, от племени Хатакин, с ним было два нукера. Издали они увидели двух всадников. Нукеры сказали: «нас три человека, а их два: ударим на них»“. Все лица, перечисляемые и упоминаемые в „Сокровенном сказании“ и в „Сборнике летописей“, бывшие дружинниками Чингис-хана, все являются военными его слугами, воинами прежде всего.⁴

Древне-монгольские нукеры, — военные слуги вождей, не имели ничего общего с родовым ополчением, которое собиралось во время более или менее больших войн, когда многие, если не все, способные носить лук и стрелы, оставляли свои стада и образовывали рать, войско: „Соединенно они противопоставили нукеров, построили войско в порядок“ — рассказывает Рашид-ад-Дин об одной битве.⁵ Дружинники при этом частью превращались в начальников отдельных частей родового ополчения, а частью образовывали особый отборный отряд; из дружинников же выходили командиры отдельных корпусов и „армий“. Нукеры, как постоянное военное содружество, сожительствующее вместе со своим вождем, были эмбрио-армией и эмбрио-гвардией; каждый нукер — будущий офицер и полководец.⁶ Дружина древне-монгольского предводителя была, следовательно, своеобразной военной школой.

Народное ополчение, обычно, в бою строилось по родам, по кланам, т. е. родовичи стояли вместе все, и вместе со своими боготами образуя

¹ С. ск., 119. В словах Джебе и Чингиса не монгольская поговорка, как думал Палладий (С. ск., 197), а эпическое клише. ² С. ск., 106. ³ Р.-ад-Д., III, 124.

⁴ Ср. Р.-ад-Д., II, 117. ⁵ Р.-ад-Д., II, 116; Ср. С. ск., 52, 53—54, 64, 70, 71; Р.-ад-Д., II, 92—96, 103, 126—127 etc., I, 203.

⁶ Главные сподвижники Чингис-хана, ставшие впоследствии полководцами, иногда знаменитыми, все вышли из среды его нукеров; таковы Боорчу, Мухали, Джебе, Субеетей и другие.

отдельные отряды. Вот описание боя Чингиса с Ван-ханом кереитским:¹ „Чжурчэдай² сказал: «Мои Уруут и Манхут³ будут драться перед царем впереди». С этими словами он выстроил оба рода перед Чингисом. Только что они выстроились, как со стороны Ван-хана напал передовой отряд его, Джиргинь:⁴ Уруут и Манхут выступили против их и разбили их; когда они преследовали этот отряд, напал на них Ванханев вспомогательный отряд, под предводительством Ачих-ши-руня, рода Тумянь Тубегань, который проколол нашего Хуилдара,⁵ и свергнул его с лошади; Манхутский отряд обратился назад и стал на том месте, где упал Хуилдар. Чжурчэдай, во главе Уруут напал на вспомогательный отряд и разбил его; преследуя его, он встретил Омань и Дунхаит⁶ и тоже одолел их; потом напал на него Шилемьнь-Тайцзы, с 1000 телохранителей, но был также разбит Чжурчэдаем“.⁷ Дается, следовательно, картина боя с общественной, так сказать, точки зрения. Здесь народное ополчение, идущее в бой и строящееся по родам, с родовыми предводителями во главе; здесь „вспомогательный“ отряд и, наконец, 1000-й отряд или полк телохранителей, т. е. по всем данным, нукеры и нукеры нукеров Ван-хана кереитского. Родовичи-чигх'и идут в бой, не мешаясь с родовичами других родов, — каждый род образует особый отряд, часть, под командой родового предводителя, ba'atur'a, noyan'a, mergen'a, taiishi и т. д. Между тем нукеры, — выходцы из разных родов, сами начальствуют над какими-либо отрядами, или идут в сражение под командой своего военного вождя, хаана etc., или другого лица, специально для этого назначенного.⁸

Но кроме обязанностей воина, древне-монгольские нукеры выполняли и другие поручения своих вождей. Их посылали, напр., гонцами и послами;⁹ занимались они и чисто хозяйственными делами;¹⁰ ведали, конечно, все относящееся к облавным охотам,¹¹ при случае занимались и ловлей рыбы.¹² Из нукеров выходили не только „офицеры“, но и „правители“.¹³

По отдельным замечаниям и намекам наших источников можно судить о том, что нукеры в мирное время были действительно „домашними людьми“ в ставках своих вождей и занимались всевозможными домашними делами, мало отличаясь от простых прислужников и челядинцев.¹⁴ Особенно часто случалось это, по всей вероятности, в становищах малых, незначительных вожаков. Известно, напр., что Джелме убивал корову „у северной стороны юрты“ в стане Чингиса;¹⁵ известно также, что отец

¹ С. ск., 88. ² Глава рода Уруут; в переводе Палладия он называется еще Чжур-Чжудай (С. ск., 64); у Р.-ад.-Д. он известен под именем Кейтей (I, 192). ³ Два рода — старые отпрыски Кият-Борджигин. ⁴ Одр из племен родов кереитских, см. С. ск., 87; Р.-ад.-Д., I, 95, II, 94, 133.

⁵ Предводитель из рода Манхут. ⁶ Название племен родов кереитских, Р.-ад.-Д., II, 299. ⁷ Ср. рассказ о той же битве, Р.-ад.-Д., II, 132—133.

⁸ С. ск., 102, 119, 126; Р.-ад.-Д., II, 116. ⁹ Р.-ад.-Д., II, 143; ср. С. ск., 96.

¹⁰ С. ск., 62.

¹¹ С. ск., 129—130; Р.-ад.-Д., III, 129.

¹² Р.-ад.-Д., I, 162.

¹³ С. ск., 116—117.

¹⁴ Явление, которое было известно и на Западе так же, как и в древней Руси в эпоху раннего средневековья. ¹⁵ С. ск., 122.

определял его к Темучину седлать коня и отворять дверь.¹ Дед Мухали, впоследствии ставшего одним из первых сподвижников Чингис-хана, представляя своих детей и внуков на службу, говорит между прочим: „Пусть они будут навсегда рабами твоими“.² Выражение „рабами“ надо понимать, конечно, не в нашем, а в древне-монгольском смысле этого слова.³

Разница в положении нукера и „раба“ *boğol'a, jala'u* и т. д. была все-таки большая. Нукер — свободный человек, часто член аристократического рода, могущий расторгнуть связь со своим господином; *boğol* же связан со своим *поуан*ом навсегда; связь расторгается только в том случае, если *boğol'a* освобождают, делают „свободным из рабов“ — *darхан*.⁴ Нукеры древне-монгольских предводителей живут вместе со своими вождями, разделяют с ними горе и радость, являются их „домашними людьми“ в полном смысле слова. Рашид-ад-Дин, описывая тринадцать куреней молодого Чингис-хана, отмечает:⁵ „Разделение тех тринадцати куреней есть по сему способу:..... Второй. Чингис-Хан, дети, нукеры..... Десятый. Джучи-Хан, сын Хутула-Каана,..... приверженцы и товарищи его“. По словам „Сокровенного сказанья“, Чингис-хан так эпически говорит о своих телохранителях, т. е. нукерах его первых дней хаанства:⁶ „Вы, телохранители ночной стражи для спокойствия моего тела и души, оберегали кругом мою ставку, в ночи дождливые и снежные, равно как и вясные ночи тревог и битв со врагами“. И в этом отношении древне-монгольские нукеры напоминают своих европейских средневековых товарищей.⁷ Можно сказать, что монгольский предводитель XI—XII вв., *ba'atur, taiishi, поуан, ха'ан* и т. д., всегда во всех случаях своей жизни неразлучен со своими нукерами, они всегда, в том или другом количестве, при нем, они составляют его свиту. Нукер в ставке своего предводителя оказывается прислугой, на войне или во время набега он воин, во время облавных охот — он помощник; он заведует всегда чем-нибудь, наблюдает, он состоит в свите: он же является ближайшим другом и советником своего предводителя.⁸ Таких приближенных нукеров называли термином: *inağ* „близкий друг“.⁹ По преданию сам Чингис-хан отметил заслуги Боорчу и Мухали в качестве советников; он, будто бы, сказал своему сподвижнику-дружиннику:¹⁰ „ты с Мухали помогал мне и заставлял делать то, что следовало делать, порицал меня и останавливал в том, чего не следовало делать; через то я и достиг этого великого сана“. Чингис-хану приписывается такая характеристика его глав-

¹ С. ск., 49; см. выше стр. 88.

² С. ск., 68; см. стр. 88.

³ Ср. выше, стр. 88.

⁴ „Кто найдет бежавшего раба или убежавшего пленника и не возвратит его тому, у кого он был в руках, подвергается смерти“ гласит Яса, см. Рязановский, *ор. cit.*, стр. 43. ⁵ Р.-ад-Д., II, 94—95. ⁶ С., ск., 128—129.

⁷ Ср. Н. П. Павлов-Сильванский, „Феодалы в удельной Руси“, СПб., 1901, стр. 4. ⁸ С. ск., 130; Р.-ад-Д., I, 163; II, 143, 102; III, 124, 129.

⁹ Р.-ад-Д., I, 62, 163; Quatremère, p. I, n. 84; Березин, „Улус Джучи“, 425.

¹⁰ С. ск., 116.

ных дружинников, излагаемая им в Билике (привожу в „стильном“ переводе Березина):¹ „они позади и впереди меня служили искусно помощниками и пособиями, хорошо пускали стрелы, держали в поводу заводных лошадей, ловчих птиц на руке и охотничьих собак в тороках“. Почти полное перечисление службы древне-монгольского *pökög'*а.

Теперь обратимся к рассмотрению обязанностей вождя по отношению своих нукеров. Как предводитель должен был держать себя со своими дружинниками *pökög'*ами? Предводитель прежде всего обязан оказывать покровительство своему военному слуге-товарищу. Говоря о своих старых дружинниках-телохранителях, Чингис-хан, по словам „Сокровенного сказания“, заявляет:² „Завещаю моим потомкам смотреть на этих телохранителей, как на памятник обо мне, тщательно заботиться о них, не возбуждать в них неудовольствия“. Как известно, во время пресловутого пиршества на берегу Онона один человек из рода Хатагин, украл повод.⁴ Человек этот был нукером⁵ у Джурки, в частности, у Бури-боко, который сам служил военным слугою у „отважных потомков“ Окин-Бархака.⁶ Аукравший повод нукер находит себе защиту у Бури-боко, который, по словам Рашид-ад-Дина,⁷ „был заодно с Сече-Бики и покровительствовал того человека“. Нельзя упускать из вида при этом, что Бури-Бобо и попавшийся в краже принадлежали к совершенно различным родам и служили Джурки, тоже иному роду-дому.

Древне-монгольский предводитель должен был содержать своих нукеров, предоставляя им кров, пищу, одежду и оружие. Естественно, нукеры охотнее шли на службу к тому, о ком, как о Чингисе, говорили: „Он есть государь кормилец рабов и обладатель войска“;⁸ „Это царевич Темучин снимает платье, которое носил и отдает; с лошади, на которой сидел, сходит и отдает. Он есть человек, имеющий страну, питающий войско и одержавший хорошо улус“.⁹ Чингис-хан сам говорит об обязанностях хаана, правда не в отношении одних нукеров, а по отношению всех своих „приверженцев“: „Я думал, что если я царь и стал передовым войска для множества стран, то необходимо обязательство с приверженцами; я брал много табунов, стад, кибиток, жен, мальчиков и людей, и давал вам; для вас я на степной охоте устраивал переход и облаву и гнал в вашу сторону горную дичь“.¹⁰ Жена одного нукера Сэнгуна, сына Ван-хана керейтского, укоряя своего мужа в неверности своему господарю, замечает:¹¹ „Когда ты одевался в золотое, когда ты ел

¹ Р.-ад-Д., III, 129. ² С. ск., 129.

³ Отправляя своего бывшего нукера, ставшего полководцем, Субеетей, в поход, Чингис-хан говорит ему: „Кто ослушается приказов, того, если он известен мне, приведи сюда, если же нет, то казни на месте“. Известны могли быть прежде всего „нукеры“. Чингис затем добавляет: — „Хоть ты и далеко будешь от меня, но тоже, что близ меня“, С. ск., 111—112. ⁴ С. ск., 65; Р.-ад-Д., II, 101. ⁵ Р.-ад-Д., II, 102. ⁶ С. ск., 69; см. выше, стр. 88. ⁷ II, 102. ⁸ Р.-ад-Д., II, 97. ⁹ Р.-ад-Д., II, 98. ¹⁰ Р.-ад-Д., II, 139.

¹¹ Ср. С. ск., 99; Р. Pelliot, „A propos des Comans“, p. 179—180. Предлагаемый мною перевод слегка отличается от перевода проф. Р. Pelliot.

вкусное, о мой Көкөсү,¹ разве ты говорил (так)? “В нукеры к разным предводителям шли часто молодые люди, попавшие в очень стесненное материальное положение;² поэтому содержание нукеров, которое являлось обязанностью вождей, хаанов и т. д., являлось часто хорошей приманкой для многих. Обстоятельство это имеет большое значение, не надо забывать при этом общую бедность и малую производительную способность большинства монгольских племен.

Дружинники-pököd в древне-монгольском обществе главным образом тем и отличались от знати, сеньеров и господ, ba'atur'ов и поуап'ов, последовавших за каким-нибудь вождем, за каким-либо хааном, или выдвинувших таковых, что находились на содержании предводителей, которым служили. Знатные сподвижники хаана или ba'atur'a участвуют в войнах, наездах и охотах своего вождя, находясь под его начальством, но они живут отдельно, своими становищами, курениями и аилами, сами имеют своих нукеров. Между тем pököd-дружинники — прежде всего военные слуги; они живут вместе со своими предводителями, хаанами, ba'atur'ами, поуап'ами, являются их „домашними людьми“ и находятся на их содержании. „Богатыри“ живут со своими родичами; дружинники же, по большей части, оказываются выходцами из своих родов и живущими вместе с чужеродными.

Дружина, находившаяся на содержании своего вождя, определяла поведение последнего. Военный вождь должен был неминуемо производить набеги на соседей ради добычи и устраивать облавные охоты, полонить „прекрасных девиц и жен, да добрых коней“. Сам же он при этих наездах и охотах получает лучшую часть. Военный родовой вождь вместе со своей дружиной превращается в опасного для всех окружающих хищника, в предводителя разбойничьей шайки. Такими предводителями разбойных дружин и были, известные истории, Сача-беки, рода Джурки, Йесугей-багатур и его сын, Темучин-Чингис-хан, Джамуга-сечен и другие. Нукерство знаменует дальнейшее разложение родового быта и закабаление простого народа, который, в конце концов, и должен был содержать эти аристократические шайки: „Тех, которые были сведующие и молодые, сделал беками войска; тех, которые были проворны и ловки, ... сделал табунщиками; не сведующих, давши им небольшую плеть, послал в пастухи“, говорит о себе Чингис-хан в приписываемых ему „Изречениях“.³ Укрепление и организация военных слуг-нукеров сделалась важнейшим делом для древне-монгольских предводителей, хаанов в особенности, существование которых часто кончалось при одном каком-нибудь наезде воинственного соседа. Поэтому можно наблюдать, как военные слуги организуются хаанами в постоянные военные отряды, в правильно устроен-

¹ Собственное имя нукера.

² Вспомним положение, напр., Джебе, см. выше, стр. 87. Боорчу, уходя на службу к Чингису, берет с собою из богатого дома своего отца только одно одеяние, да одного коня, см., С. ск. 48.

³ Р.-ад-Д., III, 121.

ную охранную стражу¹ и наконец, как апогей, в „гвардию“ Ван-хана и Чингиса,² которая тоже имеет свою историю, потому что выросла она и развилась постепенно.³ Можно наблюдать также, как *pököd-нукеры* превращаются в *поуад* военных-сеньеров.

Появление военных вождей, узурпировавших власть над племенем или одним или несколькими родами-кланами, и окруженных дружиной военных слуг, — выходцев из разных, по преимуществу аристократических родов, имело очень большое значение для древне-монгольского общества, жившего в условиях натурального кочевого хозяйства, с чрезвычайно слабо развитой производительностью малого количества предметов первой необходимости, и едва задетого меновой торговлей. Вместе с дальнейшим разложением родового строя обнаруживается стремление к развитию феодальных отношений, к рассмотрению которых теперь и можно перейти.

2. ВАССАЛИТЕТ

А хотели есмь тебя
Юртом устроить.

Прод. Древн. Росс. Вивл., IX, 12—13

В одном из предыдущих отделов были рассмотрены крепостные вассальные отношения, которые наблюдались в древне-монгольском обществе, выражавшиеся в том, что известный род становился в крепостное вассальное положение (*unağan boğol*) по отношению другого рода.⁴ Тогда же было отмечено, что институт *unağan boğol* стал изживаться и крепостные вассалы с течением времени перестали почти отличаться от других родов, „свободных“, подчинившихся только какому-нибудь аристократическому вождю, хаану, баатуру, нояну и т. д. Теперь можно перейти к рассмотрению вассалитета, возникшего на почве служения военным вождям, в качестве нукеров или в качестве приверженцев, согласившихся признавать власть и известные права хаанов, ноянов, etc.

Источники наши содержат довольно много данных, относящихся к вассальным отношениям, возникшим в империи Чингис-хана, но они не говорят почти ничего относительно предыдущего периода, а также относительно того, что наблюдалось аналогичного в других монгольских хаанатах, напр., у найманов, кереитов. Но так как, обычно, Чингис-хан ничего нового у себя не вводил, и так как в источниках можно найти несколько единичных намеков на тенденции к вассальным отношениям у разных племен, можно думать, что вассалитет, новый вассалитет, выросший на почве служения хаанам и ноянам, наблюдался уже до эпохи Чингис-

¹ С. ск., 87, 88, 118; ср. P. Pelliot, „Notes sur le «Turkestan» de M. W. Barthold“, p. 30.

² С. ск., 125—130; ср. P. Pelliot, op. cit., p. 27—30.

³ С. ск., 62, 102—103; ср. В. В. Бартольд, „Туркестан“, 410—415.

⁴ См. выше, стр. 89.

хана и у различных монгольских поколений, где возникали соответствующие условия.¹

У древних монголов всякое объединение родов, поколений, племен, рассматриваемое с точки зрения зависимости от вождя, хаана, нояна, тайши, баатура и т. д., называлось *ulus*, т. е. „народ-владение“, „народ-удел“. Напр., Тайчиуты, рассматриваемые, как ряд кровно родственных кланов-родов, представляют собою *irgen*, т. е. „поколение“ или „племя“.² Но те же Тайчиуты, даже часть их, объединенная под предводительством, напр., Таргутай-Кирилтуха, являются уже *ulus*, т. е. „народом-уделом“, „улусом“ названного предводителя.³ В виду этого, слово *ulus* может быть переводимо, с известными оговорками, как „удел, владение“; только монголов, как истых кочевников, в понятии этом больше интересуют люди, а не территория: действительно, первоначальное значение слова *ulus* и есть именно „люди“. Поэтому слово *ulus* может быть передано и как „народ“, т. е. „народ-удел“, „народ, объединенный в таком-то уделе, или образующий удел-владение“. Впоследствии *ulus* означает уже „народ-государство“, „народ, образующий государство-владение“, „государство“.

И вот, источники наши как „Сокровенное сказанье“, так и „Сборник летописей“ Рашид-ад-Дина, а также и другие, очень часто рассказывают, что Чингис-хан создает уделы, отдавая во владение определенному лицу тот или другой клан, то или другое поколение, в вознаграждение за верную службу. Напр.,⁴ „Сокрушив народ Кереит, Чингис раздал его своим сподвижникам. Тахай-баатуру, рода Сулдудай, который оказал Чингису услугу, Чингис дал сто домов Чжиргинь... Бадаю и Кишлиху Чингис отдал... людей, заведывавших сосудами; отдал им фамилию Ван-хочжинь, рода Кереит... Затем он раздал все дома Кереит своим сподвижникам.“ Одного кереитского богатыря Чингис, „сделав сотником, отдал вдове Хуилдара, на вечные времена, в рабы и прислужники“.⁵ Шиги-хутуху, приемный сын Чингиса, обращается к нему с просьбой:⁶ „Если будет твоя милость ко мне, то дай мне народ, обитающий внутри земляного вала,“ и получает согласие. Рашид-ад-Дин, рассказывая о Дааритай-одчигине младшем брате отца Чингис-хана, говорит:⁷ „Из племени и рода его много было избито. У него был сын, наследник и заместитель, по имени Тайнал-Биэ: Чингиз-Хан отдал его с двумястами принадлежавшими ему человек, племяннику своему Илчидай-Нойону. Они были на степени рабов его и до ныне род его находится с родом Илчидай-Нойона. Из того племени и рода его Бурхан... Из детей его был Куруг, тысячный бек, к которому перешло место Бурхана“.

¹ Р.-ад-Д., I, 95; II, 105—106, 113; ср. С. ск., 80.

² См. выше, стр. 79.

³ В С. ск., напр., имеется такая фраза: *Temüjin-i Targutai-Kiriltux abcu odcu ulus irgen-dür-iyen jasağlaju* „Таргутай-Кирилтух, забрав с собой Темуджина, наказал своему народу-племени“ (т. е. своим людям, всем, составлявшим его удел); ср. С. ск., 41; Патканов, „История монголов по армянским источникам“, II, 138.

⁴ С. ск., 98.

⁵ С. ск., 98.

⁶ С. ск., 115.

⁷ Р.-ад-Д., II, 50—51.

Подобных рассказов много.¹ Все они свидетельствуют о том, что институт *unağan boğol* продолжал существовать и в эпоху Чингис-хана даже тогда, когда создавалось его кочевое государство. Из вышеприведенных примеров вытекает также, что определение *unağan boğol*, данное выше, остается в силе и для более позднего времени: и в век Чингис-хана *unağan boğol* не были „рабами“, а „крепостными вассалами“ и могли легко добиваться почетного положения, становясь напр., тысячными ноями.² Рашид-ад-Дин в одном месте определенно говорит, что отношения, подобные описанным выше, и в эпоху Чингис-хана были отношениями „господ“ и „крепостных вассалов“—*unağan boğol*. Персидский историк повествует о том, что большая часть племени татар была избита Чингисом. Оставшиеся случайно в живых были розданы по разным знатным домам. Из числа этих татар „как во время Чингис-хана, так и после него, были старшие и почтенные беки, служившие правителями становищ (орд) и имевшие путь потомственного рабства“³ (*unağan boğol*).

Продолжая очень старые кочевые традиции, Чингис-хан, вскоре после объединения ряда монгольских племен, после создания своей кочевой державы, *Mongğol ulus*, начинает раздавать уделы-*ulus*'ы своим сыновьям и ближайшим родственникам. По словам „Сокровенного сказанья“, уделы получили: четыре сына Чингиса, рожденные от его старшей жены, Борте; его мать и братья, Хасар и Белгутей, последний, как известно, был рожден от другой жены Йесугея, не матери Чингиса; младший брат монгольского хана получил удел совместно со своей матерью; так как брата Чингиса, Хачиуна, уже не было в живых, то удел получил его сын, Алчидай.⁴ По словам Рашид-ад-Дина, удел получил также сын Чингис-хана, рожденный от другой жены его, Хулан;⁵ кроме того, младший брат Чингиса имел будто бы удел, отдельный от матери.⁶ По свидетельству обоих источников очевидно, что Чингис выделил уделы только членам своей собственной семьи, Кият-Борджигинам, оставшимся в живых потомкам Йесугей-багатура.⁷ Младший сын Чингиса, Толуй, помимо удела, полученного при жизни отца, должен был, в качестве *odcigin'a-ejen'a*, получить еще основной улус-удел,⁸ *уеке улус* (великий улус)⁹ хана-отца, после его смерти; первым же удел получил старший сын, Джочи.¹⁰

Выделение уделов основывалось на том принципе, что „государство“ (*ulus irgen*) является достоянием всего рода того лица, которое создало

¹ См., напр., Р.-ад-Д., I, 38, 190—191; II, 11—12; С. ск., 110—111.

² Бек и эмир = ноин (тюрк. *beg* у Р.-ад-Д. и других писателей, так же как араб. *amīr* монг. *поуап*, см. Бартольд, „Улугбек“, 13; Defrémery — Khondémir, JA, IV s., XIX, 284).

³ Р.-ад-Д., I, 57—58.

⁴ С. ск., 132, 133—134, 145.

⁵ Р.-ад-Д., III, 146—147.

⁶ Р.-ад-Д., III, 147—148. Впрочем, по обычаю монгольскому, несколько уже раз упомянутому, удел матери, после ее смерти, отходил к младшему сыну, *odcigin'u*, см. выше, стр. 49.

⁷ Дети, напр., Монгету-Кияна, дяди по отцу Чингис-хана, не пользовались правами царевичей, см. Р.-ад-Д., II, 47; III, 137—138.

⁸ Р.-ад-Д., III, 132, 143, 149.

⁹ Р.-ад-Д., III, 95.

¹⁰ С. ск., 132; см. выше, стр. 51.

державу и стало ханом.¹ Так же, как род или его ответвление владеет определенной территорией, на которой совместно кочуют его члены-*урух'и*, и владеет людьми, которые являются его потомственными крепостными вассалами (*unağan boğol*), совершенно так же род является владельцем народа-государства (*ulus*), проживающего на определенной территории (*nuntux ~ nutuğ*). Происходит, следовательно, перенесение понятий о родовой собственности на более широкую область, на область народа-государства.² С этой точки зрения все племена и народы, вошедшие в состав монгольской империи Чингис-хана, все делаются *unağan boğol'*ами его и его рода: „так как Чингис-хан, — говорит Рашид-ад-Дин,³ — был ханом, господином соединения планет, самодержцем земли и времени, все племена и роды монгольские из родных и чужих стали его рабами и слугами“; поэтому *Mongğol ulus* приобретает значение „народ-государство рода монгол“. Власть рода Чингис-хана над его улусом, т. е. народом-государством, выражается в том, что один из родичей, *altan uruğ* (*urux*)'а⁴ становится императором, ханом (*хан*, *хаған*), повелевающим всей империей избираемым на совете всех родовичей (*xuriltai ~ xurultai*);⁵ другие же члены рода, главным образом, мужские его отпрыски,⁶ признаются царевичами (*köbe'ün ~ köbegün*, слово, значащее собственно „сын“),⁷ имеющими право на то, чтобы получить в наследственное пользование удел-улус.

Все *köbegün'*ы, таким образом, имеют право на удел, т. е. на часть общего достояния, на часть народа-государства; причем младший царевич получает основной удел своего отца; так, младший сын самого Чингис-хана наследует *уеке ulus* „великий улус“, т. е. основную массу монгольских племен вместе с территорией, на которой они кочуют. Чингис — глава рода и основатель империи, — был императором, ханом, владельцем основного монгольского улуса, так как он при жизни своей выделил уделы всем царевичам (*köbegün*). После его смерти каждый царевич из его сыновей или внуков мог стать императором;⁸ следовательно, монгольским ханом мог стать царевич, владевший и не основным улусом монгольским, что на самом деле и происходило.

¹ Ср. В. В. Бартольд, „Очерк истории Семиречья“, стр. 41–42; Б. Владимирцов, „Чингис-хан“, стр. 70–72.

² Ср. В. В. Бартольд, „Чингиз-хан“, Словарь Брокгауз и Эфрон, XXXVIII А, 843.

³ Р.-ад-Д., II, 12.

⁴ Т. е. „золотой род“, так стали называть род Чингис-хана; ср. Р.-ад-Д., I, 147.

⁵ На *хурултаях* присутствует также служилая аристократия, см. С. ск., 152.

⁶ Вдовы иногда тоже получали уделы, царевны же *inge*: Р.-ад-Д., I, 80; Киракос, 60–62; Васильев-Чжао-хун, 216.

⁷ См. Р. Pelliot, „Les Mongols et la Papauté“, chap. II, p. 323; Р.-ад-Д., II, 94; Магакя, 30. Замечательно, что у современных монголов, у тех, которые являются потомками древних монголов, составляющих *уеке ulus*, слово *köbegün* в значении „сын, мальчик“ почти никогда не употребляется; между тем, как оно общеизвестно, напр., у ойратов и бурят. Тюркский эквивалент монгольского *köbegün* является *oğlan ~ ulan*; см. Березин, „Улус Джучи“, стр. 426; Березин, впрочем, не установил разницы между *oğlan'*ами и *beg'*ами-ноянами.

⁸ С. ск., 145.

Все царевици, владельцы уделов, являлись вассалами монгольского императора и правили хаган-и сү-дүр, т. е. „счастьем-величием императора“.¹ Во главе каждого удела-улуса, в том числе и „великого улуса“, должен был стоять один царевиц, так же, как во главе империи один император. „В фамилиях братьев моих: Хасара, Алчида, Отчигиня и Белгутая потомки их пусть будут наследовать сан отцов своих по одному человеку; мой сан пусть один сын наследует. Слова мои неизменны; не позволяю нарушать их“, заявляет Чингис-хан, по словам „Сокровенного сказанья“.² Но царевици, потомки первых владельцев уделов-улусов, получали в свою очередь уделы, становясь вассалами вассалов. Очень скоро род Чингиса разросся, и, напр., во времена Рашид-ад-Дина, число царевиц, вассалов и арриер-вассалов, достигало огромной цифры.³

Культурные области с оседлым населением, входившие в уделы царевиц, были первоначально подчинены хану-императору, который правил ими через особо-назначенных губернаторов (darugacin); царевици же пользовались только доходами с этих земель, причем не имели права сами производить сбора податей.⁴ Царевици, следовательно, являлись в своих уделах военными феодалами, и власть их распространялась только на nutuḡ-yurt, на котором кочевали выделенные им монголы (ulus), а с земель с культурным оседлым населением они могли получать только часть доходов, которыми непосредственно распоряжались darugacin'ы, поставленные великими ханами. Надо отметить, что подобное положение не могло продолжаться долго и царевици очень скоро превратились в полунезависимых, а потом и в совсем независимых государей — правителей самостоятельных царств в западной части Монгольской империи. В восточной же части можно наблюдать совсем другое, о чем придется говорить ниже.

Хотя монгольский император является совершенно неограниченным монархом, тем не менее он „выбирается“ на родовом съезде-курултае и, по завету Чингиса, не должен единовластно наказывать провинившегося в чем-либо члена „золотого рода“.⁵ Родовые взгляды, принцип совместного владения империей всеми членами рода Йесугей-багатура и Чингис-хана,⁶

¹ См. P. Pelliot, op. cit., p. 320; Р-ад-Д., III, 150—151.

² С. ск., 145. Алчидай не брат, а сын брата Чингиса.

³ См., напр., Р-ад-Д., II, 60, 61, 63. Удельные владения царевиц назывались также injü ~ inji (см. Березин, „Улус Джучи“, стр. 426), в состав которых входили ulus и nutuḡ; ср. В. В. Бартольд, „Очерк истории Семиречья“, стр. 41. См. еще Р-ад-Д., I, 178; D'Ohsson, II, 7; И. Н. Березин, „Ханские ярлыки“, I, 59—60.

⁴ С. ск., 149, 155, 255—256 (замечания Палладия Кафарова); В. В. Бартольд, „Очерк истории Семиречья“, 42—43; Чан-Чунь, 304, 408 (примечание Палладия Кафарова); Bretschneider, „Mediaeval Researches“, I, 288, 293. ⁵ См. выше.

⁶ Как известно, именно этому роду, т. е. потомкам Йесугей-багатура, которые раньше назывались Кият-Борджигин, Чингисом было дано название Монгол (Mongḡol), перенесенное затем на его улус, на его державу; см. Б. Владимирцов, „Чингис-хан“, стр. 71—73, 76. Марко Поло говорит (311): „Чингис-хан положил начало империи и первый покорил часть света, потому-то я говорю «Чингис-ханова роду или имперского». Эти традиции жили

выявляется в этих установлениях. Но в жизни принципы эти проводились недолго, царевици начали вести междоусобные войны, производить заговоры и убийства своих сородичей: „золотой род“ разложился быстро.

Удельное владение создавалось своего рода инвеститурой Великого Хана. Чингис, напр., говорит своему старшему сыну Джочи: ¹ „Из детей моих, ты самый старший; теперь ты в первый раз ходил на войну и, не утруждая войска, покорил все народы, живущие в лесах; эти народы я дарю тебе“. Чингис уделил из покоренных народов часть матери, братьям и детям своим и говорил: „Моя мать, вместе со мною, воздвигла царство; из детей моих старший есть Джочи; из братьев, младший Отчигинь“.²

По смерти царевицей-владельцев улусов, их преемники, сыновья, внуки или другие ближайшие родичи, подтверждались опять же инвеститурой монгольского хана, пожалованием удела³ и определением арриер-вассалов.

С другой стороны царевици приносили *homagium*, т. е. признание своей вассальной зависимости от сюзерена, что выражалось, как и в феодальной древней Руси,⁴ челобитьем (*mörgükü*).⁵

Толуй, младший сын Чингиса, на вопрос отца, как он относится к тому, что Огедей будет ему наследовать, станет монгольским ханом, заявил:⁶ „Отец, ты мне самому говорил, чтобы я забытое братом моим напоминал ему; когда он заспится, будил бы его; когда пошлет на битвы, шел бы“⁷ — своего рода присяга на верность (*fidelitas*).

Хан-император, если был достаточно силен, мог по своей воле уменьшить удел царевици или даже совсем лишить ленного владения, если считал его виновным; так же могли поступать и поступали владельцы улусов со своими вассалами-царевицами.⁸

Удел состоял из *ulus* „людей, народа“, т. е. определенного количества монголов-кочевников, и *nutuġ* (*yurt*), т. е. территории, на которой эти „люди“ могли кочевать.⁹ Улус-удел определялся с одной стороны количеством *ayıl'ov*, т. е. кочевых дворов,¹⁰ а с другой стороны количеством воинов (*serig*), которое мог он выставить.¹¹

очень долго, даже в западной части Монгольской империи; в Джагатайском словаре „Абушка“ слово *qıyat* (= монг. *quiad* ~ *xiyad*) объяснено как „племя ханского рода“, см. В. В. Вельяминов-Зернов, „Словарь Джагатайско-Турецкий“, СПб., 1868, стр. 331.

¹ С. ск., 132. ² С. ск., 133. ³ См. D'Ohsson, II, 204; Киракос, 87; Quatremère, 12—13; Defrémery-Khondémir, JA, IVs., XIX, p. 91, 93.

⁴ См. Н. П. Павлов-Сильванский, „Феодализм в древней Руси“², 1923, стр. 125.

⁵ См. Березин, „Улус Джучи“, 424; Плано Карпини, 55; D'Ohsson, II, 10—11; см. E. Blochet, „Djami-el Tévarikh... par Rachid-ed-Din“, t. II (Gibb Memorial, vol. XVIII, 2) planche IV: изображение возведения на трон Огедея (по персидской миниатюре).

⁶ С. ск., 145. ⁷ Ср. С. ск., 154 (Толуй вспоминает свою „присягу“).

⁸ См. С. ск., 136; Р-ад-Д., II, 61—62; многочисленные примеры встречаются во всех сочинениях по истории монгольской империи. ⁹ Ср. Бартольд, „Очерк истории Семиречья“, 42; „Туркестан“, 422—423. ¹⁰ С. ск., 133—134. ¹¹ Р-ад-Д., III, 132—149.

Теперь можно поставить очень важный вопрос, каким же образом составлялись эти улусы, удельные владения, обязанные выставлять определенные контингенты войск, когда мы знаем, что монголы той эпохи жили разделенными на племена, поколения, кланы, роды? Ответом на этот вопрос может быть рассмотрение феодальных отношений, вассалитета, возникшего на почве службы хаану и нояну, исполнявшейся нукерами и „сподвижниками“.

„Сокровенное сказанье“ сообщает о том, что Чингис, готовясь к борьбе с найманами, после разгрома кереитов,¹ „пересчитав свое войско, ...поставил тысячников, сотников и десятников... Для охранной стражи избраны молодые люди, ловкие и статные, из домов тысячников и сотников, равно люди свободного состояния“.² Описывая затем организацию охранной стражи, „Сокровенное сказанье“ опять добавляет:³ „Распределены были также должности тысячникам, сотникам... и другим“. Войско Чингиса таким образом получает новую организацию, превращающую его в армию; раньше рать, ополчение Чингиса, набиралась и делилась по куреням.⁴

Наконец, в 1206 г. Чингис, став ханом-императором, дает окончательное деление всех монголов на тысячи и определяет ноянов-тысячников.⁵

В распределении самом по десяткам, сотням и т. д., конечно, нового ничего не было; это — очень древнее обыкновение кочевников Средней Азии, идущее из дали веков. Новым в организации Чингис-хана было только упорядочение и закрепление в стройной системе того, что создавалось путем длительного процесса: вассальные отношения, связанные со службой предводителю в качестве воинов.

На то, что сотники и тысячники, вассалы хаана или другого какого-либо вождя, существовали раньше, даже раньше упомянутого похода против найманов, имеются указания в самом „Сокровенном сказаньи“.⁶ Произведение это предоставляет много данных, много сведений по рассматриваемому вопросу, но относит события к 1206 г., т. е. к году объявления Темучина Чингис-ханом монгольской империи. В данном случае, как, впрочем, и в других, приходится считаться со стилем „Сказанья“. Подтверждение показания „Юань-чао-би-ши“ почти полностью⁷ находится у Рашид-ад-Дина. Опираясь, главным образом, на эти источники, можно представить следующую картину вассальных отношений, развившихся у монголов к началу XIII в.

Древне-монгольские нукеры за свою службу военным вождям получают от своих предводителей в удел (хуби) то или другое количество

¹ Т. е. в 1204 г. ² С. ск., 102. ³ С. ск., 103.

⁴ С. ск., 64; Р-ад-Д., II, 94—95, 103.

⁵ С. ск., 114—125; Позднеев, „О древнем китайско-монгольском памятнике“, 17—19. Р-ад-Д. часто упоминает, как Чингис-хан „делил беков и войско царевичам“ (I, 187), но даты определенной не указывает. ⁶ С. ск., 61, 98. Примечания Палладия Кафарова, 189.

⁷ Речь идет, конечно, о данном конкретном вопросе.

кочевых айил'ов, господами и правителями которых они и становятся; вместе с этим они получают достаточное количество территории, на которой они могли бы кочевать вместе со своими людьми и охотиться. Издавна существовавший институт *upaġan boġol* являлся как бы подготовительной стадией развития слагавшихся отношений. Но, получая во владение людей, нукер не прерывал связей со своим вождем. Наоборот, получение людей в управление налагало на него обязательство продолжать военную и иную службу своему вождю вместе с известным контингентом воинов, которых могли выставить данные ему в управление айилы.¹

Совершенно то же самое происходит с представителями степной аристократии, которые присоединяются к тем или другим предводителям, хаанам, в особенности. Хааны выбирают и выдвигают наиболее подходящих из них или останавливаются на уже выдвинувшихся баатурах, ноянах и других вождях с тем, чтобы закрепить за ними известное количество айил'ов, родов или поколений, которые могли бы под их предводительством являться на службу, воинскую в первую очередь.² Затем, то, что произошло в нарождающемся кочевом государстве Чингис-хана, вероятно, происходило и в других хаанатах, но, может быть, не принимало таких размеров и не было так строго организовано; во всяком случае, сведения наши об этом более, чем скудны.³ В улусе же Чингиса наблюдается следующее: Чингис в широкой мере использует давно уже существовавший институт нукерства для того, чтобы организовать правильную систему вассалитета, обязанного воинской службой, Чингис-хан гениально угадал протекавший тогда в монгольском обществе процесс феодализации и использовал в своих целях самую живую и жизненную силу — нукеров. Аристократические главари попадают совершенно на тот же путь, как только делаются „сподвижниками“ хаана, в частности, Чингиса.

Согласно системе, известной по империи Чингис-хана, во главе которой стал „золотой род“ Борджигинов, нукер или присоединившийся к хаану степной аристократ, — не нужно забывать, что и большинство нукеров были выходцами из той же степной аристократии, — оказавшие своему предводителю те или другие услуги, получают, в зависимости от этих заслуг и своего значения вообще, в ленное владение такое количество кочевых айил'ов, которое могло бы выставить сотню или тысячу воинов,

¹ Р.-ад.-Д., III, 132—154; С. ск., 114—125.

² С. ск., 60 и 117, 64 и 117—119. По-монгольски надел-феод, т. е. определенное количество людей, отданных в ленное владение военному сеньеру, назывался *xubi* „удел, доля“, см. P. Pelliot, „Notes sur le „Turkestan“ de M. W. Barthold“, T'oung Pao, XXVII, 1930, 39—40. См. следующее характерное место у Р.-ад.-Д.: „Во время Чингис-хана Бисулун-Хатун представила просьбу: „Хулу-нойон и брат его Монггэту-Уха стали старшими, состоят в свите и пользуются доверенностью; из родственников и племени их находятся в каждом месте. Если воспоследует указ, их бы собрать“. Указ состоялся, и всех Татар, которые еще остались, собрали и присоединили к ним, хотя эти не состояли с ними в родстве, и они стали принадлежать к ним“ (Р.-ад.-Д., I, 63—64).

³ Ср. выше.

по имени Мёнкадай¹ и т. д. Еще одно свидетельство персидского историка: „Те бекские дети все стали беками темными, сотенными и тысячными, так что из детей, если были старшими беками в век Чингис-хана, и род их находился на службе Хулагу-хана и каждый находился на своей собственной и означенной дороге, то доныне самый первый род и потомки их постоянно назначаются на ту же дорогу отцов“.² Далее, еще один показательный пример: Рашид-ад-Дин при перечислении „тысяч“ упоминает „тысячу Хуилдар-Сэчэна“: „Он был из племени Манкгут, ветви Нирун“.³ Между тем о Хуилдаре известно следующее: он со своим родом Манхут отделился от Джамуги и присоединился к Чингису.⁴ Раненый в сражении с Ван-ханом керейтским, он вскоре умер от раны, неосторожно приняв участие в облавной охоте. „Прах его погребли на крутом полу-горье горы Орнэу, что у реки Халха“.⁵ Хуилдар или при жизни был уже „тысячником“, или же звание тысячника было ему дано после смерти, чтобы сын его мог наследовать. Во всяком случае, вдова Хуилдара, несомненно „правит“ „тысячью“, которая зовется „тысячью Хуилдара“, потому что известно, как Чингис-хан, после разгрома керейтов, одного керейтского богатыря „сделав сотником, отдал вдове Хуилдара, на вечные времена, в рабы и прислужники“.⁶ Впоследствии, когда Чингис, став ханом, раздавал должности и награды, он припомнил и как бы подтвердил права погибшего сподвижника.⁷

По словам „Сокровенного сказанья“,⁸ „Чингис сказал Наринь-Тоорилу, сыну Чахань-хоа: «Отец твой усердно служил мне: он погиб от Чжамухи, в битве... Теперь проси милости, следующей сиротам». Тоорил сказал: «Братья мои, Негус, рассеяны по разным улусам; мне хотелось бы пособрать их». Чингис позволил ему собрать их и повелел ему и его потомкам наследственно править ими“. А Рашид-ад-Дин упоминает тысячу Тоорила из рода Негус.⁹

Нояны, — так стали называть темников, тысячников и сотников, — определялись своего рода инвеститурой великого хана, причем впоследствии выдавалась грамота-ярлык (jarlig).¹⁰ Для образца можно привести следующий текст:¹¹ „Чингис сказал Хорчи: «В юности моей ты произнес

¹ Р.-ад-Д., III, 134; см. также, напр., Р.-ад-Д., I, 163. Подобных указаний очень много в сочинении персидского историка. Нужно заметить, что Р.-ад-Д. в некоторых случаях „тмю“ (tümen) называет тоже тысячью, см., напр., III, 132, 136, 137, 139, 140, 142; иногда у него имеются прямые указания на это обстоятельство (см. I, 163; III, 136), которое не всегда было учитываемо исследователями. ² Р.-ад-Д., III, 153. ³ Р.-ад-Д., III, 140.

⁴ С. ск., 64.

⁵ С. ск., 88—90.

⁶ С. ск., 98.

⁷ С. ск., 123.

⁸ С. ск., 123. Некоторые собственные имена в приводимом абзаце из С. ск. представляются несколько в иной форме, чем в тексте Палладия. Поправки внесены на основании „монгольского“ текста и общих принципов транскрипции Палладия Кафарова.

⁹ Р.-ад-Д., III, 146.

¹⁰ Р.-ад-Д., I, 163. Впоследствии нояны стали получать особые знаки отличия, дшицы, так наз. пайдзы, см. Марко Поло, 114—115; Yule, I, 350—355; Чжао-Хун-Васильев, 229; Березин, „Улус-Джучи“, 443—444.

¹¹ С. ск., 117 (транскрипция некоторых собственных названий выправлена).

обо мне пророческие речи, делил со мною труды и был мне товарищем... Даю тебе волю выбрать 30 прекрасных жен и девиц в покорившихся народах. Кроме того, соединив 3000 рода Бааринь, с родами Адаркинь и другими, управляемыми Тагаем и Ашихом, и, составив из них 10 000, будь их темником и управляй ими. Ставь свое становище, по твоему выбору, среди лесных народов, по реке Эрдиши¹ и охраняй тамошнюю страну; все дела тамошних народов пусть будут в твоем ведении; противящихся наказывай»².

Нояны же тысячники, подобно царевичам, приносили своим сюзеренам *homagium*, признание вассальной зависимости, выражаемое челобитьем (*mörgükü*).²

Монгольский хан и царевичи могли вполне распоряжаться личностью нояна, т. е. лишать его ленного владения или жаловать новое.³ В случае лишения, обычно, тысяча, сотня и т. д. передавалась ближайшему родственнику потерпевшего.⁴ Сам же ноян, в отличие от нукеров былых времен и аристократических „сподвижников“ племенных хаанов, до образования монгольской империи, сам, по своему желанию, не имел права оставить службу, бросить свое владение, данное ему в лен, или переменить своего сюзерена. Чингис в приписываемых ему „Изречениях“ говорит:⁵ „всякого бека,⁶ который не может устроить свой десяток, того мы делаем виновным с женой и детьми, и выбираем в беки кого-нибудь из его десятка. Также (поступаем) с сотником, тысячником и темным беком“. Рашид-ад-Дин, говоря о „беках“ удела Хулагу-хана, замечает, что дети „беков“ иных улусов, пришедшие на службу в Иран, все стали „там почтенными и военными беками, за исключением редких людей, которые, вследствие неудач, обратив сердце к пустым мыслям, стали виновными и ниспали с сана бекства. Однако они существуют“.⁷

Ряд ноянов монгольских оказался в вассальных отношениях к царевичам. Чингис, по словам Рашид-ад-Дина,⁸ так определяет положение сюзерена и вассала: „Я дам вам этих беков; однако, вы дети все молодые, а путь их велик. Если в какое время провинятся, вы не убивайте их по своему желанию, посоветуйтесь со мною, а после меня, посоветовавшись друг с другом, что будет стоить наказания, накажите“. В том положении он дал такое наставление по той причине, „что, пока таковые старшие беки существуют, сердце кладут на служение, если они провинятся, вы, согласно посоветовавшись, уясните их вину, чтоб за то дело они не злопамятствовали, чтоб они были в утверждении и сознании, что упреки им происходят по причине вины, а не вследствие гнева или

¹ Река Иртыш. ² См. выше, стр. 101.

³ Многочисленные примеры у Р-ад-Д. и в других источниках.

⁴ См., напр., Р-ад-Д., I, 211—212. ⁵ Р-ад-Д., III, 122; см. также I, 77, 167.

⁶ В данном случае „бек“ значит просто „начальник“, так же и в С. ск. *harbad-un* *noyad*. ⁷ Р-ад-Д., III, 153.

⁸ Р-ад-Д., III, 148—149; ср. D'Ohsson, II, 6—7.

безрассудства".¹ Как бы подчеркивая связь дружинников-нукеров с ноянами-тысячниками, Чингис говорит в своих „Изречениях“:² „Беки тмы тысячи и сотни, приходящие слушать наши мысли в начале и в конце года и возвращающиеся назад, могут начальствовать войском; состояние тех же, которые сидят в своем юрте и не слышат мыслей, походят на камень, попавший в большую воду, или на стрелу, пущенную в тростниковое место: он исчезает. Таким людям не подобает командовать“. Выделяя уделы, Чингис давал царевичам и ноянов, темников и тысячников, с некоторыми указаниями. Напр., по словам „Сокровенного сказанья“,³ „Чингис сказал...: «Этот Хунань, ночью у меня, словно дерзкий волк; днем, что черный ворон. Он пристал ко мне и никогда не хотел следовать за людьми дурными... Чжочи мой старший сын; пусть Хунань управляет Гэнигэс и, под ведением Чжочи, будет темником». — „Чингис... приписал... Чаадаю трех благородных Харачара, и других; причем сказал: «Чаадай нрава крутого»;⁴ поэтому, подробно наставил Кокосос, почаше говорить ему“.⁴

В некоторых случаях темники получали права самим выбирать тысячников, которые только утверждались ханом; обычно происходило это тогда, когда „тма“ состояла из представителей одного и того же клана, присоединившегося к Чингису. Так, напр., Рашид-ад-Дин, рассказывая о Наяа-нойоне, говорит, что „он был из племени Баринь и все войско его также из того племени. Так как он был старший бек, покорился искренно и оказал похвальные услуги, то Чингиз-хан вручил ему войска

¹ И. Н. Березин считал, что беками, ноянами становились только те, кто получал звание тысячника (см. „Улус Джучи“, стр. 431). Но он сам указывает, что Рашид-ад-Дин упоминает и о сотенных беках. Следующая цитата из С. ск. подтверждает мнение Березина и точно определяет, кто у монголов принадлежал к феодальной аристократии: „Когда Чингис скончался, то ...великие князья правой руки, Чаадай и Бату, великий князь левой руки, Отчигинь, вместе со внутренними, Толуем и другими князьями и зятьями, равно темники и тысячники, устроили... великое собрание. Согласно завещанию Чингиса, они провозгласили царем Огэдая и объявили о том Чингисовой десяти тысячной гвардии и всем народам“ (С. ск., 152). „Князья“ данного текста, конечно, царевичи (köbegün), члены ханского рода; зятья (gürgen) — зятья хана, т. е. Чингиса. Нужно, впрочем, сделать оговорку, которая значительно меняет суть дела: Рашид-ад-Дин так часто говорит о „сотенных беках“ и упоминает их в таких выражениях, что невозможно сомневаться в том, что и они принадлежали к ноянам, господам, хотя и не входили в ряды высшей феодальной аристократии. Сам Чингис по словам Рашид-ад-Дина говорит: — „Беки тмы, тысячи и сотни, приходящие слушать наши мысли...“ (Р.-ад-Д., III, 121—122). Потом были сотники гвардии, которые несомненно занимали высокое положение в монгольском феодальном обществе (см. Р.-ад-Д., III, 133; С. ск., 127—128). Нельзя не процитировать также одного места С. ск. (125): „Когда люди, трудившиеся в созидании царства, сделаны темниками, тысячниками и сотниками...“ Не надо забывать, что слово *поуад* значило не только „военный сеньер, господин“, но и „начальник“ (*capitaneus*, как выражался Рубрук), поэтому и десятиники назывались *harbad-un poiad* (С. ск.), ср. Р.-ад-Д., III, 122.

² Р.-ад-Д., III, 121—122.

³ С. ск., 119; ср. Р.-ад-Д., I, 178; III, 144.

⁴ С. ск., 134; транскрипция собственных имен немного поправлена.

Баринов: тысячных беков он представлял по своему усмотрению, и их утверждал (Чингиз-хан)“.¹

Два племенные предводителя, „государь“ Ойратов² и „государь“ племени Онгут,³ подчинившиеся Чингис-хану,⁴ оказались в совершенно таком же положении, как нукеры и „сподвижники“ — главари монгольской степной аристократии. Чингис-хан и ойратского, и онгутского господарей делает своими вассалами-ноянами и дает им в ленное владение их собственные племена. „Государи“ ойратский и онгутский становятся в империи Чингиса такими же ноянами-тысячниками, как, напр., Джебе, Хорчи и другие. Наблюдение это лишний раз свидетельствует о том, что „тысячники“, „темники“ и т. д. монгольского хана являются не воинскими чинами, а вассалами, связанными со своим ханом отношениями, какие существуют между сюзереном и вассалами при феодализме. Рашид-ад-Дин повествует:⁵ „Тысяча племени Ойрат. Они составляли четыре тысячи, однако не стало известно в раздельности. Бек и государь их был Хотуга-бики. Когда он покорился, все войско Ойратское по обыкновению утвердили за ним, и тысячными беками были люди, которых он хотел. Потом начальствовали потомки его, бывшие сватами и андами“.

В этом любопытном отрывке имеется фраза, на которой следует остановиться: „войско Ойратское по обыкновению утвердили за ним“. Действительно, воспитанный в родовых взглядах, Чингис-хан чаще всего образовывал „тысячу“ из представителей одного племени-рода и во главе ее ставил нояном тоже принадлежавшего тому же роду. Т. е. Чингис просто брал уже сложившуюся единицу, какое-нибудь поколение, какой-нибудь клан, т. е. аристократический род с его *upaḡan boḡol*-ами, напр., клан-род Манхут, закрепляя за ним уже выдвинувшегося предводителя, напр., Хуилдара; затем, по приблизительному подсчету, клан-род объявлялся „тысячью“ *-mingḡan* и отдавался в ленное владение Хуилдара; вместо рода или клана Манхут появлялась „тысяча“ Хуилдара или „тысяча“ войска Манхутского.⁶ Чингис, в подобных случаях, лишь закреплял и организовывал только то, что уже сложилось раньше в процессе развития общественных отношений. Впрочем и в данном конкретном случае можно наблюдать некоторое осложнение. Дело в том, что известно, как вдова Хуилдара получила в вассалы одного кереитского богатыря, который был отдан ей в звании сотника;⁷ можно думать, что „сотник“ был не один, а имел некоторое количество „людей“ — кереи-

¹ Р.-ад-Д., III, 140; ср. III, 136, 139, 143.

² См. Р.-ад-Д., I, 78—85.

³ См. Р.-ад-Д., I, 114—118.

⁴ Ойратский предводитель присоединился к Чингис-хану после некоторой борьбы.

⁵ Р.-ад-Д., III, 136. Об онгутском войске, см. *ibid.*, 137. Как известно, И. Н. Березин думал, что „сотники“ не считались „в рядах аристократии“ („Улус Джучи“, 431). Как в „Сокровенном сказании“, так и у Р.-ад-Д., имеются определенные указания на обратное, см. С. ск., 97—98, 102, 125; Р.-ад-Д., I, 123, 208; III, 133; Марко Поло, 115.

⁶ См. Р.-ад-Д., III, 140; ср. С. ск., 64.

⁷ См. выше, стр. 105.

тов, которые теперь делались его вассалами, обязанными военной службой в его сотне. Затем известно, что не весь клан-род Манхут был отдан Хуилдару; „тысячу“ нояна Хуилдара составили только те манхуты, которые вместе с ними перешли от Джамуги к Чингису.¹ Известно, что другие манхуты составили „тысячу“ Джедей-нояна,² который еще раньше присоединился к Чингису.³

В других случаях с делом образования „тысяч“ было больше осложнений. В источниках наших имеется много указаний на то, что очень часто „тысячи“ монгольского хана были составлены из представителей разных племен-родов. Так, напр., по сообщению „Сокровенного сказанья“:⁴ „По распределении управления народами, народа, управляемого плотником Гучугуром,⁵ оказалось мало. Для пополнения его Чингис приказал отделить из народа каждого правителя, по несколько человек и сделал Гучугура, вместе с Мулхалху, рода Чжадарат, его тысячниками“. „Потом Чингис велел пастуху овец, Дегаю,⁶ собрать бездомный народ и быть его тысячником“. Рашид-ад-Дин рассказывает:⁸ „Тысяча Хушаула⁹ и Джасука. Они были из племени Джаджират, из ветви Нирун, и братья один другого. Во время, когда взяли страну Китай и Джурджэ, Чингизхан приказал, чтоб из десяти человек монголов вывели по два человека. Так как он нашел их проворными, то и отдал им то войско, три тысячи и ту границу вручил им“. Удел Одчигина состоял из пяти „тысяч“, причем ему дали: „тысячу из племени Килинкгут-Уряут, тысячу из племени Исут,¹⁰ остальных из каждого племени, а некоторых из племени Джаджират“. Три „тысячи“, составлявшие удел Алчидая, племянника Чингиса, были собраны так: „некоторые были из племени Найман, а некоторые собраны из других племен“. Этих примеров достаточно для того, чтобы можно было представить, каким образом составлялись и „собирались“ „тысячи“ Чингис-хана. Еще чаще наблюдалось, что ноян-„тысячник“ оказывался принадлежащим совсем другому роду, чем „люди“ его „тысячи“.¹³

Подобное смешение родов, поколений и племен монгольских при образовании „тысяч“, этих основных единиц в здании империи Чингисхана, имело очень важные последствия для родового строя, который неминуемо должен был сильно измениться и угаснуть. Потом распределение по „тысячам“, распределение уделов знаменовало окончательное распыление целого ряда больших древне-монгольских племен, как напр., татар, меркит, джаджират, найман, керейт, остатки которых в большинстве случаев оказались разбросанными по разным улусам и уделам-тысячам.¹⁴ Меньше

¹ С. ск., 64.² Р.-ад-Д., I, 189—191; III, 134—135.³ С. ск., 60; ср. Р.-ад-Д.

I, 189—191.

⁴ С. ск., 124—125.⁵ Из рода Бесут, см. С. ск., 60; Р.-ад-Д., 212—213.⁶ Тоже из рода Бесут, см. *ibid.*⁷ С. ск., 124.⁸ Р.-ад-Д., III, 142.⁹ Qosha'ul.¹⁰ Исут Р.-ад-Д. = Бесут.¹¹ Р.-ад-Д., III, 147.¹² Р.-ад-Д.,

III, 148; II, 59—60.

¹³ См. С. ск., 115, 117, 124; Р.-ад-Д., I, 106, 150, 157; Позднеев,

„О древнем китайско-монгольском памятнике «Юань-чао-ми-ши»“, стр. 19.

¹⁴ Р.-ад-Д., I, 57—58, 63—64, 74, 114, 204; III, 132—154; С. ск., 98, 110—111, 118.

всего были задеты новой „тысячной“ организацией Чингис-хана некоторые, „лесные“ народы, ойраты в первую очередь.¹

В империи Чингиса вместо родовых и племенных названий теперь появляются названия „тысяч“, которые часто именуются прежними родовыми названиями,² но также часто обозначаются по имени их поуп'ов,³ господ-тысячников; вместо аристократических домов и родов выдвигаются дома ноянов, темников, тысячников, сотников,⁴ потомков тех же аристократов и выдвинувшихся нукеров простого происхождения.

То, что известно нам о монгольской державе Чингис-хана, заставляет нас определить строй тогдашнего монгольского общества, как феодализм. Действительно, как ни скудны наши сведения, все-таки они позволяют нам выяснить общий характер этого нарождающегося кочевого феодализма и обрисовать некоторые детали.

3. ОСНОВЫ ФЕОДАЛИЗМА

Car il estoit homme au Grant Kaan.

Marco Polo

В XIII в., в эпоху монгольской империи, монголы, за редким исключением, продолжали оставаться кочевниками и даже номадами-звероловами.⁵ Попрежнему они вели натуральное хозяйство, оно не менялось, хотя к монголам, в результате успешных завоевательных войн, пошли деньги, продукты производства разных культурных народов, потянулись караваны купцов. Но ростовый торговый капитал не создавал новых видов производства и не менял основ натурального хозяйства. Попрежнему скот и охота были главными источниками существования: следовательно никто не мог обойтись без пастбищных территорий и мест, удобных для охоты.⁶

Теперь можно поставить вопрос, кому в рассматриваемую эпоху принадлежал скот и кто являлся владельцем пастбищных и охотничьих угодий? Наши источники позволяют нам дать ответы на эти вопросы; нельзя только забывать, что приходится иметь дело не с земледельческими, оседлым, а с кочевым, скотоводческим хозяйством. Для кочевника, ведущего экстенсивное натуральное хозяйство, важно не обладание боль-

¹ См. Позднеев, „О древнем китайско-монгольском памятнике «Юань-чао-ми-ши»“, стр. 19; Р.-ад-Д., III, 136. ² Р.-ад-Д., III, 136, 137, 147, 150. ³ Р.-ад-Д., III, 132—154.

⁴ Р.-ад-Д., I, *passim*. ⁵ См., напр., Рубрук, 73—76.

⁶ Приходится все-таки вспомнить о том, что аильный способ кочеванья, повидимому, одержал верх над куренным (см. выше, стр. 86). Затем можно отметить стремление монгольских „вождей“ расширить пастбищные территории. Так, некоторые области „лесных“ звероловов заселяются скотоводами-кочевниками (см. выше, стр. 68). В половине XIII в., при Ögedей-хане принимается решение: „В стране сöl (т. е. в пустыне), по неимению воды, доселе водились только дикие звери и не было жилищ человеческих. Теперь надобно расселить там народ; пусть Чанай и Уйуртай объезжают и освидетельствуют те места, где удобно ставить становища, и там выкопают колодцы“ (С. ск., 158).

шим или малым, но определенным участком земли, земельным наделом, а возможность использовать большие пространства для периодических перекочевов в зависимости от времени года, возможность выбирать лучшие и удобные стоянки.

Теперь, кто же является владельцем земель, годных для кочеванья, в монгольской империи? Наши источники определенно указывают, что *nutuġ*¹ (*yurt*), т. е. пространство земли, достаточное для содержания той или другой кочевой единицы, считалось принадлежащим господину — *поуан*, или *царевичу-köbegün*. Ведь все монголы, знатные и незнатные, *поуан*'ы и *boġolcūd*'ы, все „принадлежали“ какому-нибудь *сеньеру* (*поуан*), будь то *царевич* (*köbegün*) или *тысячник*, *сотник*. Раз *сеньер* владел людьми, то естественно должен был и владеть землею, на которой они могли бы жить-кочевать. Всякий *сеньер* поэтому, получая во владение или даже в управление *ulus*-народ, людей, непременно получал совершенно определенный *юрт*, *nutuġ*, т. е. землю, годную для содержания выделенных ему кочевников. Удел-*xubī* состоял из двух частей: из определенного количества кочевых семейств (*ulus*) и из достаточного для их содержания пространства пастбищных и охотничьих угодий (*nutuġ*).² Внимание кочевника, конечно, сосредоточено на людях, потому что *nutuġ* мог быть найден и другой; в виду этого словом *ulus* и стали обозначать самый удел, выделенный тому или другому лицу.³ Наши источники поэтому часто говорят о том, как „Чингис уделил из покоренных народов часть“⁴ своим родственникам, и редко упоминают о *юрте*.

Раньше владельцем *nutuġ*'а был род, потом вождь, *baġatur*, *ха'ан* и т. п., во время монгольской державы владельцем *юрта-нутука* становится *сеньер*, *поуан*, *köbegün*. Про молодого Темучина-Чингиса говорили:⁵ „Он есть человек, имеющий страну, питающий войско и одержавший хорошо *улус*“. Рассказывая о монгольских аристократах, Рашид-ад-Дин отмечает: „*odjigin* (младший сын) — господин огня и *юрта*“;⁶ „значение *Эджена* (*ejen*) есть младший сын, который остается в доме и *юрте* (*yurt ~ nutuġ*), т. е. господин огня и *юрта*“.⁷ А описывая монгольское войско, монгольских военных *сеньеров*, персидский историк выражается так, между прочим:⁸ „Из войск Чингис-хана те, которые относятся к центру, правому крылу и левому крылу и составляли его собственность, а после него стали принадлежать Тули-Хану (Толую, который был господином Коренного *юрта* (*yurt, nutuġ*) и жилища, суть эти тысячи и тьмы...“⁸

Владение землей монгольского кочевых *сеньера* выражалось по отношению своих вассалов совсем не так, как это обычно наблюдается у оседлых земледельческих народов; почему эти отношения часто не улавливались, и нередко повторялось утверждение, что будто бы кочев-

¹ Или *nuntux*.² Ср. С. ск., 117, 132.³ С. ск., 133.⁴ Р.-ад-Д., II, 98.⁵ II, 60.⁶ II, 30.⁷ Р.-ад-Д., III, 143.⁸ Ср. Н. И. Гродеков, „Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области“, Ташкент, 1889, стр. 102—118, (приложение) 158—169.

ники не знали и не знают форм земельной собственности, владения землей.

В древне-монгольском обществе, в период империи, у кочевников владение землей выражалось в том, что поуап, т. е. феодальный сеньер, царевич или „тысячник“, руководил кочеваньем зависящих от него людей (*ulus*), направляя их по своему усмотрению, распределяя лучшие пастбищные угодья (*belciger ~ belci'er*)¹ и указывая стоянки в определенных местах предоставленного ему нутука-юрта. Феодальный сеньер был действительно господином, *ejeŋ'om*, распорядителем пастбищных территорий. Внимательный наблюдатель, Рубрук, повидимому, заметил эту отличительную черту тогдашней монгольской жизни. Так он говорит:² „...всякий начальник (*capitaneus*) знает, смотря по тому, имеет ли он под своею властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также где он должен пасти свои стада зимою, летом, весною и осенью“. Некоторые данные находим и у Плано Карпини: „Никто не смеет пребывать, — рассказывает он о монголах,³ — в какой-нибудь стране, если где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям,⁴ вожди же указывают места тысячникам, тысячники сотникам, сотники же десятникам“.

А все земли, подчиненные монголам, принадлежали ханскому роду (*altan uruġ*), распорядителем же был хан-император, раздававший и утверждавший уделы⁵ (*xubi*), — сынам (*köbegün*) этого рода и его верным слугам и сподвижникам (*nökür, poyan*).

Затем монгольский кочевой сеньер мог по своему желанию объявлять „запретными“ определенные участки своего нутука, создавать так наз. „запретные места“ (*xoriġ*),⁶ которые отводились под кладбища лиц ханского рода или предназначались для господской охоты.⁸ На подобные „запретные места“, как это явствует из наименования, конечно, никто из посторонних не допускался совершенно. Нужно отметить, что древне-монгольские племенные вожди, хааны, имели уже иногда подобные „заповедники“.⁹

Что касается охоты, то, несомненно, кочевые феодальные сеньеры у монголов во время облавных охот занимали лучшие места, били дичь по выбору и пользовались львиной долей добычи. Для них охота была не только развлечением, но также источником доходов; тогда как для зависимых от них людей облавные охоты часто оказывались подневольной и, подчас,

¹ См. Р.-ад-Д., II, 113. В словарях Ковалевского и Голстунского слово это приведено в неверной форме *ilcigir*. ² Рубрук, 69; ср. С. ск., 158. ³ Плано Карпин, 23.

⁴ „Вождями“ Плано Карпини называет монгольских царевичей (*köbegün*).

⁵ См. Бартольд, „Туркестан“, 421—423; его же „Очерк истории Семиречья“, 41—42; его же „История культурной жизни Туркестана“, 86—89, 91.

⁶ См. Бартольд, „К вопросу о погребальных обрядах турк. и монг.“, ЗВО, т. XXV, стр. 62—64, 66, 69, 75. ⁷ Id., стр. 62, 69—70; Р.-ад-Д., I, 144—145.

⁸ Марко Поло, 141.

⁹ Бартольд, *op. cit.*, 63.

тяжелой работой, вряд ли доставлявшей им большое прибавление к их достатку.¹ Недаром, отпуская на свободу двух слуг, делая их дархатами, Чингис-хан говорит им:² „Будьте свободны. Добытую в походах добычу и пойманных в облавах зверей берите себе одним“, дав им право добычу ими в боях добычу и в облавах пойманных зверей не отдавать в раздел, а все брать себе.³

Военная же добыча делилась „на пропорциональные части между высшими и низшими“:⁴ причем известная доля всегда предоставлялась монгольскому хану, царевичам и старшим ноянам, хстя бы они и не участвовали в походе.⁵ Повидимому, не все нояны получали в таких случаях долю добычи, а только участники похода и старшие, быть может, темники.

Теперь можно перейти к рассмотрению вопроса о скоте, о стадах. Кому принадлежал скот у монголов времен империи, кто являлся действительным хозяином стад? Наши источники не дают прямых указаний. Но на основании всего того, что известно о монголах XIII в., а также эпохи более ранней, можно думать, что все монголы, свободные, простые воины, монгольская „чернь“, вассалы, все имели в своем личном владении скот, с которым и кочевали.⁶ Следовательно, можно сделать вывод, что феодальные владельцы, царевичи и нояны не были хозяевами стад, находившихся в распоряжении их людей. Тем не менее, приходится сделать ряд очень существенных оговорок, значительно меняющих картину.

Прежде всего, раз простой монгол должен был кочевать согласно распоряжениям своего сеньера, обязан был останавливаться там, где ему укажут и переходить на новые пастбища тоже в зависимости от воли своего господина, то можно сказать, что он более походил на пастуха чужих стад, чем на самостоятельного хозяина. Кроме того, все семьи простых монголов должны были нести ряд натуральных повинностей в пользу феодалов.

Повинности эти выражались, во-первых, в предоставлении мелкого скота на убой и в отправлении в ставки феодалов на срок известного количества дойных животных, главным образом, кобылиц, чтобы в ставках могли пользоваться их молоком.⁷ Такая повинность называлась *shi'üsün* ~ *shüsün* (рацион, провиант).⁸ Продовольственная повинность не-

¹ См. Марко Поло, 138—142, 135; D'Ohsson, I, 404—406, II, 85; С. ск., 159—160; Р.-ад.-Д., III, 129; Рязановский, „Обычное право монголов“, 45 (Яса); Бартольд, „Туркестан“, 415 (приводится показание Джуейни); см. также Aboul-Ghāzi, 166—167.

² С. ск., 124. ³ С. ск., 98.

⁴ Слова Чжао-хуна, см. Васильев, „История и древности“, стр. 225.

⁵ С. ск., 142, 148; Чжао-Хун-Васильев, *ibid.*; Киракос, 64—65.

⁶ См., напр., Р.-ад.-Д., III, 126: „Человек простой, т. е. из черни, если будет жаден к питью вина, покончит лошадь, стадо и все свое имущество и станет нищим“ („Изречения“ Чингис-хана).

⁷ См. Плато Карпини, 23—24; ср. С. ск., 158 (говорится о выделении кобылиц для доения во время курултаев, т. е. собраний сеньеров).

⁸ См. P. Pelliot, „Notes sur le «Turkestan»“, p. 37—38.

сомненно существовала и раньше; древние хааны и баатуры пользовались ею, причем пока невозможно установить, были ли какие-либо ограничения, вообще, каков же был размер этих рационов, выпадавших на монгольский кочевой двор-аил. Известно, напр., что Чингис для того, чтобы поддержать в один период Ван-хана керейтского „приказал своему народу доставить провиант для его продовольствия“.¹

При Öгедей-хане, наследнике Чингиса, была сделана попытка урегулировать продовольственную повинность в отношении главных феодалов, т. е. монгольского хана-императора и царевичей — владельцев уделов-улусов. Было постановлено: „Со стад народа, каждый год брать только по одному двухгодовалому кладеному барану и обваривать его; в каждом улусе, с сотни баранов брать по одному барану, для вспоможения бедным того улуса“.² По китайским же версиям Öгедей „установил, чтобы Монголы ежегодно платили со ста лошадей одну кобылицу, с рогатого скота и овец со ста по одной голове“.³ Но и во времена наследника Öгедея поборы монгольских „вождей“ со своих людей произвели такое впечатление на человека, прибывшего с дальнего Запада, что он энергично выразился по этому поводу следующим образом:⁴ „И, говоря коротко, Император и вожди берут из их имущества все, что ни захотят, и сколько хотят. Также и личностью их они располагают во всем, как им будет угодно“. „Император же этих Татар имеет изумительную власть над всеми“.⁵

Из всего приведенного выше вытекает, таким образом, что в XIII в., в эпоху монгольской империи, монгольские „вожди“, ханы, царевичи и нояны, держали в своих руках все орудия производства кочевого натурального хозяйства и имели в своем распоряжении „своих людей“, к ним прикрепленных, но обладавших известной собственностью и личной свободой, которые могли вести индивидуальное хозяйство, предоставляя прибавочную стоимость своим господам.

Но в руках этих феодалов, во всяком случае в руках больших сеньеров, хана и царевичей, а иногда и главных ноянов, оказалось еще одно орудие.

Как это было уже упомянуто выше, добыча, приобретенная на войне, делилась пропорционально между феодалами.⁶ Совершенно также в монгольской империи относились и к доходам, поступавшим с завоеванных культурных областей.⁷ Монгольские ханы после завоевания стали раздавать поместья-уделы, с оседлым земледельческим населением, царе-

¹ С. ск., 76; Рашид-ад-Дин рассказывает об этом эпизоде то же самое: „Сердце Чингиз-хана сжалилось над ним: он наложил на Монголов подать для него, поместил его в своем курене и ордах и содержал на пастбище своем“ (Р.-ад-Д., II, 110).

² С. ск., 158; ср. „Сказание о Чингисхане“, 196; D'Ohsson, II, 63.

³ См. Иакинф, 149; D'Ohsson, II, 14.

⁴ Плано Карпини, 24.

⁵ Плано Карпини, 23.

⁶ См. выше, стр. 113.

⁷ См. Бартольд, „Очерки истории Семиречья“, стр. 42—43.

вичам и ноянам; но земли эти служили им только источниками дохода, потому что сами монгольские сеньеры не могли править этими поместьями, ни собирать сами податей и оброков.¹ Часть доходов с подобных поместий монгольские феодалы получали натурой; им везли, напр., из китайских имений просо и муку, и эти доходы резко выделяли их от остальной массы воинов-вассалов, их людей. Внимательный Рубрук прекрасно заметил это положение: „Важные господа, — говорит он,² — имеют на юге поместья, из которых на зиму им доставляется просо и мука. Бедные добывают себе это в обмен на баранов и кожи“.

Но, кроме того, всякого рода ремесленники культурных народов считались очень важным источником дохода. Поэтому ремесленников захватывали в завоеванных областях, главным образом в городах, и раздавали их царевичам, как удел из общей добычи ханского рода. Царевичи же поселяли их по своему желанию в том или другом месте своего удела, в городах или образовывали особые поселения и заставляли их работать на себя; к таким ремесленникам (*urad ~ uracūd*) относились и земледельцы (*tariyacin*).³ Были мастера-специалисты по выделке оружия.⁴ Монгольский хан-император тоже получал таких ремесленников и поселял их в доставшемся ему „коренном юрте“: монгольский хан ведь был не только главою „золотого рода“ и империи, но и владельцем одного из улусов-уделов.⁵

Монгольский император (хан), которого ставили на великом собрании (*xurultai ~ xuriltai*) царевичей-членов „золотого рода“ (*köbegün*), ханских зятьев (*kürgen ~ gürgen*) и ноянов-господ, темников и тысячников, оказывался главою феодальной державы.⁶ Настоящими феодальными сеньерами являлись царевичи-владельцы уделов-улусов. Так же, как император был господином империи, ее владыкой и хозяином, как глава и представитель владетельного рода (*altan uruğ*) Чингиса, дома Ёсугея-баатура, и царевичи так же являлись хозяевами, владельцами (*ejen*) того или другого удела-улуса (*ulus* и *nutuğ ~ nuntux*), доставшегося им в долю (*xubi*),⁷ в ленное владение. Уделы, в том числе и удел хана-императора,

¹ Иакинф, 260, 264—265; Бартольд, „История культурной жизни Туркестана“, 89; Березин, „Улус Джучи“, 461.

² Рубрук, 75. Известно, что в западных улусах монгольской империи ханы и царевичи жаловали земли в „потомственное пользование“ (*soyuxal* „пожалование“) разным лицам, что лишний раз подкрепляет положение о феодальном сеньере, как о хозяине и распорядителе земли; см. Березин, „Улус Джучи“, 428; Quatremère, 143; (Quatremère неправильно транскрибирует монгольское слово: „*siourqal*“; Березин переводит: „потомственная аренда“); Магакия, 18.

³ Чан-Чунь, 293, 404; Рубрук, 104—105, 122; Чжан-Дэ-хуй, 583—584; Бартольд, „История Семиречья“, 45; Плано Карпини, 36—37; „Мэн-гу-ю-му-цзи“, 383; Бартольд, „Туркестан“, 58; Quatremère, 309.

⁴ Чжан-Дэ-хуй, 584.

⁵ Чан-Чунь, *ibid.*

⁶ Ср. С. ск., 152, см. выше, стр. 99.

⁷ С. ск., 132—144; Р-ад-Д., III, 149—154; II, 77, 81.

были их собственностью, и они правили ими, как своими имениями, с известными только ограничениями, и творили суд и расправу.¹

Можно отметить даже, что царевици в качестве таких владельцев (ејен) обладали известным иммунитетом. Напр., Ёгедей-хан порицал себя за то, что „взял себе девиц из народа дяди... Отчигиня“.² А Рашид-ад-Дин повествует нам:³ „Когда Угэдэй-Каан сделался ханом, по кончине Тули-хана, он, по собственному желанию, без совета с царевицами и беками, отдал сыну своему Кутэну войска, которые принадлежали детям Эке-нойона...⁴ Старшие беки Чингиз-хана... и другие темные и тысячные беки, единогласно... доложили, что «это войско Сулдэское и Сунитское, которое, принадлежит нам, ныне Угэдэй-Каан отдает сыну своему Кутэну, так как Чингиз-Хан роздал его ордам, каким образом мы преидем и поступим вопреки его приказу? Это обстоятельство мы доложим в присутствии Угэдэй-Каана, что он прикажет»“. Вспомним также вышеприведенное наставление Чингиса относительно провинившихся членов ханского рода,⁵ царевицей.

Что касается ноянов, темников, тысячников, сотников, то они, повидимому, иммунитетом не обладали, не только ханы, но и царевици, владельцы улусов, легко их сменяли, повышали и понижали и даже лишали преимущества ноянства.⁶ Вообще, присматриваясь к ноянам монгольской империи, можно заметить, что они в отношении своих сюзеренов были полуфеодалами, полу-служилыми людьми. Быть может, их и хотели видеть только военными и другими чинами, но процесс феодализации неизбежно превращал их в феодальных сеньеров, находившихся в вассальной зависимости от владельцев улусов, от монгольского хана, обязанных военной службой прежде всего во главе своих тем, тысяч и сотен.⁷

В пределах своих тысяч и сотен монгольские нояны, повидимому, были неограниченными господами и творили суд и расправу над своими подчиненными, руководясь Джасаком и обычным правом вообще.⁸ При

¹ См., напр. Р.-ад.-Д., III, 149, 152; Березин, „Улус-Джучи“, 422; Киракос, 73—76; Магакян, 34—35; Марко Поло, 332—333; у Марко Поло можно прочесть замечательную фразу, когда он, рассказывая о царевице Наяа, выражается в „феодалном стиле“ таким образом: „он был вассалом Великого Хана и должен был держать землю от него, как все его предки“ (фразы этой нет в переводе Минзева и это не отмечено; перевожу по изданию Pauthier и Yule, см. также примечания последнего: I, 27, note 2); Васильев-Чжао-Хун, 221.

² С. ск., 159, 258 (замечание Палладия Кафарова). ³ Р.-ад.-Д., III, 149—150.

⁴ Т. е. Толюя, который, как известно, носил титул уеке поуан.

⁵ Р.-ад.-Д., III, 128; см. выше, стр. 100.

⁶ См. D'ohsson, II, 98: тот же Ёгэдэй, который упрекал себя за то, что взял девиц из улуса своего дяди Одчигина, не постеснялся забрать много женщин у ойратов, сюзерены которых были „зятьями“ и темниками. См. также Р.-ад.-Д., I, 211, 45 (история Байджу-нояна); 46 (история темника Мелик-шаха); 82—83; 106; 118—119; III, 140—141. Впрочем, есть упоминание о том, что Чингис, отправляя в поход одного своего полководца, приказал ему не казнить виновных, если они ему известны. С. ск., 111.

⁷ Ср. Р.-ад.-Д., I, 158—161; III, 136, 139, 142; С. ск., 114—125; Марко Поло, 114—115.

⁸ С. ск., 117; ср. С. ск., 111; Киракос, 49.

ставка ханов были, правда, учреждены особые судьи,¹ но „в степи“ все судебные дела, повидимому, решали нояны-тысячники. Характерное для феодализма противоположение частно-правовых начал началам публично-правовым выражалось между прочим в том, что жена нойона во время его болезни или вследствие каких-либо других причин могла исполнять обязанности мужа.²

Перед нами, значит, две группы монгольского феодального общества: 1° великие сеньеры, т. е. царевичи, вассалы монгольского хана и 2° малые сеньеры, т. е. нояны, ханские зятья, владельцы тем, тысяч, вассалы монгольского хана или его арриер-вассалы, находящиеся в вассальных отношениях к царевичам. Интересно отметить, что в первые годы существования монгольской империи как великих, так и малых сеньеров называли одинаково по-у-ан „господин, военный сеньер“.³ И, действительно, это была одна группа, один класс, совершенно определенно противопоставляемый другим классам монгольского общества, класс феодалов.⁴

Что касается „сотников“, то они, в зависимости от своего имущественного положения и значения своей сотни, то принадлежали к классу феодалов, то относились к промежуточной группе, стоявшей между феодалами и более низким классом.⁵ В таком же положении находились также вольноотпущенники, „свободные из рабов“, *darxad*'ы. Но так как обычно „люди“ отпускались за какие-либо важные заслуги, то *darxad*'ы, особенно в век Чингис-хана, приобретали не только положение „свободных“ и освобождение от повинностей и податей, но и достигали различных степеней и таким образом входили в круг феодалов.⁶

Так же, как все нояны, тысячники и т. д., были причислены к владельцам улусов,⁷ все простые монголы были закреплены за определенными тысячниками и за самовольный переход от одного нойона к другому наказывались смертной казнью.⁸ Эти простые монголы, вассалы-воины,

¹ С. ск., 78, 115; Р.-ад-Д., I, 59, 39—40; Quatremère, 122.

² Киракос, 61—62; ср. Васильев-Чжао-Хун, 221.

³ См. Quatremère, 76; Бартольд, „Туркестан“, 414. В. В. Бартольд ошибается, когда говорит, что из „потомства братьев Чингиз-хана только потомки Джучи-Хасара получили права царевичей“. Потомки Бельгугея, Хаджиуна и Одчигина находились совершенно в таком же положении, как и дети и потомки Хасара; см. напр., Р.-ад-Д., II, 59—63; С. ск., 133—134, 145.

⁴ Ханские зятья, *kürgeu*, находились в положении промежуточном между указанными группами, ср. С. ск., 158; Р.-ад-Д., I, 80; III, 136, 137.

⁵ Ср. Р.-ад-Д., I, 48—49, 65; см. выше, стр. 107.

⁶ С. ск., 98—99, 124; Р.-ад-Д., I, 166, 177; II, 165—166; Позднеев, „О древнем монголо-китайском памятнике“, стр. 19 (Бадай, Кишлик). Проф. P. Pelliot, уже отметил совершенно правильно слишком широкое толкование термина *darxad* (plural *darxad*), даваемого В. В. Бартольдом, который считал дархатов „военной аристократией“, см. T'oung Pao, XXVII, 1930, p. 32—33. Нояны тоже получали иногда звание *darxad*, что обозначало освобождение от наказания за проступки, см. Р.-ад-Д., III, 130; С. ск., 116—122.

⁷ С. ск. 134; Р.-ад-Д., III, 148—149; Плано Карпини, 24.

⁸ См. Бартольд, „Туркестан“, 415 (показание Джувеини).

образовывали следующий класс монгольского общества времен империи XIII в. В данном случае можно различать несколько групп.

На первом месте стоят „простые войны“¹, „люди свободного состояния“², как передает китайскую интерпретацию этого термина Палладий Кафаров. По происхождению своему они принадлежали к родовичам различных монгольских родов, не вошедших в степную аристократию, „свободным“ и *upaġan boġol*-ам, которые последовали за Чингисом и его родом добровольно. Из их среды выходили десятники³ и, в более редких случаях, сотники.

Ко второй группе относится „чернь“, *хагасу* ~ *хагасūd*, „люди из черни“⁴. Можно думать, что принадлежавшие к этому слою происходили от *upaġan boġol* покоренных племен и родов, а также от разных *boġol*-ов, „своих“ и чужих. Во всяком случае, по словам, приписываемым самому Чингису, представители этой группы обладали личным достоянием: „Человек простой, т. е. из черни, если будет жаден к питью вина, покончит лошадь, стадо и все свое имущество и станет нищим“⁵. И в первые времена империи простонародье, *хагасу*, оказывалось в положении *boġol* и *upaġan boġol* монгольских феодалов, темников, тысячников, сотников, а также и десятников, дархатов и „людей свободного происхождения“⁶.

К третьему классу монгольского общества XIII в. относились рабы, „слуги“, вполне принадлежавшие своим господам и не имевшие никакого личного имущества.⁷ Это были, по преимуществу, взятые в плен на войне представители разных народов, в том числе и монголы-кочевники. Можно думать, что последние, в большинстве случаев, переходили, если не сразу, то по прошествии некоторого времени, напр., во втором поколении, на положение вассалов, *boġol*, *upaġan boġol* и переставали отличаться от „простых людей“, *хагасу*,⁸ иногда они поднимались и выше. В другом положении оказывались пленники из среды других народов, в особенности, народов оседлой культуры.⁹ Впрочем, надо отметить, что по усло-

¹ Р.-ад-Д., III, 126 (слова, приписываемые самому Чингис-хану).

² С. ск., 102, 125; *dūri-yin gū'ün*

³ С. ск. 125; ср. Р.-ад-Д., I, 76.

⁴ Р.-ад-Д., III, 126 (слова, приписываемые Чингис-хану, дающему перечень социальных групп в своих „Изречениях“: 1) „Государь“, 2) бек, 3) простой воин, 4) человек простой, т. е. из черни, 5) слуга); I, 164 (упоминаются: 1) хан, 2) бек, 3) *хагасу*). Словом *хагасу* (~ *хагају*) иногда обозначалось не только „люди простые“ в противоположность аристократам-ноянам, но и все социальные группы в противоположность хану и ханскому дому, см. D'Ohsson, II, 356. Следовательно, в данном случае *хагасу* и *boġol* являлись синонимами и употреблялись в несколько переносном смысле (ср. выше, стр. 78). О *хагасу* > *хагаси* и дальнейших эволюциях значения этого слова см. В. В. Вельяминов-Зернов, „Исследование о Касимовских царях и царевичах“, II, стр. 411—437 (см. особенно стр. 419). Труды ВОРАО, ч. X; впрочем с этимологией этого слова, приводимой Вельяминовым-Зерновым, согласиться нельзя.

⁵ Р.-ад-Д., III, 126.

⁶ См. выше; см. С. ск., 125.

⁷ Р.-ад-Д., III, 126; по-монгольски они назывались разными терминами-словами: *boġol*, *muxali*, *kitad*, *jalaġu*, *arad*, *nekün*, *sibegcin*.

⁸ Р.-ад-Д., I, 57—58; С. ск. 78—80; Пяно Карпини, 37.

⁹ По сообщению С. ск. (151), в конце своей жизни, „Чингис пожаловал Бёорчу и Мухали сокровищ... потом сказал им: «я еще не уделял вам Гиньского народа (т. е. Джур-

виям кочевого быта, рабским трудом могли пользоваться, главным образом, в ставках и станах больших сеньеров, многолюдных и богатых. Мелкие феодалы и „простые воины“ вряд ли имели возможность содержать при себе сколько-нибудь значительный штат рабов-слуг. По описанию европейского путешественника мы знаем, что положение рабов у монголов было очень тяжелое.¹

Ремесленники тоже относились к рабам, но их состояние было совсем другое; речь о них уже шла выше.²

Согласно феодально-родовому началу, закрепленному в Джасаке (Ясак, Яса) Чингис-хана, все члены ханского рода, все царевицы вместе со своими старейшими вассалами-феодалами должны были служить монгольскому хану, главным образом, в качестве воинов,³ затем помогать ему в совете, т. е. принимать участие в курултаях,⁴ и способствовать в начинаниях общего характера, напр., в организации почтовых станций (*jam*),⁵ предоставлении подвод, средств передвижения (*ula'a, ulağa*)⁶ и т. п. (*consilium et auxilium*).

Но, кроме этого, монгольские нояны и их „тысячи“ обязаны были давать снаряжение и выставлять известный контингент людей в аристократическую гвардию (*keshig* „очередная стража“) императора-хана, учрежденную Чингисом.⁷ Гвардия эта, прямое наследие прежних нукеров и особых отрядов телохранителей племенных хаанов, получает правильную организацию, лишней раз подчеркивающую ее феодальный и аристокра-

дженей, владевших Северным Китаем); теперь вы двое разделите поровну родовое поколение Гиньского владетеля; пусть добрые юноши его будут у вас сокольниками, а красивые девицы прислужницами ваших жен. Прежние Гиньские государи доверяли им и сделали их своими ближайшими; они губили наших предков...; вы оба мои ближайшие: так пусть они будут служить вам»“.

¹ Плано Карпини, 36—37; ср. Рубрук, 75, 79. ² См. выше, стр. 115.

³ См. выше, стр. 103; ср. С. ск., 125; Р.-ад-Д., III, 123, 128; Чжао-Хун-Васильев, 224, 226; Яса—Рязановский, „Обычное право“, I, 44. Все монголы мужчины являются военно-обязанными. Для Р.-ад-Д. нет монгольского населения, а есть „монгольское войско“, см., напр., III, 151.

⁴ D'Ohsson, II, 8—15, 60—63, 195—204, 246—260, 345, 505—507; С. ск., 114, 150, 152. Царевицы в своих улусах тоже устраивали курултаи.

⁵ С. ск., 158—159; см. ДАН-В, 1929, стр. 290—295; T'oung Pao, 1930, p. 192—195; Иакинф, 149; „Сказание о Чингисхане“, 196; Марко Поло, 147—150; Чжан-Дэ-хуй, 582—586.

⁶ С. ск., 158; Р.-ад-Д., I, 122; III, 132; P. Pelliot, „Notes sur le „Turkestan“,“ p. 37—38. С. ск. (158) так наивно формулирует одно постановление, принятое при Ögedей-хане: „князья и в зятя во время собрания (т. е. курултая), обыкновенно собирают с народа провиант; это неудобно; пусть из каждой тысячи ежегодно отделяют кобылу и приставляют к ней человека для пастьбы ее и доения; эта лошадь и человек навсегда будут сменными“.

⁷ См. замечания P. Pelliot в T'oung Pao, 1930, p. 27—31. В. В. Бартольд первый определил аристократический характер монгольской гвардии, см. „Туркестан“, 412—414, см. также Пэлладий Кафаров, „Комментарий... на Марко Поло“, стр. 40—41. У Р.-ад-Д. (I, 65, 122; III, 132—133) много неточностей в описании гвардии Чингиса и противоречий. С. ск. дает более ценный материал: стр. 62, 102—103, 125—130; см. Quatremère, 309—311; Васильев-Чжао-Хун, 230.

тический характер: гвардия была могучим орудием в руках монгольского хана, чем он и выделялся из рядов царевичей, владетелей улусов; впоследствии и эти царевичи стали заводить у себя гвардию, организованную на несколько иных началах.¹

Организация эта так хорошо представлена в „Сокровенном сказании“, что можно ограничиться простой выпиской:² „Чингис сказал: „Прежде у меня было только восемьдесят человек ночной стражи и семьдесят охранной стражи, Саньбань.³ Ныне, когда небо повелело мне править всеми народами, для моей охранной стражи, Саньбань, и других, пусть наберут десять тысяч человек из тем, тысяч и сотен. Этих людей, которые будут находиться при моей особе, должно избирать из детей чиновных⁴ и свободного состояния лиц,⁵ и избирать ловких, статных и крепких. Сын тысячника приведет с собой одного брата, да десять человек товарищей; сын сотника возьмет с собой одного брата, да пятерых товарищей; дети десятников и людей свободных возьмут по одному брату, да по три товарища. Кони для десятерых товарищей сына тысячника будут собраны в его тысяче и сотнях, вместе с конскою сбруею; при сем должно снабжать их, по вновь утвержденному постановлению, кроме имущества, отделенного отцом, равно имущества и людей, самими приобретенных. Для пяти товарищей сына сотника и трех товарищей сына десятника и сына свободных людей⁶ кони снаряжены будут все по прежнему постановлению. Кто из тысячников, сотников, десятников и людей свободных воспротивится, тот, как виновный, подвергнется наказанию. Если избранный уклонится и не явится на ночную стражу, то на место его избрать другого, а его сослать в отдаленное место. Кто пожелает вступить в гвардию, тому никто не должен препятствовать“.⁶ Чингис говорил еще:⁶ „Телохранитель моей охранной стражи, Саньбань, выше внешних⁷ тысячников, домашние их выше внешних сотников и десятников. Если внешний тысячник, считая себя равным Саньбаню охранной стражи, заспорит и будет драться с ним, то подвергнется наказанию“.

Из приведенного текста видно, что в комплектовании гвардии и снаряжении гвардейцев должны были принимать участие, как нояны-феодалы вместе со своими „домашними“, т. е. родичами и *uqan-boğol*, так и „тысячи“, т. е. их воины-вассалы. Гвардия, несомненно, состояла не из одних только аристократов; это, впрочем, вполне и понятно: аристократическим юношам, детям ноянов, необходимо было иметь под рукою людей, на которых они могли бы возложить черную работу; аристократические гвардейцы уже не походили на нукеров былых дней. Все гвардейцы были подчинены очень строгой дисциплине, но зато пользовались разными привилегиями, которые ставили их в совершенно

¹ Магакия, 35; Yule, I, 379—381; Defrémery-Khondémir, JA, IV s., XIX, p. 275—277.

² С. ск., 125.

³ Кит. *саньбань* монг. *keshig*.

⁴ Noyad.

⁵ *Düri-yin güün*,

см. выше, стр. 118.

⁶ С. ск., 127—128.

⁷ Т. е. обыкновенных, так сказать, армейских.

особое положение.¹ Можно думать все-таки, что правила эти распространялись, главным образом, только на гвардейцев из высшего класса общества. Чингис, напр., повелел: „Начальствующие над охранной стражей, не получив от меня словесного разрешения, не должны самовольно наказывать своих подчиненных“.²

¹ С. ск., 127—128, 130, 152; Р.-ад-Д., I, 122; III, 132; Бартольд, „Туркестан“ 413—414.

² С. ск., 127.

Глава вторая

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ МОНГОЛОВ В СРЕДНИЙ ПЕРИОД (XIV—XVII вв.). — РАСЦВЕТ ФЕОДАЛИЗМА

Une science probe doit se résoudre à beaucoup ignorer.

Paul Pelliot

Мы жители степи; у нас нет ни редких, ни дорогих вещей; главное наше богатство состоит в лошадях; мясо и кожа их служат нам лучшую пищу и одеждой; а приятнейший напиток для нас — молоко их и то, что из него готовится, т. е. кумыз; в земле нашей нет ни садов, ни зданий; полюбоваться скотом, который пасется — вот цель наших прогулок.

Ta'rikh-i-Rashidi

I. МОНГОЛЫ В СРЕДНИЙ ПЕРИОД, ИХ ХОЗЯЙСТВО

Образование монгольской империи Чингис-хана оказалось для монгольского общественного строя своего рода революцией, хотя все элементы, из которых сложилось громадное здание мировой державы монголов, были налицо раньше. Но долгое время ни монгольская империя, ни монгольское общество не могли оставаться в одном и том же положении.

Новый период для общественного строя монголов начался, приблизительно, конечно, со второй половины XIII в., когда разразились междоусобицы в среде „золотого“ рода и когда столица империи была перенесена из Каракорума в Дайду (Канбалык)¹ и великий хан монгольский сделался в то же время и китайским императором (хуанди) новой Юаньской династии (вторая половина XIII в.).

Как это было отмечено выше, при обзоре источников и пособий, недостаточность наших сведений о ходе развития монгольского общественного строя за данный период, не позволяет нам представить со сколько-нибудь желаемой полнотой картину его эволюции. Собственно говоря, мы более или менее хорошо осведомлены о том состоянии, в котором находи-

¹ Т. е. теперешний Пекин ~ Бейпин.

лось монгольское общество в кульминационный момент существования мировой империи монголов, что, приблизительно, совпало с царствованием наследника Чингиса, Огедей-хана,¹ и знаем кое-что о социальном строе монголов XVII в., когда общество монгольское готовилось уже вступить в новую фазу своего развития.² Перед нами, значит, своего рода начало и конец; и на основании данных об этих двух моментах мы должны судить о том, что происходило в промежуточное время, или пользоваться источниками поздними, того же XVII в.

Процесс дальнейшей феодализации проявился в монгольской империи очень скоро после того, как Чингис-хан „ушел в закат“: империя распалась на несколько неравных частей, из которых впоследствии возникло несколько государств или, вернее, феодальных объединений.³ А в „монгольском“ Китае мы находим полунезависимых вице-королей, царевичей из дома Чингиса,⁴ признающих власть великого хана, „сидящего“ в Дайду и Шанду.

Как известно, распад монгольской империи объясняли, между прочим, разложением правящего рода,⁵ который смотрел на державу, как на общеродовое достояние. Это положение верно, но только отчасти, и требует ряда оговорок. Прежде всего приходится отметить, что чингисханиды различных ветвей очень долго смотрели на себя, как на одну семью,⁶ а потомки Толуя, младшего сына Чингиса, вплоть до наших дней, сохранились именно, как „род“, союз кровных родственников, не имеющих права жениться на девушках этого рода и связанных культом. Затем можно отметить, несмотря на скудость наших сведений, что даже в пору междоусобных войн между царевичами, права и возможность их осуществления на доходы из общего, общеродового достояния не отрицались за членами „золотого“ рода.⁷

Монгольская империя распалась и должна была распасться на отдельные независимые части, главным образом, потому, что основана была не только на родовом, но и на феодальном принципе.

¹ Ср. Бартольд, „Очерк истории Семиречья“, 43; „Туркестан“, 500.

² В нашем распоряжении имеются не только источники по истории, но и своды монгольских законов. ³ Как, напр., улусы Джагатай и Огедей.

⁴ Они носили китайский титул *vang — ong* „царь, король“: Юань-ши, *passim*; стела *Argü'a* (Владимирцов, „Грамматика“, 35); Chavannes, „Inscriptions“, T'oung Pao, 1908, p. 376, planche 19, lin. 3; ДАН-В, 1930, 187—188, 221.

⁵ См. Бартольд, „Очерк истории Семиречья“, 43; „История культурной жизни Туркестана“, 87.

⁶ Интересно отметить, что, по словам S.s., в половине XV в. один монгольский князь, потомок Толуя, считает „кипчацкого“ хана (*Toġtaġ-un han*), потомка Джочи, своим родственником (*törül*) и надеется найти у него убежище, см. S.s, 162; ср. A.t., 71. На западе, в дальнем краю бывшей монгольской державы, царевичи-чингисханиды не смешиваются с местной аристократией, „у татар (казанских, сибирских, касимовских и т. д.) различие между лицами царской крови, т. е. ханами и султанами, и князьями (биками) соблюдается строго“ (Вельяминов-Зернов, „Исследование“, II, 225).

⁷ См. P. Pelliot, „Les kökô däbtär“ etc. T'oung Pao, 1930, p. 195—198.

Империя, основанная Чингисом и значительно расширенная его преемниками, во главе которой должен был стоять хан-император, как представитель владетельного рода потомков Йесугей-багатура, хан-владыка и неограниченный монарх, сильный именно поддержкой и беззаветной преданностью всех родовичей, членов „золотого“ рода, уже во вторую половину XIII в. превратилась в типичное феодальное государство, феодальное лишь объединение. Монгольская империя продолжала существовать только номинально. В целом ряде стран „сидели“¹ монгольские царевицы рода Чингиса с тем или иным количеством монгольских кочевых войск, образуя большие сеньерии, то признающие, то не признающие власть „великого хана“. А там, на дальнем востоке, на самом краю „монгольского“ мира „сидел этот далекий великий хан“, когда-то действительно бывший великим, а теперь превратившийся в одного из таких же больших феодальных сеньеров, какими были и другие владетельные царевицы-чингисханиды. Только сеньерия его была больше, да больше войска монгольского находилось в его распоряжении;² и стал он к тому же еще китайским хуанди.

При таком положении неминуемо должны были начаться междоусобные, вернее, „феодальные“ войны. И они начались и в течение ряда десятилетий вспыхивали страшными пожарами почти на всем пространстве монгольской империи.

Довольно значительное количество кочевых монгольских войск, т. е. воинов со своими семьями, скотом и имуществом, было уведено царевицами на запад, в улусы Огедея и Джагатая, в Золотую Орду и в Персию.

Еще большее количество было расселено по военным станам и лагерям в Китае, в Манджурии и отчасти в Корее.³ Монголия не знала постоянных границ; в особенности в северо-западном углу, где рубеж между

¹ Монголы употребляли термин *saġu* -, *degere saġu* - „сидеть (феодальным сеньером)“; это же слово употреблялось и для обозначения „восшествия“ на престол великого хана и пребывания на нем, т. е. царствования; см. „Юань-ши“, *passim*; Грамота *Öljeitü sultan'a*, l. 13; S.s., 194, 204, 206, *passim*; ср. Марко Поло, 204 („Один из двенадцати князей великого хана сидит в этом городе“).

² Р.-ад-Д., III, 151. Известно, что царевицы, владельцы улусов Западной части империи еще в XIII в. начали называть себя ханами и султанами (*sultan*). Когда царевицы хотели отметить, что они признают сюзеренитет великого хана, то в грамотах своих писали: *haġan-u sü-dür* „в счастье-величие хагана“, см. Paul Pelliot, „Les Mongols et la Parauté“, II, 316—321; ДАН-В, 1926, стр. 29—30. Проф. Paul Pelliot совершенно прав, когда говорит, что главное монгольское слово этой формулы в XIII—XIV вв. произносилось не *sü*, а *su* (см. JA, 1925, p. 374), но произношение такое можно отметить только для некоторых среднемонгольских наречий, ср. В. А. Котвич, „Монгольские надписи в Эрдэни-дзу“, Сборник МАЭ, V, 1917, стр. 211.

³ Р.-ад-Д., III, 151: „Некоторым другим (т. е. царевицам) из тех войск он дал без меры места летних и зимних кочевок на границах Китая, Джурджэ и в пределах Монголии, соприкасающихся к тем границам. Это чрезвычайно многочисленное войско; они завладели всеми степями, горами, зимними местами и летними местами Китая, Джурджэ и Монголии и занимают их“.

владениями великого хана и царевичей других улусов часто передвигался с востока на запад и обратно в результате военных действий.

Ушедшие на запад монголы довольно скоро подверглись отуречению, вообще растворились в окружающей этнографической среде, более или менее им близкой. Но процесс усвоения монголами „мусульманской“ культуры в Средней Азии протекал медленнее, чем в Персии, так как в Средней Азии монголы оказались, отчасти, посреди этнически близких им тюркских кочевников.¹ В Афганистане монголы, как известно, сохранились до наших дней, сберегли свой язык.² Денационализация монголов в западных улусах началась с господствовавшего класса, в особенности, когда разные монгольские феодальные сеньеры приняли ислам и стали постепенно усваивать „мусульманскую“ городскую культуру.³

Главная масса монголов осталась в самой Монголии и в Китае в владении хана-хуанди. На основании доступных нам источников трудно представить себе во всех подробностях, как собственно жили монголы в городах Китая, напр., в Дайду-Пекине и в военных лагерях. У Марко Поло⁴ имеется одно интересное указание, проливающее некоторый свет:⁵ „Во всех областях Китая и Манги⁶ и в остальных его владениях есть довольно предателей и неверных, готовых возмутиться, а потому необходимо во всякой области, где есть большие города и много народу, содержать войска; их располагают вне города, в четырех или пяти милях; а городам не позволено иметь стены и ворота, дабы не могли препятствовать вступлению войск. И войска, и их начальников великий хан меняет через каждые два года... Войска содержатся не только на жалование, которое великий хан определяет им из доходов области, но и живут также своими многочисленными стадами, молоком, которое продают и на эти средства покупают, что им нужно. Войска расположены в разных местах, в тридцати, сорока и в шестидесяти днях“.⁷

¹ Арабский писатель первой половины XV в. al-'Umari' отлично характеризует процесс смешения монголов с тюрками-кипчаками: „... Кипчаки сделали их подданными (т. е. монголов). Потом они (Татары) смешались и породнились с ними (Кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (Татар) и все они стали точно Кипчаки, как-будто они одного (с ними) рода, оттого, что Монголы (и Татары) поселились на земле Кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить на земле их“, перевод Ти-зенгаузена, „Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды“, СПб., 1884, I, стр. 235. См. Бартольд, „Улугбек“, 8—9; Бартольд, „Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII в.“, Записки РГО по отд. этногр., XXXIV, стр. 293—308; Бартольд, „К вопросу о происхождении кайтаков“, Этногр. обзор., кн. 84—85, 1910, стр. 37—45.

² См. выше, стр. 3. ³ См. Бартольд, „Улугбек“, 8; „История культурной жизни Туркестана“, 90—95. ⁴ Версия Ramusio. ⁵ Марко Поло, 109; Yule, I, 336; Chaignon, II, 7—8; ср. Палладий, „Комментарий... на... Марко Поло“, 37; D'Ohsson, II, 483; ср. также Марко Поло, 216—217, 229—230; С. ск., 200—201 (примечание Палладия Кафарова). ⁶ Т. е. в северном и южном Китае.

⁷ Возможно, что среди войск, расположенных по лагерям в Китае, о которых говорит Марко Поло, были не одни монголы, но и другие кочевники тюркского происхождения, см. „Юань-ши“, III, f. 33.

Молоко продавали, конечно, простые монголы, и это свидетельствует о том, что их положение не было особенно блестящим. Вообще совершенно неправильно было бы думать, что в эпоху Юаней, в пору монгольского владычества в Китае, всякий монгол находился там в положении господина. Нет, конечно, господами были только монгольские сеньеры, нояны разных рангов, вплоть до сотников, аристократические гвардейцы да царевичи.¹

Поскольку можно судить по скудным источникам, находящимся в нашем распоряжении, за время Юаньской династии благосостояние Монголии и монголов сильно пошло на убыль, в особенности по сравнению с веком Чингиса и его трех преемников. Не прекращавшиеся феодальные войны, содержание больших контингентов войск, необходимых для охраны империи, истощали страну.² А между тем, ростовой, торговый капитал, находившийся в руках „мусульманских“ и китайских купцов, не создавал и не мог создать новых форм производства. Вновь основанные в Монголии города, повидимому, не процветали;³ не развивалось и земледелие, о первых попытках ввести которое говорилось выше. По имеющимся у нас сведениям, идущим с разных сторон, достаточно было Хубилай-хану остановить подвоз провианта из Китая в Каракорум, как в последнем и в окружающих местах начался голод.⁴

Монголам приходилось тратить огромные силы на ханский-императорский двор и на других феодалов. Неудивительно поэтому, что в пору засухи и других бедствий застенным простым монголам приходилось иногда продавать своих детей в рабство, как об этом рассказывает „Юань-ши“.⁵

А после падения Юаньской династии монголы, вернувшиеся в свои степи и горы, оказались в более изолированном положении, чем в дочингисхановскую эпоху. Конечно, подобное состояние должно было все-сторонне сказаться на их хозяйстве. Как ни скудны наши сведения, они все-таки позволяют нам констатировать, что торговля с культурными странами вначале почти совсем пресеклась. Торговые пути заглохли, прекратились поездки купцов. Точно также исчезли бывшие поселения мастеров

¹ „Юань-ши“; С. ск., 227 (примечание Палладия Кафарова); Chavannes, „Inscriptions“, T'oung Pao, 1904, p. 429—432. ² „Юань-ши“.

³ Каракорумские надписи, по крайней мере, не свидетельствуют о том, чтобы город этот процветал и разрастался; см. В. Л. Котвич „Монгольские надписи в Эрдэни-дзу“, стр. 205—214; Поппе, „Отчет о поездке на Орхон летом 1926 г.“, стр. 15—22 (ср. ДАН-В, 1930, стр. 186—188, T'oung Pao, 1930, p. 228—229). Когда окончательно заглох Каракорум и был покинут, — неизвестно. Но монголы некоторое время помнили еще о нем и даже иногда приводили его настоящее название, а не китайского происхождения (Xoning Хэ-лин); так S. s. один раз, упоминая его, дает настоящее название: Xorum-xan . . . balgad (S. s., 144), см. замечания I. J. Schmidt'a (S. s., 404.) и P. Pelliot (JA, 1925, I, p. 372—375).

⁴ См. Defrémery-Khondémir, JA, IV s., XIX, p. 91; D'Ohsson, II, 349; Бартольд, „Очерк истории Семиречья“, 53.

⁵ „Юань-ши“, IX, f. 30.

и земледельцев.¹ Место торговли занял грабеж. Монголы грабили и друг друга, грабили и своих соседей, кочевых и оседлых.² Грабительские набеги сделались настоящим промыслом.

При таком положении, конечно, жизнь должна была пойти назад; монголы начали быстро утрачивать разные культурные приобретения эпохи империи. О почтовых станциях скоро забыли,³ вывелось употребление колесных телег:⁴ всякую кладь, при перекочевках и в других случаях, стали перевозить исключительно вьюками. Впрочем, приходится констатировать, что у нас нет данных, которые позволяли бы судить, почему, собственно, монголы в после-юаньскую эпоху забросили телеги-кибитки и всякие повозки. Можно только догадываться, что произошло это в силу всеобщего оскудения.

В наших же источниках имеются довольно глухие указания на то, что в после-юаньскую эпоху монголам опять пришлось перейти к способу кочевания очень большими группами. Под воздействием постоянных войн и набегов монголы стали кочевать большими стойбищами-лагерями или таборами в несколько тысяч человек, лагерями, которые получили название хориуа⁵ „лагерь“, „стан“. От древне-монгольских куреней они отличались очень существенно тем, что не являлись местом стоянки близких кровных родственников. Хотя нам ничего почти не известно о жизни этих хориуа ($\sim \text{хоруга} (n) > \text{хорō}$),⁶ можно думать, что для скотоводов подобный способ кочевания не был выгоден и привлекателен.⁷ И бедные, и богатые, в особенности, поэтому, стремились оставить хоронный способ и опять перейти к анльному.⁸

¹ К такому выводу заставляет прийти полное и единогласное молчание наших источников.

² Почти все страницы книжки Покотилова заняты подобными рассказами. Достаточно их у S. s. и в A. t.; в последних двух источниках изредка встречаются описания походов на тюркских кочевников, A. t., 72; S. s., 210, 214, 216.

³ См. ДАН-В, 1929, стр. 290—294; P. Pelliot, „Sur *yam* ou *jam*, relais postal“, T'oung Pao, 1930, p. 192—195.

⁴ Монгольские источники молчат о телегах, хотя S. s. и A. t. упоминают о них в своих повествованиях о временах джингисхановских и о веке империи. Анонимная „Китайская история“ (повидимому принадлежащая Липовцову) упоминает о „повозках с имуществом“ (стр. 393) и об „обозах“, а также о „кибитках, служащих им домами“, о „повозках и кибитках“ (стр. 425), когда рассказывает о походах китайцев вглубь Монголии в 1414 и 1422 гг. Можно думать, что повозки у монголов исчезли с XV в. „История Радлова“, — источник довольно поздний, — приводя описание шести монгольских „улусов“ в шутивных стихах, отмечает, говоря об ордоссах: *hasaḡ tergen-i xadaḡalaḡsan* „сохранившие телеги-арбы“ (стр. 160).

⁵ S. s., 206—252; Успенский, „Страна Кука-нор или Цин-хай“, 98—99; Покотилов, 109, 145.

⁶ См. Владимирцов, „Сравнительная грамматика монг. письм. языка и халх. наречия“, стр. 201.

⁷ См. S. s., 252 — намек на возможность ссор в хоронах.

⁸ Хоронный способ кочевания, действительно, нигде не сохранился у „восточных“ монголов.

Потребность в произведениях китайской культуры, главным образом, в продуктах питания и материях, а также в металлических изделиях, толкала монголов от грабежей и набегов к торговым сношениям с минским Китаем. В данном случае можно наблюдать большое противоречие в жизни тогдашних монголов: с одной стороны они пытаются добывать себе необходимое путем грабежей и набегов на Китай,¹ а с другой, стараются завязать правильный товарообмен с китайцами, для чего отправляют посольства, хлопочут о праве доставлять лошадей в Пекин и об открытии рынков (*basar*)² на границах.³ Противоречие это имело значительные последствия для монгольской жизни вообще.

Относительно торговых сношений монголов или ойратов с культурными народами Средней Азии у нас нет почти никаких данных для XV—XVI вв. Впоследствии сношения эти были отмечены.

Можно упомянуть еще, что попрежнему монголы охотились и пасли свои стада. Но, повидимому, охота перестала играть такую же значительную роль, как в прошлом периоде. Теперь из номадов-охотников монголы превратились уже в настоящих кочевников, занимающихся охотой только в качестве подсобного промысла или ради забавы.⁴ Большие облавы, повидимому, как и многое другое, ушли в область преданий.⁵

С половины XVI в. у монголов, в данном случае можно говорить только о восточных, замечается некоторое улучшение их материального благосостояния. И опять приходится отмечать, что недостаточность наших сведений не позволяет нам высказать определенного суждения о причинах, благодаря которым улучшение это произошло. Быть может, известную роль сыграла все более и более развивавшаяся торговля с Китаем и более успешные набеги на разные провинции того же Китая, который в ту пору начал слабеть, а также связанное с этим продвижение значительных масс монгольского населения на юг, к границам Срединной импе-

¹ Покотилов, *passim*.

² Термин грамоты Алтан-хана туметского.

³ Покотилов, 20, 38, 62, 64, 65, 99, 108, 115, 142 (упоминается о чае, который в начале XVI в. монголы обменивают на лошадей), 169, 193; Parker, 93. О рынках см. Покотилов, 108—109, 182—194; S. s. 210; Успенский, 104, 106; Parker, 94; Huth, 57; Покровский, „Путешествие... Петлина“, 285. См. также Позднеев, „Новооткрытый памятник монгольской письменности времен династии Мин“, стр. 367—387 (грамота Алтан-хана) Зая Пандита, 7—8; Найджи-гойн, 9.

⁴ Наши источники, S. s. и A. t. часто говорят об охоте, но из контекста видно, что в большинстве случаев это госпо ская охота для забавы или в очень затруднительном положении для добывания пищи; см. S. s., 138, 234, 236, 282; A. t., 55, 71.

⁵ Впрочем, S. s. рассказывает о себе, как ему, в первой половине XVII в., дал привилегию его сюзерен, Джинонг, „на больших охотах действовать в центре“ — *yeke abadur töb-tür yabuxui darxa soyurxagad* (S. s., 282). „Ойратские законы“ упоминают об облавных охотах (стр. 17) и дают ряд статей, регулирующих облаву и нормирующих наказания за их нарушения. *Xalxa jigum*, наоборот, упоминает только о мелкой индивидуальной охоте (f. 81, 46, 47), являвшейся подсобным промыслом. Говорят об облавных охотах и другие источники, см., напр., Найджи-гойн, 6, 26—27; „Гадписи Цокту-тайджи“, I, 1255—1257, 1263.

рии, окончательное занятие ими Хэ-тао (т. е. Ордоса) и ряда других земель в настоящей Южной Монголии.¹ Повидимому, монголам опять удалось перейти на аильный способ кочевания.²

Во второй половине XVI в. монголы, монгольские феодалы, делают попытки строить город,³ воздвигают дворцы и буддийские монастыри.⁴ Помимо Китая, у них начинается сношение с Тибетом и Тангутско-Тибетской окраиной Китая.⁵ А потом в начале XVII в. круг местностей и народов, с которыми монголы вступают в торговые, меновые сношения, разрастается еще более.⁶

Особенностью положения является то, что монголы разных местностей начинают входить в торговые сношения с областями культурных оседлых народов, чрезвычайно отличными одни от других; благодаря широкому своему расселению, монголы имеют изолированные друг от друга рынки. Появление на исторической арене маньчжур, создание маньчжурской империи в Китае и связанные с этим маньчжурская экспансия в Среднюю Азию и продвижение китайского торгового капитала оказывают большое влияние на общественный строй монголов. Можно наблюдать постепенный упадок монгольского кочевого феодализма: для истории монгольского общества начинается новый период.

II. ОТОКИ И ТУМАНЫ

Смещение монгольских родов и племен, вызванное делением на „тысячи“,⁷ выделение уделов царевичам с контингентами монгольских войск, уводимых навсегда на запад, феодальные войны эпохи Юаньской династии и связанные с этим перераспределения народа между феодалами, все это имело большие последствия для социального строя монголов.⁸

¹ Покотилов, 23, 90—91, 102, 104—106, 117, 120—124, 141—212.

² К такому выводу можно прийти на основании общего контекста источников.

³ Город Baiishing (Куку-хото или Гуй-хуа-чэн); см. Покотилов, 173, 184; Покровский, „Путешествие ... Петлина“, 287; S. s., 236; по китайским источникам „сделана была даже попытка приучить кочевников к оседлой жизни, и окрестности города были возделаны“ (Покотилов, 173).

⁴ Покотилов, 180—181; Parker, 93; S. s., 202, 226, 230, 236, 238; Huth.

⁵ S. s., 210—212, 224—226, 258; W. Kotwicz, „Quelques données nouvelles sur les relations entre les Mongols et les Ouigours“, Rocznik Orientalistyczny, II, 1925, p. 240—247.

⁶ См. Котвич, „Архивные документы“; Зая Пандита, *passim*.

⁷ С. ск. пользуется особым термином minggala- „образовывать тысячу, делить на тысячи“.

⁸ Большинство древних монгольских племен так или иначе сохранилось, хотя бы входя в состав новых племенных монгольских групп. Так, напр., племя Джалаир вошло в состав юго-восточных монголов („Мэн-гу-ю-му-цзи“, 7—8; Schmidt, „Volksstämme“, 425), и нового племенного объединения, которое получило название Халха, см. S. s., 182, 196, 206; „История Радлова“, 221; Sağān tatar'ы, одно из племен татарских, которые вообще под-

А падение Юаньской династии и связанное с этим изгнание из Китая, причем значительное количество монголов, принадлежавших к разным социальным группам, погибло или осталось в сфере китайского влияния и постепенно окитаилось, еще более повлияло на строй монгольского общества и на смешение поколений и племен.

Приходится констатировать, что ход процесса этого изменения нам неизвестен, но зато мы знаем кое-что о конечном его результате. А в результате происходивших перемен оказалось, между прочим, что большинство монголов утратило родовой строй и потеряло деление на „тысячи“. Действительно, обращаясь к источникам нашим, мы не находим уже упоминаний о монгольских родах, *oboḡ*,¹ и не находим нигде „тысяч“, *minggan*, Чингис-хана. Родовой строй неизвестен, конечно, и большинству современных „восточных“ монголов. Упомянуть „восточных“ монголов приходится потому, что у „западных“, т. е. ойратов, можно наблюдать противоположное явление: у ойратских племен родовой строй с экзогамией сохра-

верглись наибольшему разгрому и рассеянию в век Чингис-хана, вошли в состав племен Чахар, см. S. s., 204; мы находим их также в Ордосе (*Gombojab*, 44b) и среди Кешиктен (Потанин, „Тангутско-Тибетская окраина“, I, 103). Можно отметить, что за период монгольской империи, повидимому, много иноплеменных групп омонголилось. Действительно, среди монгольских племен мы находим несколько таких, какие носят имена, под которыми известны были чуждые монголам народы, или, даже, вероисповедания. Так нам известны, например, следующие племена и поколения: 1) *Asud* (*Asūd*), т. е. Асы или Аланы, принадлежавшие к правому крылу монгольского народа, см. S. s., 144, 152, 168, 200, 204; A. t., 80, 94; Горский, 103; 2) *Erkegūd*, т. е. „христиане“, вошедшие в состав халхасов („История Радлова“, 234) и Уджумчинов (*Gombojab*, 14b); 3) *Kergūd*, т. е. „киргизы“, см. S. s., 56, 142; „История Радлова“, 222, 234, 239; надпись на *Caḡān baišing* (см. G. Huth „Die Inschriften von Tsaghan Baišin“, Leipzig, 1894, 36); они входили в состав ойратов и халхасов; 4) *Sartaḡul*, т. е. „сарты, хорезмийцы, среднеазиатские мусульмане (тюрки и иранцы)“, вошли в состав халхасов и до сих пор сохранились под этим названием, как население одного западно-халхаского хошуна, см. S. s., 168 (174); A. t., 66, 85; „История Радлова“, 222; *Gombojab*, 48; 5) *Taḡgūd*, т. е. „тангуты“, вошли в состав: халхасов (*Gombojab*, 47; Позднеев, „Эрдэнийн Эрхэ“, 96), уратов (S. s., 206), ордосов (Потанин, „Тангутско-Тибетская окраина“, I, 103); следует вспомнить слова Рашид-ад-Дина о тангутах (I, 122—123), откуда Чингисом было приведено много пленников, часть которых впоследствии стала монгольскими ноянами-беками.

¹ Говорится, конечно, о явлении, а не о слове. Слово *oboḡ* сохранилось почти у всех монгольских племен и стало обозначать помимо понятия „род, клан“ еще „фамилия“. Г. К. Потанин говорит, что „ордосские монголы сохранили память об именах своих родов или, как они зовут, „омоков““ („Тангутско-Тибетская окраина“, I, 103). Г. Н. при этом поясняет в примечании: „омок то же, что сеок (кость) у алтайцев“. Можно усомниться в справедливости этого показания. Во-первых, мы не знаем ни одного подтверждения монгольских источников; во-вторых, Г. Н. Потанин, перечисляя (там же) названия ордосских „омоков“, приводит названия, большинство из которых хорошо нам известно из разных монгольских источников (S. s. и A. t. прежде всего), как названия отоков. Точно также Г. Н., сообщая „имена родов“ одного халхаского хошуна и некоторых других южных монголов (там же), на самом деле приводит названия, имена отоков, а не родов (омоков). Очень возможно, что смешение у Г. Н. произошло чисто случайно, на почве графического сходства „русских“ слов „омок“ и „оток“.

нился, о чем свидетельствуют и наши источники по среднему периоду,¹ и наблюдения над современным состоянием ойратов в разных местах.²

Вместо древне-монгольского рода, рода-клана, описанного выше, и вместо „тысячи“ времен мировой империи мы встречаем у монголов, начиная с XV в., совершенно новые объединения, обозначаемые словом *otoġ*. Теперь, что же представлял собой монгольский *otoġ*, что понималось под этим словом в ту пору? Для ответа на этот вопрос приходится обращаться к самым разнообразным источникам, потому что слово это, сохранившееся у современных монголов, обозначает разные явления, пережив длительную эволюцию.

В рассматриваемую пору у монголов наблюдается следующее: как „восточные“ монголы, так и западные, т. е. ойраты, делятся на племена — *ulus*, причем можно отметить, что *ulus*'ы бывали различны по своей величине. Но вообще *ulus*'ом называлась большая племенная группа, для обозначения которой пользовались также другим термином, *tümen*, т. е. „тьма, десять тысяч“.³

Между тем, как термин „тысяча“ *-mingġan* исчез совсем из употребления, термин *tümen* „тьма, десять тысяч“ сохранился.

Теперь дальше: известная группа кочевых аилов, объединенная тем, что занимала определенную территорию под свои раскочевки, группа, на которую распадалась *ulus*'ы или туманы (*tümen*), называлась отоком-*otoġ*. Оток в рассматриваемую пору и являлся основной социальной и хозяйственной единицей. Каждый монгол обязательно принадлежал к какому-нибудь отоку, входя, благодаря этому, в определенный круг различных социально-экономических связей и отношений. Очень интересно отметить, что монгольский оток основывался именно на территориальном единстве. Группа аилов, в том или другом количестве, кочевавшая в пределах определенной территории и пользовавшаяся ее угодиями, и обра-

¹ Зая Пандита, 2. У ойратов „род, экзогамный союз кровных родственников“ чаще всего обозначается словом *uasun* „кость“, ср. выше, стр. 47. Но в то же время под словом *uasun* понималась и принадлежность к какому-нибудь племени. Для выражения понятия „род“, поэтому, особого слова не было, просто приводилось собственное имя родовой группы, напр., *uasun inu xoshūd*, *otoq inu gōrōcin*, *gōrōcin dotorōn shangġas amui* „по кости он хошут, оток его Гөрөчин, среди Гөрөчинов находится (род) Шангас“ (Зая Пандита, 2); ср. Голстунский, „Ойратские законы“, 121 (не точно).

² Родовой строй сохранился также у племени хотогойту, которое, хотя теперь и причисляется к халхасам и в некоторой степени охалхасилось, относилось к ойратам; см. Убаши-хун-тайджи, 204; *Bolor toli*, III, 188; оба сочинения эти совершенно независимы друг от друга. Затем настоящий родовой строй известен северным, т. е. добайкальским бурятам, вообще всем тем монгольским племенным группам, которые не были в полной мере задеты организацией Чингис-хана; см. ниже.

³ S. s., 138 и 202: *jirġuġan tümen* и *jirġuġan ulus* „шесть туманов“ и „шесть улусов“, образующих монгольский народ. Удел хагана назывался *yeke ulus* „великий улус“, см. S. s., 170, 200, 280, A. t., 80: *Onġniġud-un sayid Muulixai-ong-i yeke ulus-un törü toġtaba... gebe* (A. t.) „Оннигутские сайды сказали Муулихай-онгу: правление великого улуса утвердилось“. Понятие *yeke ulus* могло быть иногда равносильно *jirġuġan ulus*.

зовывала оток; территория могла быть, под влиянием военных действий и других обстоятельств, сменена, но отношения на новых кочевьях оставались те же. И по происхождению своему слово *otoğ* тесно связано с территорией, местом для кочеванья.¹

Монгольское слово *otoğ*, происходящее от более древней формы *otağ*, принадлежит к группе среднезиатских слов, восходящих к согдийским культурным терминам: в согдийском, одном из иранских языков, распространенном в Средней Азии в течение первого тысячелетия нашей эры, было известно слово *ōtak* „страна, территория“.² Затем слово это в разных формах встречается в тюркских, монгольских и тунгузских наречиях, показывая связь свою с местом, территорией и т. п.³

В военном отношении монгольский *otoğ* тоже представлял определенную единицу, т. е. ополчение отока составляло особую военную часть, которая носила название *xoshigun* ~ *xoshi'un* ~ *xoshūn* „корпус, дивизия и т. п.“.⁴ В виду этого, термины *otoğ* и *xoshigun* часто употреблялись смешанно, один вместо другого. Так, напр., *Xalxa ulus* или *Xalxa tümen*, т. е. „халхаское племя (халхаская племенная группа)“ или „Халхаский туман (тьма)“, состояла из „семи отоков“ или „семи хошунов“.⁵ В общем же можно сказать, что *otoğ* также относился к *xoshigun*, как *ulus* к *tümen*.

¹ См. S. s., 166, 182, 190, 194, 196, 200, 204, 208, 280, 284; A. t., 66, 84, 85, 104, 106; Якинф, „Ойрат“, 130—135; „Ойрат. зак.“, 3, 4, 12, 20, 22; X. j., 6, ср. Баранов „Словарь“, II, 171—172; Новое Монгольское Уложение, VI, 21; Позднеев, „Монголия и Монголы“, I, 38; Леонтович, „Калмыцкое право“, стр. 208—219.

² См. C. Salemann, *Manichaica V*, ИАН, 1913, p. 1131; Е. Н. Титов, „Тунгусско-русский словарь“, Иркутск, 1926, стр. 124.

³ Ср., напр., тюрк.: крм., осм. *oda* „комната, жилище, дом, солдаты, живущие в одной комнате“; уйгурское *otağ* „дом, комната“; джаг. *otaq* „шалаш, палатка“; шор., саг., койб. *odağ* „шалаш, стан“; тел. алт. *odū* „шалаш, стан“; якутск. *otū* „шалаш, становище, кочевка“; тунгуз.: *otoğ* „табор“. В некоторых современных монгольских наречиях *otoğ* обозначает: „место стоянки“ (бурят.-бохан), „шалаш“ (бурят.-алар), „группа аилов одной кости, стоящих и кочующих на одной территории“ (баит.-ойрат.); у волжских ойратов — „земли, занимаемые кочевьем одного рода отдельно от чужеродцев, назывались Огок“ (Костенков, „Исторические и статистические сведения о калмыках“, стр. 31; ср. Небольсин, „Очерки быта калмыков хошоутского улуса“, стр. 8). Можно констатировать, что слово *otoğ* известно почти у всех монгольских племен, даже у тех, которые обигают на Тангутско-Тибетской окраине (см. Mannerheim, „A visit to the Sarō and Shera Jögurs“, p. 34), и только у северных, иркутских бурят слово *otoğ*, повидимому, является заимствованным из тюркского.

⁴ S. s., 166, 258, 282; A. t., 65, 81; „Ойрат. зак.“, 4, 21; X. j., 2, 4.

⁵ Другая группа халхасов состояла из пяти отоков; о халхаских *otoğ* см. ДАН-В, 1930, стр. 201—205. Подобных данных в нашем распоряжении имеется довольно много. Чахары, напр., делились на восемь отоков (S. s., 190), а потом на восемь хошунов (Монг. Улож., XLVII, 8); но, конечно, было бы совершенно неверно в каждом современном монгольском хошуне видеть прежний *otoğ*. Как отоки, так и туманы у монголов в разных местах и в различное время подвергались многим изменениям, поэтому, в каждом конкретном случае необходимо производить специальное исследование о происхождении данного современного хошуна. В биографии Зая Пандиты выражение *dolōn xoshūn* „семь хошунов“ употребляется вместо слова „Халха“, см. Зая Пандита, 4: *dolōn xoshūn ġurban yeke хан* „Халха и три великих хана халхаских“.

Otoğ-xoshiğun и ulus-tümen были тем, на что делился монгольский народ.

Можно думать, с большой долей вероятия, что отоки рассматриваемого периода являются ничем иным, как бывшими „тысячами“ эпохи мировой империи монголов. Действительно, отоки как раз заполняют то место, которое, следовало бы отвести „тысячам“. Некоторым подтверждением высказываемому предположению может послужить известие о том, что в западной половине монгольской державы, точнее в Моголистане,¹ „хошуном назывался отряд в 1000 человек“.² Но вместе с тем можно отметить, что и более мелкие войсковые части, от 50 до 100 человек, напр., тоже назывались в Мавераннахре „хошуном“.³ Можно высказать предположение, что название minggan было переименовано на otoğ потому, что объединения, которые раньше должны были выставять „тысячи“, с течением времени не были в состоянии этого сделать и начали выставять меньшее количество воинов.

Так же, как в состав „тысячи“ могли входить представители различных родов и племен, и Отоки составились далеко не из одних родственных групп.⁴ Как это сейчас было показано, самым важным для образования отока была территориальная зависимость. В некоторых местах, поэтому можно наблюдать дальнейшую эволюцию и заметить, как в отоках появляется территориальное родство, т. е. родство со всеми вытекающими последствиями, вплоть до экзогамии, основанное не на кровных узах, а на территориальной близости.⁵

Вот, по свидетельству бурятских хроник, так наз. Подгородный оток селенгинских бурят составил из соединения различных кланов-семей, прибывших на место теперешнего их расселения в разное время; число кланов-семей (yasu-omoğ или ayimağ-yasun) было свыше двадцати.⁶ Также по свидетельству одного китайского источника, правда довольно позднего,⁷ ойратские отоки составлялись из двух и более поколений.⁸

¹ Т. е. в государстве, основанном Пуладчи и Туклук-Тимуром, в которое входили Восточный Туркестан и страны на север от Иртыша и Эмиля до Тянь-Шаня и от Баркула до Балхаша.

² См. Бартольд, „Улугбек“, 24. В осм. и дж. известно слово qoshun, заимствованное из монгольского и имеющее значение: „то число войска (контингент), которое назначено выставить городу или области; контингент войска; армия, собравшаяся в поход; отряд“ (дж.); „армия, войско“ (осм.). ³ Бартольд, „Улугбек“, 24. ⁴ Ср. Зая Пандита, 2.

⁵ Вопрос о территориальном родстве рассмотрен в брошюре Б. Э. Петри („Территориальное родство у северных бурят“, Иркутск, 1924). См. ниже, стр. 137.

⁶ См. Мз. Азиатского музея (sub. F. 7), содержащий историю бурят, f. 62, f. 66: Mongğol jüg-tee urida xojis iregsen olan omoğ-un ulus bi bayinam. teden-i nigedkeji nigen ayimağ-otoğ bolji bolxu kemēn. medegülegsēn-dü, jöbsiyeji xori ġarun ayimağ yasun-u ulus aġsan-i nigedkegsen tula, Podğorodna kemēn nere aldarsıġsan... tere otoğ... erte cağ-tu otoğ boluġsan xori ġarun yasun omoğ-āca...

⁷ Синь-цзян ши-лио (чжи-лио); об этом сочинении см. Котвич, „Архивные документы“, 810—811.

⁸ Иакинф, „Ойрат“, 130—135.

В рассматриваемый период монгольские отоки обычно носили какое-либо название, очевидно, по имени клана или группы, вошедшей в его состав и почему-либо оказавшейся в доминирующем или показном положении, причем часто давались указания на то, к какому улусу-туману данный оток относится.¹ Напр.: Сахар Хулабат отог „оток Хулабат (принадлежащий) к чахарскому (улусу-туману)“; ² Oyirad Baġalūḍ-un Baġarxun otog „оток Багархун (принадлежащий) к (улусу) Багатут (Батут), (племени) ойрат“.³

Еще при Чингис-хане все „войско монгольское“, а, следовательно, и народ монгольский, по стародавнему степному обычаю, делился на два крыла, левое (je'ün ~ jegün ġar) и правое (bara'un ~ baraġun ġar).⁴ И в после-юаньскую эпоху деление это сохраняется: из шести туманов, которые уцелели от сорока (döcin), будто бывших до разгрома, сопровождавшего падение монгольской династии в Китае,⁵ три тумана относились к левому крылу, а три к правому.⁶ Ойраты, в числе четырех туманов, к числу этому не относились,⁷ почему весь монгольский народ делился на две части: шесть (туманов монголов)⁸ и четыре (тумана ойратов).⁹ В ту пору, а по традиции и позднее, так и говорили: Döcin Dörben хоуар „сорок и четыре“, т. е. „все монголы (и ойраты)“.¹⁰

Обычно, большая племенная группа и образовывала түмен „туман, корпус в 10 000, тьма“ и давала ему свое имя,¹¹ напр., Uriyangxan түмен „туман или улус урянхайцев“.¹² Благодаря своей величине, а также тому, что в состав тумана входило несколько трудно делимых основных единиц-отоков, улусы-туманы были величинами менее постоянными. Они делились и мешались; исчезали старые и на место их возникали новые.¹³ Не следует забывать, что и в эпоху Чингиса туманы были гораздо более изменчивыми величинами, чем „тысячи“. Поэтому в туманах-улусах монгольских после-юаньской эпохи трудно будет найти „тьмы“ Чингис-хана.

¹ S. s., 166, 182, 186, 190, 204; A. t., 84, 104.

² S. s., 166; A. t., 84.

³ S. s., 182. Ср. S. s., 190, 204.

⁴ Р.-ад.-Д., III, 132, 134, 138; С. ск., 116—117, 152; монг. ġar — дословно „рука“.

⁵ S. s., 178, ср. S. s., 70, 198; A. t., 49. Словом döcin (сорок) поэтому стали называть всех „восточных“ монголов, и название это продержалось долгое время, см. „Ойратские законы“, 2.

⁶ S. s., 184, 188 (jegün түмед „левые туманы“), 190, 192, 196; „История Радлова“, 159—162; Gombojab, 45; A. t., 103, 104, 106, 108.

⁷ Может быть, потому, что их войска не вступали в Китай и вообще потому что находились несколько в особом положении еще во времена Чингис-хана. Выражение Dörben Oyirad необходимо понимать, как „четыре (тумана) ойратских“; этим решается вопрос о происхождении этого названия, оно совершенно параллельно названию jirġaġan Mongġo и т. п.; A. t., 91, ср. прим. 9. ⁸ S. s., 184, 194; Gombojab, 55; A. t., 110. ⁹ S. s., 142, 148; A. t., 57 (прямо говорится: dörben түмен). ¹⁰ S. s., 150, 154, 160; „Ойрат. Зак.“, 2, ср. прим. 5. ¹¹ S. s., passim. ¹² S. s., 194.

¹³ S. s., 194. Хорчины, которые вначале не входили в перечень туманов у S. s. (146, 190), а также и в других источниках („История Радлова“, 159—162), впоследствии образуют туман, или так обозначаются (S. s., 196, A. t., 104).

У нас нет точных данных ни о количестве кочевных дворов (*ayil*), входивших в состав туманов, ни о количестве воинов, которое каждый туман выставлял в качестве ополчения. Но можно думать, что подобно тому, как отоки не соответствовали уже „тысячам“, монгольские туманы после-юаньской эпохи тоже совсем не обозначали того, что они должны были выставлять контингенты войск в 10 000 человек, хотя бы приблизительно. Түмен в рассматриваемую пору так же, как и другой термин, *ulus*, употреблялся просто для обозначения большой племенной группы, в состав которой входило несколько отоков.¹

Можно думать, что монгольские отоки, несмотря на то, что представляли собой довольно трудно делимые единицы, все-таки не оставались неподвижными. Войны, выделение уделов феодалам, дальние перекочевки, все это должно было влиять на состав и численность айлов, входивших в оток. Повидимому, очень разросшиеся отоки дробились на части, образуя несколько новых. К выводу такому можно придти на основании следующего сопоставления. Как известно, халхасы, северные халхасы, делились на семь отоков, впоследствии на семь хошунов.² Но во второй половине XVII в., хотя попрежнему говорили, в силу традиции, „семь отоков“, но, на самом деле, отоков стало гораздо больше. Дело в том, что старые отоки-хошуны сохранились только в качестве „новых“ хошунов, т. е. особых уделов, во главе которых стояли старшие князья-сюзерены, а отоков, в качестве социально-экономических объединений стало гораздо больше;³ в каждом новом халхаском хошуне оказалось по несколько новых отоков, очевидно, произошедших благодаря разветвлению старых.⁴ По всей вероятности, при благоприятных условиях, нечто подобное могло происходить и в других местах.⁵

Кроме деления улусов (туманов) на отоки, известно было также деление на аймаки (*ayimağ*). Что такое аймак и чем он отличается от отока? В средневековой Монголии группа родственных айлов, кочующая на одной территории, называлась аймаком;⁶ аймак — подплемя или, вернее,

¹ То же самое наблюдалось и в западных улусах, напр., при Тимуре-Тамерлане, см. Бартольд, „Улугбек“, 24.

² См. ДАН-В, 1930, стр. 201—203; Зая Пандита, 4.

³ Х. j., 6; Позднеев, „Эрдэнийн Эрхэ“, 96; „История Радлова“, 221. А. т., напр., упоминает *Sartağul otoğ* (66), затем известно, что один из сыновей *Geresenje* получил в наследие тот же оток, как один из халхаских, а далее в Халхе оказался большой хошун Сартульский, см. Потанин, „Очерки С.-З. Монголии“, II, 22.

⁴ Затем к халхасам, повидимому, попали отоки из тумана *Uriyanghañ*, который был разбит и распределен между другими туманами Даян-ханом (см. S. s., 194); во всяком случае наши источники определенно указывают на *Uriyanghañ*, как на вошедших в состав халхаского улуса, см. „История Радлова“, 221—222, *Gombojab*, 48; Позднеев, „Эрдэнийн Эрхэ“, 96; ср. Покотилов, 40, 47, 61—63, 90, 118; *Bretschneider*, II, 175; „Мэн-гу-ю-му-цзи“, I; Б. Влад. мирзэв, „Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах“, стр. 20—21. ⁵ Ср. образование новых отоков у бурят, см. выше стр. 134.

⁶ „Ойрат. зах“, 2, 3, 6, 18, 19, 21, 22; Х. j., 12, 16, 83; А. т., 74. Основное значение слово *ayimağ* в монгольском — „собрание, соединение близких видов чего-либо“.

фратрия.¹ Главным отличием аймака от отока было то, что принадлежавшие к какому-нибудь аймаку считались одной родственной группой.² Аймаки бывали очень разной величины. Поэтому несколько аймаков могло входить в один оток; а в других случаях аймак по размерам своим мог не отличаться от отока.³ Затем, можно думать, что на почве территориального единения возникало объединение двух и большего количества аймаков и тогда образовывался новый оток; пример: некоторые бурятские отоки.⁴

Необходимо подчеркнуть для ясности, что аймак не являлся родом, т. е. особым союзом кровных родственников. Аймак у монголов в средневековье был собранием близких родственных семей, подплеменем, и мог составляться из лиц, принадлежавших к разным родам (*yasun* „кость“), но которые вели свое происхождение от одного общего предка. Таким образом, аймак — это союз или объединение родственных между собой семей, разных ветвей, произошедших от дробления древних родов (*oboḡ*). При таком положении термины *otoḡ* и *ayimaḡ* могли быть легко спутаны; действительно, их начали употреблять один вместо другого в некоторых случаях.⁵ Старый тип аймака лучше всего сохранился у волжских ойратов-калмыков, просуществовав до второй половины XIX в.⁶

Особенно интересно отметить, что как и для отока, территориальное единство имело основное значение и для аймака: аймак непременно имеет один нутук-кочевье, без этого условия известную группу уже не назовут аймаком. По сообщению Altan tobci, одна знатная женщина, желая спасти покровительствуемого ею мальчика, советует говорить ему сле-

¹ Т. е. союзом родственных между собой родовых групп, семей или родов. То же самое наблюдается у якутов, имеющих, как известно, много монгольских элементов в своем составе, так же, как и в языке, см. Д. А. Кочнев, „Очерки юридического быта якутов“, Известия Общ. археол., ист. и этн. при Казанск. унив., т. XV, 1899, стр. 49, 63—66; Э. К. Пекарский, „Словарь якутск. яз.“, стр. 40. Ср. также данные о средне-азиат. отуреченных монголах, см. Бартольд, „Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII в.“, стр. 302; Абуль-Гази, „Родословная туркмен“, 33. Ср. также Г. Д. Санжеев, „Манчжуро-монгольские языковые параллели“, ИАН, 1930, стр. 616. О дальнейшей эволюции значения слова аймак см. ниже, но для настоящего определения позднейшие значения тоже приняты во внимание.

² „Ойрат. зак.“, 18, 19, 21, 22; X. j., 12, 16; A. t., 74; Нэйджи-тойн, 8; наши источники отоки последовательно отличают от аймаков, ср. Зая Пандита, 7, 34.

³ Иакинф, „Ойрат.“, 130—133 (Иакинф Бичурин аймак называет родом, во главе которого стоял дзайсанг, там же стр. 131).

⁴ О которых говорилось выше, см. стр. 134.

⁵ Одна бурятская хроника, напр., говорит: *urida xojis iregsen olan omoḡ-un ulus bi bayınam. teden-i nigedkeji nigen ayimaḡ otoḡ bolji bolxu* „есть народ многих родов, пришедший раньше и позднее; если объединить их, может образоваться один аймак-оток“ (см. выше); ср. „Ойрат. Зак.“, 3.

⁶ См. Pallas, I, 190—191; Небольсин, „Очерки быта калмыков хошоут. улуса“, стр. 8; Костенков, „История и статистические сведения о калмыках“, 31; Бюлер, I, Отеч. Записки, т. XLVII, стр. 21. Надо отметить, что в литературе о калмыках относительно определения понятия аймак, как это ни странно, встречаются часто очень противоречивые сведения; ср. „Ойрат. Зак.“, 103 (примечание Голстунского).

дующее; *esige eke, nutuḡ ayimaḡ-ıyan baḡa-du abtaḡsan-u tula ülü medem*¹ „не знаю ни своих родителей (отца и мать), ни своих родных кочевий-аймака, потому что был захвачен в малолетстве“.

III. ФЕОДАЛЫ

Во главе отока, а иногда и улуса,² стояли, в качестве его наследственных владельцев (*ejen*)³ и военных сеньеров, главари,⁴ носившие, обычно, титулы китайского происхождения: *taishi*,⁵ *jaisang*,⁶ *daiibu*.⁷ Очень часто они величались также старинными монгольскими прозваниями: *baḡatur* „герой, богатырь“,⁸ *mergen* „меткий стрелец“,⁹ *secen* „мудрый, вещий“,¹⁰ *örlüg* „витязь, герой“.¹¹ А иногда их просто называли *xoshiguci*

¹ A. t., 74 (текст искажен), стр. 84 пекинского издания (в котором текст представлен удовлетворительнее).

² S. s., 184.

³ X. j., I, 16, S. s., 186.

⁴ X. j., f. I; A. t., 81—82; Зая Пандита, 7,

⁵ От кит. *тай-ши* „великий наставник“ — дословно; см. P. Pelliot, „Notes sur le «Turkestan», 44—45; см. Blochet, „Rachid-ed-Din“, II, 451; S. s., 144, 146, 168, 178, 188, 284; A. t., 59, 60, 61, 63, 65, 78, 88; „Ойрат. Зак.“, 13.

⁶ От кит. *цзай-сян*; S. s., 234, 266, *passim*. X. j., f. I; Bolor toli, III, f. 147; ср. P. Pelliot, *op. cit.*, 45, 51; Иакинф, „Ойрат.“, 131.

⁷ Пишется и *daiibu* от кит. *дай-фу* дословно „великий муж“ — почетный титул; см. S. s., 166, 168, 182; A. t., 55, 56, 59; Bolor toli, III, f. 147. Монг. версия „Юань-ши“ различает *daiibu* и *taibu* ~ *taibu* < кит. *тай-фу* „великий правитель“. Но, вместе с тем, можно предположить, что монг. термин *daiibu* возник на почве смешения трех китайских слов, служивших для обозначения титулов важных сановников Юаньской династии: *дай-фу*, *тай-фу* и *тай-бао* „великий канцлер“; ср. Blochet, „Rashid-ed-Din“, II, 450—453; Васильев-Чжао-Хун, 222. На это указывает, между прочим, неустановившаяся орфография монгольского термина, см. A. t., 55; S. s., 138. Наши источники указывают еще на некоторые титулы, напр. *ḡonjin* ~ *xonjin* ~ *ḡoncin* (S. s., 212, 228, 230, 232, 234, 276; „История Радлова“, 276); *ongligūd* > *ongniḡūd* (S. s., 234; A. t., 58). Если для термина *ongniḡūd* находится объяснение его происхождения (см. ДАН-В, 1930, стр. 218—223), то трудно представить, за неимением пока надлежащих данных, были ли носившие названные титулы сеньерами или нет. Г. Н. Потанин принес интересное сообщение о том, что в Ордосе вплоть до наших дней у так наз. дархатов, т. е. особого поколения, на обязанности которого лежат все заботы о ставках (*ordu*) Чингис-хана, сохранились чины, носящие древне-монгольские названия: джайсан (*jaisang*) ... тайши (*taishi*), тайбу (*daiibu*), тайбучин (*daiibucin* — женск. род от *daiibu*, см. S. s., 94, 166, A. t., 74), чирби (*cerbi* — древне-монг. чин, часто упоминаемый С. ск. и Р.-ад.-Д.), көкө (?), хонджин (*xonjin* ~ *ḡonjin* ~ *ḡoncin*), см. Потанин, „Тангутско-Тибетская окраина“, I, 122; „Поминки по Чингис-хане“, РГО, т. XXI, № 4, стр. 305. Многие из перечисленных титулов сохранились у современных монголов, и с ними придется иметь дело ниже; некоторые же, напр., *ongniḡūd*, *ḡoncin*, *daiibu*, совершенно вышли из употребления и забылись, ср. Bolor toli, III, 147. Наши источники приводят еще одно слово, *sigüsi*, которое тоже, повидимому, служило феодальным титулом (см. S. s., 182; A. t., 102), но о нем, пока, нельзя ничего сказать. Г. Н. Потанин сообщает также, что в Ордосе сопутствующий жениха на свадебном действе называется „хонджин“ („Тангутско-Тибетская окраина, I, 115—117). См. также: О. Козаевский, „Монгольская хрестоматия“, I, 502 (Тайджи-Тайбо в Ордосе во „дворце Чингиса“). Затем наши источники упоминают еще об одном титуле: *sigecin* (S. s., 216, 280; A. t., 97; „История Радлова“, 214; X. j., 56, 26). ⁸ S. s., 188, 190.

⁹ S. s., 168, 184; A. t., 58; ср. Вельяминов-Зернов, „Исследование о Касимовских царях и царевичах“, I, 214—215. ¹⁰ S. s., 206; A. t., 63, 65. ¹¹ S. s., 178, 184; A. t.

~ xoshī'uci, т. е. „начальник хошуна-отока“, ¹ „военный сеньер-глава хошуна“. ² А вообще же подобные главари отоков-хошунов, а иногда и улусов-туманов, принадлежали к sayid'am, ³ т. е. „лучшим“, „вельможам“. ⁴ Жены же их, обычно, носили титулы: aḡa „госпожа“ ⁵ daiibucin (т. е. жена daiibu) ⁶ или более общий, gergei ~ gergen ⁷ „супруга“.

Во главе аймаков стояли владевшие ими феодальные сеньеры, более мелкие вассалы крупных господ. ⁷ Наши источники, не упоминая об их титулах, просто называют их „старшими“ (аха ⁸ или ahalagci ⁹), а также правителями jasaḡ ¹⁰ или чинами (tüsimeḡ). ¹¹ Можно думать, что во главе аймаков во второй половине рассматриваемого периода находились дзайсанги (jaiisang — у монголов, zaiisang — у ойратов). Во всяком случае, подобное положение наблюдается у ойратов в последующем периоде. ¹²

Д. Д. Покотиллов, вероятно, вслед за китайскими авторами, называет подобных предводителей отоков „родоначальниками“. ¹³ Употреблять этот термин неудобно потому, что он дает основание думать о родовом строе и родовых старейшинах, предводительствующих своими кровными родичами, тогда как в данном случае имелось совсем другое, совсем иные отношения: монгольский оток никак не был союзом кровных родственников, а его предводители, тайши и т. д., вовсе не были родовыми старейшинами.

Так как каждый монгольский аймак и оток являлся хозяйственной единицей, имел своего владельца (ejen), обладавшего правами, полученными им по наследству („наследственный удел“ ¹⁴ xubi, ömci) и так как оток мог входить в удел царевича или даже сам составлять этот удел

¹ xoshigu + суффикс-ci. Обычно титул этот передают односторонне и не совсем верно „начальник передового отряда“.

² S. s., 192, 214, 258, 260, 266; A. t., 85; „Ойрат. зак.“, 4; ср. Фишер, „Сибирская история“, 257; Позднеев, „Эрдэнийн Эрхэ“, 99; титул этот сохранился в Ордосе до настоящего времени, см. Jinong-un dürim, f. 9b. Надо отметить, что титул хошүчи носили часто и тайджи, см., напр., S. s., 220.

³ Множественн. форма от sayin „хороший, прекрасный“. Слово sayid получает еще значение „возвышенный, благородный“; см. старинный монг. перевод Subhashitarat-nāpidhi (о нем см. Б. Владимирцов, „Монгольский сборник рассказов из Raicatantra“, стр. 44, в котором монг. sayid соответствует тибет. dam-ra excellens, nobilis, новые монгольские переводы пользуются уже другими выражениями, напр., degedü „высший“.

⁴ S. s., 144, 174, 184, 266, 268, passim; A. t., 61, 81, 97.

⁵ Слово это до сих пор употребляется у волжских ойратов, а также известно и другим ойратским племенам; у захач. напр., aḡa значит „дама — в картах“. См. S. s., 148, 168, 178, 188, 203; A. t., 60, 72, 91, 92, 97.

⁶ S. s., 166; A. t., 74, 109.

⁷ S. s., 178.

⁸ „Ойрат. зак.“, 18; X. j., 12.

⁹ „Ойрат. зак.“, 20—22; также называется и глава отока.

¹⁰ X. j., 16.

¹¹ „Ойрат. зак.“, 3.

¹² См. ниже.

¹³ Покотиллов, 37, 84; впрочем, употребляются и другие термины, неопределенные вроде „начальник, главарь“, и т. д. Термином „родоначальник“ в применении к монгольским главарям (феодалам) довольно часто пользуются и другие ориенталисты, напр., А. М. Позднеев (см., напр., „Эрд. Эрхэ“, 99).

¹⁴ S. s., 206; Gombojab, 37, 40; X. j., 9.

(*xubi ömci*),¹ то на оток (и аймак) можно смотреть, как на кочевой феодал (*feodum*), кочевую сеньерию, основную феодально-доманиальную единицу. Разбить оток или аймак поэтому на части было трудно: оток монгольский так же, как и аймак, представлял прежде всего цепь хозяйственных отношений, связывавшую всех входивших в нее членов, а вместе с тем и владельческие сеньериальные семьи.² Так же, как западно-европейские феодалы носили имена по своим поместьям, в средний монгольский период владельцы отоков, обычно, именовались по своим отокам или племенам, причем часто титулы их не упоминались, напр., *Xorlad-un Sadai* „Садай Хорладский, из Хорладов“;³ *Ordus xarxatan-u Bayan-soxur darxan* „Баян-чокур дархан, (сеньер) отока Хархатан, Ордосского (тумана или племени)“;⁴ *Tümed Xanggin-u Aljulai-Agulxu* „Алджулай-Агулху, (сеньер) отока Хангин, из (племени) Тумет“.⁵

У сеньеров отоков в распоряжении были чиновники,⁶ тоже, повидимому, наследственные, которые с одной стороны ведали дела, относящиеся к войне, к нападению и защите, к управлению и суду, а с другой заботились о сборе податей. Таких чиновников называли *jasagul'*ами (управитель, урядник),⁷ *daruga* (начальник),⁸ *demci* (помощник),⁹ *shiü-lengge* ~ *shülengge* (сборщик податей),¹⁰ *elci* (эmissар, гонец, пристав).¹¹ В разное время и в разных отоках названные чины имели большее или меньшее значение и, быть может, не всегда все были в полном числе.

¹ S. s., 204, 206.

² Ср. S. s., 196, 198; A. t., 106, 110; „Ойрат. зак.“, 20, 22. *Alcudai-yin ötülügseu* хорон, *Alağci'ud-un tarxağsasan хорон* (A. t., 110): „Зло от того, что состарился Алчудай; зло от того, что рассеяли Алакчугот“, — говорит один сайд, захваченный врагами. *Alağci'ud*-оток (см. S. s., 156, 178; A. t., 64, 91, 92, 103), вошедший в состав Алхан в Южной Монголии (Gombojab, 43); *Badma-yugan ulus-i bide yakin xubiyamui Banjara-yin Dorji-yi dörben otoğ degere sağulğaya* (S. s., 208) „как можем поделить мы народ нашего Бадмы. Посадим над четырьмя отоками Дорджи сына Бандзара“, — решают три брата-царевича (XVI в.). „Вернувшись тогда в свою ставку, (ойратский) Цецен-хан призвал зайсангов и демчи каждого отока и заявил им: „я задумал совершить путешествие в Тибет. Соберите 10 000 меринов, направляю их на продажу в Китай“. Он собрал 10 000 меринов, направил (в Китай), назначив 100 человек и поставив во главе их монгольского Ханджин-ламу“ (Зая Пандита, 7).

³ S. s., 178, ср. A. t., 91.

⁴ S. s., 184, 192, 194.

⁵ S. s., 194. Монгольские хроники, S. s., A. t. и другие полны, конечно, подобными примечаниями.

⁶ По монг. *tüsimel* < *tüsi*- „опираться, полагаться, доверяться“, ср. P. Pelliot, „Sur la légende d'Uz-Khan“, T'oung Pao, 1930, p. 343—344.

⁷ Надпись на *Cağān Baiising* (Huth, 36); X. j., 93; бурят. хроники.

⁸ X. j., 3, 6, 25, 97, *passim*; „Ойрат. зак.“, 109; Вельяминов-Зернов, „Исследование о Касимовских царях и царевичах“, I, 29—30; *Bolor toli*, III, 164.

⁹ „Ойрат. зак.“, 6, 8, 20; X. j., 97; бурят. хроники, Зая Пандита, 7.

¹⁰ „Ойрат. зак.“, 6, 8; X. j., 63, 74, 97; бурят. хроники. Интересно отметить, что в манджурском имеются слова: *shule*-„собирать подати“ и производное от него *shulegen* ~ *shulexen* „повинности, налоги, подати; поземельная и подушная подать“.

¹¹ S. s., 176; A. t., 56, 61; „Ойрат. зак.“, 5, 6, 17, 18; X. j., 5, 26, 39, 83—84; Зая Пандита, 32.

Теперь можно поставить вопрос, откуда происходят эти тайши, зайсанги, хошучи и т. д.? Из какой социальной группы они вышли? Для ответа на этот вопрос у нас имеется достаточно данных в наших источниках. Разбирая их, можно видеть, что во времена Юаньской династии высшие сановники-монголы носили именно те же титулы, почетные и действительные, и выполняли соответствующие своим званиям обязанности. Мы встречаем среди монгольских вельмож Юаньской династии *cingsang'ов* (министр), *taiishi*, *daiibu*,¹ *jaiisang'ов*.² О *cingsang'ах* раньше не упоминалось; но теперь можно отметить, что в средневековой, после-юаньской Монголии титул этот попадает часто. Его носят, главным образом, не владельцы отдельных отоков, а правители, поставленные ханами, из среды тех же сайдов-феодалов или же сеньеров, „сидевшие“ над более или менее значительными племенными группами.³ Но в том и другом случае *cingsang'и* не принадлежали к „золотому“ роду Чингис-хана.⁴

Установив это, можно сделать вывод, что монгольские сановники времен Юаньской династии, все, как известно, выходившие из среды феодальной аристократии, из ноянов-тысячников, темников и аристократических гвардейцев, после падения династии и бегства монголов из Китая принуждены были покинуть столичную городскую жизнь, оставить свои китайские поместья и вернуться к своим „тысячам“ вглубь монгольских степей. Но теперь „тысячи“ уже превратились в отоки, а нояны-тысячники в зайсангов, дайбу и т. д.

В некоторых случаях можно даже проследить судьбу отдельных домов монгольских ноянов. Вот перед нами знаменитый сподвижник Чингиса, *Boğurci* (*Bo'orci*)-поуан, из аристократического клана *Arulad*, начавший в юные годы службу Чингису-Темучинункером.⁵ Потомок его при последнем Юаньском императоре *Toğugan-temür'e*, Паху носит звание *cingsang'a*.⁶ Далее мы встречаем *Arulad'sкого sayid'a Moulan'a*, воеводу Даян-хана.⁷ А затем нам рассказывают, что потомки *Boğurci-poуan'a* стоят во главе отока Дархатов в Ордосе, уже упомянутых выше, обязанных наблюдать за *ordu* и реликвиями Чингис-хана, и носят звание *taiishi* и *jaiisang*.⁸

¹ Blochet, „Histoire... de... Rachid-ed-Din“, II, 451—454, „Юань-ши“; Васильев-Чжао-Хун, 222; Yule, I, 423; Quatremère, 178—179; „Сказание о Чингисхане“, 197.

² S. s., 136; см. выше, стр. 138, прим. 6; Васильев-Чжао-Хун, 223.

³ У ойратов, впрочем, известны чинсанги (*cingsang*) — владельцы одного отока, см. S. s., 182. Об ойратских чинсангах несколько подробнее будет сказано ниже так же, как и о дальнейшей истории этого титула у „восточных“ монголов. Можно отметить, что наши источники упоминают иногда о „восточно“-монгольских чинсангах, которые, повидимому, являлись владельцами одного лишь отока: см., напр., S. s., 168, 194; A. t., 82; (*Tümed-ün Engkegüd otoğ-un Coruğ-bai Temür cingsang* „Чорук-бай-Темур чинсанг отока Енгерут улуса Туметского“).

⁴ S. s., 120, 122, 136, 138, 142, 152, 168, 174, 182, 194, 268; A. t., 57, 59, 63, 78, 82.

⁵ См. выше, стр. 55.

⁶ S. s., 122, 132; ср. A. t., 45, 49 (*Ilağū*).

⁷ A. t., 97.

⁸ *Bolor toli*, III, 92—93; ср. Потанин, „Тангутско-Тибетская окраина“, I, 122.

В период Юаньской династии значительное количество ноянов-тысячников было отвлечено от своих непосредственных тысяч-уделов; они переселились в города Китая, главным образом, в Дайду (Пекин) и Шанду и начали занимать высшие должности империи как военные, так и гражданские; а также служить при императорском дворе и при дворах цариц, получавших разные уделы.¹ Хотя на должности „министров“ и других высших сановников нояны назначались по воле хана-хуанди, тем не менее из сообщений „Юань-ши“ видно, что, обычно, место отца доставалось сыну; почти все высшие должности находились в руках небольшой группы феодальных аристократов.

Гвардия следовала за монгольским ханом, и аристократические гвардейцы в значительной мере разделяли участь ноянов-сановников. Для многих из них звание гвардейца (*keshigci* ~ *keshigtü*) было только почетным и не требовало исполнения никаких служебных обязанностей.²

Очень трудно сказать, в каких отношениях находилась феодальная и сановная аристократия к своим основным уделам-тысячам. Но из того факта, что после падения династии Юань сановные феодалы, по возвращении своем в степь, оказываются во главе своих феодалов-отоков, можно заключить, что и в эпоху Юаней связь их со своими уделами не прерывалась. По всей вероятности, они правили ими при посредстве своих ближайших родственников так же, как монгольский хан-хуанди, сидевший в Китайском Дайду, обычно, посылал в Каракорум своего наследника управлять там кочевой Монголией и охранять северо-западную грань империи.

Нельзя сказать, чтобы городская жизнь и китайская культура не оказали влияния на монгольскую аристократию. Если монгольские господа заставляли китайцев учиться монгольскому языку и писать по-китайски, пользуясь монгольским государственным письмом на особом разговорном жаргоне, а не на классическом китайском языке, то, с другой стороны, многие монгольские нояны и даже царицы постигли китайские книги, научились писать по-китайски, на их книжном классическом языке, научились переводить с китайского на монгольский. Можно сказать даже, что у монголов начала зарождаться интеллигенция.³ Но интеллигенция эта была представлена только выходцами из класса феодалов, была малочисленна и слаба, оторвана от монгольских широких кругов. Поэтому и она сама, и ее культурные начинания быстро и почти бесследно исчезли во время погрома, сопровождавшего падение Юаньской династии.

Теперь перейдем к высшему рангу феодального класса, к владельческим царицам дома Чингиса. Они еще во времена Юаньской династии, стали именоваться уже не *köbegün*, а *taiji*, словом, взятым из китайского,⁴

¹ „Юань-ши“, бэнь-цзы, *passim*.

² Chavannes, „Inscriptions“, T'oung Pao, 1904, p. 429—432.

³ „Юань-ши“; G. Pauthier, „De l'alphabet de Pa'-Sse-Pa“. JA, 1862, p. 1—47; Bazin, „Le siècle des Youên“, JA, Mai-Juin, 1852, p. 436.

⁴ От кит. *тай-цзы* „царица“, см. P. Pelliot в T'oung Pao, 1913, p. 140.

и титул этот сохраняется до сих пор совершенно в том же значении, часто позволяя нам расшифровывать тексты монгольских хроник и сказаний. Только потомки Йесугей-багатура и Чингис-хана, настоящие члены *altan uruġ* „золотого“ рода называются тайджиями и никто другой ни в каком случае не имеет права на этот титул.¹ Потомки же Хасара и других братьев Чингис-хана, кроме того, часто носили титул вана (*ong < vang* по-монгольски) в после-юаньскую пору.² Тогда же получил распространение титул *xong-taiji*, который в эпоху Юаньской династии носили только наследники престола.³ После возвращения в „степь“ титул этот стали носить многие царевицы, отличавшиеся или значительными размерами своих уделов, или своей знатностью, и титул этот сохранился до наших дней.⁴

В пору монгольской династии наследник престола, обычно, отправлялся в Каракорум и получал титул *jin-vang ~ ong*.⁵ В после-юаньской Монголии мы встречаем уже особый институт *jinong*'ов. Царевич-*jinong*, один из ближайших родственников монгольского хана, является его соправителем, Цезарем при Августе, и ведает правым крылом (*baraġun ġar*) монгольского народа.⁶ По рассказу *Sanang secen'a*, один монгольский царевич так охарактеризовал хана и джинонга:

На синеве вверху солнце и луна,
На земле внизу хан и джинонг.⁷

¹ О совсем позднейших отступлениях от этого обыкновения будет упомянуто ниже.

² S. s., 170, 174, 178, 190, 196; A. t., 73—75, 80, 81, 83, 84, 91, 93, 94, 95, 103—110; „История Радлова“, 229; ср. ДАН-В, 1930, стр. 187, 221—222. В эпоху Юаней под титулом *ong ~ vang* „царь, король“, обычно понимались царевицы, посаженные в качестве удельных правителей в разные провинции Китая. В после-юаньскую эпоху титул этот носили лишь потомки братьев Чингиса. Впоследствии в монг.-письм. и живых наречиях форма *ong* была забыта, но в некоторых говорах все таки сохранилась, см. ДАН-В, 1930, стр. 187.

³ От кит. хуан-тай цзы „царевич-наследник, старший сын императора, императорский принц“, см. P. Pelliot в T'oung Pao, 1913, p. 140.

⁴ S. s., 138, 140, 264; A. t., 55; „Ойрат. зак.“ 21. Об изменении хонг в хуна см. ДАН-В, 1930, стр. 221.

⁵ От кит. чжэн-ван „правлящий князь“ (кит. чжэн-ван > монг. *jin-ong* > *jinong*, см. Б. Владимиров, „Сравнительная грамматика“, 183; в работе этой слишком педантично представлено в форме *jinung*); ойрат-письм. *jonong* или *jonom*; Parker (p. 89) предлагает неприемлемое объяснение.

⁶ S. s., 154, 156, 160, 174, 176, 184, 192, 264, 266; A. t., 63, 86; „Мэн-гу-ю-му-цзи“, 48.

⁷ S. s., 160: *degere kökeregci-de naran saraṃ xoyar doura körsü-tü-de xaġan jinong xoyar*.

Выражение это является, повидимому, перефразировкой одной поговорки, издавна распространенной как у монголов, так и у китайцев: „на небе нет двух солнц; у народа нет двух владык“ (см. С. ск., 100—101; 214—комментарий Палладия Кафарова). Поговорка эта с разными вариациями, часто встречается в монгольских исторических сочинениях (см., напр. *Bolor toli*, III, 48) и в адаптированных с китайского исторических романах (см., напр., *Baraġun Xan ulus-un bicig*, VIII, 38, IX, 54; ср. также выражение Хутухтай Сечен хонг-тайджи) S. s., 232: *lama... xaġan xoyaġula köke oġtarġui-dur naran saraṃ xoyar nigen-ē urġu-ġsan metü saġumui*, ср. надписи на *Caġan Baiiſhing* (Huth, 31).

Монгольский хаган и джинонг, так же, как и другие большие феодальные сеньеры *xong-taiiji*, *taiiji*, *ong*, имеют свои уделы-сеньерии (*xubi*), состоящие из улусов-туманов или же одного или нескольких отоков одного и того же улуса, причем хан считается главою-сюзереном всех феодальных владельцев-царевичей и арриер-вассалов, т. е. тайшей, зайсангов и т. д., и специально ведает левым крылом (*jegün ġar*) монгольского народа, а джинонг, помимо своего удела (*xubi*), управляет правым крылом.¹

Все царевичи, *taiiji* разных степеней, — родственники; все они — родо-вичи, члены (*uruġ*) одного рода и кости (*Kiyad yasutu*, *Borjigin oboġtu*)² и поэтому ни в коем случае не могут жениться на девушках из этого рода. Своих дочерей³ монгольские *taiiji* и ханы выдают, обычно, за представителей феодальной аристократии, за тайшей и дзайсангов, в дома все тех же „зятьев“ (*kürġen*), с которыми были связаны обменом невест еще с давних, порой до-Чингисовых, времен.⁴ Только „императорские и княжеские зятья“ теперь уже не именуются больше *kürġen*, а получают, как и царевичи, более пышный титул *tabunang*.⁵

Вот перед нами иерархическая лестница монгольского феодального общества после-Юаньской эпохи:

	<i>taiishi</i>
<i>xaġan</i>	
	<i>cingsang</i>
<i>jinong</i>	
	<i>daiibu</i>
<i>xong-taiiji, ong</i>	
	<i>jaiisang</i>
<i>taiiji</i>	
	<i>ongniġūd</i>
	<i>tabunang</i>
	(<i>ġoncin</i>)

Все *altan uruġ'i*, т. е. *taiiji*, царевичи дома Чингиса, — их иногда начинают величать *xad* „царь, княжич, царевич“⁶ — в каких бы отношениях они между собой ни были, являются агнатным патриархальным родом, связанным не только сознанием родства и разными традициями, но и особым

¹ S. s., 156, 184, 192. ² S. s., 62; A. t., 9.

³ Они носили титулы *ġünji* и *abaġai*, впоследствии *abai*, см. S. s., 176, 194; X. j., 29.

⁴ См. выше, стр. 48.

⁵ Монгольский историк XVIII в., *Gombojab*, отлично представляет себе все, относящееся к феодальным титулам, так о джинонге он замечает: *jinong, kitad vang kemegsen üge* (f. 34); он даже знает, что *ong, kitad-un vang kemegsen üge* (f. 16). Относительно тайджи и табунангов он пишет: „*mongġol xad-un nuġun üre-yi taiiji kememüi; abaxai öġġügsen kürġen, tabunang kemēn daġudaġuxui* (f. 46)“ мужских потомков монгольских князей называют тайджиями; а зятьев, за которых выдавали княжен, провозгласили табунангами. Слово табунанг, повидимому, китайского происхождения; но пока объяснить его не умею. Как известно, титул *kürġen* сохранился в западных улусах, причем это монгольское слово, написанное арабскими буквами, стали произносить на персидский лад: *gurgan*.

⁶ S. s., 56, 182, 184, 200, 202, 206, 234, 244, 278; A. t., 55.

культом, доступ к которому возможен только для них. Предметом культа сделался Чингис-хан,¹ его реликвии, т. е. его ставки,² его знамя — *tuğ-sülde*, в которое вошла, по верованию монголов, его душа (*sü, sür*), почему оно и становится гением-хранителем (*sakigulsun*) его рода и подвластного ему монгольского народа.³ Затем стали чтить прабабку и родоначальницу рода *Borjigin*, древнюю *Alan-goā*,⁴ а также младшего сына Чингиса, Толуя, от которого произошли все царевичи и ханы Юаньской державы.⁵

Taiji~*хад'ы*, конечно, ревниво оберегали свое особое изолированное положение и никого из посторонних не допускали в свою среду. Нам не известно ни одного случая, когда бы не кровно связанный с родом Чингис-хана был бы принят тем или другим образом в среду царевичей и сделался (бы) членом их „золотого рода“.⁶ А между тем институт усыно-

¹ Еще раньше, в дни мировой империи, у монголов, монгольской аристократии в первую очередь, определился культ Чингис-хана, см. D'Ohsson, II, 323—324; Иакинф, 331; „Юань-ши“.

² Иакинф 331; S. s., 148, 150, 184, 192, 280; A. t., 75; Владимирцов, „Надписи Цокту-тайджи“, I, 1276, 1278.

³ S. s., 192 (*xara sülde*); по монгольским преданиям *xara sülde* хранится до сих пор в Ордосе, см. Потанин, „Тибетско-Тангутская окрайна“, I, 129—130; Жамцарано, „Отчет“, стр. 48. „Сокровенное сказание“ говорит о *uesün költü çaḡa'an tuḡ* (см. P. Pelliot, „Notes sur le «Turkestan»“, p. 32) „белое знамя с девятью хвостами“; по монгольским поверьям оно до последнего времени хранилось в хошуне бывшего Го-сайда в С.-З. Халхе; его чествуют (*sülde senggenem*) через каждые 3 года; в 1913 г. мне пришлось присутствовать на подобном празднике, описать обряд и сфотографировать, а также списать обрядовую книжку. Знамя это до сих называется *saḡan tuḡ*, см. Владимирцов, „Чингис-хан“, стр. 72, „Юань-ши“ (VIII).

⁴ Ее стали величать *esi-xatun*, S. s., 180; A. t., 92—94; Жамцарано, „Отчет“, 47. О слове *esi*, см. K. Shiratori, „A study on the Titles Kaghan and Katun“, Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko, № 1, Tokyo, 1926, p. 8.

⁵ Иакинф, 309; Жамцарано, „Отчет“, 48.

⁶ *Sanang secen*, сам владетельный князь, приводит в своей истории цитату из *Subhashitaratnānidhi*, сочинения *Saskya-raḡḡita*, чрезвычайно популярного у монголов, которое известно у них в огромном количестве переводов. И вот *Sanang secen* вкладывает в уста одного из приближенных *Toḡuḡān-temür-хаḡān'a* следующую цитату из названного сочинения, которое он приводит в виде поучения императору:

*öber-ün nököd dayisun bolbāsu, tusatu;
eteged dayisun nökör bolbāsu, xourtu,*

т. е. „если собственный друг (или „слуга“) становится врагом, оказывает пользу; а если посторонний враг становится другом (или „слугою“), приносит вред“.

Между тем, как тибетский текст *Subhashitaratnānidhi* разных изданий, так и многочисленные монгольские переводы (*Sayin üge-tü erdeni-yin sang*), представляют это место в несколько иной форме. По-тибетски этот абзац оказывается следующим (VI, 18):

*phan-byed dgra-bo yin-yang bsten,
gñen-yang gnod-na spad-bar bya*

т. е. „нужно полагаться на приносящего пользу, хотя бы тот был врагом; нужно оставить родственника, если он вредит“.

Можно думать, что слишком вольный перевод — принадлежал ли он *Sanang secen'u* или нет, — безразлично, возник под влиянием феодально-родовых взглядов и настроений, которые распространены были в тогдашнем монгольском обществе.

вления был известен и распространен. Но тайджи, чтобы иметь законных наследников, должны были усыновлять обязательно какого-нибудь своего дальнего родственника, сына тайджи.¹ Даже на потомков Хасара и других братьев Чингиса смотрели иногда косо, как бы не совсем признавая, порой, их равноправными настоящими тайджи, происходящими от самого Чингис-хана.² Тайши, чинсанги и зайсанги, как бы могущественны они ни становились, никогда не могли и мечтать войти в род Чингиса: тайджи надо было родиться, родство по женской линии не давало никаких прав в этом отношении.³

Поэтому монгольским ханом, владыкой всех монголов, мог быть только потомок Чингис-хана, создавшего империю — державу для себя и своего рода; он один мог стоять во главе царевичей-чингисханов — феодальных сеньеров так же, как царевичи, и только царевичи, могли стоять во главе тайшей, дзайсангов и других феодалов, арриер-вассалов хагана.⁴ Так думали тайджи.

Монгольские хроники сообщают нам очень интересное сказание о том, как ойратский тайши Тогон, чрезвычайно усилившийся, задумал занять место монгольского хагана. Так же, как и знаменитый Тимур-Тамерлан, он был „императорским зятем“;⁵ и вот монгольский историк, сам владетельный князь из дома Чингиса, вкладывает ему в уста такую фразу, которою он будто бы хотел обосновать свою затею: „Он сказал, обращаясь к ставке Чингис-хана, которую осмелился ударить саблею:⁶ «Если ты белая юрта того, кто обладает счастьем-величием (т. е. императора-хана), то я, Тогон, говорю, сын той, кто обладает счастьем-величием (т. е. императрицы-ханьши)»“.

„По настоянию окружающих, — продолжает дальше монгольский историк, — Тогон-тайши решил вступить на престол по церемониалу монгольских ханов. Но при поклонении ставке Чингиса невидимое острие пронзило его; и все заметили, как одна стрела в колчане Чингис-хана,

¹ Ср. S. s., 178; A. t., 90—91.

² S. s., 178—180; A. t., 91—93, 80.

³ Интересно отметить, что S. s. манджурских царевичей (beile) называют taiishi (р. 284). Известный Aruḡtai-taiishi, по словам S. s., называет сам себя „человек из черни“: хагасу күмүн падур уагун? Аjai-taiiji tngri-yin üre bölüge „что мне, человеку из черни? А вот Аджай-тайджи — семя небожителя“ (S. s., 146).

⁴ Наши источники показывают, что права на ханский престол отрицались за потомками братьев Чингиса, см. S. s., 170, 178; A. t., 91—93; но в то же время известно, по сообщению S. s (146), что потомок младшего брата Чингис-хана, Adai-taiiji сидел на ханском престоле. Ойратские тайши не только не подчинялись монгольскому хану, но даже захватывали хаганский престол.

⁵ Происходя из рода старинных kürgen; мать его, Samur-günji, была дочерью хагана Elbeg, см. S. s., 142, 146, 148.

⁶ S. s., 150: ci sü-tü-yin beye қаған ger bolōsa, bi sü-te-yin (sü-tei-yin) üre Toḡān genem. A. t. приписывает ему почти те же слова (стр. 75): ci sūtü boḡda bolōsa, bi sūtei xatun-u üre „если ты августейший, обладающий счастьем-величием, то я сын ханьши, обладающей счастьем-величием.“

находившемся в ставке, покрылась кровью".¹ Умирая, Тогон сказал: „Муж, обладающий счастьем-величием, создал своего мужа; жена, обладающая счастьем-величием, не могла защитить, между тем, как я обращался к матери-ханьше, так поступил со мной владыка августейший“.²

Так „степные“ рассказы отобразили отношение монгольских феодалов к вопросу о хане своем, который неминуемо должен быть из рода Чингиса.

Но откуда же явилась такая затея у Тогон-тайши ойратского? Почему и каким образом тайши не только стал сильнее царевичей-чингисханидов, но даже потянулся к престолу самого Чингис-хана? Но мы знаем еще больше; мы знаем, что Есен-тайши, сын Тогона, стал монгольским хаганом;³ мы знаем, что не раз монгольские тайши и дзайсанги оспаривали власть у чингисханидов. Откуда эта борьба?

IV. ФЕОДАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ

Анализ феодальных терминов дает ключ к раскрытию многих событий. Просматривая наши источники, довольно легко теперь убедиться в том, что бесконечные междоусобные войны, которые в течение более ста лет, начиная от падения Юаньской династии, происходили в Монголии, постоянные убийства и частые смены ханов, общий упадок и оскудение, все это являлось результатом ожесточенной борьбы, которая началась между большими и малыми сеньерами, между феодалами-царевичами дома Чингиса и феодалами мелкими, вышедшими из родов монгольской степной аристократии, „тысячников“ империи и сановников Юаньской династии. Перед нами длительная борьба двух слоев одного и того же феодального класса: борьба тайджи с сайдами.⁴ Все войны и столкновения,

¹ S. s., 150; ср. A. t., 75.

² S. s., 150:

ere sütü ere-yügen edügülbei;
eme sütei öberidün ese cidabai;
eke sütei-dür erin yabuğsağar,
ejen boğda-dur eyin kigdebei.

Ср. A. t., 75—76:

ere boğda ere-ben medegülbei,
eme sütei-yin köbegün Toğon bi ükübe.

³ Монгольские источники приписывают ему стремление вообще искоренить род Чингис-хана, род Borjigin: yerü Borjigin-u ürei-yi tasulaya (S. s., 166). Монгольский историк, сам владетельный князь из рода Чингис-хана, говорит даже, что у монголов распространено было поверье, что за дурной поступок в отношении принадлежавшего к роду Борджигин небо посылало разные бедствия в наказание (S. s., 158: Borjigin-ā maḡu kibēsü genüger bolumui; 170: Borjigin-i maḡu kigsen-ü genüger buyu; ср. S. s., 186).

⁴ То же самое происходит и в западных улусах монгольской империи: беки-нояны ведут борьбу с царевичами-чингисханидами и в большинстве улусов оказываются победителями. „Глаза каждого из родов был как бы удельным князем своей области; все они принадлежали к отуреченным монгольским родам“ (Бартольд, „Улугбек“, 10).

которых было так много тогда в Монголии, восходят к этой основной причине; от нее же происходит и та упорная борьба, которую ведут ойраты против восточных монголов,¹ и ссора левого крыла с правым.²

Процесс феодализации после изгнания монголов из Китая начал развиваться скорее. Отодвинутые на север, частично даже за пределы Гоби, монголы оказались отрезанными от внешних рынков и от культурных областей вообще. Конечно, подобное положение должно было сказаться на состоянии хозяйства монголов, которое и без того находилось на очень низкой ступени развития: попрежнему натуральное хозяйство, основывавшееся главным образом на примитивном скотоводстве. После изгнания монголов из Китая, закрытия для них больших рынков, полного падения и уничтожения городской жизни в Монголии, хозяйственный партикуляризм должен был сказаться с особой силой.

„О драгоценный Дайду мой, построенный могучим Сечен-хаганом, В котором нет печали, если жить и зимой, и летом³!“

Власть монгольского хана пала и уменьшилась сейчас же после изгнания из Китая. Он лишился своей гвардии, своих сокровищ, блеска, двора, лишился своих войск и воевод. Какой авторитет мог быть у повелителя, бежавшего из своей столицы, бросившего все на произвол судьбы?

„Бедное великое имя мое: хаган — всеобщий владыка⁴!“

Царевичам тоже пришлось разделить участь главы их рода. Одни погибли в борьбе с китайцами, другие не могли справиться со своими уделами, где все настойчивее стали поднимать голову мелкие феодалы. „Золотой род“ начал оскудевать; царевичей просто стало мало.

А между тем младшие феодалы sayid'y, вернувшись к своим „тысячам“, ставшим отоками, скоро почувствовали свою силу. Экономический и феодальный партикуляризм скоро создал из них почти независимых князей.⁵ Многие из сайдов оказались во главе нескольких отоков и даже улусов, если к тому были благоприятствующие обстоятельства.⁶

¹ Т. е. сайды с царевичами.

² Царевичи и хаганы утвердились в начале в левом крыле монгольского народа; в правом же хозяйничали сайды вплоть до разгрома, а тогда и над правым крылом садились царевичи.

³ S. s., 136, слова, приписываемые Тогон-Темур-хану.

⁴ S. s., 136; слова, приписываемые Тогон-Темур-хану.

⁵ Говоря об аристократии западных улусов, ориенталисты часто потомков Чингиса называют „царевичами, ханами, султанами“, а беков (ноянов) — „князьями“. Так как в монголоведческой литературе давно уже утвердилось обыкновение именовать ноянов (нойонов), потомков Чингиса, „князьями“, то мы оказываемся связанными этой терминологией. В виду этого, тайши, дзайсангов и т. д. я называю „сайдами“ (sayid), вслед за нашими монгольскими источниками.

⁶ S. s., 182, ср. Покотилов, 112—113, 118; A. t., 96, 98; см. еще A. t., 98—110, 87—88, ср. Покотилов, 148—149. Кроме того, не надо забывать таких „сайдов“, как ойратские Тогон-тайши и Есен-тайши, ставший ханом.

Затем можно констатировать, как сайды начинают сознавать свою силу и сознавать общность своих интересов в противовес большим сеньерам, хагану, джинонгу и тайджи. Они поняли, что сами могут стать на их место. Монгольский историк заставляет двух сайдов сказать такую характерную фразу:¹ „Зачем нам принимать над собой господина? Сами, ведь, можем ведать свои головы! Убьем теперь этого наследного принца-царевича!“

Ойратские сайды оказались в особо благоприятном положении. Как известно, ойраты меньше других племен монгольских были затронуты „тысячной“ организацией Чингиса. Он образовал там четыре тьмы, но не посадил над ними своих людей. Просто ойратские вожди сделались вассалами монгольского хана и в качестве темников должны были, в случае надобности, выставлять определенный контингент войска, которыми сами заведывали и сами ставили своих тысячников.² Потом они были „императорскими зятьями“ (kürgen).

В конце XIV и начале XV вв. мы застаем ойратов на новых местах, там, где их не было в век монгольской империи. Из своих родных лесов они выходят на степь и начинают кочевать по Алтаю и по прилегающим к нему степям и горным пространствам.³ Они, следовательно, пережили крупное изменение в хозяйственном быту: из народа „лесного“ полу-охотничьего, полу-кочевого они превратились в настоящих степных иомадов. И это изменение в хозяйственном отношении должно было укрепить насаженный у них Чингис-ханом феодализм. В XV в. во главе ойратской феодальной лестницы стоит taiishi и феодально ему подчиненные два cingsang'a.⁴ Уже из этих терминов-титолов вытекает, что ойратская аристократия не отличалась по своему происхождению от монгольской, „восточно“-монгольской.

Но она оказалась в более сильном и выгодном положении. Она, имея во главе „императорских зятьев“ (kürgen), не знала над собой феодальных сеньеров-царевичей, а прямо зависела от хагана.⁵ Она правила молодым народом, только что перешедшим на „степь“, лучше других монгольских племен сохранившимся во время войн империи и феодальных схваток между царевичами.

Очень скоро ойратские тайши почувствовали тяжесть зависимости от монгольского хана. „... хаган... отдает в ведение четыре (тумана

¹ S. s., 184; ср. A. t., 101: bide degere-ben noyan abxu manu yağun? öber-ün terigü-ben öbesü-ben medejü yabuxu bui-ja! ene abağai-yi edüge tebciye! Так говорят два сайда из правого крыла о сыне Даян-хана, его наследнике (abağai), который был поставлен джинонгом (см. S. s., там же; ср. Покотилов, 143—145).

² См. выше.

³ Ср. Bretschneider, II, 161, 167—168; Покотилов, 32.

⁴ S. s., 160, 168. Ойраты так же, как и восточные монголы, делились на два крыла: barağun ġar и jegün ġar, во главе которых стояли cingsang'и. Возможно, что подобное положение у них было не всегда и возникло в подражание монголам восточным.

⁵ Влияние хаган'а, в начале после-юаньской эпохи, не совсем еще исчезло и ойратам приходилось это чувствовать; см. прим. 1, стр. 150.

ойратов) моему человеку из черни (*minu xaracu*), Batula, в то время, как я, его господин, жив“, — с гневом говорит, по свидетельству монгольского историка,¹ ойратский тайши, когда монгольский хан Ельбек назначил, по личным побуждениям, служившего ему Батула чинсангом ойратским.

Ойратские тайши с зависящими от них феодалами как бы повторяют историю монголов: они стремятся вновь пройти путь Чингис-хана. Но если общественно-экономические условия толкали их на борьбу с монгольскими феодалами, то эти же условия не давали им возможности объединить всех или большое количество монголов. В их распоряжении не было общественного класса, достаточно сильного, который бы их мог поддерживать, они опирались на одних лишь своих феодалов, и непрочность этой основы сказывалась очень скоро. Ойратский тайши мог даже стать монгольским хаганом на престоле Чингиса, мог победоносно пойти в поход на Китай, но не мог удержаться на занятой позиции. Феодалная ойратская волна, выносившая его вверх, его же и смывала.²

Борьбу против монгольского хана продолжают „восточно“ - монгольские сайды, которые, повидимому, не мечтают о хаганском престоле, а бьются лишь за личные интересы, за свою независимость.³ Впрочем, они ведут борьбу и между собой, борются и с ойратами, борются и с царевичами-чингисханидами.⁴ И царевичи далеко не всегда понимают и сознают общность своих интересов против сайдов. Наоборот, они иногда выступают и против хагана, и друг против друга.⁵ Иногда берутся за саблю даже женщины.⁶

Интересно отметить случай своего рода *désaveu* вассала по отношению к своему сюзерену. Так один джингонг, недовольный хаганом за то, что тот захватил его конюшего (*köteci*), заявляет:⁷ *simai-yi aha gejü ülü sanam bi kemēged ama aldaju* „тебя (т. е. хагана) я не считаю за старшего! сказал он и дал клятву“.

Войны друг с другом монгольских феодалов поддерживались еще необходимостью искать себе добычу в виду незначительности обмена в пределах одного феодального владения.⁸ Вообще, узкие, партикулярные интересы, характерные для феодализма, оказываются доминирующими.

¹ 142; ср. несколько иной рассказ о том же A. t., 57; для нас в данном случае разница в показаниях источников не имеет значения, потому что и S. s., и A. t., отмечают одно и то же главное явление.

² S. s., 168; A. t., 78—79. ³ S. s., 158, 170, 178, 182, 184, 188, 190, 194; A. t., 87—89, 96—108. ⁴ A. t., 108—110; S. s., 178. ⁵ S. s., 170, 172, 174, 176, 178; A. t. 66—68, 81—84. ⁶ S. s., 170, 174, 180, 182; A. t., 94. ⁷ A. t., 64.

⁸ Монгольские хроники полны сообщений о том, как один феодал ограбил и разорил другого: Isama (Ismayil)-taiishi, произведя нападение на джунгу „забрал при набеge народ и скот его“, ulus mal-i inu daulijur abugad (S. s., 176); ханьша Mandugai-secen напала на ойратов и „захватила большую добычу“, yeke olja talxa abubai (S. s., 180); ср. S. s., 170, 258; A. t., 77. Захваченных при набегах знатных женщин победители, обычно, брали себе в жены; S. s., 144, 176, 182; A. t., 59.

Перед нами картина типичных феодальных войн.¹ Даже съезды феодалов (*sigulgan* ~ *cülgan*) заканчиваются часто битвой или дракой с убийствами,² и недаром тогда возникла поговорка:³

noyad-un ükül cülgan-du,
nochai-yin ükül xana-du

т. е.

„смерть господ на съезде,
смерть собаки у решетки юрты“.

В противоположность тому, что произошло в западных улусах, образовавшихся на развалинах монгольской империи, у „настоящих“ монголов описываемая борьба феодалов закончилась полной победой хагана и тайджи; сайды, в качестве феодальных владельцев, уцелели только у большей части ойратов, да, случайно, на периферии монгольского мира, в одном только месте.

Монгольские феодальные войны, вообще очень напоминающие войны феодалов европейского средневековья, характерны тем, что в основном показывают борьбу между двумя слоями класса феодалов. Это особенно становится заметным к концу XV и началу XVI вв., когда борьба эта закончилась полной победой чингисханидов. Действительно, кто противники *Batu-Möngke-Dayan-xaġan*'a? С кем он ведет войны? Наши источники единогласно утверждают, что противниками Даян-хана были тайши, чинсанги и другие монгольские сайды, некоторые из которых к этому времени оказались достаточно могущественными и стояли во главе целых групп отоков;⁴ некоторые сайды, следовательно, превратились уже в крупных сеньеров, какими были тайджи.

Очень трудно сказать, почему, благодаря каким причинам, победа в длительной борьбе завершилась победой хагана и рода Чингис-хана. Повидимому, хаганам удалось найти поддержку у тайджи, очень тогда немногочисленных, в особенности у потомков Хасара,⁵ а также у неко-

¹ S. s. и A. t. дают довольно яркую картину, иллюстрирующую высказанное положение.

² S. s., 160, 162; A. t., 68—69.

³ A. t., 69. Толкование этой поговорки, даваемое Галсан Гомбоевым (стр. 65), совершенно произвольно.

⁴ S. s., 182, 184, 186, 188, 190, 192, 194; A. t., 95—107; Покотиллов 113—117 (Покотиллов объясняет поражение тайши „расслаблением“ подчиненных ему монголов, а также „упоеанием“ своими победами над китайцами); 143—144, 147—150.

⁵ Энергичнее других на стороне Даян-хана выступал *Urtuġuxai-ong*, потомок Хасара, владетельный сеньер хорчинов, см. S. s., 190, 196; A. t., 103, 106, 107; ср. A. t., 109—110. Появилась даже поговорка (A. t., 110):

Xasar-un üre
xaġan-u üre-dü nigen tusa kürgebe

торых сайдов, по всей вероятности, мелких сеньеров, которым казалось более выгодным находиться под сюзеренитетом монгольского хана, чем под властью крупных сеньеров-сайдов. Впрочем как тайджи, так и сайды пошли за хаганом не без некоторых колебаний.¹ Есть некоторые основания думать, что и простой народ отчасти поддержал хагана и род Чингис-хана, надеясь, что победа старшего сюзерена обуздает феодалов.

Но главная причина победы монгольского хагана над феодалами-сайдами, повидимому, была заложена в отношениях к Китаю. К XVI в. создалось положение, когда с одной стороны набеги для грабежа, а с другой торговые сношения требовали для успешного их проведения единого руководства, руководства, идущего из одного центра, и известной систематичности. А благосостояние монголов, принадлежавших ко всем социальным группам, в значительной мере зависело от этих двухсторонних действий по отношению к Китаю, который со своей стороны нуждался в монгольском рынке.²

Монгольскому хану удалось лучше других феодалов-сайдов организовать набеги на богатого оседлого соседа. Китайцы, проглядевшие и не понявшие борьбу классов, происходившую в Монголии, заметили перемену; монгольские нападения „нельзя уже считать случайными разбойничьими набегами, а скорее строго рассчитанными и правильно организованными военными предприятиями“.³ Кроме того, монгольскому хану, благодаря ореолу своего звания в глазах китайцев, тоже легче удалось завязать торговые сношения с минцами, хотя бы в виде обмена подарками,⁴ легче, чем другим феодалам. Подобные „сношения“ неминуемо

т. е.

„потомок Хасара
помог раз потомку хагана (т. е. Чингиса)“.

Из того факта, что потомки других братьев Чингис-хана уцелели в качестве феодальных господ наравне с потомками Даян-хана (см. „Мэн-гу-ю-му-цзи“, 27, 38, 40, 330; ДАН-V 1930, стр. 219; Gombjab, 52), можно сделать вывод, что опг'ы в век Даян-хана не были, по крайней мере, врагами монгольского хагана.

¹ Нельзя забывать наивного рассказа S. s. и A. t. о том, как потомок Хасара, Ünebolad-ong хорчинский (более точно уругутский) сватался к овдовевшей ханше, Mandugai-sesen-xatun, которая, если бы вышла за него замуж, то, быть может, доставила бы ему трон Чингиса, см. S. s., 178; A. t., 91. Некоторые сайды то действуют за Даян-хана, то открыто выступают против него, а под конец оказываются его людьми, см. S. s., 184, 190, 192 (хархатанский Bayan-sökh). Намек на настроение простого народа можно найти у S. s. (196, ср. также S. s., 152 (Monggol-un öcükен irgen уходят, откочевывают от Esen-taiishi, ставшего монгольским хаганом).

² Покотилов, 113—124; 141—150.

³ Покотилов, 123; ср. Parker, 89—90.

⁴ Покотилов, 117—118. Китайцы подобного рода сделки, по старой традиции, называют предоставлением дани. В глазах же кочевников монгольского хагана и других, наоборот, это был очень выгодный товарообмен, которого они усиленно добивались. По словам китайского источника (Покотилов, 117), „пограничные начальники обратили внимание на то, что доклад, написанный на монгольском языке, был составлен в грубой форме“. „Докладом“ китайцы называли грамоту Даян-хана, в которой он именовал себя „Великим Юань'ским Хаганом“ (Покотилов, там же; Parker, 88—89).

должны были ставить того, кто ими руководит, в данном случае хагана, в благоприятное, а его вассалов в зависимое от него положение. Хаган становился своего рода распределителем произведений китайского рынка и китайской добычи.

V. ХАГАН И ТАЙДЖИ

Победа хагана и рода Чингиса особенно упрочилась тогда, когда сыновья и внуки Даян-хана поделили между собой монгольские туманы и отоки (*ömsi xubiyar-un*) и сели феодальными сеньерами.¹ Но это знаменовало лишь победу над сайдами, которые быстро были низведены на степень служилого люда; настоящими феодальными владельцами остались одни тайджи.

Сайды давно уже, в век Юаней, потеряли связь со своими родами, аристократическое происхождение многих из них было забыто. Не поддерживаемые своими родовичами, потеряв реальную силу, они превратились в *xaraliġ*, т. е. „относящихся к простому, черному народу“,² тогда, как тайджи принадлежали к *saġān yasun* „белой кости“. Монгольские сайды превратились вначале в мелких феодалов, а потом в чиновников-тушимелов. Между тем ойратские сайды, которые не были побеждены хаганом и тайджи, сохранились в качестве феодальных сеньеров, и многие из них, начиная со второй половины XVI в., принимали титулы тайджи и хонг-тайджи. И так как они сильны, то это никого не удивляет, и никто не смеет поднимать разговор о том, что ойратские нояны „черной кости“.

Процесс феодализации не остановился на победе хагана, а только принял новое направление. Монгольский хаган и после своей победы не смел нарушить феодальный строй и сделать попытку создания державы, покоящейся на автократических началах. Для этого не было никаких предпосылок. И монгольские источники хорошо отмечают это, хотя и дают несколько наивную оценку происходившему.

Стремления к своего рода абсолютизму были заметны в кругах, стоявших близко к Даян-хану и его внуку и преемнику, *Bodi-Alag*. Монгольские источники сообщают, что хорчинские ваны (*ong*), потомки Хасара и верные вассалы хагана, предлагали, вначале Даян-хану, а после его смерти преемнику его, уничтожить „правое крыло“, а входящие в его состав отоки перемешать с отоками „левого крыла“, присоединить к нему и распределить между его феодалами, в том числе уделить и хану значи-

¹ S. s., 196, 198, 204, 208.

² Известный Алтан-хан туметский говорит: *ta arban xoyar Tümed-ün noyad sayid, ... minu metü xad, taq-u metü xaraliġ-ud ken möngkerelügei* (S. s., 244) „вы, нояны и сайды (сеньеры и сановники) двенадцати (отоков) Туметов, ... кто из царей, вроде меня, и простых (черных), вроде вас, жил вечно?“ См. выше.

тельную часть, как феодальному владельцу одного специального тумана чахар.¹ Предлагалось даже просто разбить и развеять правое крыло.²

Даян-хан в ответ на эти предложения дал, будто бы, таксй, очень для нас интересный, ответ:³ „народ видел зло Ибири и Мандулая.⁴ Если разбить шесть туманов народа, только и оставшихся от древних сорока тем монгольского улуса, то что за выгода будет для меня в том, что стал я хаганом-владыкой всех?“ Но еще более знаменательные слова были сказаны по поводу предположения раскассировать туманы правого крыла при Боди-Алак-хане. Лица, стоявшие против этого проекта, просто заметили,⁵ что над отоками и туманами правого крыла сидят феодальными сеньерами потомки сына Даян-хана, джинонга Bars-Bolad-Sayin-Alag'a, которые не отдадут без борьбы своего достоинства. „Хорошо, если сможем одолеть; ну, а если не будем в состоянии, то погубим себя и других и раззоримся“,⁶ — так закончили они свои слова.

В речах этих высказывается определенное признание того, что уничтожить феодалов-тайджи хагану невозможно. И ничего нет удивительного в том, что очень скоро, во второй половине XVI в., монгольский хаган превратился в простого господина одного из туманов.⁷ Власть его, вернее сказать, его сюзеренитет оказался настолько слабым, что он перестает быть единственным монгольским ханом. В целом ряде уделов-туманов, феодалы, его же родственники, провозглашают себя хаганами;⁸ а в некоторых уделах наряду с ханами, в подражание былому, возникают и джинонги.⁹ Как бы подчеркивая произошедшую перемену, подчеркивая

¹ S. s., 196; A. t., 106—108.

² S. s., там же; Barağun ğurban ken-dür sayitu ulus bölüge. esebēsü dobtulju abun tarxağaya; esebēsü xarin jisijü, jegün tümen-lüge neyilegülün xolidxan xubiyaya.

³ S. s., 196, 198: ulus Ibiri Mandulai xoyar-un mağu-yi üjebei, erten-ü döcin tümen Mongğol ulus-āca ülegsen, enegükен jirğugан түмен ulus-i ebdebēsü. xamuğ-um ejen хаган болуğсан-у хабйа мину yağun bui?

⁴ Два сайда из правого крыла, один из них был тайши, главные противники Даян-хана; о них речь шла уже выше.

⁵ S. s. (196, 198) вкладывает эту речь в уста ханши, матери Боди-Алак-хана.

⁶ S. s., 198.

⁷ А именно чахарским. Сахар түмен или ulus был наследственным уделом (xubi) монгольского хана, см. S. s., 182, 196, 254, 256; A. t., 98, 106, 92.

⁸ Напр., известный Алтан туметский становится ханом и передает этот титул своему потомству (S. s., 200, 246; A. t., 110—112), три халхаских тайджи принимают ханский титул (S. s., 254; I. sh., XLV, 5; „Мэн-гу-ю-му-цзи“, 56, 87, 102), причем Тушету-хан получил ханский титул от Далай-ламы. Ханом становится и Boshuğtu-jinong (S. s., 236, 264) ордосский, получивший от одного тибетского иерарха странный титул jinong-хаган (S. s., 264). Bolor toli, поздний монгольский источник, совершенно точно определяет положение: „в ту пору в нашей монгольской стране много было ноянов, называвшихся хаганами“ (III). Altan tobci говорит, что уже Bars-Bolad-Sayin-Alag, третий сын Даян-хана, называл себя одно время хаганом, (A. t., 107); S. s., прямо говорит, что он был хаганом (S. s., 206). О большом количестве княжеских уделов и слабости центральной власти говорят и китайские источники, см. Покотилов, 211—212.

⁹ Напр. в Халхе, см. I. sh., XLV, 13.

то, что „монгольский“ великий хан ничем не отличается от других, его начинают иногда называть уже не монгольским, а чахарским ханом.¹ Монголия, таким образом, распадается на несколько ханств,² которые связаны между собою постольку, поскольку это выгодно и желательно тем, кто стоит во главе их.³ Но и каждое такое монгольское ханство отнюдь не является царством, которым правит единодержавно хан повелитель. Монгольские ханства конца XVI и XVII вв. такие же феодальные объединения, каким представляется весь „монгольский улус“.⁴ Только феодальные владения внутри одного ханства представляются более связанными и сплоченными.⁵

В каждом таком монгольском ханстве, в Ордосе, у туметов, у халхасов, где появляются три хана, у чахар, наконец, ханы раздают уделы своим сыновьям, внукам; те продолжают традицию, и уделы множатся бесконечно вместе с разрастанием ханских родов, всего „золотого“ рода. Можно отметить, как с образованием ханств начинает исчезать понятие *tümen*,⁶ эволюционирует и понятие оток.

Сайдам теперь нет места среди настоящих феодалов, они быстро превращаются в простых чиновников, хотя часто и наследственных, и могут иметь в своем распоряжении по небольшому количеству принадлежавших им людей.⁷ Понемногу, отмечая происходившую перемену, их

¹ S. s., 254, 256, 258. В виду этого поздние источники наши часто говорят о том, что тот или другой монгольский улус „признавал власть чахар“, см., напр., „Мэн-гу-ю-му-цзи“, 29, 48; I. sh., LIII, 4.

² Для отличия более поздние монгольские источники прямого потомка великих ханов называют *törü-yin yeke хаган* „державный великий хаган“ (Bolor toli, III).

³ Попытка последнего великого хана Легдана подчинить своему сюзеренитету хотя бы ближайших феодальных сеньеров, как известно, потерпела крушение, а между тем у него были сторонники, напр., в Халхе, см. Б. Владимирцов, „Надписи Цокту-тайджи“, II, 232—238.

⁴ S. s., 196, 200, 204, 206, 208, 242.

⁵ См. напр., S. s., 264, 268, 270, 280, 282.

⁶ В XVII в. слово это употребляется лишь как „украшающий эпитет“, по воспоминаниям, ср. S. s., 278; *Cağan Baiishing* (Huth), 31. Впоследствии слово *tümen* получает значение „народные массы, множество народа“.

⁷ Такое изменение в положении сайдов произошло, конечно, постепенно и в различных местах по-разному. У нас есть свидетельские показания о том, что даже в начале XVIII в., в Халхе встречались *дзайсанги-владельцы* (*ejen*) хошунов, см. X. j., 1. В XVII в. в Халхе же существовал институт *поуад-ип кеб-тү болугсан* „приравненных к ноянам“, причем халхаские законы подтверждают их права: „сайды, приравненные раньше к ноянам в трех хошунах, продолжают пользоваться положением ноянов вместе со своими родственниками“ (X. j., 89). О сайдах-феодалах, хотя бы и мелких, см. Бурят. хроники. Единственное место, где бывшие сайды сохранились в положении настоящих феодальных сеньеров, владельцев хошунов, является харачинский аймак, где сидят потомки Джелме, нукера и полководца Чингис-хана, происходившего из поколения Урянхэ, см. Schmidt, „Volksstämme“, 427—428; „Мэн-гу-ю-му-цзи“, 13 (Попов не восстановил имени полководца Чингиса и пишет „Цзирма“), и в одном хошуне восточных Туметов, см. Schmidt, там же, стр. 429; „Мэн-гу-ю-му-цзи“, 16. В указанных хошунах сохранились и роды древних *tabunang*-ов, см. Монг. Улож., II, 10; Bolor toli, III, 59; ср. Иакинф, „Записки о Монголии“, II, 204. В предисловии к „Монгольской хрестоматии“ (стр. X), сказанное А. М. Позднеевым относительно харачин, на самом

перестают называть ноянами; титул этот начинает обозначать, почти исключительно, настоящих феодальных сеньеров, т. е. тайджи, хон-тайджи, джинонгов и ханов. А во многих местах самые старые титулы сайдов забываются навеки, напр., тайши, дайбу, чинсанг.¹

Что касается ойратов, то у них наблюдается иное. Они не были покорены монгольским тайджи и ханом. И у них прежняя феодальная аристократия сохраняется по-старому. Феодальными сеньерами сидят у них сайды: тайши, зайсанги и т. д. Но и у ойратов наблюдаются перемены, которые сильно напоминают то, что происходило у восточных монголов. Очевидно, процесс феодализации в монгольском кочевом обществе протекал более или менее однообразно повсюду, под влиянием очень близких обстоятельств.

Можно наблюдать и у ойратов образование больших кочевых сеньерий, опиравшихся на группы племен с их феодалами, более мелкими, почти независимых друг от друга. Можно наблюдать, как крупные ойратские феодалы, не удовлетворяясь прежними титулами, начинают величать себя хон-тайджи и тайджи,² а некоторые из них, наконец, принимают титул хана или джинонга,³ причем титулы эти вовсе не означают, что носители их сделали верховными господами всех ойратов. Так же, напр., как и у халхасов, у ойратов одновременно могло быть сразу несколько таких ханов.⁴ Ойратские зайсанги,⁵ в большинстве случаев, оказываются сеньерами аймаков⁶ и отоков.⁷

Напрасно доискиваться, кто из монгольских и ойратских феодальных владельцев признавал „власть“ монгольского „великого“ хана, а кто не признавал, и, следовательно, будто бы отделялся от монголов и становился независимым. Невозможно также смотреть на ойратов с их ханами и тайши, как на самостоятельное государство.⁸

деле приложимо к хорчинам; с его слов эту же ошибку повторяет Б. Лауфер (см. его — „Очерк монгольской литературы“ русск. перевод, 1927, стр. 48): не харачинские, а хорчинские князья и тайджи и князья Ару-хорчинские являются потомками Хасара (см. I. sh., „Мэн-гу-ю-му-цзи“ и т. п.).

¹ Титулы эти, повидимому, в качестве почетных, сохранились в среде монгольских сайдов вплоть до половины XVII в., см. S. s., 268; Б. Владимирцов, „Надписи Цокту-тайджи“, II, 220—222 (cingsang). Титул jaisang дожил до наших дней.

² Насколько мне известно, ни один ойратский сеньер до XVI в. не именовался taiiji. Но начиная со второй половины XVI в., титулы taiiji (ойрат. tayiji) и xong-taiiji становятся у них такими же обычными, как и taiishi, последний титул сохранился у них до XIX в. Русск. „контайша“ происходит от контаминации монголо-ойратских xong taiiji и taiishi.

³ Gabang Sharab, 3—4; Зая Пандита, 34.

⁴ См., напр., „Ойрат. Зак.“, 1—2. Как известно, феодальными сеньерами хошуты, одного из ойратских поколений, являлись потомки Хасара, брата Чингиса, см. Gabang Sharab, f. 3—4; Батур-Тюмень, стр. 26—27; Иакинф, „Ойрат.“, 25—26.

⁵ Ойрат. zaisang. ⁶ Иакинф, „Ойрат.“, 131; Паллас, III, 241. ⁷ Зая Пандита, 7.

⁸ Между прочим необходимо отметить, что так наз. „Ойратский союз“, о котором много говорят европейские ориенталисты, на самом деле никогда не существовал. Во всяком случае монгольские и ойратские источники ни разу о нем не упоминают. Повидимому,

Все монгольские феодальные владельцы, восточно-монгольские и ойратские, были сеньерами, различных степеней и силы, сидевшими над разными уделами (*хуби*) монгольского народа. А во главе всех феодалов стоял их верховный сюзерен — великий хан. Феодалы могли, соображаясь с разными потребностями, то признавать над собой сюзеренитет великого хана, то от него отказываться, даже вступать в полуассальские отношения к иным государствам. Но это не меняло ничего, потому что большой феодальный сеньер опять мог признать великого хана или вступить в сговор с одним или несколькими монгольскими или ойратскими сеньерами, подобными ему самому.

представление об Ойратском союзе появилось под влиянием не совсем правильного понимания слова *oyirad*, как „близкие“, значит, и „союзники“. Из того факта, что существовало название *Dörben Oyirad* „Четыре Ойратов“, никак нельзя сделать вывод о том, что был союз ойратский. Название *Dörben Oyirad* „Четыре Ойратов“ происходило и жило совершенно так же, как многие другие подобные же прозвания монгольских племен, напр., *arban хоуар Түмед*, *наймап Сахар*, *döcin Monggöl* „двенадцать туметов, восемь чахаров, сорок монголов“ и т. п. Числа в данном случае обозначали или количество отоков, или же туманов. Название *Dörben Oyirad* происходит от того же самого, оно обозначает: „четыре (тумана) ойратов“. И, действительно, мы знаем, по рассказу Рашид-ад-Дина, что при Чингис-хане, ойраты разделены были на четыре тумана (*tümen*). У Рашид-ад-Дина, правда, в данном случае, как и во многих других, говорится о „тысяче“, а не о „тюме“ (см. Р.-ад-Д., III, 136); но, как об этом уже было сказано выше, Рашид-ад-Дин довольно часто мешает „тысячу“ с „туманом“. В настоящем случае это вполне выясняется из контекста Р.-ад-Д., который говорит, что у ойратов: „Бек и государь их был Хотуга-бики. Когда он покорился, все войско ойратское утвердили за ним, и тысячными беками были люди, которых он хотел“ (Р.-ад-Д., там же). Не следует забывать также того, что обозначение числовое отоков и туманов, с течением времени, могло перестать соответствовать действительности, и у нас в распоряжении много примеров, свидетельствующих, как старые названия с числовыми показателями отоков или туманов жили даже тогда, когда всем было ясно и очевидно несоответствие с действительностью. Возьмем название *Döcin Monggöl*: все хорошо знали, что сорока туманов монгольских давно уже не существует (S. s., 138, 198), тем не менее название это употребляется еще в XVII в. („Ойрат. Зак.“, 2). То же самое произошло и с названием *Dörben Oyirad*, с той только разницей, что, с течением времени, ойратов стало гораздо больше, чем в век Чингиса и Юаньской династии. И вот некоторые восточные авторы (новые) стараются произвести разные комбинации, чтобы непременно получить цифру четыре, а европейские писатели обсуждают вопрос о том, кто же, собственно, входил с „союз четырех“. В действительности же ойраты так же, как и восточные монголы, представляли собой конгломерат различных племен (*ulus*) туманов и отоков, образовывавших феодальные сеньерии. Вначале это феодальное кочевое объединение, повидимому, имело одного сюзерена (тайши, см. выше); но впоследствии единого главы у ойратов не было, как не было в XVII в. и у восточных монголов. Многие, совершенно неверные взгляды на ойратов, как на „союз“, а также, напр., на то, что они, будто бы имели в XVII в. единого предводителя, начались с известной книги Иакинфа Бичурина, „Историческое обозрение ойратов или калмыков“ (СПб., 1834), кишащей неточными и ошибочными указаниями. Замечательно, что те, кому приходилось непосредственно сталкиваться с ойратами, гораздо лучше видели истинное положение вещей. Напр., капитан Унковский, бывший у ойратов в 1722—24 гг., пишет: „Сей Калмыцкой народ до Боштуханова (т. е. Бошоктухана) владения не под единой властью были, но многие особливые тайши над помянутыми народами властвовали; а Боштухан многих под свое владение привел“, „Посольство . . . Унковского“, стр. 195).

Весь монгольский улус образовывал в XVI—XVII вв. типичное феодальное государство с чрезвычайно слабой центральной властью, которая сделалась, под конец, настолько слаба, что, можно сказать, исчезла совершенно. Вместо одного хана появилось несколько, но „монгольский улус“ в качестве феодального, кочевого к тому же объединения, продолжал существовать, базируясь на натуральном хозяйстве с изолированными районами, со слабо-развитым товарообменом, тоже ограниченным определенными и довольно разнообразными районами.

Конечно, в таком „объединении“ противоречащих элементов было гораздо больше, чем связывающих, и оно обречено было на то, чтобы быстро перейти в другую фазу своего развития. „У княжеских родовичей (*had-un urug-üd*), потомков Даян-хана, рассеянных по шести великим улусам, и у массы простонародья (*haraliḡ-un uеke ulus*) оказалось много дел и поступков против державы“, — замечает монгольский историк,¹ рассказывая о последнем монгольском хане, Легдане (XVII в.), который предпринял попытку восстановить значение хагана.

VI. ФЕОДАЛЬНЫЙ РЕЖИМ

1. НИЗШИЕ КЛАССЫ

А. Албату — крепостные вассалы, домашние слуги и рабы

Переходя к обозрению феодального режима в среднем периоде, необходимо лишний раз отметить, что имеющиеся в нашем распоряжении источники относятся к XVII в., т. е. к концу рассматриваемой эпохи; поэтому восстановить картину феодальной жизни с желательной полнотой пока невозможно.

В средневековой Франции был выставлен лозунг, характеризующий феодальные отношения: *nulle terre sans seigneur*. В после-юаньской Монголии, в конце XV в., было заявлено: *хагасу ирген ежен-үгеі уакін уабуми*² „как простой народ может жить без владельца“. И действительно, в феодальной Монголии все простые, непривилегированные, *хагасу*, *haraliḡ*, *arad* „чернь, простой народ“, все имели господина-владельца (*ejen-noyan*).³ Монгольская феодальная аристократия прежде всего отличается от аратского класса тем, что она наследственно владеет своими людьми. Монгольский феодал потому и считается господином (*noyan*), что он наследственный владелец (*ejen*) той или иной группы: хан является владельцем „великого улуса“;⁴ большие сеньеры владельцами тумана (*tümen-u ejen*),⁵ меньшие феодалы — владельцами отоков-хошунов (*xoshigun-u ejen*),⁶ совсем

¹ S. s., 202; ср. „История Радлова“, 105, ² S. s., 186. ³ X. j., 16, 79.

⁴ Напр., S. s., 180: *ulus-un ejen Dayan-xagan*; ср. S. s., 256.

⁵ Напр. *saḡan Baišing* (Huth, 31): *Xalxa tümen-ü ejen boluḡsan* (*Jalayir xong-taiji*) (Джалаир хонг-тайджи), ставший наследственным владельцем халхаского тумана или халхаского улуса (народа). ⁶ Напр., X. j., 2.

мелкие феодалы — владельцами айлов.¹ Каждый сюзерен в отношении своего вассала, будь он царевич или сайд, или арат, оказывается владельцем-ејен'ом.²

Главнейшей обязанностью всякого вассала к своему сюзерену, — феодальному сеньеру того или другого ранга, — является *alba(n)* „служба, повинность“;³ *alban* — связывающее начало монгольского феодального общества, это *hominium et fidelitas* средневековой Европы.⁴ Поэтому, всегда вассал называется *albatu*, „обязанный службой-повинностью, подданный“, „*vassalus, feodatus*“.⁵ Самый простой арат является *albatu* своего сеньера, но и сами сеньеры, даже царевичи, могут быть названы *albatu* по отношению к своему ејен'у, хагану.⁶

Вместе с тем можно констатировать чрезвычайно большую разницу между *alban* феодала по отношению своего сюзерена и *alban* арата, хотя термин употребляется один и тот же.

Прежде всего разница заключается в том, что крупные феодалы называют своих сюзеренов, в том числе и хагана, ејен'ом только из почтения, по унаследованной привычке. Они отнюдь не являются „принадлежащими“ сюзерену; они только связаны с ним, как бывают связаны младшие родственники со старшими. Для феодалов их сюзерен только старший — аха.⁷ Недовольный своим сюзереном феодал, располагая известными силами, может начать борьбу с ним,⁸ отказавшись от зависимости,⁹ может откочевать далеко от него.¹⁰ Недовольные феодалы, наконец, могут прибегать к помощи своих собратьев, искать защиты у других сеньеров.¹¹

Совершенно иное положение *albatu* из аратской массы. Арат прежде всего „принадлежит“ своему владельцу, он его „крепостной вассал“ (*servus*). Владетельный феодал имеет в своем распоряжении своих *albatu* так же, как имеет скот и прочее имущество.¹²

¹ Напр., X. j., 115: *nigen jaγun erūke-ēce doruγsi albatu-tai noyad* „нояны, у которых подданных крепостных менее ста семей“.

² См. S. s., 146, 148, 150, 184, 186, 200; A. t., 75; X. j., 16, 18, 79.

³ Монгольское *alban* происходит от корня *al-* брать, взять; любопытно отметить, что в якутском языке, в котором имеется много монгольских элементов, слово *alban* значит вымогательство, домогательство (см. Э. К. Пекарский, „Словарь Якутского языка“, 69).

⁴ Прибывшие к Даян-хану сайды правого крыла говорят ему между прочим: *jirγuγan yeke ulus alban xubciγui yosutu* „нужно наложить повинности на шесть великих улусов“ (S. s., 184). *Alban* имеет еще следующее, вытекающее из основного, значение: „подать“.

⁵ Монгольские *albatu-nar* соответствуют *homines de corpore* феодальной Европы.

⁶ S. s., 172: царевич-чингисханид говорит о самом себе: *albatu boluγsan Muulixai-ong* „Муулихай-онг, ставший вассалом-подданным“ (великого хана).

⁷ Ср. S. s., 156; A. t., 64.

⁸ См. выше.

⁹ S. s., 156; A. t., 64—65.

¹⁰ См. Позднеев, „Эрдэнийн Эрих“, 102; A. t., 65, 83 (*negüjü garbai*); Зая Пандита, 16.

¹¹ „Ойрат. зак.“, 3; A. t., 100, 83; S. s., 166.

¹² Монгольские тексты наших источников очень часто, говоря об имуществе феодалов, упоминают параллельно о скоте и людях (*ulus, albatu*), напр., *ulus mal-i iau dauliju abubai* (S. s., 168, 176) „захватили людей и скот его“; ойратские сайды-нойоны говорят конюшему (*köteci*), давая ему поручение: *ayil kümün, ajarga-tu aduγu medegülsü* „дадим тебе в ведение

Монгольские араты, простой народ, непременно принадлежат какому-нибудь феодалу: *ejen-ügei yakin yabumui* „как могут жить без владельца“.

Личная зависимость арата от своего феодала прежде всего основывалась на том, что почти все орудия производства находились в прямом или завуалированном владении сеньера. Рассмотрим теперь главные виды этого владения.

1. Земля, пастбищные территории с разными угодьями, *nutuḡ*, на котором кочуют, находились во владении и в распоряжении феодального владельца. Как и в давние времена империи, сеньеру принадлежат люди (*ulus*) и место, пастбищные территории, где они могут кочевать (*nutuḡ*). *Üne-Bolad-ong*, делая предложение овдовевшей ханше, образно выражается так: *ḡal-i cinu sakiju ögsü, nutuḡ-i cinu jigaju ögsü*,¹ „буду хранить твой огонь, буду указывать тебе кочевья“. ² Эта краткая фраза знаменательна потому, что отмечает самое важное для кочевника: возможность распоряжаться и руководить кочеванием. Кто имеет возможность распоряжаться по своему усмотрению пастбищными территориями, тот и является у кочевников владельцем (*ejen*) земельных угодий (*nutuḡ*).³

В силу этого феодальный сеньер мог переводить своих людей на новые места, предоставляя им новые кочевки (*nutuḡ*);⁴ отчуждать известные части территории для разных целей, напр., для охоты, под пашни и т. д.;⁵ определять места для кочеванья, напр., зимние, летние и другие

аилами людей, да табун с жеребцом“ (*A. t.*, 85); *xan kümün nököceji ömügerebēsü, tabin ger kümün, nige jaḡun хуяḡ, nige jaḡun temeḡe, nige jaḡun adaḡu*. (*X. j.*, 120) „если царевич присоединится и будет держать сторону (тех, кто нападали на монастырь), то взять с него 50 домов людей, сто панцырей, сто верблюдов и сто лошадей“; „если великие нойоны (большие сеньеры), сами увлекля (других), убегут от врага, то следует взять с них по сту панцырей, по сту верблюдов, по пятидесяти семей (*örökö*) людей и по тысячи лошадей“ („Ойрат. зак.“, 3); ср. „Ойрат. зак.“, 3—4; *xan ba xaracu ijaḡur-un ejen... öḡḡüḡsen ed mal kümün* (*X. j.*, 21) „имущество, скот и люди, отданные ханом или основным владельцем простого человека“.

¹ *A. t.*, 91; в издании Гомбоева текст испорчен; то же самое и в пекинском издании (стр. 102), но ошибки обоих изданий не совпадают.

² Т. е. он станет ее мужем и „домохозяином“.

³ Ср. *S. s.*, 196; *A. t.*, 106—103. См. выше, стр. 111. То же самое наблюдается у монголов и в последующем периоде, о чем см. ниже. Монгольский героический эпос, рисующий картину былой жизни, отмечает, что кочевой феодал является владельцем (*ejen*) нутука, т. е. места для кочевания со всеми угодьями, см., напр., Б. Владимирцов, „Образцы монгольской народной словесности, Ленинград, 1926, (изд. ЛВИ, № 11), стр. 133: *öndr bayin Altā Xangḡā nutuḡin ezen bolāt töröksn sain ere* „славный витязь, ставший владельцем кочевков высокого, богатого Алтая и Хангая“ (баитская эпопея); ср. там же, стр. 160. „Ойрат. зак.“ определенно говорят о „владельце кочевья, владельце земли под кочевья“ *nutuḡiyin ezen* (стр. 16; перевод Голстунского в этом месте совершенно не верен см. стр. 53).

⁴ „Ойрат. зак.“, 21; Зая Пандита, 19, 30, 31.

⁵ Для выражения понятия запрета употреблялись термины: *xorig* - „запрещать, накладывать запрет“, *xorigul*, *xorig* „запретное место“; см. „Ойрат. зак.“, 6, 33; *X. j.*, 13, 122, 52. Пример: *keyid-ün sakigulein, nutuḡ-ıyan noyad-un öḡḡüḡe baḡuxu ḡajarāca bisi*

стоянки.¹ Очень интересно отметить, что слово *nutuq* ~ *nutuq* (ойрат.), которое всегда значило и значит „кочевье, родное кочевье“, у ойратов, кроме того, стало употребляться вместо *ulus* „улус, народ, составляющий владение кого-либо“, пример: *Dörböd Köndölöng-Ubashiyn nutuq urui nūji, Abalayin nutuq Ercis ödo sümēn temeseji nūqsen* (Зая Пандита, 19) „улус (народ) дэрбэтского Көндөлөн-Убаши скочевал вниз, а улус Аблая скочевал вверх по Иртышу, направляясь к монастырю“; „Сесен-хан... *yeke nutuq-ān abci Ili ödö nūbei* (Зая Пандита, 31) Цецен-хан... забрав свой большой (главный) улус (нутук) скочевал вверх по Или“.

В европейской литературе иногда высказывалось суждение о том, что кочевники и, в частности, монголы, не интересуются землей, территорией. Это, конечно, совершенно неверно и неестественно. Разумеется, и в рассматриваемый период монголы были очень заинтересованы в своих нутуках, кочевьях, и монгольские феодалы — в первую очередь. Только отношение кочевника к своему нутуку совсем не то, что у оседлого земледельца к своему участку или поместью. Для кочевников имеет большое значение возможность использования нутука на значительном пространстве для зимних, летних и других перекочевков. Поэтому кочевники хорошо знают, что для них имеет значение весь нутук, т. е. вся та территориальная площадь, на которой кочует данная социально-экономическая единица (оток, аймак и тому подобное). Отсюда следует с особой ясностью, что действительным хозяином и господином нутука является тот, кто может распоряжаться кочеваньем, перекочевками, и кто может даже заставить переменить нутук.¹ Наши источники указывают на большую заинтересованность в нутуках, в площади для кочевания, охоты, вообще для пользования, со стороны феодальных владельцев и „предводителей“. Напр., глава халхаских феодалов, принимая сюзеренитет маньчжурского императора, просит: *belciger usu-bar sayin ġajar ögkü ajiyatu* „не благоугодно ли будет дать землю, хорошую пастбищами и водой“.² Монгольские сайды бегут в пределы тогдашнего русского царства, надеясь получить земли в вечное пользование вместе с народом, пришедшим с ними (*möngke ejelebüri ġajar*).³

Замечательно, что в некоторых случаях феодальные монгольские законы признавали право владения вследствие того, что был применен труд. Так Халхаский Свод (X. j.) говорит, что колодезь, вновь выкопанный

xorigül ügei, ali taġalal-tu ġajar-tu nutuqlıxu bui (X. j., 122) „для хранителей монастыря нет запрета на родном кочевье, кроме тех мест, где останавливаются ставки князей; они могут кочевать на всяком другом месте, которое им понравится“. См. также X. j., 11, 13.

¹ „Ойрат. зак.“, 21; Зая Пандита, 19, 30, 31.

² „Эрд. Эрих“, 28. Халхаские нутуки в ту пору (1688 г.) были захвачены ойратами.

³ Бурятская хроника, MS Азиатского музея, F. 7, f. 2. Монгол-кочевник любит свой кочевой нутук так же, как оседлый человек свои родные места: витязь, умирая в бою, просит отпустить его коня: *nutuq-tu zanggi orultuġai* „пусть весть принесет в родные кочевья“ (Убаши-хун-тайджи, 210).

или исправленный, принадлежит тому, кто его устроил, и хозяин должен давать воду безвозмездно только для одного подверженного коня проезжающего; закон защищал также штрафом (один конь и один бычок) воду, находившуюся в чьем-либо владении, от посягательства на то, чтобы ее испортить (умышенно загрязнить и т. п.).¹

2. Скот находился во владении аратов, которые могли вести индивидуальное пастушеское хозяйство;² но обладание это было относительным. Его лучше было бы назвать завуалированным владением сеньера. Действительно, в случаях, когда феодальному владельцу предстояли штрафы, за него должны были расплачиваться скотом его *albatu*.³ Затем араты должны были предоставлять скот своему господину во всех важных случаях его жизни, требовавших расходов, напр., при представлении даров сюзерену, при созыве съездов, при перекочевках и в случае заключения брака в его семье, помимо обычных податей и натуральных повинностей.⁴

3. Всякие действия аратов, имеющие отношение к их собственному имуществу, находились под опекой и контролем феодальных сеньеров, напр., выделение имущества детям,⁵ торговые сделки в кредит с иностранцами (русскими и китайцами),⁶ поступление в буддийские монахи,⁷ браки.⁸

Для того, чтобы иметь возможность осуществлять свои феодальные „права“ и пользоваться привилегированным положением, сеньерам надо было опираться на силу, которая могла бы служить им мерой воздействия на их крепостных вассалов.⁹ Сеньеры, поэтому, имеют штаты чиновников, — это *daruga*, *jasagul*'ы, *demci*, *shüलगге*, о которых говорилось уже выше.⁹ Хотя чиновничье звание иногда, быть может, и было наследственным, тем не менее *tüshimel*'ы были тесно связаны с ноянами и находились в полном их распоряжении.¹⁰ Затем при феодальных сеньерах состояли и, очевидно, жили на их счет слуги разных рангов, среди которых особенно выделялись: конюшие (*kötec*i); по своему положению они были очень близки своим господам,¹¹ становились их наперсниками (*inağ*)¹²

¹ X. j., 81—82: *basa kümün-dü sine uxuğsan jasağsan usu-yi buliyalduju kereldübesü, nigen kijalan mori ögkü. usulaju degürce bayiji ese ögbesü, mön mori ögkü. xajağar morin-du usu ese ögtesü, sidülen xoni abxu. unuğsan morin-aca bisi-yi xagurcu usulabäsu, mön xoni abxu. medege bayiji shoğ-iyar usu bujarlabäsu, sidülen mori üker xoyar-i ögkü. ujeğsen gereci-dü üker-i ögkü.*

² Точные указания на это имеются в „Ойрат. зак.“ и X. j. Имущество, скот и т. д., наследственное, которым обладал арат, называлось *ömc*i ~ *önc*i, см. X. j., 8, „Ойрат. зак.“, 7.

³ X. j., 4.

⁴ „Ойрат. зак.“, 6—7; ср. *Mongğol qağaja* (6): *alba barir-ā irekü, ciğulğan ciğulxu, nutuğlan negükü ökin ögkü beri bağulğaxu jerge-yin kereg-tü jağun ger-ēce degegsi arban ger-ün doturāca nige mori, nige üker-ün terge abtuğai*; Зая Пандита, 7 (см. цитату выше).

⁵ X. j., 54—55.

⁶ X. j., 85.

⁷ X. j., 16; Зая Пандита, 4.

⁸ „Ойрат. Зак.“, 9; X. j., 52.

⁹ См. выше, стр. 140.

¹⁰ Ср. „Ойрат. зак.“, 3—4, 12, 20—21; S. s., 142, 258; A. t., 61; X. j., *passim*.

¹¹ S. s., 140, 148, 156, 162, 164, 166; A. t., 90; X. j., 36.

¹² Или *nökür*, см. A. t., 64, 69; S. s., 162, 164, 166.

и нередко играли значительную роль; „очередные служители“ при ставках (kesigücin)¹ и гонцы-эmissары (elci), исполнявшие также обязанности судебных приставов.² Впоследствии у ноянов появляются пажи или адъютанты (kiya).³

Кроме того, по некоторым намекам наших текстов можно думать, что иногда сильные феодальные сеньеры имели при себе известные отряды воинов, нечто в роде дружины или охранной стражи, набираемых из удалых молодцов (jalağus⁴ „молодцы“, bağatur „богатырь“)⁵ и т. п.

Наконец, в качестве орудия защиты и нападения в руках феодалов был суд (jargu), которым ведали они сами⁶ и которому они предписывали законы, законы чисто „феодальные“, составленные с точки зрения интересов класса феодалов.⁷ Суд и присяга (sixağa), игравшая очень важную роль в процессе, были организованы по принципу „chacun doit être jugé par ses pairs“.⁸ Ясны также стремления сборников законов отметить иммунитет правящих сеньеров и крепостную зависимость от них albatu.⁹

Личная зависимость albatu от своего сеньера* заключалась в том, что господин (noyan) располагал по своему желанию крепостным своим вассалом; но он все-таки не имел права безнаказанно лишать его жизни без суда, во всяком случае в XVII в. Прежде всего albatu является крепко прикрепленным к своему владельцу, почему он не имел права откочевать от него; уход от своего владельца (ejen) рассматривался, как бегство; беглеца (bosxağul ~ bosxül) должны были немедленно возвращать в распоряжение своего сеньера.¹⁰ Затем феодальный сеньер мог передать другому или подарить своего albatu,¹¹ а если это крепостная, то выдать замуж

¹ Слово это, несомненно, этимологически родственно слову kesig „черед, очередь; очередной караул“, которым называли старую гвардию империи. О kesigücin см. X. j., 68.

² S. s., 176; A. t., 56, 61; X. j., 5, passim; „Ойрат зак.“, 5, 6, 17, 18; Зая Пандита, 32.

³ Ойрат. kа; см. S. s., 214, 280; „Ойрат. зак.“, 4, 6, 8; „Надписи Цокту тайджи“, I, 1256, 1257, 1259, 1260; II, 221. Наши источники упоминают еще об erketen наравне с kа („Ойрат. зак.“, 4); звание это встречается и в других сочинениях (X. j., 10; Бурятская Хроника Юмсуней, 108), но неясно, какие функции выполняли эти erketen (дословно: „имеющие власть, сильные“). Можно думать, что, с одной стороны, под erketen понимались те, кто иначе назывался sayid'ами, а с другой — erketen были „ближайшие войны и служители“ при ставках, ср. Леонтович, „Монголо-калмыцкий устав взысканий“ стр. 74, 156—157; П. Небольсин, „Очерки быта калмыков хошоутовского улуса“, стр. 21—22.

⁴ Убаши хонг-тайджи, 199, 203—204, 209—210; ср. S. s., 214; A. t., 73 (nökür); Зая Пандита, 30 (xoshücin). ⁵ S. s., 192. ⁶ S. s., 190; X. j., 53—54.

⁷ Как сказано выше, оба кодекса „Ойрат. зак.“ и X. j., замечательны именно в этом отношении.

⁸ A. Luchaire, „Manuel des institutions françaises, période des Capétiens directs“, Paris, 1902, p. 202. Ср. X. j., 73—74.

⁹ X. j., „Ойрат. зак.“, passim; подробнее ниже.

¹⁰ A. t., 61, 64; „Ойрат. зак.“, 3, 17; X. j., 42—47.

¹¹ X. j., 21; „Ойрат. зак.“, 3. Монгольские сеньеры, обычно, отдавали в приданое своим дочерям известное количество своих албату (inji ~ inza), см. „Ойрат. зак.“, 8; X. j.,

внутри своего феода или в чужое владение.¹ В случае совершения *albatu* каких-либо важных преступлений, имеющих последствиями штрафы в пользу чужих сеньеров, чьи интересы были затронуты, даже сюзеренов данного феодала, *albatu* оставался у своего основного господина (*uğ-tu poyan*), если *albatu* не имел возможности уплатить штраф или другое какое-либо взыскание, то за него расплачивался его сеньер;² в некоторых случаях господину предоставлялась возможность производить выкуп (монг. *joliğ*, ойрат *doliq*) своего албату, не выплачивая штрафа полностью.³

Alban простого человека, по существу, состояла по отношению к своему феодальному владельцу в следующем: 1° натуральная повинность скотом и произведениями скотоводческого хозяйства (*alban xubciğur, siğüsün*);⁴ 2° служба при ставке сеньера, главным образом, по сбору топлива (кизяка) и т. п. (*argal tegükü*);⁵ 3° служба в ополчении сеньера и участие в облавных охотах (*ayan aba*);⁶ 4° подводная повинность, т. е. почтовая гоньба и доставка продовольствия проезжающим гонцам сеньеров (*ulağa shigüsü*);⁷ 5° участие в судебных процессах в качестве свидетеля (*ğegeci*)⁸ и дающего присягу (*sixağa*).⁹

Волею своего сеньера албату мог быть освобожден от несения всех или некоторых повинностей.¹⁰ Но только в очень редких случаях албату простой освобождался от *alban* своему сеньеру, от личной от него зависимости. Лица, освобожденные от несения повинностей, назывались *darxad* (мн. от *darxan*); о тех же, которые были свободны от личной зависимости от феодального владельца, говорили, что они *poyan-ügei* т. е., что над ними „нет господина“ или *alba-ügei*, т. е. они „не связаны албой-повинностью“.¹¹ Такие лица назывались также *dai darxad* „великие дарханы“.¹² Впрочем, повидимому, *darxad* и *dai darxad* — оба эти термина употреблялись безразлично.

30—31. *Li-Çiğur-khan*, тибетско-монгольский словарь (о нем см. ДАН-В, 1926, стр. 27—30) дает такое пояснение *inji inu xatun-u nöker* „инджи — спутники, прислужники благородной дамы“ (пекинк. ксилограф, f. 13). Монгольские феодалы в некоторых случаях платили штрафы семьями своих людей, см., напр., X. j., 31, 120, „Ойрат. зак.“, 3. См. также Зая Пандита, 19.

¹ X. j., 31—33, 52; *ükügsen kümün-ü eme-yi poyan ni kümün-dür ögbēsü...* „если вдову (жену умершего человека) сеньер ее выдаст замуж...“ (X. j., 52).

² X. j., 25, 42, 75.

³ X. j., 58.

⁴ S. s., 236; „Ойрат. зак.“, 7, 33; X. j., 9.

⁵ X. j., 68, 69, 84; ср. S. s., 144.

⁶ S. s., 236; „Ойрат. зак.“, 4; ср. X. j., 92—93. Повидимому, к военной службе привлекались все способные носить оружие; совершеннолетними считались достигшие 13 лет, ср. S. s., 166, 202, 258; A. t., 83, 112; Убаши-хун-тайджи, 207.

⁷ X. j., 4—7, 26—27, 37, 41; „Ойрат. зак.“, 5, 6, 17.

⁸ X. j., 10, 14, 37, 59, 65, 71, 77, 86—87; „Ойрат. зак.“, 3, 12, 18.

⁹ X. j., 5, 6, 11—12, 15, 27, 55, 64, „Ойрат. зак.“, 5, 12, 18. До нас дошел текст монгольской только в редакции XVIII в. (*Mongğol sağaja*).

¹⁰ S. s., 182, 184; A. t., 56, 105, 106; X. j., 7, 37, 42; „Ойрат. зак.“, 4; Зая Пандита, 26, 34.

¹¹ S. s., 188, 194, 236; A. t., 105, 106.

¹² S. s., 188, 194.

С конца XVI в. начали освобождать от *alban* и других повинностей буддийских монахов,¹ повидимому секты желтошапочников, которая в ту пору проникла к монголам,² но только в том случае, если было разрешение феодального владельца на поступление в орден монашествующих.³ Буддийский монах становился *alban xubciğur ügei* (S. s., 236) „не связанным албой и податями“, *noyad-tu tatalğa ġabiya ügei* (X. j., 16)⁴ „не имеющим по отношению к сеньерам представлять дань и услужать“. Наши источники говорят, впрочем, что, если монах совершал проступки и нарушал обеты, то опять попадал в положение албату.⁵

Принадлежавшие к монгольскому простонародью, *хагасу*, *arad*, *haraliğ*, непривилегированному классу, могли иметь в своем распоряжении людей, прямо от них зависимых. Люди эти назывались то *kitad* „раб“,⁶ то *medel* или *medeltü* „подведомственный“,⁷ а также *medel köbegün*⁸ „подведомственный отрок“ и просто *köbegün* „отрок“⁹ и *medel boğol* „подведомственный раб“,¹⁰ или просто *boğol-böl* „раб“.¹¹ Людей, принадлежащих простым, из аратов, *хагасу*, наши источники никогда не называют *albatu*, в некоторых случаях можно встретить просто такие выражения: *ulus* „люди“,¹² *kütmün* ~ *kümün* (ойрат.) „человек“.¹³ Подведомственных людей могли иметь и буддийские монахи.¹⁴

Действительно, *albatu* у монголов в рассматриваемую эпоху являлся тот, кто связан со своим сеньером *alban*, т. е. *hominium et fidelitas*, цепью „служебных повинностей“. Между тем „человек“, принадлежащий лицу из аратов, оказывается в положении полу-раба, полу-слуги. Феодальные отношения в монгольском обществе особенно ясно выступают при сравнении *albatu* „крепостных вассалов“ благородного сеньера (*ejen* *поуан*) с „подведомственными“ „людьми“ арата (*хагасу*). Кто имеет настоящих *albatu*, тот и есть феодальный сеньер; если *albatu* связан со

¹ S. s., 236; X. j., 16—26; „Ойрат. зак.“, 5; Зая Пандита, 26, 34.

² Об освобождении буддийских монахов до того времени известий не имеется; до конца XVI в., а в некоторых местах и позднее, распространение имели среди монголов так наз. секты красношапочников.

³ X. j., 16 (*ker-be ejen ba ecige eke-ēce boshig ügei toyin bolxula, toluğai-ben bü medetügei* „если станет монахом без соизволения владельца и родителей, то не смеет сам собой распоряжаться“).

⁴ То же X. j., 21, где еще добавляется: *alba kiged neng ulağa sigüsü ügei* „нет повинностей (по отношению к сеньеру) и совсем нет обязанности выставлять подводы и давать продовольствие“.

⁵ А также, поэтому, подчинялся юрисдикции своего основного сеньера, см. X. j., 17 (*busu ġajar oduğad, sakil-ıyan ebdebēsü, uğ-tu poyan inu nekejü abtuğai* „если (монах) отправится в иную землю и нарушит свои обеты, то основной его сеньер должен преследовать его и забрать“); S. s., 234. Из этого видно, как сильны были феодальные традиции; буддийские монахи из простонародья, конечно, находились в положении квази-свободных. Дальнейшая эволюция только подтверждает высказанное положение, см. ниже.

⁶ X. j., 27, 32, 49, 59.

⁷ X. j., 17, 22.

⁸ X. j., 87.

⁹ X. j., 4.

¹⁰ X. j., 87.

¹¹ „Ойрат. зак.“, 7.

¹² X. j., 75.

¹³ „Ойрат. зак.“, 4; X. j., 49.

¹⁴ „Ойрат. зак.“, 3; X. j., 17, 20, 21, 25.

своим господином *albatu*, то и феодальный сеньер имеет в отношении своего крепостного вассала различные обязательства. Наши источники, поэтому, никогда не называют термином *albatu* подчиненных вообще, подчиненных, напр., какому-нибудь сановнику или чиновнику: *yerü noyad albatu köbegün-iyen, daruga anu ulus-iyen, esige anu köbegün-iyen xulagai kigsen dagudaji gargaxula...* „если князь (сеньер) заявит о том, что его крепостной вассал или отрок совершил кражу, а начальник о своих людях, а отец о своем сыне...“¹

В среде „подведомственных“ можно различить две группы: одни были настоящими рабами (*kitad*,² *böl*),³ другие же находились на положении „домашних слуг“.⁴ Разница между ними, впрочем, в виду условий кочевого быта, часто могла быть почти незаметной. У феодальных сеньеров тоже были свои рабы (*kitad*) и „подведомственные“ домашние слуги (*medel bogol, köbegün* и *ger-ün kümün*).⁵ Будучи владельцем (*ejen*) своих *albatu*, феодальный господин этим самым являлся, конечно, сюзереном и „подведомственных“ аратам людей.⁶

Из всего вышесказанного вытекает, что *albatu* в средневековой Монголии, несмотря на крепостную зависимость от ноянов, находились в лучшем положении, чем „подведомственные“ и рабы. Хотя по условиям кочевого быта, последние и располагали известным имуществом, но юридически за него не были ответственны, так как оно принадлежало не им:⁷ *gegegsen eme medel bogol хойар-аса abula gekü yala-tai bui* (X. j., 87) „преступно получить (что-либо) от разведенной женщины и от подведомственного раба“.

¹ X. j., 74—75. В зависимости от контекста может случиться, что, наоборот, *albatu* назовут „человеком“ (*kümün*), напр.: *kümün-iyen ögkü dura-ügei bolbāsu, noyan anu ene tal-i güicegeji ög-* „если господин (сеньер) не хочет отдать своего человека, то пусть выдаст полностью этот калымный скот“ (X. j., 75).

² X. j., 27, 32, 49, 59. ³ „Ойрат. зак.“, 7. ⁴ X. j., 4, 35, 64: *ger-ün kümün, köbegüd*.

⁵ Как и в древности, у монголов в рассматриваемую эпоху термины *bogol (böl)* и *хагасу* употреблялись иногда в очень широком смысле, для обозначения всех в противоположность хану или важному сеньеру. Напр., *Aruḡtai-taiishi*, по свидетельству S. s. (стр. 146), называет себя *хагасу*; *Manduḡai-Secen-xatun*, обращаясь с мольбой к прародительнице рода Чингиса, называет себе *bogol beri* (рабыня-невестка), см. S. s., 180. О рабах и домашних слугах (*köbegün, ger-ün kümün*) у феодалов см. X. j., 4, 35, 64.

⁶ Ср. X. j., 27, 32, 49, 59.

⁷ *Хагасу* за убийство своего *medel*'а должен был платить половину большой пени (*anju*), состоявшей из 300 голов скота, 150 из коих крупного, а 150 мелкого (см. X. j., 25) и не нес никакого наказания (X. j., 87); между тем за убийство обыкновенного человека полагалось: пеня — в 30 ценных предметов и 300 голов скота; возмещение — человеком же, а если нет подведомственных людей, то молодым верблюдом и взрослым конем; наказание — 100 ударов кнута и отдача в рабы последнему человеку в уделе-хошуне (X. j., 49). По „Ойрат. зак.“ убивший своего раба (*böl*) платил 5 девятков скота, а за убийство рабыни (*eme böi*) три девятка (стр. 7); между тем за убийство среднего человека следовало уплатить штраф в 30 ценных предметов и 300 голов скота (стр. 12), а за убийство низшего (*adaq*) — одна ценная вещь и 15 девятков скота (там же).

Из вышесказанного можно вывести также, что хагасу, аратская масса, простонародье, в средневековой Монголии далеко не представляли собой однородной группы. Вней совершенно ясно различалось несколько пластов. Впрочем, наши источники определенно и говорят о таком расчленении масс хагасу. Нам остается только привести эти указания.

У монголов в рассматриваемую эпоху всех, не принадлежавших к поуан'ам, феодальным сеньерам, разделяли на три группы по материальному и связанному с последним общественному положению. К первой, высшей группе относились *sayin kümün*,¹ дословно „хороший человек“. Это были зажиточные и солидные семьи, имевшие в своем распоряжении значительное количество скота, домашних слуг, а иногда и рабов.² Из их среды выходили *tabunang*'и, т. е. ханские и княжеские зятья,³ и сайды — чиновники разных рангов и степеней,⁴ вообще все те, кого называли *yambu-tu* „сановный“.⁵ Как было сказано выше, после Даян-хана и победы царевичей, многие и многие прежние феодалы у восточных монголов, феодалы не чингисханиды, вошли в состав этой группы. Можно думать, что и дарханы, т. е. освобожденные от несения повинностей, относились к этому слою;⁶ к тому же дархатство, „освобождение“ чаще всего и выпадало на долю *sayin kümün*, которые на войне и при других обстоятельствах находились в положении более выгодном, чем другие, низших рангов, для того, чтобы выслужиться у своего феодального владельца.⁷

Ко второй, средней группе (*dumda ~ dunda kümün*)⁸ принадлежали хагасу не чиновные, *yambu-ügei*,⁹ но обладавшие известным достатком; на войну они шли хорошо вооруженными; такой арат являлся *lūbcitū* „панцырником, конным гоплитом“, *du'ulgatu* „шлемоносцем“, *degelei xuyaḡtu*¹⁰ „латником-хуячником“. Своих людей у них, повидимому, не было,¹¹ если не считать исключительных случаев. Возможно, что из их среды

¹ Ойрат. *sayin kümün*; „Ойрат. зак.“, 10, 19; X. j., 78; Убаши-хун-тайджи, 198, 199, 202.

² „Ойрат. зак.“, 8, 10, 14, 19; X. j., 71, 42. Нужно заметить, что иногда термином *sayin kümün* обозначали „хорошего“, знатного человека вообще, почему под этим термином, особенно в эпоху, когда сайды были еще феодальными владельцами, понимались как раз и они, ср. A. t., 60, 90.

³ Ойрат. зак., 3—4, 7—8; X. j., 4, 43, 44 (*eng-ün yambu-tu* „обыкновенный чиновный“). ⁴ См. выше, стр. 139.

⁵ „Ойрат. зак.“, 2, 7; X. j., 31, 43, 49; S. s., 234; ойрат. *yamu-tu*.

⁶ Ср. X. j., 42: *törü barigsan sayid... tabunang, darxad-nar tasulbasu, ḡurban boda* „если сайды-правители, княжеские зятья и дарханы прервут (поставку ямских подвоя), то (штрафуются) тремя крупными скотинами“.

⁷ Ср. A. t., 105, 106; S. s., 188, 194; „История Радлова“, 90.

⁸ „Ойрат. зак.“, 10, 14, 19; Убаши-хун-тайджи, 198, 199, 202.

⁹ Ойрат. *yambu-ügei*; „Ойрат. зак.“, 2; X. j., 31, 49. ¹⁰ „Ойрат. зак.“, 4.

¹¹ X. j. предвидит возможность того, что у *yambu-ügei kümün*'а могут быть свои люди: *ken kümün-i ösleḡü... alabāsu ... yambu-ügei kümün bolbāsu, kümün-iyer; kümün-ügei böḡesü jalaḡu temeḡe, soyolan mori-ber oru bosxaḡad; jasaḡ inu nigen jaḡun tasigur jancigad, xoshi-gun-u dotura kitad-un kitad-tu bariji öḡḡüye* (X. j., 49) „если кто убьет кого-либо из

выходили иногда разные мелкие чиновники, посланцы и т. п.; точных сведений у нас на этот счет нет.

Наконец, к последней, низшей группе принадлежали бедняки, совершенно простые люди, которых презрительно называли *xara kümün* „черный“, ¹ *eng-ün kümün* „обыкновенный человек“, ² *maḡu (mū)* ³ „плохой худой человек“, *adaq* ⁴ (ойрат.) „последний“. На войну они шли вооруженными, главным образом, лишь саблей, да луком со стрелами.⁵

Принимая во внимание показание всех наших источников и особенно Халхаского Свода Законов (X. j.), можно прийти к заключению, что во второй половине рассматриваемого периода у монголов *albatu* делились на два класса. К первому, более значительному и состоятельному, принадлежали те, кого называли *sayin kümün*, *yambu-tu*, *sayid*; к ним, конечно, относились *tabunang*'и и многие из *darxad*. Так как в распоряжении относящихся к этому классу находились принадлежавшие им „домашние слуги“ и рабы, то их можно рассматривать, как мелких феодалов-сеньеров из „простых“. И, действительно, у ойратов, где были зайсанги, дайбу и другие старые сайды-феодалы, сохранившиеся с давних времен, состояние мелких, так сказать, мелкопоместных, зайсангов не отличалось от положения, напр., табунангов и других новых сайдов.⁶ С другой стороны у монголов, в следующем уже периоде, большинство тайджи, не получивших уделов-хошунов, сливается с этими „новыми“ *sayin kümün*, сайдами, о чем подробнее будет сказано ниже.

Промежуточное положение между мелкими феодалами-сеньерами (*sayid*) и классом настоящих харачу (*eng-ün харацу*) занимали „люди среднего состояния“, иногда владевшие „домашними слугами“ и рабами.⁷

Наконец, к низшему классу „обыкновенных“ *харацу* принадлежали беднейшие „худые“, составлявшие последнюю (*adaq*) ступень социальной лестницы, те, которых называли *yambu-ügei*.⁸

В действительности же оказывались группы, относившиеся к тому же классу, положение которых было еще хуже, это „домашние слуги“ и рабы. По условиям кочевого быта, настоящих рабов, повидимому, Монголия, в большинстве случаев, не знала. Если и бывали рабы, напр., из военнопленных, то они переходили на положение „домашних слуг“.⁹

места... то если это окажется человек не чиновный (должен возместить) человеком; если же у него нет людей, то возмещает молодым верблюдом и взрослым конем; наказание для него следующее: нанести ему сто ударов кнутом и отдать его последнему человеку (рабу из рабов) внутри хошуна-удела“.

¹ „Ойрат. зак.“, 4.

² Или *eng-ün харацу* ~ *arad*, X. j., 10, 42, 71, 87; Нэйджи-тойн, 41.

³ „Ойрат. зак.“, 10, 14, 19; Убаши-хун-тайджи, 198, 199, 202. Значение „худой“ в смысле „бедный“ подтверждается X. j., 71; Зая Пандита, 19.

⁴ „Ойрат. зак.“, 8, 19.

⁵ „Ойрат. зак.“, 4.

⁶ Ср. „Ойрат. зак.“, 4, 8; Зая Пандита, 7.

⁷ „Ойрат. зак.“ иногда говорят только о *sayin kümün* и *mū* (стр. 18, 19).

⁸ Ср. X. j., 31.

⁹ Ср. Нэйджи-тойн, 61.

Состояние же последних, по всей вероятности, было различным, в зависимости от дома сеньера, к которому они были прикреплены.

Схематично классы *albatu* могут быть представлены в следующем виде:

1⁰. *Sayin kümün* — класс

мелких феодалов

tabunang

sayid

darxad

erketen

dunda kümün

lūbciten

2⁰. *eng-ün xaracu* — класс простых (*mū*)

eng-ün kümün

ger-ün kümün

kitad

Интересно отметить, что при взимании разных штрафов за преступления и провинности принималась во внимание принадлежность виновного к тому или другому классу *albatu*, в зависимости от чего штрафы повышались или понижались.¹ Это не означало, впрочем, того, что беднейшие всегда уплачивали меньше; в некоторых случаях главные тяготы штрафов падали именно на них; напр., при перерыве подачи ямских подвод посланцам, командированным по важным делам, сановники, табунанги и дарханы штрафовались на три единицы крупного скота, а простые люди (*eng-ün xaracu*) в таком случае подвергались конфискации всего их скота.² Из этого можно заключить, что простых (*eng-ün kümün*) было большинство; феодалам важно было серьезной угрозой обеспечить непрерываемость поставки ямских подвод.

Относительно материального благосостояния *албату* у монголов рассматриваемой эпохи у нас имеются довольно точные данные, относящиеся, впрочем, только к началу XVII в. и к концу того же столетия; данные эти касаются, главным образом, скотоводства.

По сведениям, сообщаемым нашими источниками, можно заключить, что скота у монголов в XVII в. было много и вместе с тем констатировать, что в конце XVII в. количество скота, бывшего в распоряжении *албату*, несколько уменьшилось по сравнению с началом того же столетия. Так, напр., в начале XVII в. панцырь выменивался за 9 скотин, в число которых входил один верблюд, а ружье — за пять скотин;³ между тем в конце XVII в. за панцырь полагалось давать так же, как и за ружье, одного взрослого коня.⁴

За нанесение раны острым оружием в начале XVII в. полагался штраф в пять девятков скота,⁵ а в конце того же столетия в три девятка.⁶ Впрочем, к подобным сопоставлениям надо относиться с большой осторожностью.⁷

¹ См., напр., „Ойрат. зак.“, 3—4, 10, 14, 19; X. j., 44; ср. выше.

² X. j., 42; кодекс этот добавляет к указанной статье: „сами они должны оставаться у своего сеньера“.

³ „Ойрат. зак.“, 9.

⁴ X. j., 62.

⁵ „Ойрат. зак.“, 14.

⁶ X. j., 56.

⁷ Вот еще некоторые указания относительно материального состояния: стоимость нарядной шубы приравнивалась к цене за верблюда, небольшая юрта в четыре решетки

Родовая жизнь, там, где роды сохранились, у ойратов, играла роль, главным образом, в области семейной, домашней, при заключении браков. Даже у ойратов в общественной жизни место рода заняли отоки и аймаки,¹ т. е. своеобразные кочевые феоды.

Повидимому, деление на сотни было давно забыто;² более того, можно думать, что деление отоков и аймаков на десятки — явление новое. Действительно, „Ойрат. зак.“ о них не упоминают, а „Указы“ Галдана говорят о десятках, как о чем-то новом.³ Более древним оказывается деление отоков и аймаков в административном отношении на группы в 40 (*döcün*) аилов и 20 (*хорин*) аилов.⁴ Но с течением времени деления эти тоже исчезают; *Xalxa jirum*, напр., о них уже не упоминает вовсе. В „Ойрат. зак.“ один раз упоминается о том, что десять молодых людей (*arban köbün*) помогают одному жениться.⁵ Повидимому, в данном случае, имеет место не административное деление.⁶

В одном случае, важном, следует отметить, — родовой строй сказывался в общественной жизни. А именно: ойраты кочевали хотонами (*xoton*), т. е. аилами или кочевыми поселками, которые составлялись почти исключительно из близких родичей. Ойратский хотон — это часть рода, группа близких родовичей, стоящая и кочующая вместе, во главе со старейшим данной группы (*аха*).⁷

Относительно восточных монголов точных указаний нет, но можно думать, что у них был известен только аильный способ кочеванья, т. е.

(*хапа*) шла за одного коня; большой хороший верблюд приравнялся по цене к двум взрослым коням (*soyolan*), взрослый конь пяти барзанам (X. j., 61—62).

¹ „Ойрат. зак.“ ни разу не упоминают о роде и его влиянии на жизнь. Так как прежние исследователи „родом“ считали оток (напр., проф. Ф. И. Леонтович), то от этого и происходит много неправильных заключений, делаемых разными авторами. Смешению понятий способствовало также установление „родов“ русской администрацией.

² Сотни, упоминаемые один раз в переводе „Ойрат зак.“ Pallas'a, в действительности не встречаются в подлинном тексте. Вообще ни один монгольский источник не говорит ничего ни о тысячах, ни о сотнях. Повидимому, существовало деление на группы по две сотни, см. Сборник Самоквасова, 114; откуда деление на группы в 40 и 20 аилов. Правильно у Буссе, „Список слов бытового значения некоторых кочевых народов Восточной Сибири“.

³ „Ойрат. зак“, 21. Не упоминает о них X. j., но десятки встречаются в дополнении к X. j., относящемся к 1718 г.; см. X. j., 97.

⁴ „Ойрат. зак“, 8, 9. Деление на *döcün* и *хорин* у ойратов сохранялось долго и было заимствовано у них алтайцами и теленгитами, которые находились в тесном общении с ойратами долгое время; ср. алт. тел. *töcün* „зайсанство, часть племени“, оттуда же русск. „дючина“. См. примечание 2.

⁵ „Ойрат. зак“, 8—9.

⁶ Ср. Н. Очиров, „Отчет о поездке к Астраханским калмыкам летом 1909 г.“, Извещения Русск. ком. для изуч. Средн. и Вост. Азии, № 10, 1910, стр. 64.

⁷ Это положение основывается на данных об ойратах последующего периода, см. Pallas, I, 190—191; Леонтович, „Калмыцкое право“, статьи 18, 37, 73, 118, 120, 121; Нефедьев, „Сведения о волжских калмыках“, 110.

В „Ойрат. зак.“ вместо ожидаемого термина *xoton* стоит *ayil* (стр. 12),

очень небольшими группами, после того, как им удалось оставить таборный способ (хотгяа). Это положение вполне согласуется с тем, что восточные монголы позабыли родовой строй. Тем не менее, необходимо остановить внимание на том, что Халхаские Законы упоминают один раз и о „хотоне“:¹ *ene beye kümün... tusagar ger-tei öber xota-tai bolxula, xota-yin аха-yi nige soyolan mori-ber багалаяа; noyan-du ni бага үгеи* (X. j., 9) „Если этот одинокий человек... (совершивший кражу) окажется в ином доме и в другом кочевом поселке (хотоне), то взыскать с хотонного старшины взрослую лошадь; для сеньера же его взыскания нет“. Возможно, что айлы, стоящие и кочующие, обычно, вместе и на недалеком друг от друга расстоянии, назывались *xota* у монголов и в административном отношении образовывали одну ячейку. Повидимому, совершенно такое же значение имел и термин *ayıl*, обозначавший „аил“, т. е. небольшую группу, в одну, две или три юрты, стоящие рядом, а также группу юрт-аилов, разбросанных на небольшом друг от друга пространстве.²

В семейной же жизни пережитков древнего родового быта было много: патриархальная власть отца,³ особые отношения между племянниками и дядьями по матери,⁴ сугубо благоговейное отношение к присяге (*sixaga*).⁵ Попрежнему также платили калым за невест.⁶ Можно также отметить случаи родовой защиты (у ойратов) и помощи.⁷

Сыновьям, очевидно, женатым, отцы еще при жизни выделяли долю своего достояния (*ömcі ~ öncі*);⁸ а после смерти отца сыновья делили его достояние поровну,⁹ если не было особенного завещания, засвидетельствованного сеньером, впрочем, в случаях спора решающий голос предоставлялся матери (обязательно родной всех спорящих сыновей).¹⁰ Монгольские Своды законов не упоминают об особых правах младших сыновей, но так как у многих монгольских племен обычай оставлять свою юрту младшему сыну и поручать ему вдову сохранился, то можно думать, что он был в силе и в рассматриваемую эпоху, тем более, что „Ойрат.

¹ Монг. *xota ~ xotan ~ xoto ~ xoton*. В работе Ц. Жамцарано и А. Турунова, „Халха Джиром“ на стр. 11 упоминается „хотон“, но ни в тексте X. j., ни в оглавлении в соответствующем месте нашего списка слова этого нет.

² Ср. термин *ayıl* в „Ойрат. зак.“, о чем только что было сказано. См. А. т., 67, 85; Нэйджи-тойн, 48.

³ X. j., в особой статье отмечает даже, что „вообще отец не может располагать жизнью сына“ *yerü esige ni köbegün-iyen ami-yi medekü ügei* (X. j., 89).

⁴ Не полагалось штрафов для племянников (*jige ~ zē*), если они совершат проступок (кража, долги) по отношению своего дяди по матери (*pagacu*); X. j., 52; „Ойрат. зак.“, 20; ср. А. т., 80; S. s., 170. ⁵ X. j., „Ойрат. зак.“.

⁶ „Ойрат. зак.“, 8—9; X. j., 34, 75—76. При выдаче дочерей замуж им давалось приданое. Заключение браков всецело находилось в руках родителей, см. X. j., 75—76, „Ойрат. зак.“, 8—9. ⁷ „Ойрат. зак.“, 8—9.

⁸ „Ойрат. зак.“, 7; X. j., 54—55. До женитьбы сыновей имущество все находилось в руках отца, который и был ответственным лицом при заключении брачного сговора, см. X. j., 75—76; „Ойрат. зак.“, 8—9. ⁹ X. j., 54—55. ¹⁰ X. j., 55.

зак. говорят:¹ „отцы выдают долю своим сыновьям по обычаю“. Дочери, кроме приданого, не получали ничего так же, как и вдовы.

Насколько низок был культурный уровень вообще, особенно в первую половину рассматриваемого периода, протекавшего под знаком непрерывных войн, указывает то, что закон мести царил везде и всюду,² и не был изжит институт сопогребений с убийством детей и животных. Впрочем, нам неизвестно, придерживались ли обычая сопогребения все слои монгольского общества или же только большие сеньеры, о которых имеются прямые указания.³

Заметные перемены наступили только тогда, когда окончательно победили хаган и тайджи в феодальных войнах, когда произошло перемещение в социальном строе монгольского общества и когда начали образовываться полунезависимые ханства, которые могли дать большее обеспечение мирным занятиям и лучше организовывали походы. С этим моментом связано возрождение буддизма в Монголии и распространение там новой секты желтошапочников, основанной Дзонкавой. Первое время уход в монахи означал значительное избавление от феодального гнета.⁴ Но скоро буддийская церковь сама стала крупной сеньерией.

На почве личной зависимости *albatu* от сеньера выработался у монголов своеобразный институт протектората. Если кто-либо из иной сеньерии хотел проживать со своим скотом во владениях какого-нибудь феодала и не становиться в положение беглеца, то должен был искать защиты, протекции (*sub protectio, sub commenda*) или самого сеньера, или какого-нибудь его *albatu*; монголы называли это *tüsikü* „находить убежище, покровительство.“⁵ Лицо, оказывавшее защиту и протекторат, называлось *tüsigülügci*,⁶ а прибегавшее к протекторату — *xabcığur*, дословно „находящийся в тисках“.⁷

Феодальный закон требовал:⁸ „отдающийся под протекторат (*xabcığur*) получает при уходе то, с чем прибыл; а лицо, оказывающее покров-

¹ „Ойрат. зак.“, 7: *önci keb-iyer ög*. Ср. намек на сохранение старого обычая, Найджи-Тойн, 82: *ecige eke-yin ömci bolğan xubiyaxui-dur, odxan degüü Erincin-dür yekengki inu xubiyaju öggügßen-dür...* „когда отец и мать разделяли на доли свое имущество, то большую часть его выделили младшему Еринчину“...

² S. s., 142, 148, 150, 152, 156, 158, 166, 168, 170, 174; A. t., *passim*.

³ S. s., 248, 250, ср. S. s., 234; см. также Ch. Bell, „Tibet Past and Present“, Oxford, 1924, p. 34—35 (выдержки из тибетского сочинения — Биография 3-го Далай-ламы). Тибетское сочинение, повидимому, преувеличивает, когда говорит, что по монгольским обычаям, в случае смерти кого-либо, его жена, слуги и скот сжигались. У нас нет ни одного указания других источников на будто бы существовавший у монголов обычай сопогребения вдов. Как раз наоборот, в нашем распоряжении очень много свидетельств того, что вдовы самых разнообразных лиц жили и действовали после смерти их мужей. Возможно, тибетское сочинение хотело упомянуть не о женах, а о женщинах-прислужницах, конечно.

⁴ X. j., 16—26; „Ойрат. зак.“, 3, 5. ⁵ X. j., 55, 84, 120, 121; „Ойрат. зак.“, 10; ср. S. s., 168; A. t., 88. ⁶ X. j., 55. ⁷ X. j., там же. ⁸ X. j., 55: *xabcığur kümün yağu-tai iregsen bolxula, tegün-iyen abxu; tüsigülügci kümün yağu öggügßen bolxula, tegün-iyen abxu. jabsar-un örjigsen ijağur-un mal-iyen kiri-ber xubiyaxu.*

вительство (*tüsigülügci*), получает то, что было им дано. Порогну делится скот, расплодившийся в промежутке между приходом и уходом патронируемого от того, который был в самом начале".¹

В постановлении этом, как и во многих других случаях, отражается стремление феодалов не допускать утечки имущества из своих сеньерий.

Феодалы были настолько тяжелы и надеты так искусно, опутывая все явления жизни, что простым хагаси невозможно было подняться против гнета сеньеров и тех, кто был с ними. Во всяком случае, источники наши не говорят нам ничего об этом. Только при исключительных обстоятельствах, напр., когда одна ханша приказала по случаю смерти своего сына перебить сто детей для сопогребения и сто верблюжат, чтобы заставить реветь верблюдиц, как бы оплакивая умершего царевича, происходили народные движения. В данном случае, по свидетельству монгольского историка *yeke ulus-ā ebderel bolun jabduxuy-ā* „когда в великом улусе (т. е. во всем народе) готов был начаться мятеж“, варзарский обычай был оставлен; против него решительно протестовали и некоторые тайджи.²

Самой обычной и доступной формой сопротивления сеньеру был уход, откочевка,³ но, конечно, он не всегда удавался, так как феодалы принимали, хорошо понимая положение вещей, сообща все возможные меры против беглецов.⁴

2. КЛАСС ФЕОДАЛОВ

Монгольский феодальный сеньер, т. е. ноян, владевший *albatu*, обычно, удел свой получал по наследству и передавал его своим сыновьям. Монгольские сеньеры при этом выделяли своих сыновей еще при жизни, предоставляя главную часть наследия после своей смерти плучать старшему сыну. Обычай отдавать основной удел отца младшему сыну, как это было в древнем периоде, повидимому, вывелся еще в эпоху Юаней; во всяком случае, в рассматриваемом периоде он не встречается вовсе.⁵ Права старшего доминируют. Когда, по свидетельству *Altan tobci*, на родину вернулся старший брат, пропадавший в ойратском плену, младший

¹ Ср. „Ойрат. зак“, 10 (перевод: 45).

² S. s., 248, 250.

³ Ср. S. s., 152; бурятские хроники; ср. Позднеев, „Эрденийн Эрхэ“, 267 (спутаны только поколения); „Образцы народной литературы монгольских племен“, 188—190.

⁴ „Ойрат. зак.“ и X. j. содержат ряд статей, очень подробно тракгующих вопрос о беглецах. Бурятские хроники дают яркую картину подобных откочетов, уходов целых групп простого народа, бежавшего от гнета феодалов.

⁵ Но у чингисханидов сохранилось много других пережитков родового быта, напр., обычай жениться на вдовах, оставленных отцом, конечно, кроме родной матери; см. S. s., 206, 208, 248. Многоженство процветало в семьях монгольской феодальной аристократии: S. s., 174, 182, 206, 208, 286. Любопытно при этом отметить, что в то же время князья издавали различные постановления, которые запрещали *tabunang'у* брать себе другую жену, кроме первой, принцессы, дочери феодального сеньера (*abai ~ abaxai*)“, см. X. j., 29—31.

брат, Üne-Bolad-ong, о котором речь уже шла выше, заявил ему: „В отсутствие твоем, тебя моего старшего брата, я владел вопреки обыкновению. Ты настоящий мой старший брат, ты владей“. С этими словами он отдал ему во владение свое черное знамя.¹ Также по сообщению Altan tobci, третий сын Даян-хана, славный воин, Bars-Bolad-Sayin-Alağ, принял титул хагана² за время малолетства Bodi-Alağ, старшего сына Törü-Bolad, самого старшего из всех детей Даян-хана.³ Когда Bodi-taiji достиг совершеннолетия, то потребовал у своего дяди: „Ты ведь вопреки обыкновению сел хаганом во время моего малолетства. Теперь поклонись мне. Если не поклонись, я начну войну“.⁴

В некоторых исключительных случаях сюзерен, старший (аха), чаще всего сам отец, мог лишать сына удела или передавать ему меньший. Затем известны случаи, когда феодального сеньера лишали его владений другие ближайшие феодалы со своим сюзереном во главе или предоставляли царевичам новые феодалы.⁵

Монгольский хаган, как старший в роде царевичей-чингисханидов, считался верховным распределителем уделов, но в действительности все находилось в руках больших сеньеров. Когда в Монголии появилось несколько ханов, то в каждом ханстве повторилась та же картина.⁶

Раздавая уделы своим сыновьям, членам своей семьи, монгольские феодалы надеялись укрепить свое положение: везде и всюду, таким образом, засели члены одного рода, одного дома.⁷ Но в системе бесконечного выделения феодалов вновь подрастающим тайджи было заложено прямо противоположное начало. Если вначале раздача феодалов-уделов укрепила хагана и царевичей, то впоследствии, и очень скоро, раздробление это

¹ A. t., 75 (текст несколько искажен), стр. 84—85 пекинского издания: аха-yuğan cimai ügei-dü yosun ügei bi ejeleju bilē. yosutu аха minu ci ejele geju хара туğ-iyан ejelegülbeі.

² A. t., 107; ср. S. s., 206. ³ S. s., 192, 196.

⁴ A. t., 107. Поклониться (mörgükü) значило представить оммаж своему сюзерену.

⁵ S. s., 204; царевич Аci за убийство своего брата Sira был лишен удела. Так как у Sira не было детей, то уделы обоих братьев, унаследованные ими от отца, Ubasanca (или Ubsigun, см. S. s., 182)-cing-taiji, отоки Asud и Yöngsiebü, были переданы царевичу Bodidara-odhan-taiji, младшему сыну Bars-Bolad'a, который, еще будучи маленьким, любил напевать в шутку следующее:

Aci Sira хoyar alaldutuğai ni,
Asud Yöngsiebü хoyar degere bi sağugai

т. е.

„Пусть-ка Ачи и Шира побьют друг друга,
Тогда я сяду над Асутами и Йөншиебё“.

Для понятия „лишать удела, отбирать удел“ употреблялся глагол talaxu, как и для выражения понятия „конфисковать“ (см., напр., „Ойрат. зак.“, 12; X. j., 31). Ср. Позднеев, „Эрдэнийн Эрхэ“, 179; S. s., 208.

⁶ Ср. S. s., 208; „История Радлова“, 221—222, ср. Позднеев, „Эрдэнийн Эрхэ“, 96.

⁷ Ср. S. s., 192, 194, 196, 198, 204, 206.

ослабило власть и значение хагана, потом ослабило других „поместных“ ханов и, наконец, дело дошло до того, что давать в удел было бы уже нечего. Чингисханидов стало так много, что всем уже не хватало отоков и аймаков в удел и владение.¹ К концу XVII в. в разных местах монгольского мира появляются совсем мелкопоместные нояны,² а затем младшие члены феодальных семей не получают уже в удел настоящих albatu, они должны удовлетворяться одними „домашними слугами“, да обычным кочевым достоянием, скотом, в первую очередь.³ Благодаря этому значительное число чингисханидов оказывается в положении совершенно таком же, в каком были представители высшего класса albatu, т. е. табунанги, сайды и т. д.⁴ Произошло новое смещение пластов в монгольском обществе.

Тайджи, сдвинув бывших сайдов с их феодальных позиций, сами оказываются попавшими в совершенно такое же положение. Начиная с этого времени, настоящими ноянами начинают именоваться только феодалы, имеющие albatu; их перестают уже называть тайджи (taiiji), потому что титул этот начинает обозначать совершенно особую группу: группу чингисханидов, перешедших на положение сайдов. Начиная с конца XVII в., нояны — это феодальные сеньеры, князья, а тайджи — привилегированные сайды, нечто вроде дворянского сословия.

А вместе с тем и многие нояны-князья оказываются обладателями очень небольших феодалов. Напр., в тридцатых годах XVII столетия Rincin-Secen, джинонг-хаган, глава Ордоса, т. е. всех ордосских князей и тайджи дома Bars Bolad'a, первого джинонга ордосского, в непосредственном своем владении имел только один оток, как свидетельствует нам Sanang-Secen, участник тогдашних событий, один из вассалов и помощников

¹ Все монгольские хроники, очень внимательно следящие за генеалогией чингисханидов, свидетельствуют о том, что потомков Даян-хана в конце XVII в. было уже несколько сот человек; к этому числу надо прибавить еще потомков братьев Чингиса, Хасара, Бельгута и Отчигина, которые тоже сидели феодальными сеньерами, а некоторые владели даже большими сеньериями, как, напр., потомки Хасара, в лице потомков Üne-Bolad'a, им принадлежало племя Хорцин („стрелки“, „стрельцы“). Затем кое-где в положении ноянов сохранились потомки бывших сайдов, встречались и „приравненные к ноянам“ nouad-un keb-tü boluḡsan (X. j., 2).

² X. j., 115 говорит о ноянах, у которых было меньше сотни семей албату; „Ойрат. зак.“ тоже знает мелкопоместных князей-бага nouod, напр., стр. 4, 8; Нэйджи-тойн, 65. X. j. (р. 4) упоминает также о бедных ноянах, у которых крупного скота было меньше ста голов, но, которые, тем не менее, имели своих албату: ker-ber ügei-tei nouad boluḡad mal jaḡu ese güiceküle, albatu-āca ni nigen jaḡun mal güicegejü bariya.

³ X. j., рисует taiiji именно такими; были уже в ту пору тайджи, у которых подведомственных людей не было вовсе, см. X. j.; ср. „Эрд. Эр.“, 6: öcūken taiiji tabunang „мелкие тайджи и табунанги“. X. j. знает таких taiiji и tabunang'ов, у которых скота было меньше 50 голов в личном распоряжении (X. j., 4). Но, конечно, не все были в таком положении.

⁴ „Ойрат. зак.“ и X. j. в ряде статей ставит наравне taiiji и бага nouod, с одной стороны, и сайдов, особенно tabunang'ов, с другой, см. также „Эрд. Эрхэ“, 6.

джинонга.¹ Появляются, наконец, нояны, у которых *albatu* не было вовсе; первое время их отличают, все-таки, от тайджи.²

То же самое наблюдается и у ойратов. И у них многие члены княжеских (ойрат. *noyon*) семей становятся мелкими феодальными владельцами (*bağa* или *öcüken noyod*), которые, в сущности, ничем не отличались от сайдов, напр., дзайсангов (ойрат. *zayisang*) и табунангов.³

Так же, как и в средневековой Европе, где обязанности феодала, в качестве вассала своего сюзерена, выражались формулой *consilium et auxilium*, обязанности монгольского феодала в качестве вассала своего старшего (аха), в том числе и хагана, определялись выражением *alban*. Но, как выше уже было сказано, *alban* феодала не имело ничего общего с *alban* простого человека. *Alban* монгольского феодала, по существу, тоже заключалась в *consilium et auxilium*: феодал должен был помогать своему сюзерену в совете, т. е. участвовать в съездах (*cigulğan*) для решения всяких дел и вообще принимать участие в суде и управлении (*jasag*). С другой стороны монгольский феодальный сеньер обязан был своему сюзерену военной службой, должен был подносить дары и оказывать содействие его разным предприятиям. Как и в былые дни, оммаж выражался поклонением (*mörgükü*).⁴

A. Consilium

На съезды или сеймы феодалов (*cigulğan* > *cülğan*) нельзя смотреть, как на организованное, правильно действующее учреждение. Это были съезды, очень неопределенные по своему составу лиц, которые хотели „добровольно“ оказать помощь своему сюзерену в самых разнообразных случаях.⁵ При слабости феодальной зависимости от хагана и в виду больших расстояний, которые разделяли владельцев, съезды происходили часто по отдельным районам, и после образования у монголов ряда полунезависимых ханств поместные съезды сделались обычным явлением.⁶ Установили постоянно съезды своих вассалов-феодальных сеньеров и

¹ S. s., 280.

² X. j., 35: *kümün-ügei noyad*; Нэйджи-тойн, 49. Монгольская хроника-биография Нэйджи-тойна сообщает следующий любопытный эпизод: супруга одного южно-монгольского тайджи явилась к Нэйджи-тойну с тем, чтобы пригласить его и его спутников к себе; монахи замешкались. Тогда хатун (дама) сказала им: „Вы относитесь ко мне с пренебрежением, считая меня женой маленького тайджи (*öcüken taiji*). Если бы вас пригласили великие князья (*vang üd*), вы наверно бы соизволили отправиться без замедления. Но среди великих князей есть такие, которые богаче меня, но есть и такие, которые со мной не сравняются“ (f. 65).

³ „Ойрат. зак.“, 4, 8, *passim*; Зая Пандита, 13, 15—16. Не надо забывать при этом, что ойратские нояны, за исключением хошутских, по происхождению своему были не чингисханиды-цзюевичи, а „сайды“.

⁴ A. t., 107. При интронизации сюзерену, как и в старину, в эпоху империи, подносили чашу вина, см. S. s., 162 (*ayağa barixu*). ⁵ A. t., 59, 61, 69; S. s., 14, 160.

⁶ A. t., 101; S. s., 246, 268, 278, 282. X. j., 2—3; „Эрд. Эрихэ“, 7, 9, 12; Зая Пандита, 17; ср. „Посольство... Ивана Унковского“, стр. 194.

отдельные сравнительно небольшие князья.¹ Но подобные съезды не мешали попыткам устраивать более грандиозные собрания. И нам известны съезды, на которых участвовали представители разных ханств, разных областей монгольского мира, напр., халхасы и ойраты, т. е. халхаские и ойратские феодалы.²

На съездах этих решались вопросы войны и мира, всякие общие дела; устраивались собрания князей и просто ради празднеств и забав. Но чаще всего съезды были заняты вопросами организации взаимоотношений между феодальными владельцами какого-нибудь большого района, захватывающего несколько ханств и больших сеньерий. Довольно часто постановления подобных съездов выливались в формы „Уложений“ или Сводов Законов; они считались обязательными для всех тех сеньеров, которые так или иначе были представлены на съезде.³ Конечно, законы, вырабатываемые на подобных съездах, носили ярко окрашенный феодальный характер: монгольских феодалов интересовало прежде всего обеспечить свой иммунитет, и своды законов, дошедшие до нас, переполнены статьями, гласящими под разными видами об иммунитете феодальных владельцев.

¹ См., напр., Зая Пандита, 17, 19.

² Как известно, на одном таком съезде в 1640 г. были утверждены так наз. „Монголо-ойратские законы“. Обычно считается, что съезд этот происходил в Джунгарии и главную роль на нем играл Батур хунг-тайджи. А между тем ойратская хроника — биография Зая Пандиты говорит определенно, что съезд монгольских и ойратских князей, на котором были утверждены законы, происходил у халхаского Дзасакту-хана (ф. 4). Указание это как-будто находит себе подтверждение в самом тексте „Ойрат. зак.“, где сказано о составителях: *Zasaqtu xān ekilen... Döcin Dörbön хойогиин ноюд...* „князья Сорока (т. е. монгольские) и Четырех (т. е. ойратские) во главе с Дзасакту-ханом“ (стр. 2); ср. Голетунский, „Ойрат. зак.“, 122. Другой большой съезд, уже одних халхаских феодалов „семи хошунов“, происходил в неизвестную для нас пору, но о нем говорит кодекс *Xalxa jirum* и даже ссылаются на его постановления (X. j., 4, ср. X. j., 92, 93); очевидно, съезд этот происходил в XVII в., так как на нем вынесены были постановления о подвальной повинности для Ургинского Хутухты, который родился в 1635 г. О другом халхаском съезде см. „Эрдэнийн Эрихэ“, 21; I. sh.

³ По выражению X. j. (30), *epe sağajan-du orulcağsan jasağ-lüd* „правители, подчинившиеся настоящим законам“. S. s. говорит, что *Tümen-jasağ-tu-xağan*, царствовавший с 1558 г. по 1592 г., составил законы (S s., 200): эти самые древние законы, упоминаемые в источниках наших для среднего, после-юаньского периода. Законы эти до нас не дошли, и у нас нет совершенно никаких данных для суждения о том, были ли они известны или нет составителям позднейших монгольских кодексов. А следующим по времени сводом законов являются так наз. Монголо-ойратские законы 1640 г. Затем идут постановления „семи хошунов“, тоже до нас не дошедшие и, наконец, *Xalxa jirum* — „Законы трех халхаских хошунов“, 1709 г. Как известно, многие писатели останавливали свое внимание на так наз. „Древних ойратских законах“, сведения о которых сообщил Паллас; некоторые даже думают, что Паллас „имел экземпляр такого древнего устава... ибо приводит... ряд отрывков“ (Рязановский, „Монгольское право“, стр. 36). Но Паллас ни монгольского, ни ойратского языка не знал, никаких дополнительных разъяснений о древнем кодексе не дал и даже не отметил, из какого источника приводит он те немногие выдержки, которые имеются в его *Sammlungen* (I, 192—193). Можно поэтому относиться скептически к этим всем сообщениям и думать, что сведения Палласа основывались на недоразумении.

Можно привести один пример, который показывает, что даже в такой области, как организация почтовой гоньбы, чрезвычайно нужной для самих феодалов и в особенности для владельцев больших сеньерий, ханов, сильных князей и т. д., даже в такой области феодальные начала сказывались сильно с характерным смещением явлений частно-правовых с публично-правовыми.

Как Монголо-ойратские законы, так и Халхаский Свод рисуют приблизительно одну и ту же картину.

Так было постановлено, что все без исключения обязаны давать подводы и продовольствие посланцам (*elci*), едущим „по трем важным делам“. Но какие это были дела? Нападение неприятеля (*dayisun*), болезнь важного лица (*yekes-ün genege*), ссора двух ноянов (*ebderel*).¹ Ни князья, ни дарханы, ни буддийские монахи не были освобождены от этой повинности;² причем, как это было указано выше, за перерыв предоставления подвод феодалы и сайды платились штрафом, а у людей простого звания конфисковалось все имущество. И вместе с тем Халхаский кодекс говорит, что князья не обязаны давать подвод при проезде посланцев по другим делам от своих личных стад (*sürüg*);³ вся тяжесть подводной повинности, следовательно, падала на *albatu*.⁴ Князья же должны были платить очень крупные штрафы в том случае, когда производили остановку в подаче подвод и продовольствия при проезде больших сеньеров-сюзеренов.⁵ Можно отметить также, что Халхаские законы дают вполне разработанный, во всех подробностях, кодекс постановлений относительно подводной гоньбы (*ulaḡa shigüsü*), тогда как в Монголо-ойратских законах вопросы эти находятся лишь в зачаточном состоянии.

Повидимому, хаган и другие большие князья не могли удовольствоваться одними съездами своих родичей-вассалов; им пришлось озаботиться организацией какого-либо органа, который, хотя бы в слабой мере, мог походить на центральное правительство. Былые чинсанги и другие сановники, тайши и т. д., в начале после-юаньской эпохи сами очень скоро превратились в феодальных владельцев, и правительства, как такового, повидимому, у монголов не было вовсе. После победы хагана можно видеть, как в центре делаются попытки организовать нечто вроде государственного органа. Так, во второй половине XVI в., по словам монгольского историка, Tümen-хаган создал правительство (*jasag*) из пяти феодальных

¹ X. j., 41, ср. X. j., 17, 37; „Ойрат. зак.“, 5: *ḡurban yamutu ulā*: 1) дела правления и религии, 2) болезнь князя или княгини, 3) нападение неприятеля.

² X. j., 41—42; 37, 17.

³ X. j., 39.

⁴ Так как дарханы и многие ламы были свободны от подводной повинности. Интересно для характеристики X. j. отметить, что кодекс этот предоставляет буддийскому монаху освобождение от подводной повинности (кроме „трех дел“) только в том случае, если у него имеются „подведомственные“ ему люди, X. j., 17.

⁵ X. j., 4, 26—27.

сеньеров, два от левого крыла и три от правого крыла, которым было поручено вести дела державы.¹

После распада Монголии на ряд полунезависимых ханств и больших сеньерий, мы видим, как в отдельных областях при верховном сюзерене, хане или старшем князе, появляются князья-правители, которые называются иногда попрежнему джасаками, а иногда носят другие названия.²

Со второй половины XVII в. вообще все монгольские феодалы разделяются на две группы: к первой относятся князья-правители (*jasag-un poyan*),³ т. е. обладавшие полной юрисдикцией, ко второй простые князья, юрисдикция которых была ограничена. Так, напр., простой князь не мог убить своего подданного, которого считал виновным, без ведома князя-правителя (*jasag*) под угрозой большого штрафа.⁴

Джасаками были, конечно, ханы и старшие сеньеры, напр., джинонги и т. д. Со второй половины XVI в. за большими сеньериями, во главе которых стояли князья-правители, окончательно утверждается наименование „хошун“ (*xoshiḡun > xoshūn*). Хошуны, — сведения наши касаются главным образом Халхи, — могли быть разной величины, но все довольно значительной, чем сильно и отличались от монгольских хошунов последнего времени; в состав их, обычно, входило несколько „новых“ отоков или амайков. Владельцем такой кочевой сеньерии (*xoshiḡun-u ejen*) был князь-правитель (*jasag-un poyan*), потомок владельца древнего отока или отоков, из которого образовался новый хошун.⁵ Вассалами его были простые князья (*poyan*)⁶ и тайджи (в новом понимании этого слова), а у ойратов дзайсанги (*zayisang*). Сам князь-правитель мог в то же время зависеть от более сильного сюзерена, напр., хана, джинонга и т. д. Вся группа так связанных между собой феодалов обычно в пределах одного ханства или

¹ S. s., 200: *eden-iyer jasaḡ-i bariḡulju*. Слово *jasag* обозначало и обозначает у монголов „правительство“ и „правитель“. Ойраты и северные халхасы („семи хошунов“) не имели представителей в этом „правительстве“. Упоминаемый S. s. халхаский князь *uijjang Subuxai* принадлежал к „южной“ группе халхаского народа („пять отоков“), см. ДАН-В, 1930, стр. 203. Слово *jasag* имеет еще одно значение: „наказание“.

² S. s., 264; монгольский историк сам входил, еще будучи семнадцатилетним юношей, в „правительство“ своего сюзерена, ордосского джинонга: *erkim tūsimel-ün jerge-dür oruḡulju, jasaḡ törü-yi xatanggadxaḡ*...; см. также S. s., 252, 260; „Ойрат. зак.“, 4“ (*zasaq bariqsan dörbön tūshimed* „четыре сновника — правителя державы“).

³ Они назывались также *jasag bariḡsan* „принявший правление“, см. X. j., 30, 35, 73, ср. S. s., 252, 260.

⁴ X. j., 35: *buruḡu-tu albatu unuḡan jasaḡ-tur sonusxaḡ-ügei alaḡula, jarliḡ-aca dabaḡsan-u yosuḡar torḡo*.

⁵ „Эрд. Эрхэ“, 6; X. j., 30, 35; I. sh.; Нэйджи-тойн, 49, 50, 61, 77.

⁶ То же самое наблюдается и у ойратов, у которых только, повидимому, слово *jasag* в рассматриваемом периоде в значении таком не употреблялось. Ойратская хроника, напр., сообщает нам, что один ноян (*noyan*) сделал дарханом в хошуне оказавшего ему услугу человека, предоставив ему право пользоваться лошадьми и получать продовольствие. Но милость эта должна была быть подтвержденной старшим сюзереном-ханом, см. Зая Пандита, 26.

большой сеньерии, составлялась из близких родственников потомков одной и той же княжеской семьи,¹ когда-то владевшей старым отоком.

Суд, приведение в исполнение судебных решений и вообще все управление было построено на том начале, что все чиновники и другие исполнители джасака находились на содержании заинтересованных по тому или другому делу албату;² кроме того, известная часть штрафов, взимаемых за разные провинности с албату, поступала в пользу владельца штрафуемого (*gargagu* > *gargū*),³ а некоторые пени полностью шли джасаку или же делились между всеми джасаками определенного района.⁴ Многие штрафы и пени шли прямо нояну — владельцу штрафуемого. Зато каждый ноян должен был оказывать содействие при розыске и поимке воров и т. п.⁵ Потом нояны должны были выступать на суде в качестве соприсяжников по делам ноянов.⁶

Иммуитет феодального сеньера заключался прежде всего в том, что он судил сам своих албату и, за исключением случаев тяжких преступлений, когда дело поступало к нояну-правителю, сам выносил решения, когда истцами и ответчиками были его собственные подданные.⁷ Затем никакой штраф и пеня не могли быть взимаемы с албату без ведома их нояна, все взыскания должны были происходить в присутствии откомандированного им человека (*elci*). В противном случае весь штраф шел в пользу князя — владельца ответчика.⁸ Бежавшие от своего князя албату и другие люди должны были быть возвращаемы своему владельцу, и никто не мог укрывать их. Более того, все другие, князья в том числе, обязаны были оказывать содействие при поимке беглеца и водворении его к владельческому князю.⁹

¹ Т. е. „большой семьи“ — аймака; название это затем было перенесено на всех албату: интересовались одними владельческими семьями, ср. „Эрд. Эрихэ“, 19; I sh., XLV, 2; ср. также Г. Д. Санжеев, „Манчжуро-монгольские языковые параллели“, ИАН, 1930, стр. 616, 618. ² „Ойрат. зак.“, *passim*; X. j., *passim*. О суде у ойратов ср. „Посольство... Ивана Унковского“, стр. 194. ³ X. j., 41, 59; „Ойрат. зак.“, 12.

⁴ Можно думать, что в этом скрывалось отражение пережитков родового строя, действительно, все нояны были родовичами; см. X. j., 30.

⁵ X. j., 43—44, 71—72.

⁶ X. j., 5, 26, 35, 73.

⁷ X. j., 53—54, 17.

⁸ X. j., 83—84; „Ойрат. зак.“, 12. *Yerü ken kümün yala bolbasu bü dobtul. elci abci noyan-du ni kürgeji anju-ban abxu. mal-un ejen öber-ün noyan-aca-ban elci abul-ügei sanağan-u orig-iyar yala-ban abubāsu, tere yala-aca jöb-tü-yin noyan-du ġarxu. tūsimed elci-yin idesi öggüged busu yala-yi xulaġayici-yin noyan-du öġkü. mal-un ejen öber-ün noyan-aca-ban elci-tei ociju, nöġüge noyan-u elci-ügei dobtulju abubāsu, tere yala-yi cöm-i abcu buruġu-tu-yin noyan-du öġkü* (X. j., 83—84). „Вообще, кто бы то ни был, имея получить штраф, не должен сам производить взыскание. Взяв с собой пристава, доставляет к нояну ответчика (виновного) и получает следующее ему взыскание. Если хозяин скота (потерпевший, истец), не взяв с собой пристава от своего собственного князя, самовольно произведет взыскание штрафа, то из того штрафа выделяется доля князю истца, выдается довольствие чиновникам и приставам, а затем остальная часть штрафа передается князю-владельцу вора. Если же хозяин скота, отправившись с приставом от своего князя, произведет взыскание без участия пристава другого князя, то тот штраф целиком отбирается и передается князю-владельцу ответчика (виновного)“.

⁹ X. j., 43—45; Ойрат. зак., 2—3.

Б. Auxilum

Монгольский феодальный сеньер, какого бы ранга он ни был, прежде всего являлся воином, не даром же и титул его: поуап. В том, что он воин, защитник и приобретатель, заключалась главная его сущность и оправдание особого его положения. Все князья монгольские поэтому в первую голову обязаны были военной службой своим сюзеренам, своим хаганам. В случае надобности, по первому зову, должны были они являться вооруженными, во главе своих людей, своего войска.¹ Но так же, как и в области „совета“, и в деле военной службы, в виду слабости феодальной зависимости, замечается то же самое. Вместо обязательной она становится добровольной. Феодальный сеньер, в качестве вассала хагана или другого большого сюзерена, джинонга, напр., или тайши у ойратов, является к своему господину только тогда, когда хочет, когда ему это выгодно или когда он не в силах поступать иначе. Феодальный режим чрезвычайно способствовал постоянным изменам, переходам феодалов из одного лагеря в другой, отказам в содействии и т. д. И в то же время появление сильного и могучего средствами сюзерена, хотя бы на время и на известном пространстве, прекращало подобные явления.²

Известный Алтан-хан туметский обращается к своему сюзерену, монгольскому „великому“ хану, с такой речью: „Соблаговоли мне пожаловать тот титул (хана), а я буду защищать твою великую державу!“³ — „Хотя и нет потомков моего хагана, но разве нет меня, потомка Хасара? Я буду преследовать!“ — заявляет монгольский феодал и идет войной мстить за убийство своего сюзерена.⁴ А вот как стародавняя эпopeя описывает ойратского нояна:⁵

„с прекрасным серебряным шлемом,
с панцырем, красным хуяком, покрытым бляхами,
с прекрасным шелковым камзолом,
с конем совсем пестрым,
Мангата сын, Сайн Серденге.
Две тысячи молодцев он повел за собой,
две тысячи копий в землю воткнул,
две тысячи коней поставил на выстойку.
— «Есть ли дичь, за которой бы поохотиться;
есть ли враг, с которым бы воевать?»
— говорит он и скрежещет зубами, глотая слюни“.

¹ Совершеннолетними считались достигшие тринадцати лет, см. выше, стр. 164.

² Таково показание всех наших источников.

³ S. s., 200. Один ойратский феодальный сеньер Ogedei-bagatur (или daiibu) сердился на своего сюзерена, Togon taiishi, — „Я с тринадцати лет водил войска в битву, — говорил он, — но он не оказал мне милости за такие услуги“ (A. t., 83; ср. S. s., 166).

⁴ A. t., 83.

⁵ Убаши-хун-тайджи, 203.

Два друга (anda), оба феодальные сеньеры, один ойрат, другой монгол восточный, беседуют друг с другом, попивая вино:¹ „Если Сорок и Четыре,²—говорили они,—разойдутся и начнут воевать, то, кроме нас двоих, кто же другой выйдет на поединок-турнир (iregöl)?³ Если так случится и мы в ту пору встретимся, как же ты будешь поступать со мной?“—спросил (монгол). И Гуйлинчи⁴ отвечал ему: „Моя стрельба из лука хороша! Я насквозь прострелю тебя, если ты будешь и в панцире“.

По рассказам монгольских хроник можно видеть, как иногда рыцарские чувства пробиваются через покров хищнических и узкосебялюбивых настроений, обычно владевших монгольским феодалом. Так, напр., один ойратский князь заявил могущественному ойратскому сюзерену, Батур-хунг-тайджи, в ответ на предложение выдать ему некоторых лиц: „После того, как я выдам своих друзей, к чему мне быть живым“.⁵

Как воины, военные сеньеры прежде всего, монгольские феодалы носят звонкие имена: Bars-Bolad-Sayin-Alağ („Барс-Булат, Славный-Пестрый“) — точно не человек, а ловчая птица, — и в боях выкликают свои имена и звания.⁶ Кони у них не простые, они тоже носят пышные имена.⁷ Все это эпическая героика монгольского феодализма, широко отразившаяся на монгольских былинах.⁸

Затем феодалы помогали своим сюзеренам материально, предоставляя им, в трудное время или в иных случаях, скот, а иногда и другие предметы. Впрочем, у нас нет указаний на то, что монгольские феодалы, в качестве вассалов, платили бы дань своим сюзеренам. Повидимому, материальная помощь предоставлялась в виде „свободного“ подарка и часто имела лишь символическое значение.⁹ Есть некоторые намеки

¹ S. s., 154; ср. A. t., 58.

² Т. е. монголы и ойраты.

³ О поединках — iregöl

см. S. s., 154, 194; A. t., 58—59.

⁴ Собственное имя ойратского сеньера.

⁵ Зая Пандита, 6.

⁶ S. s., 154, 192. Сайды теперь называются и отмечаются по именам своих князей, см. S. s., 258, 278, 280, 282.

⁷ S. s., 162, 182, 216, 258; A. t., 85; Зая Пандита, 21; Убаши-хун-тайджи, 210.

⁸ Эмблемой монгольского военного сеньера чингисханида было „черное знамя“ хага туғ, см. A. t., 75; S. s., 210; Убаши-хун-тайджи, 205, 206, 209. Знаменосец (tuğci) сдает в бою знамя Чингиса, остававшееся вместе с его ставками у ордосов, следовательно, в руках „правого крыла“, царевичу Sayin Alağ, бывшему в рядах „левого крыла“ Даян-хана, со словами:

Хаған ejen-ü хара сүлде
хан үге-дүр ину irebei (S. s., 192)

т. е.

„Черное знамя хагана-владыки (Чингиса)
прибыло к царственному его потомку“.

Затем царевичи-чингисханиды сохраняли, в первой половине рассматриваемого периода, во всяком случае, старинный обычай носить головные уборы с перьями (örbelge), см. S. s., 162; A. t., 68; ср. Blochet, Rashid-ed-Din, t. II, planches I, III, IV; между тем, как сайды носили отага, т. е. длинное перо на задней части головного убора, см. A. t., там же; Blochet, там же.

⁹ Ср. A. t., 56, 62; „Эрд. Эрхэ“, 6; Зая Пандита, 7, 14; S. s., 140; Mongğol sağaja, 6.

на то, что иногда сюзерены обирали своих вассалов, забирая у них скот и людей, но тогда поступки эти рассматривались, как насилие.¹

В ответ же на подарки и вообще в виде благодарности за службу и услуги сюзерены раздавали своим феодалам-вассалам разные титулы (cola)² и привилегии (darxa),³ сопровождая это дипломами (jiguxu) с печатями (tamağa),⁴ стремясь этими способами теснее привлечь к себе военных сеньеров. Таким же образом появились „приравненные к князьям“ *po-yad-un keb-tü bolugsan*, не чингисханиды, а выходившие из среды сайдов.⁵

Нельзя не обратить внимания на то, что довольно часто дети сюзеренов воспитывались не дома, в ставках своих родителей, а у их феодальных вассалов. Особенно часто происходило это в первую половину рассматриваемого периода. Большие сеньеры отдавали на воспитание своих детей по двум мотивам: 1) хотели этим теснее связать вассалов с собою и со своим потомством, 2) создать условия, при которых дети их могли бы подрасти с меньшим риском гибели в малолетстве, проживая в разных местах и вдали от ставки сюзерена, которая всегда могла подвергнуться нападению. Вместе с упрочением хагана и тайджи в качестве феодальных сеньеров обыкновением этим, повидимому, стали пользоваться реже. С другой стороны, феодальные сеньеры смотрели на воспитание детей больших сюзеренов в их домах, как на одну из обязанностей верного вассала. И часто могло случиться, что, благодаря положению воспитателя, вассал получал большое преимущество перед другими.⁶

В. Буддийские монахи-феодалы

Во второй половине XVI в., после того уже, как определилась победа чингисханидов и когда Монголия распадалась на ряд ханств, проникает к монголам из Тибета новая секта буддизма, обоснованная и организованная Дзонкавой, так наз. секта желтошапочников, которой суждено было сыграть большую роль в жизни монгольского общества.⁷ Прежний буддизм, проникший к монголам еще в эпоху мировой империи, не угас у них совершенно,⁸ но он не имел общественного значения, во всяком

¹ Зая Пандита, 16—30. ² S. s., 194, 252, 258, 264, 280, 282.

³ S. s., 194, 282; A. t., 110, 112.

⁴ S. s., 194; X. j., 89. Печатам придавалось особое сакральное значение, ср. *Bolor tolai*, III, 162. ⁵ См. выше, стр. 155, 175; X. j., 89.

⁶ См. S. s., 168, 170, 176, 178, 186, 188; A. t., 80, 82, 86, 90, 102—103. Старый обычай этот очень хорошо отражается в монгольском героическом эпосе.

⁷ См. S. s., 210, 212, 224—278.

⁸ Ср. S. s., 200, см. выше. Из новых работ на это обстоятельство, вопреки общераспространенному мнению, указывает „Западная Монголия“ Г. Е. Грумм-Гржимайло (т. II, стр. 486).

случае, играл роль не большую, чем сохранявшийся из дали веков шаманизм.¹

Новая секта с первых же шагов своих оказалась в особом положении. Следуя давней традиции буддизма, наблюдаемой везде и всюду, проповедники нового учения обратились вначале, почти исключительно, к высшим классам монгольского общества, в первую очередь к монгольской феодальной аристократии. А монгольские феодалы в это время как раз оказались в таком положении, когда им можно было интересоваться не одними только стадами да войной и охотой. После победы в феодальных войнах и образования больших сеньерий у большинства наблюдается известная обеспеченность существования. Затем улучшению материального благосостояния способствовали торговля с Китаем и продвижение на Юг, во „внутреннюю“ Монголию, о которой один китайский писатель XIX в., Вэй-юань, выразился следующим образом:² „дороги во внутреннюю Монголию удобны для торговых сношений и изобилуют травой и водой“. Между тем ни старый шаманизм, ни старый буддизм уже никого не удовлетворяли.³ А новая буддийская секта несла с собой и более высокую культуру, и пышный культ; ее проповедники готовы были стать и чтецами-писарями (*baḡshi*),⁴ и врачами (*emci*),⁵ и гадателями (*jaḡa-ḡaci*),⁶ т. е. могли в полной мере дать все то, что давали прежние ламы и шаманы; но, кроме того, они их превосходили во многом: с одной стороны они несли культурные навыки, говорили против кровавых жертвоприношений и варварских обычаев, содействовали развитию письменности, с другой — они творили „чудеса“, укрощали прежних гениев (*ongḡud*), вводили невиданные прежде службы, и процессии, раздавали всевозможные „посвящения“,⁷ говорили, что нояны стали господами за добрые дела в прошлых перерождениях.⁸

¹ Ср. Нэйджи-тойн, 37. Тем не менее, можно отметить, что и он стал „возрождаться“, начиная со второй половины XVI в., по тем же, конечно, причинам, по каким произошел расцвет новой буддийской церкви. В нашем распоряжении очень мало материалов о старом монгольском буддизме в XVI и XVII вв., так как желтошапочники старательно завуалировали, а иногда и извратили многие факты, которые постепенно открываются, благодаря находкам новых памятников, см. Б. Владимирцов, „Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи“; ср. также S. s., 200. ² См. Палладий Кафаров, „Дорожные заметки на пути по Монголии, в 1847 и 1859 гг.“, стр. 51. ³ Ср. Нэйджи-тойн, 53. ⁴ Всякие сведущие по письменной части люди назывались у монголов в среднем периоде, по старой памяти, вероятно, *baḡshi* „клерк, наставник“, см. A. t., 103; S. s., 224, 236; Зая Пандита, 41—42; Владимирцов, „Надписи... Цокту-тайджи“, II, стр. 225—226; Нэйджи-тойн, 53.

⁵ Шаманы, как известно, прежде всего являются *medicine-man*; ср. Нэйджи-тойн, 37.

⁶ Так, повидимому, монголы называли в среднем периоде гадателей не шаманов, которые, быть может, занимали даже определенное положение при феодалах, ср. S. s., 216, 252, 258, 268; Зая Пандита, 21.

⁷ Один монгольский князь заявил даже, что, принятие „посвящения для обретения особых сил“ (*abishiḡ*) есть обычное дело хагана и чиновников, см. S. s., 280.

⁸ Буддийские монахи объявили, что нояны те же божества (*tengri*), они ведут свое происхождение от небожителей. Поэтому именно они и ввели индийский обычай величать

Монгольские феодалы перешли в новую секту, начали покровительствовать ее проповедникам, а затем, по их наущениям, стали „обращать“ своих подданных, поощрять вступление в орден монашествующих рядом льгот и привилегий (освобождение монахов от повинностей и т. д.). Скоро начинают создаваться у монголов буддийские монастыри, появляются ламы и иерархи, из природных монголов, часто из рядов феодальной же аристократии. Тибетские иерархи отвечают раздачей титулов¹ и, — замечательно, — не скупятся на титулы ханов тем, кто по своему положению стал почти независимым государем.²

Теперь, как монгольский феодал мог лучше всего выразить свое расположение к буддийскому иерарху или монастырю? Конечно, подношением того, что было в его руках: привилегиями (*darxa*) и дарами (*öglige*). Феодалы и начинают подносить буддийским монахам свое главное достояние, а именно, скот и людей. Делалось это совершенно просто и легко еще потому, что буддийские монахи нуждались в учениках, которые могли бы продолжить их дело, и в слугах (*kötöci*): а с другой стороны, некоторые из иерархов сами принадлежали к феодальной аристократии.³ Но ведь буддийский монах не может иметь детей, кому же перейдет жалованное ему достояние? На этот вопрос буддийская желтая церковь ответила определенно и твердо: выдающийся иерарх не уходит совсем; если он умрет, то это ничего не значит, потому что он перерожденец (*hubilgan*); он перевоплощается, возрождается немедленно и, конечно, ему, новому перевоплощенцу, передаются имущество и права прежнего. А кроме того, есть постоянные учреждения, монастыри, правильно организованные, которые всегда могут быть юридическими лицами.

И вот монгольские феодалы начали дарить своих *albatu* и своих *boḡol* буддийским монахам в ученики (*shabi*), а также отдавать им людей для услуг. Очень скоро, когда подобные подношения увеличились, стало

ноянов *təngri* (*tengger*) поуап „божество-господин“. Но, с другой стороны, внушалось, что за очень большие заслуги в прошлых жизнях люди могут сподобиться стать буддийскими монахами. Отсюда естественный союз этих „лучших“.

¹ S. s., 236, 254, 264, 276. ² S. s., 252, 254, 264.

³ Многочисленные примеры можно заимствовать из разных источников; особенно много их находится в биографии Зая Пандиты, см., напр., f. 16: два ойратских князя дарят Зая Пандита (середина XVII в.) сорок мальчиков, новичинов, сорок домов людей простых и пятьсот вороных коней; а другой феодал, тоже ойратский, приказал постричь в новичинов пятьдесят мальчиков, тридцать из которых он поднес Зая Пандите; f. 4: дэрбэтский князь дарит буддийскому иерарху десять новичинов, которые только что были пострижены, пять тысяч голов скота и разные предметы. Еще один ойратский князь поступает так (там же, f. 7): для того, чтобы найти средства для поездки на поклонение в Тибет, он собирает весь свой скот, крупный сам гонит на продажу в Китай, а шесть тысяч овец дарит Зая Пандите. А южно-монгольские князья дарят буддийскому монаху захваченных ими на войне китайских и корейских мальчиков и молодых людей, и тот принимает их и обращает в монахов Найджи-тойн, 61.

ясным, что разницы между учениками (*shabi*) и слугами лам,¹ весьма часто, не было никакой.²

И шаби, и слуги превращались в настоящих крепостных вассалов буддийских монахов (*albatu*), но из ханжества их продолжали и продолжают до сего дня называть *shabi*.³

Хубилганы и монастыри, таким образом, оказались в положении владетельных феодалов.⁴ Их люди получают такую же организацию, как и люди светских феодалов. Они также делятся на отоки и аймаки, имеют чиновников.⁵ Находились они в заведывании монастырских или хубилганских казначейств (*sang* у монголов,⁶ *shang* у ойратов⁷). Феодалы-сеньеры и сюзерены охотно признают иерархов и лам своими вассалами или равными.⁸ Они не так опасаются духовных феодалов, потому, что те, как монахи, не воины; сеньеры хорошо понимают всю выгоду для себя от союза с иерархами, в особенности тогда, когда буддийской церкви удалось завоевать и широкие народные массы.⁹ Наконец, многие идут

¹ Их в разных местах и в разное время называли по особому, напр., *xara kötöci* (Зая Пандита, 5); затем по специальностям: *sürügün* „пастух монашеского скота“, *keyid-ün sakiğulcin* ~ *sakiğün* „стража-охрана монастыря“ (X. j.); но чаще всего встречается общее название *shabi-nar* („ученики“), *xuvagağ-un shabi-nar* („орденские ученики“).

² Сами монахи могли выходить из среды шаби и тогда оказываться в совершенно иных условиях. Слово *shabi*, начиная с XVII в. получает два значения: 1) оно обозначает „ученика“ того или иного лица, или „ученика“ того или другого монастыря, т. е. просто буддийского монаха; 2) оно обозначает подданного, крепостного вассала, принадлежавшего монастырю, иерарху или даже какому-нибудь монаху, безразлично, светского или нет; но чаще всего так назывались светские крепостные вассалы монахов.

³ Зая Пандита, 32, 35; X. j., 21.

⁴ „Ойрат. зак.“, 3.

⁵ Там же.

⁶ X. j., 6, 8, 9, 15, 42—43.

⁷ Зая Пандита, 28, *passim*. Заведующие такими казначействами назывались *shang-jodba*, словом, заимствованным из тибетского; они играли роль правителей; см. еще X. j., 2, 42—43. А. М. Позднеев неточно приписывает учреждение должности ургинского шандзоты маньчжурскому правительству (см. „Монголия и Монголы“, I, стр. 519), маньчжуры только закрепили то, что уже существовало.

⁸ Перечисляя участников съезда, на котором были выработаны халхаские законы, X. j. ставит на одно из первых мест *shangjodba*, буддийского иерарха и владетельного сеньера, *Джебдзун-дамба-хутуху* (р. 2), о котором речь будет немного ниже.

⁹ Буддийские монахи, обыкновенно, в феодальных расприх принимали ту или другую сторону, в зависимости от разных обстоятельств. Но очень любопытно отметить, что иногда монахи проводили мысль о том, что они не являются сторонниками какой-либо феодальной группы, а относятся ко всему данному народу. Когда определялась победа джунгарского Галдан-Бошукту-хана, хошутские монахи для спасения себя и своего достояния заявили: *Dörbön Oyirodiyün blama mūni tula, mani ilgaxu ügei. bidan-du cu ögligöyün ezen ilgäl-ügei mūni tula, keni gadana bayibacu ilgäl-ügei* (Зая Пандита, 31) „Так как мы являемся ламами Дөрбөн Ойратов, нас не должны распределять (по политическим группам). Так как нам безразлично, кто наш милостынедатель, то нам все равно, при ком бы ни быть“. С другой стороны, Далай-ламы, сделавшись в половине XVII в. буддийскими папами, начинают претендовать на то, что буддийские монахи, в Монголии и у ойратов, должны быть свободны от податей и не зависеть от воли князей; см. послание Далай-ламы к ойратским ханам, князьям, сайдам и ко всей массе народа, Зая Пандита, 34—35. Монахи и монастыри начинают также брать на воспитание детей феодальных сеньеров, как встарь это делали сайды.

добровольно в shabî к иерархам и в монастыри,¹ избегая таким образом зависимости от своих феодальных владельцев и видя в буддийской церкви возможность для осуществления совершенно необычной для простого монгола карьеры.

Среди буддийских иерархов особое положение досталось так называемому Ургинскому хутухте.² Прежде всего, первый хубилган „возродился“ сыном одного из самых сильных халхаских князей, владельца очень большой сеньерии, а именно Тушиету-хана. Одно это обстоятельство, т. е. то, что сын знатного и могущественного сюзерена сделался буддийским монахом, поставило его в такое положение, какого никто другой достичь не мог. Ургинский хутухта поэтому сделался как бы главою всех монастырей Халхи и всех иерархов и других халхаских лам. Потом в его руках оказалось так много шаби и подведомственных ему непосредственно монахов,³ что он стал одним из сильнейших феодальных сеньеров Халхи. Политические обстоятельства, сильное давление извне с разных сторон, конец великих монгольских ханов и другие внутренние причины способствовали тому, что халхаские феодалы, в особенности принадлежавшие к двум восточным ханствам, стали смотреть на своего родича хутухту, как на верховного сюзерена и главу, почти как на общехалхаского хагана.⁴ Об этом свидетельствует между прочим, то, что халхаские феодалы отказались в пользу хутухты от некоторых прав своих, выражавшихся в иммунитете.⁵

Так, напр., съезд князей трех восточных хошунов (двух ханств) признал за хутухтой право на убежище, т. е. право на принятие и защиту всех беглецов из других сеньерий и феодов.⁶

Другие права и преимущества, предоставленные Ургинскому хутухте ставили его в положение гораздо более сильное и высокое, чем то, в каком находились сами халхаские ханы.⁷

Таким образом в монгольское общество внедряется новая струя в лице буддийских монахов, которые, в общем, разделяются на две группы, К одной принадлежат перерожденцы, великие ламы, живущие по монастырям или в степи, — безразлично, старшие монастырские ламы; все они тесно связаны с классом монгольской феодальной аристократии, хотя и далеко не всегда принадлежат к ней по рождению. К другой группе относятся монахи из простонародья, из албату и шаби, они, конечно, к классу простых и принадлежат, но через свои верхи они ближе феодалам, чем массы „черного народа“.

¹ См., напр., Нэйджи-тойн, 37, 46—47.

² Официально он носил титул Джебдзун-дамба-хутухту; в народе его величали öндүр-геген, он считался, как известно, перерожденцем знаменитого тибетского историка Дараната. ³ Он сам говорит что „шаби у него очень много“, „Эрд. Эрихэ“, 28.

⁴ См. X. j., 3—15.

⁵ Там же, *passim*.

⁶ X. j., 42—43, 75.

⁷ X. j., 2—15; см. также другие источники, относящиеся во второй половине XVII в. I. sh; „Эрд. Эрихэ“.

Глава третья

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ МОНГОЛОВ В НОВЫЙ ПЕРИОД (С КОНЦА XVII, НАЧАЛА XVIII вв.)

I

В новом периоде, который начался для монголов, приблизительно, с конца XVII, начала XVIII вв., можно наблюдать довольно значительные перемены в хозяйственной жизни. Правда, для большинства монгольских племен и в новом периоде попрежнему экстенсивное скотоводство и охота, в качестве вспомогательного промысла, остались главными занятиями, тем не менее, известные изменения определились и для монголов-скотоводов; еще больше перемен наблюдается в хозяйстве тех монголов, которые перешли на земледельческую культуру. Потом значительно изменились отношения между монголами и более цивилизованными народами — государствами Азии и Европы.

Еще в XVII в. южные монголы подпадают под зависимость от вновь нарождающейся манджурской державы, которая около половины XVII в. захватывает весь Китай. В самом конце XVII в. упрачивается зависимость Южной Монголии от манджур, а затем значительная часть северных монголов, а именно халхасы, оказываются их вассалами. Далее идет постепенное подчинение ойратов; все они, кочевавшие и в Джунгарии, и на предгорьях Тибета, и в Алашане, все в половине XVIII в. становятся подданными манджурских императоров, одни „добровольно“, другие путем завоевания; многие поколения ойратские при этом погибли совершенно. С другой стороны, к началу XVIII в. монголы-буряты как в до-байкальском районе, так и в Забайкалье окончательно входят в состав русского государства. То же самое можно сказать и об ойратах-калмыках, которые еще в первой половине XVII в. перекочевали в степи на низовья Волги. Значительная часть их ушла во второй половине XVIII в. назад, в Джунгарию; но те, кому удалось ее достигнуть, немедленно подпали под зависимость от манджур. В XVIII в. не было уже монголов, которые бы не находились в подчинении или манджурской, или русской державе.

И сейчас же вслед за подчинением манджурской и русской власти наблюдается продвижение в среду монгольских племен китайского и русского, или идущего под русским флагом ростово-торгового капитала.

Китайские торговцы не довольствуются уже, как в старое время, пограничными рынками; они теперь едут сами в степи и горы к монголам скупать у них сырье, продукты скотоводческого хозяйства и продавать китайские, а потом и европейские товары. Вместе с купцами к монголам проникают китайские ростовщики, мелкие и крупные банкиры, всякого рода спекулянты. А затем в Монголию идут ремесленники и земледельцы-колонисты, последние, главным образом, в Южную Монголию.

Целый ряд городов, населенных почти исключительно китайцами, возникает в Южной Монголии, появляются они и в Северной, в Халхе; разрастаются повсюду буддийские монастыри и возле них возникают иногда значительные поселения китайских торговцев. Китайская колонизация в Южную Монголию особенно усилилась, начиная с конца XIX в.; в XX в. в Южной Монголии монголы составляют, приблизительно, только одну треть всего количества народонаселения этой обширной области.

Во второй половине XIX в. наблюдается продвижение русского торгового и отчасти промышленного капитала в пределы манджурской „заграничной“ Монголии, главным образом, в Северную Монголию, Халху, Баргу, Кобдоский округ, а также в районы Синь-цзянской провинции. В конце XIX и в XX в. южной и юговосточной Монголией начинают интересоваться японские и европейские промышленные и торговые круги. Монголия и монголы частично оказываются в сфере влияния мирового капиталистического рынка.

Если обратиться к „русским“ монголам, т. е. бурятам и калмыкам, то можно увидеть, в общем, почти ту же картину. Русский ростово-торговый, а затем и промышленный капитал, продвигается и к ним, хотя и не в таких размерах, как китайский в „манджурской“ Монголии. Также среди бурят и калмыков возникают значительные поселения русских, украинских и других земледельцев. В XIX в. как буряты, так и калмыки оказываются живущими в сети русских городов, деревень, станиц и других поселений.

Нельзя забывать также о непосредственном административном влиянии манджурской и русской власти на хозяйственную жизнь монголов.

Присматриваясь к отношениям манджурской и русской государственной власти к монголам, ставшим в зависимое от них положение, можно заметить, несмотря на все отличия и особенности каждого из названных государств, одну общую черту. Как манджурское, так и русское правительство, с одной стороны, хотели сохранить своих кочевых вассалов в „первобытном“ состоянии, сберечь их земли от захвата колонистами-земледельцами, надеясь использовать номадов для военно-полицейских нужд. В соответствии с этим оба правительства издавали определенные законы и постановления, принимали различные меры. И вместе с тем, с другой стороны, как официальные, так и неофициальные представители

маньчжурского и русского государства энергично и последовательно проводили совершенно противоположную политику, диктуемую непосредственными интересами ростового и торгового капитала. Все отношения между маньчжурами и монголами, с одной стороны, а с другой — русскими и бурятами с калмыками создавались в XVIII и XIX вв. под воздействием этих противоположных начал. Под влиянием всех этих факторов хозяйственная жизнь монголов как в пределах Маньчжурской державы, так и русского государства, должна была измениться.

Прежде всего довольно значительное количество монголов оставило кочевой образ жизни и перешло к оседлому земледельческому. В XVIII в. уже, а в XIX в. еще в большем количестве, мы находим монголов — оседлых земледельцев в различных областях Южной Монголии напр., в районе г. Куку-хото, в Ордосе, в хорчинском уделе и т. п., а также в до-байкальской Бурятии и в Забайкалье; наблюдаются, редкие, правда, земледельческие поселения и у калмыков, начавшие возникать лишь в XIX в.

Монголы-земледельцы, конечно, не оставляют скотоводства, которое ведут только на иных началах.

Можно отметить, впрочем, что в некоторых местах, напр., в некоторых районах Бурятии монголы-земледельцы не перешли еще окончательно к совершенно оседлому образу жизни, потому что у них сохранилась привычка и потребность менять свои более солидные зимние помещения на более легкие в течение теплого времени года. Иногда летним жилищем потрепному служит еще обще-монгольская войлочная юрта.

В других районах Монголии и Бурятии монголы начали соединять пастушеское кочевое хозяйство с занятием земледелием в небольших размерах, не переходя, таким образом, к оседлой жизни, напр., в некоторых районах Кобдоского округа и Халхи, а также в Южной Монголии и Бурятии. Некоторые монгольские номады ограничиваются лишь заготовкой сена и то в малом количестве. Таким образом, у монголов XVIII—XIX вв. можно наблюдать почти всевозможные формы соединения скотоводства и земледелия.

Чрезвычайно трудно ответить на вопрос, развились ли ремесла у монголов в новом периоде по сравнению с прошлым или нет. Если в XVIII в., особенно в XIX в., пали некоторые, напр., производства разного рода оружия, то зато развились другие, имеющие, главным образом, отношение к буддийскому культу. Но и в рассматриваемое время ремесленники только в исключительных случаях обособлялись; обычно же занятие тем или другим ремеслом являлось лишь добавочным вспомогательным в хозяйстве скотовода или земледельца и находилось на очень низком уровне развития.

К новым явлениям монгольской жизни необходимо отнести появление монголов-горожан и вообще более или менее оседло живущих при монастырях, ставках и других поселениях. Одни из рассматриваемых поселенцев стали проживать в китайских и, в гораздо меньшем количестве, в рус-

ских городах и селениях в качестве чиновников и мещан, рантье, обладателей недвижимой городской собственностью. Другие становились в положение чернорабочих и самых мелких домовладельцев. Китайские города и поселки в Монголии оказались наводненными монгольскими женщинами, занимавшимися гетеризмом разного рода; женщины эти в некоторых случаях не теряли связи со „стестью“.

Наконец, можно отметить появление в XIX в. монголов — сезонных рабочих на шерстомойках, заведенных русскими торговцами, и на рыбных промыслах Волги и Каспия. Для последних работа на промыслах сделалась даже главным занятием, тогда как шерстомойщики никогда не порывали с кочевым скотоводческим хозяйством, если только не принадлежали к „горожанам“, давно уже покинувшим „вольные степи“.

С XVIII в. развивается в различных местах Монголии и других районах, населенных монголами, извозный промысел, обслуживающий, главным образом, китайских и русских купцов. Появляются также мелкие торговцы из монголов (*panjasi*), имеющие, обычно, подвижные кочевые лавки (*hoxhe*), почти всегда зависящие от китайских, русских и даже тибетских торговцев и являющиеся, подчас, просто их приказчиками (*bicesi*).

Охотничий промысел повсеместно у монголов в новом периоде терпит значительные перемены. В общем можно отметить его падение. Прежде всего облавные охоты исчезают вовсе, если не считать редких облав, которыми развлекались иногда буряты, да участие южных монголов в императорских манджурских облавных охотах. В XIX в., впрочем, и это уходит в область преданий. Охота, — индивидуальная, — везде и всюду, где ею занимаются, является теперь исключительно вспомогательным, часто случайным, промыслом. И только охота на сурка-тарбагана, в виду требований мирового рынка, представляется более или менее значительной для больших групп населения тех районов, где водится этот зверек.

Но зато в рассматриваемое время ружье окончательно вытесняет лук на охоте; хотя вплоть до XX в. монгольские охотники довольствуются в большинстве случаев примитивными кремневыми ружьями.

Обращаясь к скотоводческому кочевому хозяйству, которое и в новое время является основным занятием очень значительного количества монголов, даже большинства, можно отметить следующие инновации.

Хотя попрежнему хозяйство это ведется экстенсивно, скот остается на подножном корму и, следовательно, требуются периодические перекочевки, тем не менее, можно отметить, что у большинства монголов скотоводство теряет прежний размах. Уменьшается повсеместно количество скота, перекочевки на большом расстоянии и большими группами становятся редчайшим явлением; обычно же кочуют на очень небольших пространствах отдельными семьями или небольшими объединениями, в две, три семьи, — являющимися самостоятельными кочевыми дворами (*ayil*). Следует при этом обратить внимание на то, что поволжские ойраты, калмыки, одни во всем монгольском мире, сохраняют до наших дней хотонный

способ кочеванья, т. е. довольно значительными, почти всегда, родственными группами, насчитывающими от десяти до тридцати и более кочевых дворов-аилов (кибиток).

У многих групп монгольских номадов в рассматриваемое время и, в особенности, во вторую его половину, получают распространение колесные экипажи в качестве способов передвижения и перевозки домашней клади во время перекочевов. Китайская арба встречается часто у южных монголов и проникает даже в восточную Халху; русские телега и дроги распространяются среди кочевых бурят и калмыков. В связи с этим верблюда часто заменяет бык и лошадь.

На состояние кочевого скотоводческого хозяйства в рассматриваемое время очень большое внимание оказало, помимо других причин, еще то, что как манджурская, так и русская власть установили строгие границы раскочевов для всех групп, на которые делились монголы, для хошунов, отоков, „родов“ и т. п.

Перемены кочевий-нутуков теперь сделались невозможными; прекратились также междоусобные войны и связанные с этим поглощения одних групп другими. Каждый хошун, оток, улус, род и т. п. оказались как в манджурской Монголии, так и у „русских“ бурят и калмыков, в совершенно определенных границах, кочующими на определенных нутуках, изменять и менять которые было уже совершенно невозможно. Кочующие на каком-либо нутуке, будь то в Монголии или на Волге, должны знать, что только одно изменение их ожидает: всегда могут вторгнуться и осесть, под тем или другим видом, инородные элементы в пределах их родных кочевий. Перекочевки-переселения отошли в область преданий, если не считать исключительно редких случаев.

II

Манджуры, подчинив себе большинство монгольских племен, вернее сказать, монгольских феодальных объединений, не нарушили в основном их социального строя. Как раз наоборот, манджурский императорский двор, очень опытный в делах, ведущих к объединению феодальных групп, явно поставил себе целью овладеть монголами, опираясь на их феодалов, светских и духовных. Манджуры поэтому провели ряд мероприятий для некоторой реорганизации правящего класса, приложили много усилий для бюрократизации феодального режима, но не коснулись почти совершенно отношений феодалов к их крепостным вассалам; в „манджурской“ Монголии все „простые“ монголы (arad) попрежнему оставались принадлежащими своим господам, нойонам разных рангов и положений, т. е. все теми же албату. В самом основном, следовательно, монгольский кочевой феодализм перемен при манджурах не потерпел.

Манджурские императоры, еще начиная с XVII в., привлекая к себе одних монгольских феодалов, подчиняя силой других, смотрели на себя, как на наследников и продолжателей дела великих ханов монгольской

династии Юань, династии, основанной самим Чингис-ханом. Как раньше монгольские феодальные сеньеры, ханы, джигунги, тайджи, владетельные буддийские иерархи признавали или должны были признать верховный сюзеренитет монгольского великого хагана, так теперь они должны были видеть в маньчжурском императоре своего феодального владельца (ejen). Маньчжурский император не является для них тем, кем он стал для китайцев, повелителем-хуанди, для монгольских сеньеров маньчжурский император — их феодальный сюзерен, преемственно получивший права от великих ханов старшей линии дома Чингиса.

Для общепонятной символизации этой идеи была придумана легенда о том, что печать Юаньских хаганов была передана маньчжурским императорам сыном последнего монгольского великого хана Легдана. Маньчжурский император сделался настоящим наследником трона Чингиса: — *sütü bogda ejen хаган* „обладающий счастьем-величием августейший владыка-хаган“.

Маньчжурские императоры надеялись, — и надежды их, действительно, оправдались вполне, — не только обезопасить себя, а потом и захваченный ими Китай от монгольских номадов, но и подчинить своему сюзеренитету монголов путем возглавления монгольских феодалов, путем привлечения их в качестве вассалов-феодалов, которые должны были им служить не как покоренные (рабы — *kitad* — китайцы), а так же, как они служили раньше своим великим ханам. Вместо монгольского великого хана — маньчжурский император; впрочем, монгольский великий хан и маньчжурский император связаны родством и передачей наследственных прав. Маньчжурский император к тому же выше. Действительно, монгольские великие хаганы под конец превратились в чахарских только ханов, тогда как маньчжурский император сумел найти хаганскую яшмовую печать и сесть на престоле в Дайду-Пекине, ханском граде Юаньской династии, о потере которого столько лет вздыхали монгольские феодалы. Сопротивляющиеся маньчжурскому императору противятся не иноземному завоевателю, а своему законному сюзерену, который только для блага всех, и монголов в частности, решил твердо взять в руки яшмовую печать.

Присматриваясь к отношениям маньчжурского двора к монголам в XVII в. и в начале XVIII и к тому, какое впечатление производила маньчжурская политика на умы господствующего класса монгольского тогдашнего общества, можно видеть, как ловко и неуклонно проводили в жизнь маньчжуры вышеизложенные начала, не жалея средств, не щадя принцесс императорского дома, которых насильно отдавали замуж за монгольских феодалов, не отказываясь прибегать к вооруженной силе, когда обстоятельства того требовали.

Положение же дел в феодальной Монголии чрезвычайно благоприятствовало маньчжурам. Выше уже несколько раз приходилось отметить, что в жизни монгольского феодализма замечалось два противоположных течения. Пытаясь разобраться в этих противоречиях, нельзя забывать того,

что монгольский феодализм жил застойным и примитивным кочевым скотоводческим хозяйством, хозяйством натуральным, которое, тем не менее, зависело от внешнего рынка, от торговых или военно-грабительских отношений к культурным областям.

Противоположные же течения, обнаруживавшиеся в монгольском феодализме, заключались в том, что с одной стороны он вел к очень большому, непрерывно все увеличивавшемуся дроблению феодалов и полному ослаблению центральной власти; а с другой, в том же феодализме обнаруживались стремления к объединению феодалов вокруг крепкой ханской власти.

Сам феодальный режим у монголов с обычаем наделения уделами всех сыновей сеньера, с экстенсивным кочевым хозяйством при обилии пастбищ и других земельных угодий, способствовал дроблению феодалов и вел к ослаблению власти всякого сюзерена. И вместе с тем, сосредоточивание в руках одного феодала или одного феодального дома ключей и иноземному рынку, возможность использовать набеги и военные походы на культурные области содействовали объединению феодалов вокруг одного сюзерена. К этому же вели стремления мелких феодалов обеспечить себе более спокойное и безопасное существование, хотя и покупаемое ценою известных жертв, а главное необходимостью службы сюзерену.

Процессы эти, наблюдавшиеся в разное время у монголов и отмеченные выше, выступили наглядно и в XVII в., о чем тоже было уже упомянуто. При этом можно отметить, что халхасы, т. е. халхаские феодальные сеньеры, стремились объединиться вокруг Ургинского хутухты, Легдан-хан чахарский пытался восстановить значение великих ханов, а ойратский Галдан-Бошокту хотел завоевать восточных монголов и подчинить, как он подчинил себе часть ойратов. Но эти попытки не удалось потому, что у тех, кто брался за то, чтобы провести их в жизнь, не было достаточно обеспеченного тыла, обеспеченного экономически и в общественном отношении, и не было сил и возможностей держать в своих руках пути к иноземным рынкам и к набегам на культурные богатые области.

Манджуры, манджурская ведущая феодальная знать, к началу XVII в. и оказались в таком выгодном положении. Они имели крепкий обеспеченный тыл, владели культурными областями, вели победоносные войны с Китаем, готовы уже были захватить его и ставили под контроль торговлю всей Центральной Азии со Срединной империей. Монгольские феодалы предпочли их, предпочли манджурского императора своему чахарскому хану, который хотел было стать вторым Чингисом. Но Легдан мог только титуловаться Чингисом, а манджурский император осуществил отчасти дело Темучина: он занял Китай и подчинил себе другие области и страны. Монгольские феодалы пошли за тем, кто был богаче и сильнее, кто легче мог их объединить под тем же старым знаменем. Не забудем при этом, что манджуры этнически были близки монголам, их знать гово-

рила по-монгольски и некоторое время пользовалась монгольским литературным языком. Особенно близки были друг другу монгольские и маньчжурские феодальные круги. Взаимные браки скоро еще более сблизили представителей того и другого феодального общества. Кроме того, в ту пору монгольская знать была ревностной поклонницей тибетского буддизма; а маньчжурский императорский двор не только приобщился к этому буддизму, но сделался его верховным покровителем; более того, маньчжурский император в глазах народных масс сам стал воплощением буддийского божества, чуть ли не главою буддийской церкви. Буддийские духовные феодалы и многочисленные монастыри и ламы, естественно, потянулись за ним, видя в нем источник блеска своей веры и развития своего благосостояния.

Маньчжуры, подчиняя себе в XVII в. последовательно, одну за другой, группы монгольских феодальных объединений, стремились по возможности всюду установить однообразный порядок. Обычно они не нарушали сложившихся сеньерий, феодальных объединений или ханств, они только устанавливали твердые границы как внутри, так и вне такого объединения. Былые большие сеньерии, ханства получили названия аймаков (*ayimağ*), а феодалы, закрепленные за определенными феодальными сеньерами, стали называться теперь хошунами (*xoshigun > xoshū*). Основной феодальной единицей, феодалом-кочевым владением был именно хошун, во главе которого стоял его владелец (*ejen*), сеньер, монгольский нойон, потомок прежних феодалов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. ПЕРЕЧЕНЬ ГЛАВНЫХ ИСТОЧНИКОВ НА МОНГОЛЬСКОМ
ЯЗЫКЕ

- Altan tobci (Золотое Сказанье) 15, 16, 17 [A. t.]
 Батур-Тюмень
 Биография Зай Пандиты (Zaya-paṇḍita) 18
 „ Нэйджи-тойн (Neyiji-toyin) 18
 Bilig'и Чингиса 10
 Bodhicaryāvatāra 15
 Bolor toli
 Бурятские законы и постановления 26
 Бурятские хроники 19
 Ġabang Sharab
 Combojab
 Законы трех халхаских хошунов 1790 г. (Xalxa jirum) 20, 21 [X. j.]
 „История Радлова“ (Yeke shara tūji)¹ 15, 16
 Iledkel shastir 14, 26 [I. sh.]
 Монгольские надписи 19
 Монголо-ойратские законы 1640 г. 19, 21, 22 [Ойрат. зак.]
 Монгольское Уложение Палаты Внешних сношений Манджурской Империи 20, 21, 22
 Новое Монгольское Уложение автономной Монголии 1914 г. 26
 Subhāshitaratnanidhi
 Санан-Сецен (Sanang-Secen) 15, 16, 17 [S. s.]
 Убаша-хун-тайджи (Ubashi-xung-tayijiin tūji) 22
 Хошунные постановления (dūrim), записки и протоколы 27
 „Эрдэнийн Эрихэ“ 18
 Юань-чао-би-ши (Сокровенное сказанье о поколении Монгол) 6, 7, 9 [С. ск.]
 Юань-ши 9

2. СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ПОСОБИЙ НА ИНОСТРАННЫХ
ЯЗЫКАХ

- Abel-Rémusat. Nouveaux Mélanges asiatiques, II, Paris, 1829.
 — Observations sur l'ouvrage de M. Schmidt, intitulé Histoire des Mongols orientaux, JA, t. VIII, 1831; t. IX, 1832.
 Aboul Ghāzī. Histoire des Mogols et des Tatares, publiée, traduite et annotée par le Baron Desmaisons, t. II, traduction, St. Pétersb., 1874.

¹ Второе название рукописи, приводимой в книге только, как „История Радлова“, даю со слов сотрудников Института востоковедения Академии Наук Ц. Ж. Жамцарано и В. А. Казакевича (Л. В.).

- Baddeley, J. F. *Russia, Mongolia, China, Being some Record of the Relations between them from the beginning of the XVIIth Century to the Death of Tsar Alexei Mikhailovich A. D. 1602—1676*. Rendered mainly in the form of Narratives dictated or written by the Envoys sent by the Russian Tsars, or their Voevodas in Siberia to the Kalmuk and Mongol Khans and Princes; and to the Emperors of China with introductions Historical and Geographical, also a series of Maps showing the progress of Geographical Knowledge in regard to Northern Asia during the XVIth, XVIIth and early XVIIIth Centuries. The Texts taken more especially from Manuscripts in the Moscow Foreign Office Archives", 1919, 2 vol., London.
- Barthold, W. *Turkestan...* Second Edition translated from the original Russian and revised by the author, with the assistance of H. A. R. Gibb 1928, „Gibb Memorial Series“.
- „Gingiz-Khan“ в *Enziklopaed. des Islāms*, I.
- Bazin, M. *Le Siècle de Youën*, JA, Mai-Juin 1852.
- Bell, Charles. *Tibet, Past and Present*, Oxford, 1924.
- Bergmann. *Nomadische Streifereien unter den Kalmuken*, Bd. I—IV, Riga, 1804—1805.
- Bloch, E. *Introduction à l'histoire des Mongols*, Leyden-London, 1910.
- Djāmī el-Tévarikh, par Rachid-ed-Din, t. II (Gibb Memorial), vol. XVIII, 2, 1911.
- Bretschneider, E. *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources*, I—II, London, 1888.
- Brosset, M. *Deux historiens arméniens Kiracos de Gantzac*, XIII s., *Oukhtanès d'Ourha*, X s., St. Pétersb., 1870.
- Browne, E. G. *A Literary History of Persia*, III, *Persian Literature under Tartar Dominion*, Cambridge, 1920.
- Charignon, A. J. H. *Le livre de Marco Polo*, t. II, Pékin, 1926.
- Chavannes, E. *Inscriptions et pièces de chancellerie chinoises de l'époque mongole*, T'oung Pao, 1904, 1905, 1908.
- Cordier, H. (см. Yule).
- Courant, M. *L'Asie Centrale aux XVII et XVIII siècles, Empire Kalmouk ou Empire Mantchou*, Lyon — Paris, 1912.
- Defrémery, M. G. *Histoire des Khans Mongols du Turkistan et de la Transoxiane, extraite du Habib-essier de Khondémir, traduite du persan et accompagnée de notes*, JA, IV s., XIX.
- Delamarre, M. *Histoire de la Dynastie des Ming, composée par l'Empereur Khian-Loung*, traduite du Chinois, Paris, 1865.
- Desmaisons (см. Aboul Ghazi).
- Du Halde. *Descriptions géograph., histor... de l'Empire Chinois et de la Tartarie chinoise*, La Haye, 1736, vol. IV.
- Dulaurier, E. *Les Mongols d'après les historiens arméniens*, JA, V s., t. XI, 1858.
- Fischer, J. E. *Recherches historiques sur les principales nations établies en Sibérie...*, traduite du russe par Stollenwerck, Paris.
- Fustel de Coulanges. *Histoire des institutions politiques de l'ancienne France*, I Paris, 1877.
- Georgi, J. G. *Beschreibung aller Nationen des Russ. Reichs...* St. Petersb., 1776—1778; второе изд. St. Petersb., 1782; третье изд. Leipzig, 1793; французск. пер., 1776.
- *Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich im Jahre 1772*, St.-Petersb, 1775.
- Gmelin, J. G. *Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743*, Göttingen, 1751—1752.
- Grousset, R. *L'histoire de l'Extrême Orient*. II.
- Haenisch, E. *Untersuchungen über das Jüan-ch'ao pi-shi die geheime Geschichte der Mongolen*, Abhandlungen der philolog.-histor. Klasse d. Sächsischen Acad. d. Wiss., № IV, 1931.
- von Hauer, E. (см. Huang-Ts'ing K'ai-Kuo-Fang-Lüeh).
- Howorth, H. *History of the Mongols*, Part I, London, 1876 (в 1927 г. появилось дополнение: Part IV., Supplement and Indices).
- Huang-Ts'ing K'ai-Kuo-Fang Lüeh. *Die Gründung des Mandschurischen Kaiserreiches*, übersetzt und erklärt von Hauer E., Berlin und Leipzig, 1926.

- Huc, M. *Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet pendant les années 1844, 1845, 1846*, t. I, Paris, 1857.
- Huth, G. *Die Inschriften von Tsaghan Baisin*, Leipzig, 1894.
- *Geschichte des Buddhismus in der Mongolei*, Strassbourg, 1896, II.
- Klaproth, J. *Description de la Chine sous le règne de la dynastie Mongole*, traduite du persan, de Rachid-Eddin et accompagnée de notes, JA, t. XI, 1833.
- Kotwicz, W. *Quelques données nouvelles sur les relations entre les Mongols et les Ouigours* Rocznik Orientalistyczny, II, 1925.
- Krause, F. E. A. *Cingis-Han, die Geschichte seines Lebens nach den chinesischen Reichsannalen*, Heidelberg, 1922.
- *Die Epoche der Mongolen. Mitteilungen des Seminars für Orient. Spr.*, XXVI—XXVII, 1924.
- Lamb, H. *Genghis-Khan, The Emperor of All Men*, London, 1928.
- Ligeti, L. *Les noms mongols de Wen-Tsong des Yuan*, T'oung Pao, XXVII, 1930.
- Luchaire, A. *Manuel des institutions françaises*, Paris, 1892.
- *Manuel des institutions françaises, période des Capétiens directs*, Paris, 1902.
- M. de Mailla. *Histoire Générale de la Chine ou Annales de cet empire*, trad. du Tong-Kien-kang-Mou. Paris 1779, vol. IX, X, XI.
- Mannerheim, C. G. E. *A visit to the Sarö and Shera Jögurs*, Journ. de la Soc. Finno-Ougr., XXVII, 1911.
- Maspéro, H. *Chine et Asie Centrale*, в сб. „Histoire et historiens depuis cinquante ans“, II, Paris, 1928.
- Mostaert, A. *A propos de quelques portraits d'empereurs mongols*, Asia Major, vol. IV, 1927.
- d'Ohsson. *Histoire des Mongols depuis Tchिंगis-Khan jusqu'à Timour Beg ou Tamerlan*. La Haye et Amsterdam 1834—1835 (второе изд., значительно дополненное в 4-х томах; первое издание появилось в 1824 г.; третье изд. 1852 г. является перепечаткой второго).
- van Oost J. *Notes sur le Toemet, Chang-hai*, 1922, Variétés sinologiques, № 53.
- Palladius l'archimandrite. *Deux traversées de la Mongolie 1847—1859* (préface de M. P. Boyer), Bull. de géographie historique et descriptive, 1884.
- Pallas, P. S. *Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs*, 1771—1776; изд. 2-е, 1801.
- *Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongol. Völkerschaften*, Bd. 2, St. Petersburg, 1776—1801.
- Parker, E. H. *Mongolia after the Tenggizides and before the Manchus*, Journ. of the N. China Branch of the R. Asiat. Soc., vol. XLIV, 1913.
- Pauthier, M. G. *De l'alphabet de P'asse-Pa*, JA, 1862.
- *Le livre de Marco Polo*, Paris, 1865.
- Pelliot, P. *Le titre mongol du Yan-tch'ao pi che*, T'oung Pao, 1913.
- *Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême-Orient*, T'oung Pao, 1914.
- *A propos des Comans*, JA, Avril—Juin 1920.
- *Les Mongols et la Papauté*, Revue de l'Orient Chrétien, t. III, № 1—2; t. IV, № 3—4, 1924.
- *Les mots à h initial aujourd'hui amués dans le mongol des XIII et XIV siècles*, JA, Avril—Juin, 1925.
- *L'Edition collective des oeuvres de Wang Kouo-wei*, T'oung Pao, 1928—1929.
- *Sur yam ou jam, relais postal*, T'oung Pao, 1930.
- *Les kökô dăbtăr etc.* T'oung Pao, 1930.
- *Un passage altéré dans le texte mongol ancien de l'Histoire Secrète des Mongols*, T'oung Pao, 1930.
- *Sur la légende d'U'uz-khan en écriture ouïgoure*, T'oung Pao, 1930, № 4—5, vol. XXVII.
- *Note sur Karakorum*, JA, Avril—Juin 1825.
- *Le voyage de M. M. Gabet et Huc à Lhasa*, T'oung Pao, 1925.
- *Notes sur le „Turkestan“ de M. W. Barthold*, T'oung Pao, 1930, vol. XXVII.

- Perry-Ayscough, H. G. C. and Otter-Barry. With the Russians in Mongolia, London, 1914.
- Poppe, N. Zum khalkha-mongolischen Heldenepos, Asia Major, vol. V, 1928.
- Quatremère, E. Histoire des Mongols de la Perse par Rachid-Eddin, Collection orientale, t. I, Paris, 1836.
- Ramstedt, G. J. Mogholica, Beiträge zur Kenntniss der Monghol-Sprache in Afghanistan, Journ. de la Soc. Finno-Ougr., XXIII, 4.
- Riasanovsky, V. A. Customary law of the Mongol tribes (Mongols, Buriats, Kalmucks), part I—III, Harbin, 1929.
- Rockhill, W. W. The Journey of William of Rubruck, London, 1900.
- Salemann, C. Manichaica, V, ИАН, 1913.
- Schmidt, I. J. Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssanang Ssetsen, Chungtaidschi der Ordus, St.-Petersb., 1829.
- Voyages chez les peuples Kalmouks et les Tartares, Berne, 1792 (автор анонимный).
- Yule, H. The Book of Ser Marco Polo, third ed., revised by H. Cordier, London, 1903.

3. СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ПОСОБИЙ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

- Абуль-Гази-Бохадур-хан. Родословная туркмен, перев. А. Туманского, Асхабад, 1897.
- Алтан-Тобчи (см. Гомбоев...)
- Амур-Санан, А. М., Мудрешкин сын, Л., 1925 (есть и др. издания).
- Аристов, Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей, Живая Старина, 1896, вып. III и IV.
- Бамбаев, Б. Б. Отчет о командировке в Монголию летом 1926 г. Материалы МОНК, вып. 4, Л., 1929.
- Банзаров Дорджи. Об Ойратах и Уйгурах, Черная вера и др. статьи, изд. под редакцией Г. Н. Потанина, СПб., 1891.
- Баранов, А. Словарь монгольских терминов (А—Н), Материалы по Маньчжурii и Монголии, вып. XI, Харбин, 1907; (О—Ф), вып. XXXVI, Харбин, 1911.
- Бартольд, В. В. К вопросу о происхождении кайтаков, Этногр. обозр., кн. 84—85, 1910.
- К вопросу об уйгурской литературе и ее влиянии на монголов, Живая Старина, кн. 70—71, г. XVIII, 1909, вып. II, III.
- Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II, СПб., 1900.
- Образование империи Чингиз-хана, Зап. ВОРАО, т. X, 1896.
- Очерк истории Семиречья. Памятная книжка Семиреченск. обл. Стат. ком., II, Верный, 1893.
- Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII в., Зап. РГО по отд. этногр., XXXIV.
- Улуг-бек и его время, Зап. Росс. Академии Наук, ист.-фил. отд., т. XIII, № 5, 1918.
- Рецензия на Blochet, E. Introduction à l'histoire des Mongols. Мир Ислама, т. I, СПб., 1912.
- История культурной жизни Туркестана, изд. Академии Наук СССР, 1927.
- Чингиз-хан, статья в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона.
- Рецензия на „Чингиз-хана“ Б. Я. Владимирцова, журн. Восток, кн. 5, Л., 1925.
- Рецензия на труд Д'Оссона, Histoire des Mongols... в журн. Восток (кн. 5), изд. Всемирная литература, М.—Л., 1925.
- И. Н. Березин как историк, ЗКВ, 1, 1925; ЗКВ, 2, 1927.
- Связь общественного быта с хозяйственным укладом у турок и монголов, Изв. Общ. археол., ист. и этногр. при Казанск. унив., т. XXXIV, вып. 3—4, 1929.
- К вопросу о погребальных обрядах турок и монголов, ЗВО, т. XXV, 1921.
- Басин, В. Н. (см. Историческая Записка о Китайской границе).
- Баторский, М. Опыт военно-статистического очерка Монголии, СПб., 1884, Сб. геогр., топогр. и стат. материалов по Азии, изд. Военно-учен. ком. Главн. Штаба, вып. 37.
- Беннигсен, А. П. Несколько данных о современной Монголии, СПб., 1912.

- Бентковский, И. В. Жилища и пища калмыков Большедарьинского улуса, Сб. стат. сведений о Ставропольской губ., 1868, вып. 1.
- Березин, И. Н. Ханские ярлыки, т. I, Казань, 1850.
- Сборник летописей. История Монголов, сочинение Рашид-Эддина. Введение: о Турецких и Монгольских племенах. Труды ВОРАО, ч. V, 1858 (перевод), 1861 (персидский текст).
 - Рашид-Эддин. История Чингиз-Хана до восшествия его на престол, Труды ВОРАО, ч. XIII, 1868.
 - Рашид-Эддин. История Чингиз-Хана от восшествия его на престол до кончины, Труды ВОРАО, ч. XV, 1888.
 - Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. Труды ВОРАО, ч. VIII, СПб., 1863.
- Бичурин, Иакинф. Записки о Монголии, т. 1—2, СПб., 1828 (немецкий перевод С. F. von d. Borg'a, Berlin, 1832).
- Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии, пер. с китайского, ч. 2, СПб., 1829.
 - Историческое обозрение Ойратов или Калмыков с XV столетия до настоящего времени, СПб., 1834. То же в Журн. Мин. вн. дел, 1833, VIII, № 5.
- Богданов, М. Н. Эпоха Зэгэ-аба, Очерки истории Бурят-Монгольского народа (под редакцией Н. Н. Козьмина), Верхнеудинск, 1926.
- Бурятский народ в изображении путешественников XVIII в., там же.
- Боголепов, М. И. и Соболев, М. Н., проф. Очерки русско-монгольской торговли, экспедиция в Монголию 1910 г., Труды Томск. общ. изуч. Сибири, т. I, Томск, 1911.
- Болобан, А. П. Монголия в ее современном торгово-экономическом отношении. Отчет агента Министерства торговли и промышленности за 1912—13 гг., Пгр., 1914.
- Буссе, Ф. Список слов бытового значения некоторых кочевых народов Восточной Сибири, СПб., 1880.
- Бюлер, Ф. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губ. инородцы, Отгеч. Зап., СПб., 1846, т. XLVII, XLVIII, XLVIX.
- Вамбодыренов, И. Аба-хайдак, облава у хоринских бурят, Изв. Вост.-сиб. отд. РГО, 1890, т. XXI, № 2.
- Васильев, В. П. История и древности восточной части Средней Азии (Чжао-Хун). Полное описание Монголо-татар (перевод „Мэн-да-бей-лу“), Труды ВОРАО, ч. IV, СПб., 1857.
- Вельяминов-Зернов, В. В. Словарь джагатайско-турецкий, СПб., 1868.
- Исследование о Касимовских царях и царевичах, Труды ВОРАО, ч. X, СПб., 1864.
- Веселовский, Н. И. Посольство к зюнгарскому Хун-гайджи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его на 1722—1724, документы, изд. с предисл. и примеч., Зап. РГО по отд. этногр., т. X, вып. 2, СПб., 1887.
- Владимирцов, Б. Отчет о командировке к дэрбэтам Кобдоского округа, Изв. Русск. ком. для изучения Средней и Восточной Азии, № 9, 1909.
- Поездка к кобдоским дэрбэтам, Изв. РГО, XLVI, вып. VIII—X, 1910.
 - Отчет о командировке к бантам Кобдоского округа, Изв. Русск. ком. для изуч. Средн. и Вост. Азии, сер. 2, № 1, СПб., 1912.
 - Монгольская литература, Литература Востока, изд. „Всемирная Литература“, Пгр., 1920.
 - Монгольский сборник рассказов из Rañcatantra, Пгр., 1921.
 - Чингис-хан, Петроград—Москва—Берлин, 1922.
 - Монголо-ойратский героический эпос, Пгр., 1923.
 - Монгольский Данджур, ДАН-В, 1926.
 - Надписи на скалах халхаского Цокту-гайджи, ИАН, №№ 13 и 14, 1926; № 3—5, 1927.
 - Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах, Северная Монголия, 2, изд. Академии Наук СССР, 1927.
 - Монгольское pökür, ДАН-В, 1929.

- Владимирцов, Б. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и хахаского наречия, изд. АВИ им. А. С. Енукидзе, № 33, 1929.
- Где пять хахаских поколений, ДАН-В, 1930.
- Георги, И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, etc., СПб., первое издание 1776—1778 гг.; второе издание 1799 г.
- Гесер Богдо (см. Образцы народной словесности монгольских племен).
- Гирченко, В. П. Сборник материалов по истории Бурятии XVIII и первой половины XIX вв., вып. 1, под редакцией и с прим. В. П. Гирченко, Верхнеудинск, 1926.
- Голстунский, К. Ф. Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан-хун-тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-да-ши, СПб., 1880.
- Гомбоев Галсан. Сказания об Убаши-хун-тайджи (текст и перевод), Труды ВОРАО, ч. VI, СПб., 1858.
- „Алтан-тобчи“, монгольская летопись (перевод), Труды ВОРАО, ч. VI, СПб., 1858 (предисловие П. Савельева).
- Горский, В. Начало и первые дела Маньчжурского дома; О происхождении ныне царствующей в Китае династии Цин и имени народа Маньчжу, Труды членов Российск. Духовн. Миссии в Пекине, т. I, СПб., 1852.
- Гродеков, И. И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области, Ташкент, 1889.
- Грумм-Гржимайло, Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край, т. I, СПб., 1914; т. II, Л., 1926; т. III, вып. 1, Л., 1926; вып. 2—4, Л., 1930.
- Гурлянд, Я. И. Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие. Изв. Общ. археол., ист. и этногр. при Казанск. унив., т. XX, 1904.
- Дуброва, Я. П. Быт калмыков Ставропольской губ. до издания закона 15 марта 1892 г., Изв. Общ. археол., ист. и этногр. при Казанск. унив., т. XV, 1899.
- Жамцарано, Ц. Ж. Поездка в Южную Монголию в 1909—1910 гг., Изв. Русск. ком. для изуч. Средн. и Вост. Азии, сер. 2, № 2, СПб., 1913.
- Обзорение памятников писаного права монгольских племен, 1920.
- Гесер Богдо (см. Образцы народной словесности монгольских племен).
- Жамцарано, Ц. Ж. и Турунов, А. Халха Джиром — описание памятника, Сб. трудов Гос. Иркутск. унив., вып. 6, Иркутск, 1923.
- Житецкий, И. А. Очерки быта Астраханских калмыков, Изв. Общ. любит. естеств., антропол. и этногр., Труды этногр. отд., т. XIII, вып. 1, М., 1893.
- Залеман, К. Musei Asiatici Petropolitani notitiae VII. Записи произведений народной словесности монгольских племен, ИАН, 1905.
- Иакинф, иеромонах (см. Бичурин).
- Ивановский, А. А. Антропологический очерк торгоутов Тарбагатайской обл., Китайской империи, Монголы-торгоуты, Изв. Общ. любит. естеств., антропол. и этногр., т. LXXI, Труды антроп. отд., т. XIII, М., 1893.
- Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 г. Сообщает В. Н. Баснин. Чтения в Общ. ист. и древн. росс. при Московском унив., 1875, кн. 2, М., 1875.
- Кафаров Палладий. Юань-чао-би-ши (Сокровенное сказание о поколении Монгол), перевод на русск. язык, Труды членов Росс. Духовн. Миссии в Пекине, т. IV, СПб., 1866.
- Путевые записки китайца Чжа-дэ-хой во время путешествия его в Монголию в первой половине XIII ст. Перевод и примечания. Зап. Сиб. отд. РГО, кн. IX—X, 1867.
- Шэн-ву цин-чжэн-лу. — Описание личных походов священновоинственного (Чингис-хана). Перевод с предисл. и примеч. в Восточном Сборнике, I, СПб., 1877 (изд. Мин. ин. дел).
- Перевод с предисловием и примечаниями Си-ю-цзи: Описание путешествия даоса Чан-Чуня на Запад. Труды членов Российск. Духовн. Миссии в Пекине, т. IV, СПб., 1866.

- Кафаров Палладий. Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг. Зап. РГО по общ. геогр., т. XXII, № 1, СПб., 1892.
- Комментарий на путешествие Марко Поло по северному Китаю, изд. РГО, XXXVIII, вып. 1, СПб., 1902.
- Клеменц, Д. А. О свадебных обрядах у Забайкальских бурят, Изв. Вост.-Сиб. отд. РГО, т. XXII, № 1, 1891.
- Клеменц, Д. и Хангалов, М. Общественные охоты у северных бурят, Материалы по этнографии России, т. I, 1910.
- Ковалевский, О. Монгольская хрестоматия, 1, Казань, 1836.
- Козлов, П. К. Монголия и Кам, СПб., 1905—1907.
- Монголия и Амдо, М.-Л., 1923.
- Козьмин, Н. Н. Хозяйство и народность (производственный фактор в этнических процессах).¹
- Костенков, К. Статистическо-хозяйственное описание Калмыцкой степи, Калмыцкие степи Астраханской губ. по исслед. Кумо-Маныч. экспед., III, СПб., 1868.
- Исторические и статистические сведения о Калмыках, СПб., 1870.
- Котвич, В. А. Калмыцкие загадки и пословицы, СПб., 1905.
- Рец. на Baddely, Russia, Mongolia, etc., ЗКВ, I.
- Монгольские надписи в Эрдэни-дзу, Сб. МАЭ, V, 1917.
- Русские архивные документы по сношению с ойратами в XVII и XVIII вв., ИРАН, 1919.
- К изданию Юань-чао-би-ши, ЗКВ, 1.
- Статья в книге Козлова „Монголия и Амдо“.
- Из поучений Чингис-Хана, пер. с монгольского, журн. Восток, кн. 3, Л., 1923.
- Рецензия на Богданова „Эпоха Зэгэтэ-аба“, журн. Восток, кн. 3, Л., 1923.
- Кочнев, Д. А. Очерки юридического быта якутов, Изв. Общ. археол., ист. и этногр. при Казанск. унив., т. XV, 1899.
- Кроль, М. Брачное право монголо-бурят, Журн. Мин. юст., 1900, кн. 1.
- Брачный обряд и обычай Забайкальских бурят, Изв. Вост.-Сиб. отд. РГО, т. XXV, № 1, 1894.
- Охотничье право и звериный промысел у бурят, Изв. Вост.-Сиб. отд. РГО, т. XXV.
- Черты родового быта, Изв. Иркут. общ. изуч. Сибири, 1917, т. 1.
- Брачное право у бурят Селенгинского округа. Протоколы Троицкосав.-Кяхт. отд. РГО, № 1, 1895.
- Кушелев, Ю. Монголия и монгольский вопрос, СПб., 1912.
- Лауфер, Б. Очерк монгольской литературы, изд. ЛВИ, № 20, 1927.
- Леонтович, Ф. И. Калмыцкое право, ч. 1, Уложение 1822 г. (текст). Примечания: состав, источники и общий характер Уложения. Общественный быт по калмыцким уставам, Одесса, 1880.
- К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий, Одесса, 1879.
- Лепехин, И. Дневные записки путешествия... по разным провинциям Российского Государства 1768—1769 гг., ч. I, СПб., 1771; изд. 2-е, СПб., 1785; после изданы Академией Наук в „Полном Собрании ученых путешествий по России“, СПб., 1818—1825. Немецкий перевод появился в 1774—1777 гг.; французский в извлечениях в книге Frey de Landres. Histoire des découvertes faites par divers savants voyageurs dans plusieurs contrées de la Russie... Berne et la Haye, 1779—1787.
- Липовцов, С. Уложение Китайской Палаты внешних сношений, т. 2, СПб., 1828.
- (?) Китайская история поколения Дай-Минских императоров.²
- Майский, И. Современная Монголия, Иркутск, 1921.

¹ Год и места издания установить не удалось (Л. В.).

² Год и места издания установить не удалось (Л. В.).

- Мелиоранский, П. М. О Кудатку Билике Чингиз-хана, Зап. ВОРАО, т. XIII.
 — Араб-филолог о турецком языке, СПб., 1900.
- Миллер, Г. Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особенно от покорения его Российской державой по сии времена, СПб., 1750.
 — Сибирская история, Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие, изд. Академии Наук, т. XVIII—XIX, 1755—1764 (по немецки: Sammlung Russischer Geschichte, III).
- Минаев, И. П. Путешествие Марко Поло, перевод старо-французского текста, изд. РГО, под ред. В. В. Бартольда, Зап. РГО по отд. этногр., т. XXVI, СПб., 1902.
- Михайлов, В. Заметка по поводу выражения „Зэгэтэ-аба“, Живая Старина, 1913, т. XXII, вып. 2.
- Молчанов, И. А. Материалы к вопросу о древнем оледенении С.-В. Монголии, Изв. РГО, т. LIV, вып. 1, 1919.
- Московская торговая экспедиция в Монголию, М., 1912.
- Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях, перевод с кит. П. С. Попова, СПб., 1895.
- Мэн-да-бэй-лу. Полное описание Монголо-татар, перевод В. П. Васильева, Труды ВОРАО, ч. IV, СПб., 1857.
- Небольсин, П. Очерки быта Калмыков Хошоутовского улуса, СПб., 1852.
- Нефедьев, Н. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте, СПб., 1834.
- Образцы народной словесности монгольских племен, т. II, эпические произведения эхрит-булгатов, Гэсэр-Богдо, эпопея, вып. I, собрал Ц. Ж. Жамцарано. Л., 1930, изд. Академии Наук.
- Ордосец. Национально-освободительное движение во внутренней Монголии, журн. Революционный Восток, № 2, 1927.
- Очиров, Н. Поездка к Астраханским калмыкам, Изв. Русск. ком. для изуч. Средн. и Вост. Азии, № 10, 1910.
 — Поездка в Александровский и Багацохуровский улусы, Изв. Русск. ком. для изуч. Средн. и Вост. Азии, сер. 2, № 2.
 — Астраханские калмыки и их современное экономическое состояние, описание калмыцкой степи, Пгр., 1915 (изд. 2-е, Астрахань, 1923).
- Павлов-Сильванский, Н. Феодальные отношения в удельной Руси, СПб., 1901.
 — Феодализм в Древней Руси, изд. 2-е, М.—Л., 1923.
- Палладий, архимандрит (см. Кафаров).
- Паллас, П. С. Путешествие по разным провинциям Российской Империи, СПб., 1773—1788; изд. 2-е, СПб., 1809; французский пер. 1793 г. (Paris).
 — Собрание исторических известий о монгольских народах, СПбургск. Вестн., ч. I, №№ 1, 2, 3, 4, 5.
 — О разделении народов мунгальского поколения, Месячник истории и географии на 1797 г.
- Пальмов, Н. Н. Очерк истории Калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России, Астрахань, 1922.
 — Этюды по истории приволжских калмыков, ч. 1, XVII и XVIII вв., 1926; ч. 2, XVIII в., 1927; ч. 3 и 4, 1929, Астрахань.
- Патканов, К. П. История монголов по армянским источникам, вып. I, ...извлечения из трудов Вардана, Стефана Орбелиани и конетабля Сембата, СПб., 1873.
 — Вып. II, ...извлечения из истории Киракоса, СПб., 1874.
 — История монголов инок Магакии, СПб., 1871.
- Патканов, С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.), т. III, СПб., 1912, Зап. РГО по отд. статистики, т. XI, вып. 3.
- Пекарский, Э. К. Словарь якутского языка, СПб., вып. I, 1907... вып. VI, 1923.

- Петри, Б. Э. Элементы родовой связи у северных бурят, Сибирская Живая Старина, Иркутск, 1924, вып. II.
- Территориальное родство у северных бурят, Изв. Биол.-геогр. н.-и. инст. при Гос. Иркутском унив., 1924, т. I, вып. 2.
- Внутри-родовые отношения у северных бурят, Изв. Биол.-геогр. н.-и. инст. при Гос. Иркутском унив., 1925, т. II, вып. 3.
- Плано Карпини. История Монгалов, пер. А. И. Малеина, СПб., 1911.
- Позднеев, А. М. Образцы народной литературы монгольских племен, вып. I, Народные песни монголов, СПб., 1880.
- О древнем китайско-монгольском памятнике Юань-чао-ми-ши, СПб., 1882; то же в Изв. РАО, т. X, вып. 3—4.
- Монгольская летопись „Эрдэнийн эрихэ“, подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г., СПб., 1883, с предисловием.
- Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу, Записки РГО по отд. этногр., т. XVI, СПб., 1887.
- Монгольская хрестоматия, СПб., 1900.
- Калмыцкая хрестоматия, СПб., изд. 1-е, 1892; изд. 2-е, 1907; изд. 3-е, 1915.
- Письмо к барону Ф. Р. Остен-Сакену с замечаниями на *Дневник о. Палладия по Монголии*, веденный в 1847 г., Зап. РГО по общ. геогр., т. XXII, № 1, СПб., 1892.
- Новооткрытый памятник монгольской письменности времен династии Мин, Восточные Заметки, 1895.
- Монголия и Монголы, т. I, СПб., 1896; т. II, СПб., 1898.
- История монгольской литературы, автограф. издание лекций, читанных в 1897—1898 гг.
- Транскрипция палеографического текста Юань-чао-ми-ши, выпущено 112 стр. литографическим способом.
- Позднеев, Д. М. К вопросу о пособиях при изучении истории монгол в период Минской династии, Зап. ВРАО, IX.
- Покотялов, Д. История Восточных Монголов в период династии Мин 1368—1634, по китайским источникам, СПб., 1893.
- Покровский, Ф. И. Путешествие в Монголию и Китай Сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году. (Мнимое путешествие атаманов Ивана Петрова и Бурнаш-Ялычева в 1567 г.) Изв. Отд. рус. яз. и словесности Академии Наук, 1913, т. XVIII, кн. 4, СПб., 1914.
- Попов, П. С. (см. Мэн-гу-ю-му-цзи).
- Поппе, Н. Н. Отчет о поездке на Орхон летом 1926 г. Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР, вып. IV, Л., 1929.
- Дагурское наречие, Материалы МОНК, вып. 6, 1930.
- Посольство к хунгарскому Хун-тайджи Цеван Рабтану... (см. Веселовский, Н. И.).
- Потанин, Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии, СПб., 1881—1883 гг.
- Тангутско-Тибетская окраина Китая, СПб., 1893.
- Поминки по Чингис-хане, Изв. РГО, XXI.
- Радлов, В. В. К вопросу об уйгурах, СПб., 1893.
- Разумов и Сосновский. Значение рода у инородцев Забайкальской области (Мат. Куломзинской ком.), Мат. по иссл. землевладения и землепользования в Забайкальской обл., СПб., 1898, вып. 6.
- Рамстедт, Г. И. О былинах монгольских, Труды Троицкосав.-Кяхт. отд. Приамурского отд. РГО, т. III, вып. 2—3, 1902.
- Рубрук. Путешествие в восточные страны, перевод А. И. Малеина, СПб., 1911.

- Руднев, А. Д. Заметки по монгольской литературе, II, „Историческая летопись Болор-толї“, Зап. ВОРАО, XV, СПб., 1903.
- Рычков, П. И. Топография Оренбургская, т. е. обстоятельное описание Оренбургской губ. СПб., 1762, а также в Сочинениях и переводах к пользе и увеселению служащих, СПб., 1762.
- Рязановский, В. А. Обычное право монгольских племен (монголов, бурят, калмыков), ч. I—III (отдельный оттиск из №№ 51, 52 Вестника Азии), Харбин, 1924.
- Монгольское право и сравнительное правоведение, Изв. Юридического факультета в Харбине, т. VII, Харбин, 1929.
- Монгольское право (преимущественно обычное), ист. очерк, Харбин, 1931.
- К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и право, Изв. Юридического факультета в Харбине, т. IX, Харбин, 1931.
- Самоковасов, Д. Я. Сборник обычного права сибирских инородцев, Варшава, 1876.
- Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири, СПб., 1841.
- Пояснительные примечания к своду степных законов, СПб., 1841.
- Самойлович, А. Н. Несколько поправок к ярыку Тимур-Кутлуга, ИРАН, 1918.
- Санжеев, Г. Д. Дархаты, этнограф. отчет о поездке... в 1927, Мат. ком. АН СССР по иссл. Монгольской... респ., № 10, Л., 1930.
- Манжуро-монгольские языковые параллели, ИАН, 1930.
- Сборник материалов по истории Бурятии XVIII и первой половины XIX в. (см. Гирченко). Си-ю-цзи (см. Кафаров).
- Сказание об Убаши-хун-тайджи (см. Гомбоев).
- Сказание о Чингисхане (см. Кафаров — Шэн-ву цин-чжэн-лу...).
- Соболев, М. Н. (см. Боголепов, М. И.).
- Сосновский (см. Разумов).
- Страхов, Н. И. Нынешнее состояние калмыцкого народа с присовокуплением калмыцких законов, СПб., 1810.
- Талько-Гриндевич, Ю. Д. Материалы к антропологии и этнографии Центральной Азии, вып. I, Зап. Академии Наук СССР по Отд. физ.-мат. наук, т. XXXVII, № 2, Л., 1926.
- Тизенгаузен, В. Г. al-'Omari, перевод, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, СПб., 1884, I.
- Тимковский, Е. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг., СПб., 1824. Перевод на французский яз. с замечаниями Klaproth'a (Paris, 1827); на английский — того же ориенталиста (London, 1827).
- Титов, Е. Н. Тунгусско-русский словарь, Иркутск, 1926.
- Туманский, А. (см. Абуль-Гази-Бохадур-хан).
- Турунов, А. Прошлое Бурят-Монгольской народности, Иркутск, 1922.
- Убаши-хун-тайджи (см. Гомбоев).
- Унковский, И. (см. Веселовский).
- Усов, М. А. Орография и геология Кентейского хребта в Монголии, Изв. Геол. ком., 1915, т. 34, № 8.
- Успенский, В. М. Страна Кукэ-нор или Цин-хай, с прибавлением краткой истории ойратов и монголов, Зап. РГО по отд. этногр., VI, 1880.
- Фишер, И. Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, сочиненная на немецком языке, СПб., 1774.
- Хангалов, М. Н. „Зэгэз-аба“. Облава на зверей у древних бурят, Изв. Вост.-Сиб. отд. РГО, 1888, т. XIX, № 3.
- Юридические обычаи у бурят, Этногр. обозр., 1894, № 2.
- Свадебные обряды и обычаи у бурят Унгинского ведомства, Этногр. обозр., 1898, № 1.
- Хангалов, М. и Клеменц, Д. Общественные охоты... (см. Клеменц).
- Ханыков, Н. Описание Бухарского ханства, СПб., 1843.
- Чжан-Дэ-хуй (см. Кафаров).
- Чжао-Хун (см. Васильев).

- Штернберг Л. Я. Теория родового быта в Энцикл. словаре Брокгауза и Эфрона.
- Шен-ву цинь-чжэн-лу (см. Кафаров).
- Шапов, А. Бурятская улусная родовая община, Изв. Сиб. отд. РГО, 1874, т. V, вып. 3—4.
- Сельская оседло-инородческая и русско-крестьянская община в Кудинско-Ленском крае, Изв. Сиб. отд. РГО, 1875, т. VI, № 3.
- Эгоистические инстинкты в Ленской народной бурятской общине, Сб. ист. сведений о Сибири, т. II, СПб., 1877.
- Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства, СПб., 1894.
- Эрдэнийн Эрихэ (см. Позднеев, А. М.).
- Юань-чао-би-ши (см. Кафаров).
-

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ УКАЗАТЕЛИ

1. Указатель географических названий

- Азия** 1, 2, 3, 5, 189
Алашань 189
Алтай 149, 160
Алтайские горы 33, 38
Аргунь (Ergüne) 35
Афганистан 3, 126
- Байкал** 33
Байшинг (Baiishing) 130
Балкаш 134
Барга 190
Баркуль 134
Барс-хото (Bars-xoto) 44
Бейпин (см. Пекин)
Боир-нор 57
Бурхан-Халдун (Burxan-Xaldun) 34, 57, 78, 88
Бурятия 191
- Волга** 1, 45, 189, 192, 193
Восточный Туркестан 1, 134
- Гоби** 34, 36, 47, 148
- Дайду (Dai-du)** 44, 123, 124, 126, 142, 148, 194
Джунгария 3, 177, 189
Джурджэ, 109, 125
- Европа** 1, 2, 3, 5, 159, 176, 189
Енисей 33
- Забайкалье** 189, 191
Золотая Орда 11, 125
- Или** 161
Иран 106
Иртыш (Эрдиш) 33, 106, 134, 161
- Кай-пин-фу (см. Шанду)**
Канбалык (Qan-baliq) 44, 123
Каракорум 44, 45, 123, 127, 142, 143
Керулен 36, 39, 40, 42, 44, 45, 47
Китай 32, 109, 119, 124, 125, 126, 127, 129, 130, 131, 135, 140, 141, 142, 143, 148, 150, 152, 184, 185, 189, 194, 195
- Кобдоский округ** 36, 51, 56, 190, 191
Корея 125
Куку-хото 130, 191
Кулун-Буир 33
- Манджурия** 4, 125
Моголистан 134
- Онон (Онань)** 36, 39, 40, 42, 60, 66, 72, 88, 94
Ордос 17, 18, 41, 130, 131, 138, 139, 141, 145, 155, 175, 191
Орнэу 105
Орхон 44
- Пекин (Бейпин)** 9, 14, 17, 18, 32, 44, 123, 126, 129, 142, 194
Передняя Азия 44
Персия 6, 125, 126
- Селенга** 35, 68
С.-З. Монголия 18, 28, 41, 51, 86
Синь-цзянская провинция 190
Срединная империя 129, 195
Средняя Азия 35, 44, 102, 126, 129, 130, 133
- Тангутско-Тибетская окраина** 130, 133
Тибет 130, 140, 183, 185, 189
Тола, Туула 36, 39, 40, 61
Тянь-Шань 134
- Франция** 69, 158
- Халха** 18, 20, 32, 36, 40, 105, 136, 145, 154, 155, 179, 187, 190, 191, 193
Хангай 160
Хара-хото 44
Хэ-тао 130
- Центральная Азия** 195
- Чжун-ду** 44
- Шанду** 44, 124, 142
- Южная Монголия** 1, 18, 19, 130, 190, 191

2. Указатель названий монгольских племен, ветвей, родов, поколений, кланов, отоков

- Адаркинъ** 106
Алакчуты 140
Аланы 131
Анхан (Anhan) 140
Арулат (Arulad) 77, 87, 141
Асуты (Asūd) 131, 174
Асы 131
Афганские моголы 3, 4, 49, 126

Баарин (Ba'arin) 47, 49, 50, 52, 71, 80, 87, 90, 106, 107, 108
Багархун 135
Байты 51, 56, 135
Баргуты 60
Барулас 90
Батут 135
Баятут 57, 63, 65, 66, 68, 78, 84, 85
Бесут 87, 109
Борджигин (Borjigin) 47, 48, 49, 52, 53, 63, 66, 67, 71, 72, 73, 76, 77, 78, 80, 83, 85, 88, 103, 144, 145, 147
Булагачин (Bulaġacin) 35
Буряты 2, 19, 24, 26, 29, 34, 78, 99, 132, 133, 134, 136, 137, 189, 190, 192, 193

Ван-хочжинъ 97

Гөрөчин 132
Гэнигэс 107

Дархаты 141
Дауры 4
Джадаран (Jadaran) (см. Джаджират)
Джаджират, **Джадарат** 52, 83, 86, 109
Джалаир 63, 64, 66, 67, 68, 78, 84, 88, 89, 130
Джарчиуд (Jarci'ud) 52
Джиргинъ 92, 97
Джурки (Jurki) 49, 60, 71, 72, 73, 80, 85, 88, 94, 95
Джурьят 82, 87
Дөрбен (Dörben) 47, 49, 84
Дунхаит 92, 97

Енкегут 141

Исуг 109
Йёйшиебё 174

Калмыки 2, 19, 24, 26, 30, 37, 137, 189, 191, 192, 193
Керенты 49, 61, 79, 81, 82, 85, 90, 95, 96, 97, 102, 105, 109
Керемючин (Keremücin) 35
Кешиктен 131
Килингут-Уряут 109
Кият-Борджигин 71, 79, 80, 84, 87, 89, 92, 98, 100
Конгират (см. Онггират)
Кыют-Юркин 85

Маарих-баяуд (Ma'arix-baya-ud) 56, 66
Манкут, **Манхут**, **Манкут**, 60, 63, 92, 104, 105, 108, 109
Меркиты (Merkid) 35, 39, 49, 50, 52, 56, 68, 85, 109
Моголы, см. **Афганские моголы**
Монголы, живущие в Тибете, 4

Найманы 51, 85, 91, 96, 102, 104, 109
Негус 105
Нирун 105, 109

Ойраты (Oirad) 1, 2, 18, 25, 28, 30, 34, 49, 50, 85, 99, 108, 110, 116, 129, 131, 132, 133, 135, 137, 139, 141, 147, 148, 149, 150, 151, 155, 156, 157, 161, 168, 170, 171, 175, 177, 179, 180, 181, 182, 186, 189, 192, 195
Олхунуты, **Ольхонуты** 47, 48
Оманъ 92
Онггират (Onggirad) **Онгирад**, **Конгират** 39, 47, 48, 79, 84

Онгут 108
Ордосы 131

Сальджиут (Salji'ud) 47
Сулдудай 97
Сульдус, **Сульдэс** 45, 67, 68, 116
Суниты 116

Тайчиуты, **Тайджиуты**, **Тайшиуты** 34, 63, 66, 67, 68, 70, 71, 73, 74, 75, 76, 77, 79, 82, 84, 87, 97
Тангуты (Tangġut) 36, 131
Тархут 57, 65, 66

Татары 53, 54, 57, 60, 61, 62, 75, 76, 79, 86, 98,
103, 104, 109, 114, 126
Тонкгоит 90
Тохураут 57, 65, 66
Туметы (Tümed) 140, 153, 155, 157
Тумянь-Тубегань 92
Тутукулют 60

Уджумчины 131
Ураты 131
Урууты 63, 92
Урянхаты 57, 66, 68, 77, 78, 87, 90, 155

Халхасы 1, 2, 131, 132, 133, 136, 155, 156, 177,
179, 189, 195
Хангин 140
Харачины 155
Хархатан 140
Хатакин, Хатагин 91, 94

Хорилаp (Xorilar) 34
Хори-Тумаd (Xori-Tumad) 34
Хорлад 140
Хорчин (Xorcın) 135, 151, 156, 175
Хотогойту 132
Хошуты 156
Хулабат 135

Цаган татары (Cağān tatar) 130

Чаншикит, Чаншиут, 57, 65, 66
Чахары (Сахар) 131, 133, 135, 154, 155,
157
Чжадарат (см. Джаджират)
Чжалаир (см. Джалаир)
Чжаоуреит 51
Чжиргинь (см. Джиргинь)

Шангас 132

3. Указатель имен собственных

Абель-Ремюза (Abel-Rémusat) 15, 78
Абуль-Гази-Бохадур-хан (Aboul Ghāzi) 3, 113,
137
Адай-тайджи (Adai-taiji) 146
Алак 87
Алан-гоа (Alan-goā) 47, 48, 49, 54, 55, 57, 66,
71, 77, 78, 145
Алджулай-Агулху (Aljulai-Ağulxu) 140
Алтан-хан, Алтань 57, 65, 69, 80, 85, 120, 153,
154, 181
Алчи 90
Алчудай 98, 100, 109, 140
Амур-Санаи, А. М. 30
Анбагай (Anbağai) 53, 57
Аолан-Удур 86
Аристов, Н. А. 3
Аруг (Arug) 124
Аругтай-тайши (Arugtai-taiishi) 146, 166
Ачи (Aci) 171, 174
Ачих-ши-рунь 92
Аши-темур 68
Аших 106

Бааридай (Ba'aridai) 49, 50
Бадай 69, 97, 117
Базен (Bazin) 142
Байджу-ноян 116
Бамбаев, Б. Б. 22
Банзаров Дорджи 33
Баранов, А. 32, 133

Баринь-шириту-хабичи 51
Барс-Болад-Сайн-Алар (Bars-Bolad-Sayin-Alağ)
154, 174, 175, 182
Барган багатур 66, 71, 73, 88
Бартольд В. В. (Barthold W.) 3, 5, 6, 7, 8,
10, 11, 12, 35, 38, 40, 43, 44, 45, 50, 53,
58, 59, 67, 68, 77, 80, 81, 83, 84, 86, 90, 96,
98, 99, 100, 101, 104, 112, 113, 114, 115,
117, 119, 120, 121, 124, 126, 127, 134, 136,
137, 147
Барха (см. Окин-Бархак)
Баснин, В. Н. 27
Баторский, М. 32
Бату 107
Бату-Монгкэ-Даян-хаган (Batu-Mongke-Dayan-
хаган), см. Даян-хан
Батула (Batula) 150
Батур-Тюмень 156
Батур-хунг-тайджи 177, 182
Батый 51
Баян-цохур (Bayan-soxur) 140, 152
Бәдуанчар (см. Бодончар)
Белгунтей (Belgüntei) 54
Белгутаи 60, 72, 98, 100, 117, 175
Беннигсен, А. П. 31
Бентковский, И. В. 31
Бергман (Bergmann) 28
Березин, И. Н. 5, 6, 12, 15, 33, 34, 43, 48, 50,
52, 64, 66, 74, 77, 84, 85, 93, 94, 99, 100,
101, 105, 107, 108, 115, 116

- Билге-беки (Bilge-beki) 49
 Бисукэг 60
 Бисулун 60, 103
 Бичурин, Иакинф 9, 20, 21, 23, 31, 32, 37, 41, 54, 55, 84, 114, 115, 119, 133, 134, 137, 138, 145, 155, 156, 157
 Блоше, Е. (Blochet E.) 5, 6, 101, 138, 141, 182
 Богданов, М. Н. 24, 25, 29, 32
 Боголепов, М. И. 31
 Богурчи-ноян (Boğurci-noyan) 141
 Боди-Алаг (Bodi-Alağ) 153, 154, 174
 Бодидара-одхан-тайджи (Bodidara-odhan-taiji) 174
 Бодончар (Bodoncar) 47, 49, 51, 52, 54, 66, 71
 Бойс, П. (Boyer P.) 27
 Болад-чингсанг (Bolad-cingsang) 6
 Болобан, А. П. 31
 Боорчу (Bo'orcu, Boğurci-noyan) 55, 56, 77, 87, 90, 91, 93, 95, 118, 141
 Борг (von Borg, C. F.) 31
 Борте, Бөрте 39, 52, 56, 98
 Бошокту-хан 157
 Бошугту-джинонг (Boshuğtu-jinong) 154
 Бретшнейдер, Е. (Bretschneider, E.) 9, 10, 12, 15, 23, 32, 44, 45, 100, 136, 149
 Броссе, М. (Brosset M.) 10
 Броун, Е. (Browne E.) 5
 Буйирух-хан 84
 Бургуджи-нойон 70
 Бури-боко 72, 73, 88, 94
 Бурхан 97
 Буссе, Ф. 32, 170
 Буха (Бугу)-хатаги (Buğu-xatağı) 54
 Бухату-сальджи (Buxatu-salji) 47, 54
 Буюрук-хан 51
 Бүгүнтей (Bügüntei) 54
 Бэдди (Baddeley J. F.) 14
 Бэлл-Шарль (Bell Charles) 19, 172
 Бюлер, Ф. 22, 30, 137
- Вамбоцзыренов И.** 30
 Ван-го-вэй (Wang-Kouo-wei) 8, 9, 15
 Вангур 65
 Ван-хан 40, 42, 51, 61, 65, 67, 68, 75, 81, 82, 83, 85, 86, 87, 89, 92, 94, 96, 105, 114
 Вардан 10
 Васильев, В. П. 9, 32, 38, 75, 99, 105, 113, 116, 117, 119, 138, 141
 Вельяминов-Зернов, В. В. 101, 118, 124, 138, 140
 Веселовский, А. Н. 8
 Веселовский, Н. И. 28
- Владимирцов, Б. Я. 4, 7, 8, 10, 11, 15, 16, 17, 18, 19, 26, 28, 29, 41, 42, 49, 50, 60, 69, 75, 78, 83, 84, 86, 87, 99, 100, 124, 128, 136, 139, 143, 145, 155, 156, 160, 184
 Вэй-юань 184
- Габанг Шараб (Gabanğ Sharab) 156
 Газан-хан 6
 Галдан-бошокту-хан, Галдан-хунг-тайджи (dGaldan-xung-tayiji) 19, 170, 186, 195
 Гауер, Е. (Hauer E.) 2, 13
 Гениш, Е. (Haenisch) 7
 Георги, И. Г. (Georgi J. G.) 29, 30
 Гересендже 136
 Гирченко, В. П. 27
 Гмелин, И. Г. (Gmelin J. G.) 29
 Говорс (Howorth H.) 3, 23
 Голстунский, К. Ф. 11, 18, 19, 21, 22, 26, 112, 132, 137, 177
 Гомбоев Галсан 16, 17, 22, 151, 160
 Гомбожаб (Gombojab) 43, 144, 152
 Гомер 7
 Горский, В. 24, 131
 Гродеков, И. И. 111
 Грумм-Гржимайло, Г. Е. 17, 23, 31, 34, 77, 84, 183
 Груссе, Р. (Grousset, R.) 51
 Гуйлинчи 182
 Гунгур 104
 Гулянд, Я. И. 22
 Гут, Г. (Huth, G.) 19, 129, 130, 140, 143, 155, 158
 Гууньюа 88
 Гучугур 109
 Гуюк 51
 Гэсэр-Богдо 22
- Дааритай-одчигин** 97
Дай-сецен (Dai-secen) 48
 Дараната 187
 Даргай Уха 91
 Даян-хан (Dayan-xağan) 136, 141, 151, 152, 153, 154, 158, 159, 167, 174, 175, 182
 Дегай 109
 Демезон (Desmaisons) 3
 Дефремери (Defréremery, M. G.) 98, 101, 120, 127
 Деламар (Delamarre) 13
 Джагатай 124, 125
 Джадаратай (Jadaradai) 52
 Джалаир-хонг-тайджи 158
 Джамуга, Джамуга-сечен 34, 36, 49, 52, 53, 54, 61, 67, 81, 83, 84, 85, 86, 91, 95, 105, 109
 Джаочин Ургуза 74

- Джарчиудай 78
 Джасакту-хан 177
 Джасук 109
 Жебе 87, 89, 90, 91, 95, 108
 Джеди (Джедей)-ноян 60, 63, 90, 104, 109
 Желме 77, 78, 88, 90, 91, 92, 155
 Жида-Нойон (см. Джеди-ноян)
 Джочи 35, 51, 52, 98, 100, 101, 107, 124
 Джочи Дармала 54, 67
 Джувейни 41, 104, 117
 Джучи-хан 93, 104
 Джучи-Хасар 87, 117
 Дзонкава 172, 183
 Добун-мерген (Dobun-mergen) 47, 56, 66
 Дондук-да-ши 19, 26
 Доссон (D'Ohsson) 6, 10, 12, 23, 38, 39, 40, 41, 44, 55, 56, 60, 100, 101, 106, 113, 114, 116, 118, 119, 126, 127, 145
 Дохолху 90
 Дуброва Я. П. 2, 31
 Дува сохор (Duwa-soxor) 47
 Дюальд (Du Halde) 14
 Дюлорье Е. (Dulaurier E.) 10
- Е**
 Егай-хуантохор 65
 Еке-черянь 69
 Ельбек (Elbeg) 146, 150
 Есен-тайши (Esen-taiishi) 147, 148, 152
- Ж**
 Жамцарано, Ц. Ж. 16, 17, 18, 20, 21, 26, 145, 171
 Жень-Цзун 20
 Жербильтон (Gerbillon) 14
 Житецкий И. А. 30
- З**
 Залеман К. (Salemman C.) 19, 22, 133
 Зая Пандита 18, 129, 130, 132, 133, 134, 136, 137, 138, 140, 156, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 168, 176, 177, 179, 182, 183, 184, 185, 186
- И**
 Иакинф (см. Бичурин)
 Ибиль 154
 Ивановский, А. А. 31
 Ивановский, А. О. 32
 Илаху (Паху) 141
 Илчидай-ноён 97
 Йесугей-багатур, Есугай 38, 47, 48, 49, 53, 61, 71, 73, 75, 76, 81, 86, 90, 95, 98, 100, 115, 125, 143
- К**
 Калининков, А. 2
 Камус 69
- Катрмер, Е. (Quatremère, E.) 5, 6, 10, 12, 40, 45, 49, 55, 59, 81, 93, 101, 104, 115, 117, 119, 141
 Кафаров Палладий 6, 7, 8, 9, 11, 27, 28, 32, 33, 35, 36, 37, 44, 50, 51, 52, 67, 69, 78, 81, 82, 83, 88, 90, 91, 92, 100, 102, 105, 116, 118, 119, 126, 127, 143, 184
 Кейтей-ноён 68, 92
 Кералио де (de Keralio) 29
 Киракос 10, 41, 70, 99, 101, 113, 116, 117
 Кишлих 69, 97, 117
 Клапрот (Klaproth J.) 6, 10, 27, 44
 Клеменц, Д. А. 25, 30, 34, 78
 Ковалевский, О. 18, 20, 112, 138
 Козлов, П. К. 27, 28, 44
 Козьмин, Н. Н. 24, 29, 35
 Кокосос 107
 Кокочу-кирсаань 65
 Колесов, Н. (Kolessoff) 13
 Кордые (Cordier, H.) 11
 Костенков, К. 2, 30, 133, 137
 Котвич, В. А. (Kotwicz W.) 7, 10, 13, 14, 18, 19, 21, 22, 25, 41, 42, 44, 67, 89, 125, 127, 130, 134
 Кочнев, Д. А. 137
 Көкөчу (Kököcu) 78, 89, 95
 Көндөйлөн-Убаши 161
 Краузе, Е. А. (Krause, E. A.) 8, 9, 12, 13
 Кроль, М. 29
 Курен, М. (Courant, M.) 13, 23
 Кург 97
 Кутэн 116
 Кушелев, Ю. 31
- Л**
 Ламб (Lamb, H.) 13
 Лауфер, Б. 11, 15, 16, 17, 19, 20, 21, 22, 156
 Легдан-хан (Legdan-xan) 16, 155, 158, 194, 195
 Леонтович, Ф. И. 21, 24, 25, 26, 28, 133, 163, 170
 Леонтьев, А. Л. 32
 Лепехин, И. 28
 Лигети, Л. (Ligeti, L.) 16, 17
 Липовцов, С. 20, 21, 23, 32, 128
 Лишиигур-хан (Li-Çi'ugur khan) 165
 Люшер А. (Luchaire, A.) 65, 69, 163
- М**
 Магакия 10, 99, 115, 116, 120
 Майа де (de Mailla) 13, 15
 Майский, И. 2, 31
 Макризи 10
 Малейн, А. И. 10
 Мандугай-сецен-хатун (Manduğai-secen-xatun) 150, 152, 166

- Мандулай 154
 Маннергейм, (Mannerheim, С. G. E.) 27, 133
 Марко Поло 10, 11, 13, 19, 33, 36, 38, 40, 41, 44, 48, 50, 55, 56, 78, 100, 104, 105, 108, 110, 113, 116, 119, 125, 126
 Масперо (Maspero, G.) 8
 Мелик-шах 116
 Мелиоранский, П. М. 6, 10
 Миллер, Г. Ф. 24
 Минаев, И. П. 10, 56, 116
 Михайлов, В. 25
 Молон-хан 17
 Молчанов, И. А. 39
 Монгэту Уха 60, 103
 Монулун 55, 64
 Морис, М. (Moris, M.) 28
 Мостер, А. (Mostaert, A.) 7
 Моулан 141
 Мёнкедай 105
 Мулхалху 109
 Мунгэту-киян 65, 98
 Мунлик 61
 Мунулун (см. Монулун)
 Муулихай-онг (Muulixai-ong) 17, 132, 159
 Мухали (Muxali) 9, 88, 89, 91, 93, 118
 Мэн-Хун 9
- Наринь-кеянь** 69
 Наринь-Тоорил, см. Тоорил
 Наху-баянь (Naxu-bayan) 56
 Наяа 87, 89, 90, 107, 116
 Небольсин, И. 30, 133, 137, 163
 Некун-тайши (Nekün-taiishi) 49, 80
 Нейджи-тойи 18, 129, 137, 168, 171, 172, 175, 176, 179, 184, 185, 187
 Нефедьев, Н. 28, 170
- Окин-бархак** 51, 71, 72, 73, 88, 94
 Олбархах, см. Окин-бархак
 Омари (al-'Omāri) 126
 Ван-Оост (van Oost) 31
 Орбелиани 10
 Ордосец 31, 32
 Остен-Сакен, Ф. Р. 31
 От(д)чигинь 100, 101, 107, 109, 116, 117, 175
 Охда 65
 Очиров, Н. 28, 29, 31, 170
- Өгедей-хан**, Өгедей 6, 41, 43, 44, 51, 101, 107, 110, 114, 116, 119, 124, 125
 Өгедей-багатур (Ögedei-bagatur) 181
 Өгелай 90
- Өлджейту (Öljeitü) 125
 Өзлун (Hö'elün) 48
Павлов-Сильванский, Н. 93, 101
 Паллас, П. С. (Pallas, P. S.) 21, 24, 29, 30, 137, 156, 170, 177
 Пальмов, Н. Н. 26, 31, 32
 Паркер, Е. (Parker E. H.) 23, 129, 130, 143, 152
 Патканов, К. П. 10, 12, 30, 44, 97
 Патканов, С. К. 30
 Пекарский, Э. К. 137, 159
 Пеллио (Pelliot, P.) 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 15, 16, 27, 33, 34, 38, 42, 44, 45, 50, 52, 66, 74, 78, 81, 89, 90, 94, 96, 99, 100, 103, 104, 113, 117, 119, 123, 124, 125, 127, 128, 138, 140, 142, 143, 145
 Перри-Айскөф (Perry-Ayscough) 27
 Петлин 129, 130
 Петри, Б. Э. 29, 32, 134
 Плано Карпини 10, 41, 44, 56, 101, 104, 112, 113, 114, 115, 117, 118, 119
 Позднеев, А. М. 7, 11, 15, 16, 18, 19, 23, 24, 26, 27, 28, 31, 33, 34, 49, 81, 84, 102, 109, 110, 117, 129, 131, 133, 136, 139, 155, 159, 173, 174, 186
 Позднеев, Д. М. 13
 Покотилов, Д. 15, 23, 32, 128, 129, 130, 136, 139, 148, 149, 151, 152, 154
 Покровский, Ф. И. 129, 130
 Попов, П. С. 13, 32, 45, 155
 Поппе, Н. (Poppe, N.) 22, 42, 127
 Потанин, Г. Н. 18, 27, 41, 131, 136, 138, 141, 145
 Потье (Pauthier) 11, 116, 142
 Пулад 6
 Пуладчи 134
- Радлов**, В. В. 38, 58, 143
 Разумов 30
 Рамстедт, Г. И. (Ramstedt, G. J.) 3, 26
 Рамузио (Ramüsiö) 126
 Рашид-ад-Дин *саеде*
 Ринчин-Сецен (Rincin-Secen) 175
 Рокхилл, В. В. (Rockhill W. W.) 11
 Рубрук 10, 13, 36, 37, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 48, 49, 55, 56, 104, 107, 110, 112, 115, 119
 Руднев, А. Д. 18
 Рычков, П. И. 30
 Рязановский, В. А. (Riasanovsky V.) 10, 20, 21, 25, 26, 28, 51, 53, 54, 56, 93, 104, 113, 119, 177
- Савельев**, П. 16, 17
 Садай (Sadai) 140

- Самойлович, А. И. 11
 Самоквасов, Д. Я. 26, 170
 Самур-гюнджи (Samur-günji) 146
 Санан-Сецен (Sanang-Secen) *Saere*
 Санжеев, Г. Д. 27, 137, 180
 Санкунь 69
 Саргак-бахадур 60
 Сары-хан 60
 Саскиа-Пандита (Saskya Paṇḍita) 145, см. Зая
 Пандита
 Саца (Сеце)-беки (Saca [Sece]-beki) 49, 80, 85,
 86, 94, 95
 Сембат 10
 Сенгунь 69, 89, 94
 Сердекге 181
 Соболев 31
 Соргон-Шира (Sorgon-Shira) 43, 55, 66, 67,
 68, 70
 Сосновский 30
 Столленверк (Stollenwerck) 24
 Страхов, Н. И. 30
 Субуэтей 90, 91, 94
 Субэгай 65, 179
 Сурхан 85
 Сычевский 27
- Тагай 106
 Талько-Гринцевич, Ю. Д. 31
 Таргутай-Кирилтук 37, 87, 89, 90, 97
 Тахай-баатур 97
 Тайнал-Биз 97
 Тайчар 54
 Тацит 14, 87
 Таян-хан 51, 82, 91
 Темучин, Темучжинь (см. Чингис-хан)
 Тергэту-Баянь, Тэлегэту-Боянь 88
 Тизенгаузен, В. Г. 126
 Тимковский, Е. 27
 Тимур-Тамерлан 136, 146
 Титов, Е. И. 133
 Тогмаган-хан (Toǵmaǵan-xan) 124
 Тогон-тайши (Toǵon taiishi) 146, 147, 148, 181
 Тогон-Темур-хан (Toǵuǵan-temür) 141, 145, 148
 Токтоа-беки (Toxto'a-beki) 49
 Толуй (Tului) 53, 98, 101, 104, 107, 111, 116,
 124, 145
 Тооринь, Тоорил 65, 67, 105
 Төри-Болад (Töri-Bolad) 174
 Төгүс-беки (Tögüs-beki) 49
 Тулкук-Тимур 134
 Тули-хан, см. Толуй
 Туманский, А. 3
 Тунгэ 88
- Туньбинай, 65
 Туручов, А. 20, 21, 25, 26, 30, 171
 Тушиету-хан 154, 187
 Түмен-хаган (Tümen haǵan) 177, 178
 Тянь-Цы 17
- Убасанца-чинг-тайджи (Ubasanca-cing-taiji)
 174
 Убаши-хун-тайджи 22, 132, 161, 163, 164, 167,
 168, 181, 182
 Угэдэй-каан, см. Öгедей-хан
 Уйуртай 110
 Унковский И. 28, 157, 176, 180
 Уртуғухай-онг (Urtuǵuxai-ong) 151
 Усов М. А. 39
 Успенский, В. М. 15, 23, 32, 128, 129
 Усун (Usun), 49, 50
- Ўне-Болад-онг (Üne-Bolad-ong) 152, 160, 174,
 175
- Фишер (Fischer, J. E.) 24, 139
 Фюстель де Куланж (Fustel de Coulan-
 ges) 14
- Хабул-ха'ан 51, 71, 72, 73, 80
 Хадах-Баатур 83
 Хаджиун-беки (Хажі'un-beki) 49, 117
 Хайду-хан, Хайду 64, 66, 74, 77
 Хангалов, М. Н. 25, 29, 32, 34, 78
 Ханыков, Н. 3
 Хара-Менггэту-Уха, см. Монггэту Уха
 Хасан (Asan) 35
 Хасар 89, 98, 100, 117, 143, 146, 151, 152, 153,
 156, 175, 181
 Хачиун, Хачиун-елчи (Хасі'un-elci) 58, 90, 98
 Хаши 88
 Хорилартай-мерген (Хорилartai-mergen)) 34
 Хоро-Хаджар-бахадур 60
 Хорчи 49, 80, 105, 108
 Хубилай-хан 6, 44, 47, 90, 91, 104, 127
 Худуга-беки, Хогуга-беки (Худуǵa-beki) 49, 84,
 108, 157
 Хуилдар, Хуилдар-сечен 40, 92, 97, 105, 108,
 109
 Хуйду 87
 Хулагу-хан (Hülegü) 6, 105, 106
 Хулан 98
 Хулу 60, 103
 Хунань 107
 Ху-Цзюнь 6
 Хурчахус-буирух 51
 Хутул-каан 38, 80, 81, 93

Хутухту-джурки (Хутухту-жүрки) 49, 71, 72
Хучар, Хучар-беки (Хусар-беки) 45, 49, 65, 80,
85
Хушаул 109

Цеван Рабтан 28
Цецен-хан (Сесен-хан) 140, 161
Цзя-Цин 21
Цянь-Лунь 10, 21

Чаадай (Чагатай) 43, 51, 52, 107
Чанай 110
Чан-Чунь 9, 13, 23, 35, 36, 37, 39, 40, 41, 43,
44, 45, 70, 71, 100, 115
Чарахай-линху (Jaraḡa lingum) 65, 74
Чахань-хоа 105
Черхес 104
Чжамуха (см. Джамуга)
Чжан-Де-хуй 9, 36, 41, 43, 44, 45, 58, 115,
119
Чжаоуредай 51
Чжао-Хун 9, 38, 75, 99, 105, 113, 116, 117, 119,
138, 141
Чжарчиудай 88
Чжебе, см. Джебе
Чжедай, см. Джедей-нойон
Чжелме, см. Джелме
Чжочи, см. Джочи

Чжурчэдай (Чжур-Чжудай) 92
Чжабкэ 88
Чилаун (Cila'un) 55
Чилаунь-Хайичи 88
Чилгэр 52
Чинбай 55
Чингис-хан *saere*
Чорух-бай Төмүр 141

Шариньон (Charignon) 126
Шаванн, Е. (Chavannes, E.) 13, 124, 127, 142
Шиги-хутуху, Шики-Хутуку 61, 97
Шмидт (Schmidt, I. J.) 16, 17, 127, 130, 155
Штернберг, Л. Я. 62
Шилемьнь-Тайцзы 92
Шира (Sira), 174
Ширатори, К. (Shiratori, K.) 145
Шотт 15
Шулер, Е. (Shueler, E.) 9

Щапов, А. П. 29

Эке-нойон 116
Энгельс, Ф. 46

Юк (Huc, E.) 27
Юл (Yule, H.) 11, 19, 44, 56, 105, 116, 120,
126, 141

4. Указатель монгольских терминов, данных в транскрипции

abai (abaxai) 144, 173
abaḡai 149
abishiḡ 184
aburin eme 48
adaq 166, 168
aḡa 139
alban 159, 164, 165, 166, 176
altan debter 6
altan uruḡ 99, 112, 115, 143, 144
alba-ügei 164
alban xubciḡur 164, 165
albatu 21, 159, 162, 163, 164, 165, 166, 168, 169,
172, 173, 175, 176, 178, 179, 185, 186
albatu-nar 159, 172, 175
anda 61, 62, 182
anju 166
arad 118, 158, 165, 168, 192
arban 104
arban xoyar Tümed 157
arḡal tegükü 164
axa 139, 159, 170, 174, 175

axalagci 139
axta ~ aḡta 38
axtaci ~ aḡtaci 38, 89
ayaḡa barixu 176
ayan aba 164
ayil 37, 54, 55, 101, 103, 136, 159, 170, 192
ayimaḡ 134, 136, 137, 138, 195
ba'atur, baḡatur 74, 92, 93, 95, 111, 138, 163
baḡa noyod 175, 176
baḡshi 184
bara'un ~ baragun ḡar 135, 143, 149
basar 129
beg 99
begi 50, 74
beiile 146
beki ~ biki 49, 50, 59
belciger ~ belci'er 112, 161
belge 56, 73
biceci 191
*bigi 50

- Bilig 10
 bilge 74
 boǵal 64
 boǵol ~ bōl 68, 69, 70, 72, 73, 82, 84, 91, 93,
 118, 165, 166, 185
 boǵol beri 166
 boǵolcūd 70, 72, 111
 bokō 74
 bōlōg irgen 66
 bōrte cina 53
 bosxaǵuli ~ bosxul 163
 buǵu 34
 būral āwa 51
 buyuruǵ 74

 caǵan tuǵ 145
 caǵān yasun 153
 cerbi 138
 ceriǵ 101
 ciǵulǵan ~ cūlǵan 151, 176
 cingsang 141, 144, 149, 156
 cola 183
 cōl 110

 dai-darxad 164
 daiibu 138, 139, 141, 144, 181
 daiibucin 138, 139
 daruǵa 140, 162, 166
 daruǵacin 100
 darxa 183, 185
 darxad 117, 164, 167, 168, 169
 darxan 69, 93, 117, 164
 dayisun 178
 degedū 139
 degelei-xuyaǵtu 167
 demci 140, 162
 döcin 135, 170
 Döcin Dörben xoyar 135, 177
 Döcin Mongǵol 157
 Dörben Oyirad 135, 157, 186
 dolōn xoshūn 133
 dumda ~ dunda kümün 167, 169
 du'ulǵatu 167
 düri-yin gü'ün 118, 120
 dürim 27, 139

 ebderel 178
 ebüge 46, 49, 50, 52, 60
 eciǵe 61, 138
 ejed 57, 78
 ejen 49, 54, 55, 98, 111, 112, 115, 116, 138, 139,
 155, 158, 159, 160, 163, 165, 166, 194, 196
 ejin xorō 41

 eke 61, 68, 138
 elci ~ ilci 58, 140, 163, 178, 180
 emci 184
 eme-bōl 166
 emegen 46
 eng-ün kümün 168, 169
 eng-ün yambu-tu 167
 eng-ün xaracu 163, 169
 Erkegüd 131
 erketen 163, 169
 esi-xatun 145

 ga'an, см. xa'an
 ǵan, см. xan
 ǵarǵaǵu, ǵarǵū 180
 gereci 164
 gergei ~ gergen 139
 ger-ün kümün 166, 169
 ǵoa maral 53
 ǵonjin ~ xonjin ~ ǵoncin 138, 144
 ǵurban yamutu ulā 178
 ǵünji 144
 güreged-te 48
 gürgen (см. kürgen)

 harbad-un noyad 106, 107
 hoyin irgen 33
 huja'ur 53, 78

 inaǵ 93, 162
 inje 56, 66, 68, 99
 inji ~ injü (inza) 100, 163
 iregül 182
 irgen 59, 79, 80, 97

 jad 52, 59, 60, 61, 62, 63, 65
 jaǵun ~ ja'un 104
 jaiisang (oǵpar. zayisang) 138, 139, 141, 144, 156
 jalaǵus 163
 jala'u ~ jalaǵu 68, 70, 72, 93, 118, 167
 jam 119, 128
 jarǵu 163
 jarliǵ 105, 179
 jasaǵ 10, 60, 139, 167, 176, 178, 179
 jasaǵul 140, 162
 jasaǵ-un noyad 179
 jayaǵaci 184
 jegün tümed 135
 je'un ~ jegün ǵar 135, 144, 149
 jige ~ zē 171
 jiǵuxu 183
 jinong 139, 143, 144
 jinong-xaǵan 154

jīn-vang ~ ong 143
jīrgūgan Monggōl 135
jīrgūgan tümen 132
jīrgūgan ulus 132
jōlig (оёпарек. doliq) 164
jōnong ~ jōnom 143
jūlma xonin 39
jūgeri 51
jūr 34

ke'er-ün irgen 33
keshig, kesig 119, 120, 163
kesigücin 163
keshigci 142
keshigtü 142
keyid-ün sakiğulein ~ sakiğcin 186
kitad 118, 165, 166, 167, 169, 193
kiya (оёпар. kā) 163
köbegün ~ köbe'ün 99, 104, 107, 111, 112, 115,
142, 165, 166
köteci 150, 159, 162
kötöci 185
kö'ün 61
kö'üd 70
küriḡen ~ küriyen ~ güriyen 37, 86
küriḡen ~ güriḡen 48, 107, 115, 117, 144, 146, 149
kümün ~ kümün 146, 165, 167
kümün-ügei noyad 176

lūbciten 169
lūbcitü 167

maḡu (mū) 168
medel 165, 166
medel boḡol 165, 166
medel köbegün 165
medeltü 165
mergen 74, 92, 138
mingḡala- 130
mingḡan 104, 108, 131, 132, 134
Monggōl 100
Monggōl ulus 98, 99
mörgükü 101, 106, 174, 176
muxali 118

naḡacu 171
nayman Caxar 157
nekün 118
noyad 70, 72, 82, 96, 120, 151, 166
noyad-un abiri 78
noyad-un keb-tü boluḡsan 155, 175, 183
noyan, noyon 69, 70, 74, 87, 92, 93, 95, 98, 104,
107, 110, 111, 112, 117, 158, 163, 167, 179, 181

noyan-ügei 164
nököd ~ nököd 75, 87, 90, 95, 96
nökör, nöbür 72, 73, 74, 76, 77, 86, 87, 88, 90
94, 112, 162, 163
nutuḡ ~ nuntux 43, 57, 58, 99, 100, 101, 111
114, 115, 138, 160, 161

oboḡ ~ obox (obaḡ) 34, 46, 47, 58, 59, 61, 62,
69, 71, 79, 82, 131, 137, 144
odeigin ~ odjigin 49, 54, 55, 98, 111
ong (см. vang)
ongḡud 184
ongliḡüd, ongniḡüd 138, 144
ordu 45, 138, 141
otaḡa 182
otoḡ 132, 133, 134, 136, 137

öcūken irgen 152
öcūken noyod 176
öcūken taiiji 175, 176
ögliḡe 185
öljiḡetei tergen 42
ömcī ~ öncī 139, 140, 162, 171
ömcī xubiyar-un 153
örbelge 182
örlüg 138
örökö 160
ös 53
ötöle boḡol 68, 70

panjaci 191

saḡu- (degere saḡu-) 125
sakiḡulsun 145
sang (оёпарек. shang) 186
sangjodba 186
sayid 138, 139, 141, 148, 163, 167, 168, 169
sayin kümün 167, 168, 169
secen 74, 138
sengün 74
shabi 185, 186, 187
shabinar 186
shangjodba 186
shidkül 48, 56
shi'ūsün ~ shūsün 113
shiülengge ~ shülengge 140, 162
shule- 140
shulexen ~ shulegen 140
sibegcin 118
sigecin 138
sigüsi 138
sigüsün 164
sixaḡa 163, 164, 171

- soyurxal 115
 su 125
 sultan 125
 sü (sür) 125, 145, 146
 sülde 145 (см. xara sülde)
 sülde senggenem 145
 sütü boğda ejen xagan 194
 sürüg 178
 sürügein 186

 tabunang 144, 155, 167, 168, 169, 173, 175
 taiiji 142, 143, 144, 145, 156, 175
 taiishi 74, 92, 93, 138, 141, 144, 146, 149, 156
 talaxu 174
 tamağa 58, 183
 tariyacin 115
 tengri 184
 tengri noyan 185
 tegin 74
 tergen (см. xara'utai tergen, xasağ tergen, öljige-tei tergen)
 toli 53
 tuğ 145 (см. xara tuğ)
 tuğci 182
 törgüd 48, 59
 törül 124
 törü-yin yeke xagan 155
 turğa'ud 90
 tümen 104, 105, 132, 133, 134, 135, 136, 154, 155, 157
 tümen-u ejen 158
 tüsigülügci 172, 173
 tüsikü 172
 tüsimel 139, 140, 162, 179

 uğ-tu noyan 164, 165
 ula'a, ulağa 119
 ulağa sigüsü, 164, 178
 ulus 59, 97, 98, 99, 100, 101, 111, 112, 115, 132, 133, 134, 136, 137, 154, 157, 159, 160, 161, 165, 166, 173
 ulus irgen 98
 umaq 71
 unağan boğol 64, 65, 66, 67, 68, 70, 73, 74, 75, 77, 78, 84, 85, 88, 89, 96, 98, 99, 103, 108, 118, 120
 urad ~ uracūd 115
 urux ~ uruğ 59, 60, 61, 62, 63, 65, 69, 70, 71, 72, 73, 75, 76, 77, 79, 92, 99, 144

 xa'an, ga'an, xa'an 72, 79, 81, 93, 111
 xabciğur 172

 xad 144, 145
 xad-un uruğud 158
 xagan 144, 149
 xagan'u sü-dür 100, 125
 Xalxa ulus 133
 Xalxa tümen 133
 xamjilğa 21
 xan ~ gan, xagan 81, 99, 182
 xana 170
 xan ijağurtu 50
 xandasu 20, 172
 xara bu'ura 39
 xaracu ~ xaraju, xaracūd 70, 78, 118, 146, 150, 158, 165, 166, 167, 168, 173
 xarağu 35
 xaraliğ 153, 158, 165
 xara kötöci 186
 xara kümün 168
 xaralig-un yeke ulus 158
 xara sülde 145, 182
 xara tuğ 174, 182
 xara'utai tergen 34, 41, 42
 xasağ (xasax) tergen 39, 41, 128
 xatun 74, 146
 xiyad 101
 xongğur 87
 xong-taiiji 143, 144, 156
 xorci 90
 xoriğ, xoriğul 112, 160
 xorin 170
 xoriya ~ xoruğa 128, 170
 xorō 128
 xoshigüci ~ xoshi'uci 138, 139
 xoshigun ~ xoshi'un ~ xoshün 133, 134, 167, 179, 195
 xoshigun-u ejen 158, 179
 xoshücin 163
 xosxe 193
 xota 171
 xoton 170, 171
 xubi 54, 102, 103, 111, 112, 115, 139, 140, 143, 144, 154, 157
 xubilğan 185
 xuda 48, 60
 xuriltai ~ xurultai 79, 99, 115
 xuvarag-un shabinar 186

 yadanggu gü'un 56
 yambu-tu 167, 168
 yambu-ügei 167, 168
 yasun 46, 47, 60, 132, 134, 137, 144
 yeke aba 129
 yeke mongğol ulus 85

yeke noyan 104, 116
yeke-ün genege 178
yeke ulus 98, 99, 132, 173
yesün költü çaḡa'an tuḡ 145

yurt 43, 57, 58, 68, 100, 101, 111

vang ~ ong 21, 124, 143, 144, 152, 153
vang-üd 176

5. Предметный указатель

Агнатный род 48, 49, 144
Агнатный принцип 1, 46, 58
*Аил¹ 37, 54, 57, 65, 67, 83, 86, 95, 103, 104, 114, 132, 133, 136, 159, 160, 170, 171, 192
Аильный способ кочевания 45, 46, 86, 110, 128, 130, 170
*Аймак 136, 137, 139, 140, 155, 156, 161, 170, 175, 179, 180, 186, 196
*Алба 164
*Албату 163, 164, 165, 169, 175, 180, 187, 193
Алтайцы 131, 170
*Аньда 108
Арабы 46
*Арат 159, 160, 162, 165, 166, 167
Аристократия 1, 2, 62, 74, 75, 77, 78, 82, 83, 84, 85, 86, 90, 99, 103, 107, 108, 111, 117, 118, 124, 141, 142, 144, 145, 147, 148, 149, 156, 158, 173, 184, 185, 187
Арриер-вассалы 100, 101, 104, 117, 144, 146
Арыки 45
Auxilium 119

*Багатур, баатур 75, 76, 87, 90, 96, 97, 103, 114
Беглецы 163, 172, 173, 180, 187
Бедняки, см. хара күмүн, en-gүн күмүн, тү, адаḡ
*Беки 49, 64, 70, 74, 95, 97, 98, 102, 105, 106, 107, 108, 116, 118, 131, 147, 148, 157
Белка 34, 35
Билики Чингиса 81, 94
Брак 162, 170, 171
Брачный сговор 39, 47, 56
Буддизм 172, 183, 184, 194, 196
Буддийская церковь 172, 184, 185, 186, 187, 196
Буддийские монастыри 130, 185, 186, 187, 190, 191, 196.
Буддийские монахи 18, 162, 165, 172, 178, 184, 185, 186, 187

Быки 39, 42, 193
*Ван 143, 153
Вдова 47, 55, 56, 76, 83, 97, 99, 105, 108, 171, 172, 173
Верблюд 35, 36, 39, 42, 87, 160, 166, 168, 169, 170, 173, 193
Военная добыча 113, 114
Вожди 74, 79, 80, 81, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 93, 94, 95, 96, 102, 103, 111, 112
Воины 73, 87, 91, 92, 93, 101, 102, 103, 104, 113, 115, 117, 118, 119, 125, 134, 136, 163, 181, 182, 186
Войлок 43, 55
Война 37, 40, 42, 44, 58, 61, 63, 64, 67, 68, 70, 72, 75, 79, 80, 81, 82, 85, 91, 93, 95, 101, 110, 124, 125, 127, 128, 130, 136, 140, 147, 149, 150, 151, 168, 172, 184, 185, 193, 195
Войско 37, 40, 55, 63, 72, 91, 94, 95, 101, 102, 104, 107, 108, 109, 111, 116, 119, 125, 126, 127, 130, 134, 135, 136, 148, 149, 157, 181
Волахв 50
Вольноотпущенники, см. darxad
Воспитание детей 183, 185
Выкуп 164

Гвардейцы 120, 121, 127, 141, 142 keshigci
Гвардия 96, 107, 119, 120, 141, 142, 148, 163 keshig
Гетеризм 192
Гонцы 92, 140, 163
Города 44, 115, 126, 127, 130, 134, 190, 191, 192
Границы Монголии 125

*Дайбу 141, 156, 168
Дадэй-лама 18, 154, 172, 186
Дань 152, 165, 182
Дархатство 167
*Дархаты, дарханы 113, 118, 138, 167, 169, 178, 179
Дворец 44, 130
„Девятки“ 166, 169
Демократическое движение (тенденции) 83, 84, 85
*Демчи 140

¹ Слова, отмеченные звездочкой *, даны и в указателе монгольских терминов в транскрипции.

Деньги 43, 44, 110
 Десятки 104, 106, 170 arban
 Десятник 75, 102, 107, 112, 118, 120 harbad-un
 поуап
 Джайсан 138
 *Джасак 179, 180
 Джебдзун-дамба-хутухту 186, 187, см. Ургин-
 ский хутухта
 *Джинонг 143, 144, 149, 150, 154, 156, 175, 176,
 179, 181, 194
 *Джинонг-хаган 175
 *Дзайсанг, см. зайсанг
 Древесный сок 34
 Дружина 75, 86, 90, 91, 95 pököč
 Дружинники 87, 90, 91, 94, 95, 107 pökör
 Дядя по матери 48, 171
 Désaveu 150

Желтая церковь 16, 18, см. буддийская цер-
 ковь
 Желтошапочники 165, 172, 183, 184
 Женщины 55, 56, 150
 Жертвоприношения 51, 52, 76

„Заводная“ лошадь 39, 75, 94
 Зайсанг 137, 139, 140, 141, 144, 146, 147, 148,
 155, 156, 168, 176, 179
 Здания 44
 Закрытая повозка 34
 Запретные места, заповедники 112, 160 xorig
 Землевладение 111, 112
 Земледелец 115, 189, 190 tariyacin
 Земледелие 45, 127, 190
 „Золотой род“ 16, 99, 100, 101, 103, 115, 123,
 124, 125, 141, 143, 145, 148 altan uruğ
 „Зять“ 48, 107, 115, 116, 117, 119, 144, 146,
 149, 167 kürgen ~ gürgen

Избавление от наказаний 88
 Извозный промысел 191
 Имунитет 116, 163, 177, 180, 187
 „Инвеститура“ великого хана 101, 105
 Интеллигенция 142
 Иранцы 131
 Ислам 126

Казак 3
 Казанские татары 124
 Калым 56, 165, 171
 Калымный скот 166
 Капитал 86, 110, 127, 130, 189, 190, 191
 Каракорумские надписи 127
 Касимовские татары 124

Кипчаки 126
 Киргизы 131
 Китайская арба 192
 Китайская Великая Стена 34
 Китайская культура 142
 Китайская литература 8
 Китайский император, см. хуанди
 Китайцы 42, 45, 53, 81, 128, 129, 142, 143, 148,
 151, 152, 190, 193
 Кладбище 112
 Клан 73, 82, 87, 91, 96, 97, 102, 104, 107, 108,
 109, 131, 132, 134, 135
 Когнатные отношения 48, 58
 Козы 36
 Конопля 45
 Конь 34, 36, 38, 39, 50, 54, 56, 62, 69, 80, 87,
 88, 90, 93, 95, 113, 114, 118, 120, 123, 124,
 129, 160, 162, 166, 168, 169, 170, 171, 179,
 182, 185, 193
 Контайша 156
 Конфискация имущества 178
 Кора березы 34
 Корова 36, 39, 92
 Кость, см. yasun
 Кочевые лавки 191
 Красношапочники 165
 Крепостные вассалы, см. unağan boğol
 Кузнецы 44, 78
 Культ Чингиса 17, 145
 Кумыс 67, 68, 123
 Купцы 35, 39, 43, 44, 110, 127, 190, 192
 Куренный способ кочеванья 38, 45, 86, 110
 *Курень 37, 45, 57, 65, 83, 86, 93, 95, 102,
 114, 128
 *Курилтаи, см. хурултаи
 Comitatus 87
 Consilium 119, 176

Ламы 178, 184, 185, 186, 187, 196
 Левират 47
 „Левое крыло“ 111, 135, 144, 148, 153, 179
 182 jегün ğar
 Ленное владение 103, 104, 106, 108, 115
 „Лесные“ 33, 34, 35, 41, 42, 45, 50, 57, 59, 66,
 68, 73, 86, 106, 110, 149
 Лошадь, см. конь
 Лыжи 43

Манджурские императоры 3, 21, 161, 193, 194,
 195, 196
 Манджуры 16, 17, 24, 130, 186, 188, 189, 192,
 194, 195, 196
 Масло 55

- Мелкие домовладельцы 191
 Мелкие торговцы 192
 Младший сын 49, 54, 55, 58, 98, 171, 173, *odcigin* ~ *odjigin*
 Многоженство 48, 173
 Молоко 34, 36, 38, 39, 67, 68, 113, 123, 126, 127
- Монгол 100
 Монгольская Народная Республика 1
 Монгольские надписи 19
 Монгольский язык 1, 11, 15, 142, 196
 Мука 35, 43, 45, 115
 „Мусульманская“ культура 126
 Мясо 34, 38, 39, 123
- Названные братья, см. *anda*
 Натуральная повинность 21, 113, 162, 164
 Натуральное хозяйство 43, 110, 114, 148, 158, 193
 Недвижимая городская собственность 190
 *Ноян, нойон 96, 97, 98, 99, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 127, 131, 141, 142, 147, 148, 153, 154, 155, 156, 159, 160, 162, 163, 166, 173, 175, 176, 179, 180, 184, 193, 196
 *Нукер 74, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 102, 103, 106, 107, 108, 110, 119, 120, 141, 155
 Нукерство 95
 *Нутук 111, 112, 137, 160, 161, 192
Nobilis 139
- Облавная охота 34, 38, 40, 43, 62, 65, 73, 79, 80, 81, 82, 83, 86, 92, 93, 94, 95, 105, 112, 113, 129, 164, 192
 Обычное право 22, 116
 Овцы 36, 39, 41, 114, 170, 185
 Огонь 60, 160
 Огороды 45
 „Ойратский союз“ 156
 Оммаж (*homagium*) 89, 101, 106, 174, 176 *mör-gükü*
 „Омок“ 131
 Онгоном 50
 „Онгу-Бугул“ 64
 Ополчение 38, 91, 92, 102, 133, 164
 Орда 45, 68, 98, 114
 Оседлое население 44, 100, 110, 114, 191
 *Оток 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 144, 148, 151, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 160, 161, 170, 175, 179, 180, 186, 193
 Охота 34, 35, 36, 39, 40, 41, 43, 76, 81, 94, 95, 110, 112, 129, 160, 161, 184, 189, 192
- Охранная стража 96, 102, 120
 Ондур-геген 187
- Пайдзы 105
 Пастбище 36, 43, 57, 113
 Пастбищная территория 47, 56, 58, 77, 110, 111, 112, 160
 Первая жена 48
 Первая Монгольская революция 37
 Печать 183 *tamağa*
 Печать Юаньских хаганов 193
 Побратимство 60, 75
 Повозка 39, 56, 67
 Подати 100, 115, 117, 140, 159, 162, 186
 Подводная повинность 119, 164, 169, 177, 178
 Подгородный оток селенгинских бурят 134
 Поединок 182 *iregöl*
 Поселения китайских торговцев 189
 Поселения ремесленников 44, 115, 127
 Поселения русских ремесленников 189
 Посланец 168, 169, 178
 Посол 58, 92
 Посольство 129
 Почтовая гоньба 164, 178
 Почтовая станция 119, 128
 Право убежища 187
 „Правое крыло“ 111, 131, 135, 143, 144, 148, 149, 153, 154, 159, 179, 182 *barağun ğar*
 Предок 46, 49, 52, 60, 137, *ebüge*
 Приданое 56, 66, 68, 163, 171, 172 *inji* ~ *inje* ~ *injü*
 Приемные дети 61
 „Присяга“ 80, 81, 82, 89, 90, 101, 163, 164, 171 *sixağa*
 Продовольственная повинность 113, 114
 Просо 115
 „Простой народ“, см. *хагасу, xaraliğ, arad*
 Протекторат 172
 Пшеница 45
- Раб 118, 119, 168, см. *ötöle boğol, ğala'u, kitad, medel, medel boğol*
 Рабский труд 119
 Рабство 127
 Реликвии Чингис-хана 141, 145
 Ремесленники 115, 119, 190, 191 *urad*
 Род, см. *oboğ* ~ *obox*
 Родовая месть 53, 54, 58, 172 *ös*
 Родовичи, см. *urug* ~ *urux*
 Родовой культ 2, 49, 51, 58, 124, 145
 Родственники по жене, см. *torgüd*
 Ружье 169, 192

- Рыболовство, рыбная ловля 34, 40, 44, 45
76, 92
Рынок 129, 130, 148, 152, 153, 189
- *Сайд 141, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 159, 161, 167, 168, 175, 176, 178, 182, 183, 186
- Саньбан 120
Сарты 131
Сбор податей 100
Сезонные рабочие 192
Сено 36, 191
Сеньер 65, 74, 95, 96, 104, 107, 111, 112, 113, 114, 115, 117, 125, 127, 138, 139, 140, 141, 144, 146, 147, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 171, 172, 173, 175, 176, 178, 179, 181, 182, 183, 186, 194, 195, 196
Сеок 131
Скот 35, 39, 40, 56, 58, 67, 76, 110, 113, 123, 125, 150, 159, 160, 162, 164, 166, 167, 169, 172, 173, 175, 180, 182, 183, 185, 188, 191, 192
Смертная казнь 104, 117
Соболь 34, 35, 78
Совершеннолетие 164
Согдийский язык 133
Соколиная охота 40
Соколы 41
Сопогребение 172, 173
Сотни 103, 104, 106, 107, 109, 116, 117, 120, 170 jaḡup
Сотник 83, 97, 102, 104, 105, 106, 108, 110, 111, 112, 116, 117, 118, 120, 127
Ставка 69, 81, 90, 93, 113, 117, 119, 138, 140, 161, 163, 164, 182, 183, 191
Ставка с реликвиями Чингис-хана 41, 145, 146
Стада 36, 37, 42, 68, 77, 81, 83, 91, 94, 113, 114, 118, 126, 129, 184
Стан 119, 128
Становище 36, 37, 45, 57, 61, 65, 66, 67, 68, 70, 92, 95, 98, 106, 110
Старшая жена 48, 53
Старший сын 51, 54, 58, 173
„Степные“ 33, 34, 35, 45
Стойбище 36, 37, 39, 48, 54, 57, 67, 68, 127 küriyen ~ gürriyen
Столица 44, 123
Суд 116, 163, 164, 176, 180
Судебники 20
Судья при ставках хана 117
*Султан 148
Съезды феодалов, см. ciḡulḡan
- Сюзерен 65, 70, 82, 101, 106, 108, 116, 136, 144, 150, 157, 159, 162, 164, 166, 174, 176, 178, 179, 181, 182, 183, 186, 187, 194, 195
Servus 159
- Табу 53
*Табунанг 144, 168, 169, 175, 176
Табун коней 36, 37, 38, 54, 62, 67, 68, 77, 81, 94, 160
Тавро 58
*Тайбу 138
*Тайджи 139, 143, 144, 146, 147, 149, 151, 152, 153, 154, 156, 168, 172, 173, 174, 175, 176, 179, 183, 194
*Тайши 97, 138, 139, 141, 144, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 154, 156, 157, 178, 181
*Тархан 50
Телега, 37, 41, 42, 45, 128, 192
Темилк 81, 104, 105, 106, 107, 108, 110, 113, 115, 116, 118, 141, 149
Тибетская литература 14
Топливо 164
Торговая 35, 43, 96, 127, 128, 129, 130, 152, 162, 184, 195
Торговые пути 35, 44, 127
Тотемизм 53
*Туманы 132, 133, 135, 136, 139, 144, 153, 154, 157, 158
*Тушимел 153
Тысяча 43, 60, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 116, 117, 119, 120, 130, 131, 132, 134, 135, 136, 141, 142, 148, 149, 157, 170 minggan
Тысячник 98, 102, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 115, 116, 117, 118, 120, 141, 142, 147, 149
Тюрки Восточного Туркестана 42, 131
Тьма 104, 105, 107, 111, 116, 117, 120, 132, 133, 135, 149, 154, 157 tümen
- Убийство детей 172, 173
Удел 55, 59, 97, 98, 99, 101, 102, 104, 107, 109, 111, 112, 114, 115, 130, 136, 139, 142, 143, 144, 148, 154, 155, 157, 166, 168, 173, 174, 175, 194
Узбеки 3
*Улус 66, 76, 82, 94, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 105, 109, 114, 115, 116, 120, 124, 125, 126, 128, 132, 135, 136, 138, 139, 144, 147, 148, 151, 154, 155, 157, 158, 161, 173, 193
*Умак 71
Умыкание 48

Ургинский хутухта 20, 177, 186, 187, 195
Усыновление 145

Феод (feodum) 103, 140, 142, 164, 171, 174,
175, 187, 195, 196
Fidelitas 101, 159, 165
Фратрия 137

***Хаан** 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 90, 92,
94, 95, 96, 97, 102, 103, 106, 112, 114, 119

***Хаган** 75, 144, 146, 147, 148, 149, 150, 151,
152, 153, 154, 158, 159, 172, 174, 176, 178,
181, 183, 184

***Хан** 64, 70, 80, 81, 82, 88, 99, 100, 101, 104,
105, 106, 107, 108, 109, 112, 113, 114, 115,
116, 117, 118, 119, 120, 123, 124, 125, 126,
141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149,
152, 154, 155, 156, 157, 158, 166, 174, 175,
178, 179, 185, 186, 194, 195

Ханша 56, 74, 146, 147, 160, 173

***Харачу** 118, 168

***Хатун** 56, 68, 176

***Хонг** 143

***Хонгтайджи** 153, 156

***Хонджин** 138

Хорезмийцы 131

***Хорон** 128

Хоронный способ кочеванья 128

***Хотоны** 37, 170, 171

Хотонный способ кочеванья 192

***Хошун** 2, 133, 134, 136, 138, 139, 145, 155,
158, 166, 168, 177, 179, 187, 193, 196

***Хошучи** 139, 141

Хуанди 123, 125, 126, 142, 194

***Хубилган** 186, 187

Хун 143

***Хурултай** 99, 100, 113, 119

Царевичи 84, 98, 99, 100, 101, 102, 104, 106,
107, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 119,

120, 124, 125, 126, 127, 130, 139, 140, 142,
143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 159,
160, 167, 173, 174, 176 köbegün

Чай 129

Черная кибитка (телега) 35, 37

Черное знамя 174, 182 хара туғ

Чернорабочие 190

Чингисханиды 44, 124, 125, 146, 147, 150, 151,
159, 167, 173, 174, 175, 176, 182, 183

Чяновники, см. jasağul, daruğa, demci, shiü-
lengge, elci, tüsimel

***Чинсанг** 141, 146, 150, 151, 156, 178

***Чирби** 138

Член рода, см. uruğ

Чужеродец, см. jad

***Шабь** 186, 187

Шалаш 34, 41

Шаманская олигархия 48

Шаманство 50, 59, 184

Шаманы 19, 78, 184

***Шандзотба** 186

Шерстомойки 192

Штраф 162, 164, 166, 167, 169, 171, 178, 179, 180

Экзогамия 1, 2, 46, 47, 58, 131, 132, 134

Юаньская династия 11, 13, 15, 23, 44, 123,
127, 130, 131, 138, 141, 142, 143, 145, 147,
150, 153, 157, 173, 193, 194

***Юрт** 36, 43, 45, 55, 57, 58, 96, 107, 111, 112, 115
Юрта 36, 37, 41, 42, 43, 54, 55, 56, 57, 67, 68,
69, 76, 92, 146, 151, 169, 171, 191

Якуты 137

Ярык 105

Яса, Ясак, Джасак 51, 53, 54, 56, 60, 89, 93,
113, 116, 119